

Кристина Юраш

Закон
ПОДЛОСТИ
гласит...

Все говорят, что я далеко пойду! Правда, направления указывают разные. В мире, куда я случайно попала, у меня есть работа моей мечты! Я — журналист самой честной газеты. И это совсем не нравится нынешнему магическому и не магическому правительству! Да, да! Тут две партии, которым я обоюдно не нравлюсь. Так что вместо Пулитцеровской премии, мне светит Премия Дарвина, поскольку с моим невезением нужно сидеть дома и не высовываться! А уж тем более не лезть в политику! Как известно, игры с властью ничем хорошим не заканчиваются. И портить чужую политическую карьеру в угоду правде — дело не просто неблагодарное, но еще и опасное! А после одной статейки мне намекнули, что не помешало бы извиниться. Как минимум. Но я — честный журналист. А честные журналисты никогда не извиняются!

Глава первая... чтобы о тебе все резко вспомнили, займись срочной работой

— «Жизнь» есть?

— Нет, жизнь кончилась.

(разговор с почтальоном)

Единственный мужчина в моем доме — это чайник. Я грею его, он согревает меня. У нас все взаимно. Правда, после уговоров уже бывшего супруга я променяла старый, проверенный и горячо любимый чайник, который долго нагревался на газовой плите, на «молодой», ультрамодный и сверхскоростной, электрический. «Молодой», зеленый и неопытный чайник порадовал меня скоростью и техникой, зато разочаровал запахом. Он заводился с пол-оборота, но и остывал за считанные минуты. Муж ушел, но я жалею только о чайнике, выброшенном дрожащей рукой в порыве малодушия. Немолодой, солидный чайник, который я любовно чистила каждые выходные, снова примерещился мне на плите на своем привычном месте. И вот уже закипает его преемник, распространяя запах аптеки по всей кухне. Закрыли носик и нос и начинаем наливать чай с легким привкусом вареной пластмассы.

Пять минут назад у моего бывшего мужа поднялся палец набрать мой номер. Он достаточно уверенно заявлял про то, что ему срочно нужна МОЯ стиралка, на что получил лаконичный ответ их трех букв. «Совместно нажитое имущество! Я тоже деньги давал на ее покупку!» — твердил он через каждое слово. Но я была спокойна, как удав в анабиозе, разглядывая магниты на холодильнике. Пока одни собирают магниты тех городов и стран, где они бывали, я собираю магниты тех городов, куда бы я поехала, если бы были деньги.

Опять звонит.

— Ты сегодня такой темпераментный, — язвительно заметила я, поправляя магнит с Эйфелевой башней. — Ты теперь всегда такой, или когда дело касается «совместно нажитого имущества»?

В моем арсенале был еще один ответ из трех букв, за который в детстве мне бы вымыли рот с мылом. Но я берегла его до третьего звонка.

«Брак. Туда и обратно» — вот примерно так стоило бы назвать эту годовалую эпопею. От нашего брака остались рожки да ложки. Рожки, наставленные мне. И набор ложек, подаренных его архищедрой мамой на свадьбу. Задержки мужа на работе обернулись задержкой у его бывшей одноклассницы, которую он узрел пятнадцать лет спустя на встрече выпускников. Раньше она просто туда не ходила, а тут опа! и пришла.

Вспомнив былые чувства, оторванные лямки портфеля, вырванные волосы и корявые признания в любви, нашкарябанные циркулем на парте, мой на тот момент еще муж погрузился сначала в воспоминания, а потом в пучину страсти. Хотя нет, страсть — это не про него. После того, как его безымянный палец украсило обручальное кольцо, он превратился в ленивца и сроднился с диваном настолько, что уже трудно было понять, где кончается супруг, а где начинается диван. Если вдруг в коридоре раздавались спешные шаги и шорканье, то следом должен был обязательно прозвучать утробный звук смыва. В жизни моего неверного благоверного было всего два развлечения. Одно — культурное и одно — спортивное. Культурным досугом можно считать просмотр любимых фильмов по десятому кругу, спортивным — накопительство алкогольной и безалкогольной жидкости, а потом

резкий старт в сторону туалета. И упаси бог, если я там мою руки или купаюсь!

Ни один совет с женских форумов не спас наш брак от неминуемого и вполне предсказуемого конца. Свекровь всегда интересовалась насущным вопросом: «А где внуки?», на что я пожимала плечам и говорила, что голубь ко мне не слетал, поэтому все претензии к нему и к аисту. И мой бывший муж должен каждый день кормить пернатых в благодарность за то, что ему не нужно платить алименты.

Только под конец брака я узнала, что его новая-старая любовь рассталась со своим темпераментным супругом, ибо для нее раз в полгода — это норма! Как там говорится? От каждого — по возможностям, каждому — по потребностям. Пасьянс сошелся, совет да диван!

Ладно, я что-то отвлеклась. Точнее, меня отвлекли. Сейчас мне нужно, чтобы на меня упал луч света, а завтра на стол редактору легли две статьи.

Я работаю журналистом в самой полезной газете на свете. Чем еще набивать мокрую обувь? На чем потрошить селедку или скумбрию? Что стелить коту в лоток в период острого финансового кризиса? Чем выстилать дно мусорного ведра за неимением пакетов? И это — далеко не исчерпывающий список пользы, которую приносит людям наше печатное издание. Я не говорю про защитное покрытие пола во время ремонта, средство гигиены в походных условиях и универсальный топливный элемент. Попугайчики и морские свинки рекомендуют! Так что если в вашем почтовом ящике случайно оказалась наша газета — не выбрасывайте! В хозяйстве пригодится!

— Думай, Аня, думай! — твердила я себе, расхаживая по кухне и страдая от мук творчества. — Ты уже сто тыщ таких статей написала! Тебе сложно родить еще две? Окунула мордочку в варенье и вперед, восхвалять двух представителей местной сферы услуг!

На столе стоял остывающий чай, а рядом валялась пачка из-под сухариков. Серость за окном напрочь выбивала из колеи, заставляя уныло созерцать подтеки дождя на запотевшем стекле.

Телефон заорал благим матом, высвечивая на экране незнакомый номер.

— Алле! А суки у вас остались? — поинтересовался женский голос. Я ответила, что всех породистых Йорков разобрали. Еще бы! Бесплатно! И тут же поставила себе в блокноте вторую палочку.

Это была идея главного редактора. Ей стало интересно, читают ли нашу газету, поэтому в приказном порядке от сотрудников требовалось придумать бесплатное объявление и указать свой номер телефона. Пока кто-то отдавал за шоколадку «славянский шкаф», я раздавала несуществующих йоркширских терьеров. Леша Вездесущий вообще выбрал «Найден кошелек с деньгами! Отдам владельцу!». Мне звонили уже целых два раза. За неделю. Так что два читателя у нас точно есть! Сейчас воодушевлюсь этим фактом и пойду писать! Кстати, хорошая мысль, после трех кружек чая!

Дайте-ка угадаю! В вашем населенном пункте тоже есть местная газета, и называется она.... так, не подсказывайте... эм... «Вечерний Волчегонск»? Нет? «Крыжопольская жизнь»? Тоже нет? Ну тогда «Слава Уюпинска». Тоже нет? «Мухосранская правда»? А есть там слова «труд», «передовик», «заря», «город», «вести», «известия»? Нет! Ну тогда я сдаюсь. Считайте, что вам повезло.

Статьи в нашу газету можно писать только под псевдонимом, чтобы легче было смотреть людям в глаза. Я, например, взяла себе псевдоним — Марина Листаева. Мне знакомые посоветовали. Из лучших побуждений. В противном случае мне пригрозили не

здороваться в людных местах.

Помимо меня в редакции работает дедушка Аркадий Спиридонович, который все статьи пишет от руки. Компьютер? Нет, не слышал. Пишет он мелким, убористым почерком про заседания местных советов и прочих органов власти. Опытный журналист. На заседания он не ходит, а просто звонит по телефону и скрипучим голосом требует протокол. «Девушка, Смольный!» Вот и вся работа. Аркадий Спиридонович начинает свои статьи с фразы «... числа, в... состоялось заседание...». И слово в слово переписывает протокол. Последний абзац наш правдоискатель всегда посвящает личному мнению. «Доколе, товарищи, мы будем терпеть это самоуправство!». Этот абзац всегда немилосердно вычеркивается главредом, после чего статья отправляется на «набор», а потом — в печать.

На правах специального корреспондента у нас обосновалась необъятная мадам Раиса Мудрая, которая считает своим долгом копировать из интернета и вставлять народные рецепты, житейские истории и несмешные анекдоты разной степени мохнатости. Сопровождает каждую статью обращение «дорогие мои», что гордо именуется «авторским стилем». «А сейчас, дорогие мои, я расскажу, как от запора поможет обычный огурец. Кстати, огурец — отличное средство от геморроя для мужчин, разглаживает морщины на лице и снимает нервозность у женщин». Однажды я поинтересовалась комплексным лечением всех проблем этим волшебным овощем и попросила указать правильную очередность «огурцовых» процедур по принципу «куда сначала его засовывать, и в какую сторону вертеть?», за что была предана анафеме.

Есть в нашей редакции — Леша Вездесущий, который специализируется по чрезвычайным ситуациям. Ни на какие пожары, взрывы бытового газа и аварии он, разумеется, не ездит. Информация поступает к нему астральным путем, причем он умеет преподносить ее так, словно только что вот этими самыми руками вынес котенка из горящего сарая. Леша периодически забывает пароль от «астрала» и требует, чтобы его написали крупными буквами на роутере. За глаза мы его называем «супермен», поскольку в каждой статье он обязательно указывает, какой вклад внес с ликвидацию последствий чрезвычайного происшествия. На авариях он вызывает скорую и гаи, на пожарах спасает домашнюю живность. Почти все его творчество начинается словами: «В этот день ничто не предвещало беды...».

Мне же достается реклама, праздники и мероприятия. Платят скудно, но стаж идет. А пока я стою на бирже копирайтинга, на жизнь мне кое-как хватает. Я мечтаю о том дне, когда в моей трудовой книжке будет стоять отметка, что я три года отработала журналистом. Официально. Как агент ФБР я буду раскрывать свою трудовую перед носом своего нового работодателя, стараясь максимально прикрыть пальцем название печатного издания. Есть у меня подозрение, что узнав, где я их заработала, работодатели предпочтут того, кто реально отмотал этот срок от звонка до звонка в местах вполне конкретных.

Редактор нашей газеты — одна бессменная и, кажется, бессмертная мадам, здоровая, как Лошадь Пржевальского, которую поставили на задние копыта и слегка приодели. Главный цензор, заслуженный штандартенфюрер от грамматики, помнящий еще времена, когда писали про «надой», «целину» и «передовиков производства».

Итак, вернемся к моим статьям. Эм... Пиццерия «У Ашота» или Салон Красоты «Ля мур». С чего начать? На счет пиццерии я не знаю, бог отвел, а вот с «Ля мур» мне пришлось познакомиться четыре месяца назад. Спокойно стричься в нем могут только бабушки, потому что им все равно надевать платок на голову. Резюмируя личный опыт, я с

уверенностью могу сказать, что лучше всего у них получаются две стрижки: «под горшок» и «тифозница». Но я же не могу это написать? Ладно, начнем с пиццерии.

«Съела шо-то у Ашота!» — навязчиво вертелся в голове заголовок. И тут же всплыло слово «дизентерия». Натурально всплыло. Запахло анонсом к гастрономическому триллеру. А если попробовать так? «Съешьте что-то у Ашота!». Уже лучше. Так, что мне тут написали? В программе... чего?.... «Танцы живота»? Пиццерия, она такая. Я уже писала про кафе «Сюрприз», про пирожочную «Бабушка», про ресторан «Самарканд». Как говорят старожилы: «лучшее место, где ты можешь приятно посидеть в нашем городе — скамеечка». Так что самый надежный способ уложить понравившуюся девушку в кровать — сводить ее в любую местную забегаловку. Опытные Казановы перед культурным походом обязательно заглядывают в аптеку, где на сдачу просят пачку активированного угля. Поэтому фраза, звучащая из уст мачо: «я тут живу недалеко!» всегда вызывает у неопытной дамы проблемски надежды и легкий оттенок радости, заставляя ее укорить шаг и согласиться на любые условия во избежание позора.

Мне кто-то звонит. Как же вы мне все дороги!

— Анна! С вами хочет поговорить наш ГЕНЕРАЛЬНЫЙ директор! — раздался надменный женский голос. Прямо интонационно выделила, что «генеральный», а ни какой-нибудь там, обычный. Генеральный? О Боже! А я в халате и тапках! Так, где мой галстук и официально-деловой тон?

— Да вы что творите! — раздался такой лай в трубку, что я от неожиданности вскочила со стула, перевернула кружку с чаем, перецепилась за зарядник от ноутбука и прилипла к стенке. — Вы совсем оборзели? После этой чертовой статьи по городу прокатилась волна слухов, что мы ничего не строим! К нам уже шестой клиент приходит, чтобы бабки забрать! Это как называется?

Строительная фирма «Nixera». ООО «Никсера» — это детище двух шабашников Коляна и Серого, которые вдруг решили работать официально. Не знаю, как на счет Коляна, но на том конце трубки был — Серый, а правильней сказать уже Сергей Владимирович — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР. О как! Сергей Владимирович точно уверен, что солидную контору кириллицей не называют. И какой-нибудь ООО «Недострой» — это банальщина. Чтобы почувствовать себя строительными магнатами до мозга костей, они скачали первый попавшийся стоковый логотип, к которому коряво прилепили свое латинское название.

В предыдущем номере как раз была статейка про эту самую строительную корпорацию из трех человек. Статью писать они мне не доверили, поэтому корпели над ней всем штатом. «Nixera не строит!» — так звучал заголовок. А первый абзац начинался словами: «Мы создаем шедевры!».

— Это был ваш заголовок! — огрызнулась я. — И вообще! Я предлагала вам другой, но вы отказались!

Я скинула вызов, глядя как лужа чая подбирается вплотную к ноутбуку. Я бросилась за салфетками, уронила ложку на пол, наклонилась за ложкой, стукнулась головой об угол стола. Вот так всегда!

Стоит мне хоть немного начать волноваться, как меня начинает преследовать невезенье. Неудачи преследуют меня постоянно, поэтому я даже привыкла к ним и перестала обращать внимание. Если у нормальных людей бутерброд просто шлепается маслом на пол, то у меня между столом и полом есть еще коленка и тапок. Так что там, где все просто вытирают, мне приходится отстирывать. Я снова бросила взгляд на свою стиральную машинку и вздохнула:

«Я не отдам тебя никому! Прощу любую твою вину! Протекший шланг и программы сбой. Мы неразлучны отныне с тобой!».

Да что это, в самом деле! Кто еще обо мне не вспомнил? Ну! Даю вам последний шанс позвонить мне или забыть обо мне до утра! Я не шучу! Я отключаю телефон! Все, отключила.

Я села за кухонный стол, развернула к себе ноутбук и уставилась в пустой документ с мигающим курсором. Я провела пятерней по волосам и откинулась на спинку стула, ритмично раскачиваясь. Засада. Ой! Мамочки! Чуть не упала! Слава богу, уцепилась за край стола. Курсор мигал, время тикало, вдохновение взяло отгул. Оно всегда чувствует, когда у меня большие творческие планы на вечер. В этот момент я чувствую себя маньяком, который насилует несчастную музу.

Если душа не лежит к работе, на нее всегда можно положить что-то другое. Чай кончился. Надо бы сходить в магазин. Заодно и проветрюсь. Я натянула штаны, футболку и куртку. Где-то поблизости раздались голоса. Я прислушалась. Да нет, показалось. Я стала искать второй ботинок, а потом обнаружила на подошве прилипшую жвачку. Так! Опять голоса. Мне кажется или...

Через секунду я поняла, что происходит что-то странное. Моя прихожая поплыла. Я дернула головой, а потом увидела, как вокруг меня все завертелось. Хлоп! Остановилось. Я тут же расчехлила свою подозрительность и стала недоверчиво оглядываться по сторонам. Старые отклеившиеся обои, деревянный пол, несколько картин на стене и какой-то круг под ногами. Но самое интересное, что за пределами круга кто-то был. Я попыталась разогнать рукой туман, но тут же послышался голос.

— О призванный дух! — прокашлялся мужской голос справа, шелестя бумажкой. — Внемли нам! Заклинаем великой силой!

Я озадаченно посмотрела по сторонам. Это мне?

— Я вас внимательно слушаю! — усмехнулась я, не до конца понимая, что происходит.

— Джеральд! Быстрее! Он сейчас сожрет нас! — раздался взволнованный голос. В дверь кто-то усердно ломился. — Может, позвать инквизицию? Или совет магов? Мамочки! Я не хочу умирать! Я слишком молод!

— Томас! Да они нас казнят на месте! — возмутился голос справа. На дверь кто-то явно налегал, что она бедная даже трещала. — А если не казнят, то посадят! Мы же не брали разрешение — не брали! Так что не дергайся, сейчас все будет нормально!

— Нормально? — проскулил левый, пока я пыталась развеять рукой туман. Мои ноги были намертво приклеены к полу. — У нас на полу валяется труп! В дверь ломится твоя научная работа! Мы погибли!

— И это говорит мой научный руководитель! — огрызнулся голос справа. — Заслуженный маг с ученой степенью!

Дверь снова захрустела! У меня было чувство, что в кармане у меня не сто рублей мелочью, а билет на «Титаник». Да что такое! Что происходит?

— Д-д-дух! Скажи нам наше будущее! — произнес взволнованный голос справа. Слушайте, да тут не надо быть гадалкой! За дверью явно кто-то есть. И этот кто-то хочет есть!

А вот теперь не мешало бы определиться, кто я? Александр Сергеевич Пушкин или матюкливый гномик, потому что я не знаю, как послать в стихах или просто, особо не церемонясь.

— Ждет вас дорога дальняя, — философски заметила я, вслушиваясь, как что-то упорно выносит дверь. — Но не в дом казенный.

— Отлично! — выдохнул с облегчением тот, что справа, — Мы выживем, и нас не посадят! А теперь дух выполняй наши желания! Заклинаю Ардалом. Конвенсур серебур авсендра!

И что? Если это названия успокоительных, то я бы тоже выпила пару капель за компанию. Уж больно мне не нравится шум в соседней комнате.

— Дух! У нас есть три желания! — прокашлялся тот, кто справа.

Я посмотрела на себя, но ни плавников, ни хвоста не увидела. Странно. Из золота на мне была только тоненькая цепочка с кулоном в виде буквы «А». Так что на золотую рыбку я явно не тяну! А на счет трех желаний.... Если до свадьбы у моего бывшего мужа было три желания, которые он озвучивал со страстью в голосе, анонсируя все прелести совместного досуга, то после свадьбы все три желания сводились к «поесть», «попить» и «отстань, тут самое интересное! Сейчас он их всех мочить будет! Да! Сейчас будет самый крутой момент! Нате! Получайте, козлы!»

— Я хочу, чтобы ты уничтожил то, что за дверью, воскресил Анабель, и никто ничего не узнал! Ах да, и чтобы я защитил научную работу! Конвенсур серебур авсендра!

Тут уже четыре желания!

— Заклинаю тебя Ардалом! Конвенсур серебур авсендра! Ты подчиняешь мне, дух! — добавил к вышеперечисленному голос справа. Голос слева поддакнул.

Я хотела открыть рот, как вдруг услышала крики. Что-то огромное, черное метнулось в мою сторону, разрывая завесу тумана. Я сразу же открыла кирпичный завод без регистрации юридического лица. Меня отбросило в сторону, и тут же все стихло.

Я прокашлялась от пыли, приподнялась на руках и увидела, как меркнет круг, нарисованный на полу. Неподалеку от него приходили в себя два незнакомых мне мужика. Рыжий, коротко стриженный, небольшого росточка и длинный, как шпала темноволосый с внушительным шнобелем.

— Томас! Ты живой? — спросил рыжий, откашливаясь и шаря руками по полу.

— Живо-о-Ой! — простонал длинный, вставая и опираясь на стену. Он проморгался, обвел взором комнату и увидел меня.

— Анабель? — спросил он, подслеповато щурясь. — Гляди, как похожа! Дух успел выполнить наши желания! Она снова жива! Нам ничего за это не будет! Джеральд! Ты меня слышишь!

— У меня уши заложило... — простонал рыжий, прикрывая мокрое пятно на штанах. Только пусть не говорит, что случайно разлил чай. Не поверю!

— Он исчез? — спросил длинный, отряхивая свой узорчатый жилет. Раз все стихло, то ответ был очевиден. Да, он исчез. Что-то или кто-то, я просто не в курсе, только что я так понимаю, отправилось в уездный город N, в запертую квартиру, где крушит все, что видит. А я сижу здесь. Отличная рокировка. Да и сон просто замечательный.

Пыль немного осела, и я увидела женское тело, с каштановыми волосами, сжимающее в руках какой-то планшет с бумагами. Неподалеку от ее окровавленных пальцев лежала странного вида ручка. Нижняя часть ручки смахивала на перьевую, а верхняя была прозрачной. Внутри четко был виден какой-то кристалл. Я присмотрелась к писанине, чтобы внести некоторую ясность в этот странный сон.

«... эксперимент. Джеральд Двейн — студент пятого курса, подающий большие

надежды, (нарисован какой-то цветочек и ромбик) Томас Линдер — преподаватель (кружочки следуют один за другим, словно кто-то расписывал ручку) и куратор. Тема диссертации (зачеркнуто), создание (снова зачеркнуто)... зверь подал признаки жиз... Агресси...»

— Ты кто такая? — спросил жердй, подходя ко мне поближе. — Отвечай немедленно!

Хороший вопрос! В свете последних событий — девочка по вызову по кличке «Золотая рыбка».

— А вы кто такие? — недружелюбно спросила я, обувая второй ботинок и завязывая шнурки.

— Нет, это ты отвечай на наш вопрос! Ты — дух Анабель? — спросил рыжий, разглядывая меня, — Хотя нет, она — не дух. Но до чего же похожа! Так, труп надо убрать! Развеем? Или...

— Ты что? С ума сошел! Сейчас сюда инквизиция примчится! Никаких «развеем»! Просто сожжем его и все! Круг надо стереть, чтобы никто не догадался... А что делать с этой я не знаю. Слушай, мне кажется, кто-то постучался в дверь! Живо! Давай все убирать! — занервничал жердь. В его руках появилось ведро с водой и тряпка. Он начал стирать меловой круг.

— Переодевайся! — заорал рыжий, кивая мне не труп. — Переодевайся! Я кому сказал! Сейчас нам всем тут будет плохо! У инквизиции разговор короткий! Быстро! Так, надо вытереть кровь, убрать клетку... Быстрее, чего смотришь! Они уже идут сюда! Соседи наверняка доложили о криках!

Я посмотрела на панику, потом на труп. Ступать на кривую дорожку мародерства мне не хотелось.

— Шевелись! — взмолился жердь, размазывая тряпкой по полу странные символы.

— Верните меня обратно! — потребовала я, глядя на мужскую версию Золушки.

— Не выйдет! — проскулил полотер. — Там теперь Боня!

Боня? Вот эта черная мохнатая тварь со светящимися глазами и оскаленной пастью — Боня? А полное имя Бонифаций? Какая прелесть. Меня чуть не сожрало чудовище неопределенного пола с нежным кошачьим именем Боня! Мне даже на том свете сознаваться было бы стыдно. Если бы другие жмурики меня спросили, как же меня так угораздило, я бы предпочла расписать героическую смерть от падения кирпича на голову.

— И что, Боня сейчас у меня дома? — осведомилась я, все еще не веря своим органам чувств.

— Да. Если дома кто-то есть — соболезную. А если нет, то он исчезнет через эм... полчаса! — ответил рыжий, осматриваясь по сторонам и сгребая какие-то бумаги.

Я подумала о том, сколько времени понадобится моему бывшему супругу, чтобы доехать до меня, позвякивая в кармане старой связкой ключей. Один замок я поменяла, но разве для него один чахлый замок — это преграда? Я не про мужа. Я про Боню. При мысли о том, что мой экс-благоверный всю нашу совместную жизнь тренировался быстро бегать с полным мочевым пузырем, я чуть не хихикнула. Он явно готовился к этому дню. Как пафосно говорил его любимый супергерой в конце каждого сезона: «однажды этот день настанет!»

Я вдохнула запах пыли, посмотрела по сторонам. Ничего не изменилось.

— А потом можно вернуться? — спросила я, прищурив глаза. — Ну когда Боня исчезнет?

— Нет... Уже все... Ты остаешься здесь. Закон равноценности. Третий, кажется,

параграф. — прокашлялся жердь, собирая на лбу все морщины. — При...эм... перемещении... эм... во временном...

— Позор! Позор! Мой научный руководитель не помнит закон равноценности! — закатил глаза рыжий. — Переодевайся, чего смотришь! Сейчас сюда нагрянет инквизиция! Я кому говорю! Томас! Стащи с журналистки одежду и дай ее этой! Авось никто не заметит!

Да, сон определенно интересный. Мне самой интересно, что будет дальше. Через десять минут мы сидели в пыльной гостиной, оформленной в лучших традициях романов Шарлотты Бронте и Джейн Остин. Я с маленькой кружечкой чая и в длинном синем платье чувствовала себя, если ни Джейн Эйр, то как минимум Элизабет Беннет. Мсье... Мне еще сахара! Хотя нет, я, скорее Алиса на безумном чаепитии. Труп был уничтожен, на столе лежал планшет, ручка и документы на имя некой Анабель Эрланс.

В дверь постучали. Причем не так, как нищие соседи с просьбой «занять до получки» или отсыпать соли в пустую солонку, а уверенно и судя по звуку ногами.

— Открывайте! — раздался голос откуда-то из коридора. Рыжий и жердь переглянулись. Я увидела, как кадык у жердя ходил туда-сюда, а фарфоровая кружка чуть не расплескала все содержимое на старый, утоптаный ковер. В итоге стук раздался снова, что еще сильнее встревожило рыжего. Он пошел открывать, обливаясь потом и почему-то икая.

Через секунду в комнате стояли крепкие ребята в черных мундирах со странными нашивками, в черных плащах с капюшонами. Лица у всех были закрыты черными масками, напоминающими оскаленный череп. Надо будет потом зарисовать это и отправить одному известному модельеру, чтобы он не парился над тем, какую форму придумать железнодорожникам, работникам почты и прочим «форменным сотрудникам». Я прямо представляю, как мирно трясусь в плацкарте на боковушке. Свет уже выключили. И тут ко мне склоняется проводница в черном, с маской смерти на лице и интересуется, не я ли спрашивала, когда будет станция Большие Рогалики? А потом не удивляйтесь, почему белье влажное! Санитарная зона? Поздно! Будут и рогалики, кренделечки, и даже козинаки. Нет, лучше всего предложить эту форму сотрудникам почты. Захожу я такая с конвертиком на почту, а тут из окошечка «Выдача пенсий, корреспонденции и оплата за коммунальные услуги» на меня смотрит ЭТО. С бейджиком на лацкане: «Мария Иванова». «Заказным с уведомлением?» — интересуется смерть. — «Опись делать?». Да! Именно последние два слова лучше всего охарактеризуют мое состояние в данный момент! Пенсионерам все равно, они — народ бывалый. Зато очередей будет меньше. Слабонервные сразу сольют и сольются.

— Инквизиция, — представился один из вошедших. — Соседи жаловались на крики. Мы осмотрим дом и побеседуем с вами. Всем оставаться на месте и предъявить документы.

Глава вторая... если везет, значит, скоро придется платить за проезд

Лучше горькая правда, чем сладкая ложь!

Редактор газеты «Горькая Правда»

Я с явным интересом наблюдала, как инквизиция перерывает бумаги, лежащие на столе, подозрительно вглядываясь в какие-то рисунки и откладывая их в сторону. Почему-то мне казалось, что нас втроем сразу потащат в сторону костра, пробубнят что-то ради приличия и очистки совести, а потом «Абдулла! Поджигай!». Где-то в памяти на кострище жарилась великая героиня Столетней войны. Запахло походной романтикой. Барды-битарды в шапочках-петушках и вязаных свитерах поют вокруг костра свои «трехаккордные» песенки на один мотив, едят тушенку и любуются звездами. Лепота...

— Разрешение от инквизиции? — протянул руку один из инквизиторов, глядя на какой-то листочек с рисунком и пояснениями.

— Так мы... это... это пока что теория... Мы даже не практиковались... — заблеял рыжий, с ужасом глядя на маску и на глаза, которые смотря сквозь прорези. — Мы пока что... эм... это гипотеза... Ну мы, конечно, будем добиваться разрешения! Если захотим ее...эм... доказать...

Инквизиция шуршала по всем углам, а мне это напомнило тот день, когда мой супруг собирал вещи. Где-то на том конце города моя свекровь и моя мама без устали набирали мой номер и твердили мне одно и то же. «Да, изменил! Мне муж всю жизнь изменял! И что? И что с того? Я с ним поговорю!», «Я говорила вам завести ребенка! Дети — укрепляют брак! Чем больше детей, тем лучше!», «Просто у сыночки возвышенная душа поэта! С кем не бывает! Со временем у него это пройдет. Я уверена!», «Нагуляется — вернется! Мой же Витенька возвращался?», «И что теперь о вас подумают! Чуть что — сразу разводится! И года вместе не прожили! Позор!».

Ждать, когда седина посеребрит виски неблаговерного и неблагонадежного, я не собиралась. Терпеть это безобразие до того момента, когда спешные шаги в уборную будут сопровождаться постукиванием палочки, мне тоже как-то не хотелось. Мысль о том, чтобы рожать наперегонки с соседской кошкой, дабы соседи рассказывали друг другу анекдоты о том, что однажды видели меня не беременной, меня угнетала.

Пока мальчик с «возвышенной душой поэта», но загребущими руками, прикидывал, во сколько ходок ему удастся вынести все более-менее ценное из квартиры, я молча сидела на диване и играла в «три в ряд». «За холодильником я еще вернусь, за стиралкой — тоже!» — бубнел он под нос «поэт», сваливая «добычу» в прихожей. С ноутбуком и сумкой, он спустился вниз, чтобы сгрузить все в такси. А когда поднялся, то увидел, что дверь закрыта на засов.

— Как там у нас? Один заход и «баиньки». Так что «и баиньки» отсюда! — ответила я и отключила звонок. Все, что не вынесла «душа поэта», я поставила на место. Правильно, надо было ходить в спортзал, а не отдавать подаренный мною абонемент своему младшему брату.

Инквизиция подошла к делу очень серьезно и обстоятельно. Они тщательно осматривали все стеллажи с книгами, перерывали небрежные стопки записей, нюхали содержимое каждого найденного пузырька и вели протокол.

И тут раздался крик, мол, все сюда! Я вздрогнула. С каждой секундой я понимала, что

настолько реалистичным сон быть не может. Но оставалась у меня слабая надежда на то, что сейчас я проснусь в своей кровати от звонка редактора и криков: «Где две статьи? Мне номер в печать отправлять!». Это был бы самый приятный нагоняй в моей жизни!

— Что это за круг? Где разрешение на эксперимент? — спросил один из незваных гостей, показывая пальцем в перчатке на полустертые очертания. Тощий, сглотнул, теребя пуговицу на жилетке. Рыжий тут же начал оправдываться, мол, ничего особенного, это просто — часть научной работы. Он постоянно поправлял ворот рубашки, словно тот его душит, и обливался потом.

— Два мага и один немаг, — произнес кто-то из инквизиции, разглядывая наши документы. — Я хочу побеседовать с немагом. Я так понимаю, что вы — журналист?

— Да! — смело ответила я, ничуть не соврамаши. Я, как журналист, больше привыкла брать интервью, чем давать его. Не настолько я знаменитость, чтобы щедро делиться с прессой пикантными фактами своей биографии. И не настолько скандальная, чтобы потом с пеной у рта опровергать их.

— И что вы здесь делаете? — спросил вышедший вперед инквизитор, глядя сначала в документы, а потом на меня.

— Пишу статью, — гордо ответила я, чувствуя, что если это — не сон, то тогда что это? Материалист во мне пожал плечами. — Про... эм... научное открытие... Мне как раз рассказывали о том, что это значит, и какую пользу принесет это открытие... всему человечеству...

— Всему оставшемуся человечеству, — с легкой усмешкой поправил меня инквизитор, пока другие шуршали книгами и проводили тщательный обыск. Он пристально посмотрел на круг. — И почему же соседи пожаловались на женский крик?

Отличный вопрос! Отчего может кричать женщина? Я посмотрела на рыжего, а потом на долговязого. Нет, они явно не те, от которых хочется кричать. Не настолько страшные, чтобы орать от ужаса, но и не настолько привлекательные, чтобы соседи сразу поняли, насколько я познала всю глубину научных открытий.

— От восторга! Это будет такой репортаж! Настоящая сенсация! — задорно ответила я, стараясь не смотреть на собеседника. Уж больно меня смущал его рост и эта черная маска.

— Вы всегда восторгаетесь истошными криками «Помогите!»? — поинтересовался инквизитор. Инквизиция с чувством юмора — это что-то новое. Я представила, как меня с «хиханьками и хаханьками» тащат к костру. А потом с «шутками и прибаутками» поджигают. А сценарий суда надо мной ляжет в основу выступления команды КВН.

— Пока я брала интервью у меня по ноге пробежала вот такая крыса! — я опустила голову, понимая, что нужно как-то оправдать чужие вопли. — А я ужасно боюсь крыс! Не знаю, откуда она взялась, но... фу!

— Вот протокол об административном правонарушении. Штраф оплатить в недельный срок. Три экземпляра, — произнес инквизитор, протягивая каждому из нас предписание. — На каждый день просрочки начисляется пеня. Так что будьте так любезны, оплатить вовремя. Всего хорошего!

Я посмотрела на сумму, пытаюсь понять, это много или мало? Инквизиция уже закрыла за собой дверь с той стороны. Отлично посидели. А кто платить будет? Или каждый сам за себя? Это именно тот случай, когда я настаиваю, чтобы за меня заплатили, потому что к предсмертным крикам и трупу я не имею никакого отношения!

— Сколько тебе впаяли? — задумчиво спросил рыжий, заглядывая в бумажку

долговязого. — Сто эрлингов! Мне пятьдесят! Ты им не понравился! Ладно, все не так страшно... Получу стипендию — отдам. Могли вообще казнить на месте! Отделались, считай, легким испугом. До сих пор не верится!

О да, вижу, что «легкий испуг» на штанах почти высох. Я смотрела на бумажку с чужим именем, пытаюсь разобрать незнакомый почерк.

— А пять тысяч — это слишком много? — задумчиво спросила я, прикидывая, как выглядят эти самые «эрлинги».

— Сколько? — хором переспросили горе-учитель и горе-ученик, наперебой вырывая у меня бумажку. — Не может быть! Ты смотри внимательней! О, Ардал! Действительно! Пять тысяч! За что?

— Эм... — озадачился горе-руководитель, почесав подбородок. — Я даже не знаю! Пять тысяч! Это же три моих зарплаты в лучшие времена, с учетом премии! Может, они просто ошиблись в количестве нулей?

Я еще раз посмотрела на предписание, подняла брови и задумалась. В такие моменты у меня перед глазами всегда появляется Штирлиц. «Валить надо!» — авторитетно произнес Штирлиц. «Кого?» — с усмешкой поинтересовалась я, осматриваясь по сторонам.

— Я не собираюсь платить никакие штрафы, пени и неустойки! — категорически сообщила я горе-магам. — У меня есть срочная работа... дома! Возвраща... Чего вы на меня так смотрите?

— Невозможно, — вздохнул Томас и покачал головой. — Тебе придется остаться здесь. Я уже объяснял. Слушай, Джеральд! Да это — сенсация! Мы только что... погоди... сейчас я осмыслю... Мы только что доказали недоказуемое, основываясь на законе равноценности! Представляешь? Теория Линдера — Двейна. Во всех учебниках!

— А почему твоя фамилия стоит перед моей? Почему не Двейна — Линдера? — возмутился рыжий. — Это была моя идея вызвать духа! Поэтому я настаиваю, чтобы моя фамилия стояла перед твоей. Только учти, научное открытие такого масштаба нам придется защищать на закрытом заседании в присутствии инквизиции! И есть вероятность, что мы с тобой под дружные аплодисменты отправимся в камеры, где проведем остаток своих дней. Я даже знаю, кто встанет, и будет хлопать громче всех.

— Нет, по-твоему, надо было брать тему «Улучшенное заклинание сохранения брусчатки в первозданном виде на долгие годы»? А потом каждый день бегать проверять заколдованный участок дороги. Помню, ночью возвращался домой и своими глазами видел, как Клевис скovyривает с обочины два камня, а потом воровато несет на «заколдованный участок». Сразу видно, что у него завтра защита. Так что хочешь порадовать инквизицию — знаешь, про что писать, — заметил Томас, разочарованно глядя на круг. Не видать магическому миру научной сенсации.

Я все еще находилась под впечатлением от штрафа, который мне впаяли. Ни за что! Пять тысяч!

— Так, возвращайте меня домой! — потребовала я, размахивая предписанием. — Я ничего оплачивать не собираюсь! Вы меня втянули в это, так что давайте возвращайте! Или платите за меня!

— Так, успокойся! — прокашлялся рыжий. — Мне очень жаль, что так вышло. Тебе придется остаться здесь. Мы... эм., подумаем, как тебе помочь, но просто, понимаешь... Пять тысяч это — очень много. У нас просто нет таких денег. У меня стипендия всего триста эрлингов. Но ты не волнуйся. Мы попробуем поговорить с канцлером от магии,

чтобы он как-то повлиял на ситуацию.

— Канцлер от магии? — переспросила я, закатывая глаза. Я ничего не знаю о мире, куда попала, а со мной разговаривают так, словно я провела лучшие годы своей биографии на этом конце географии.

— Этим миром правят канцлер от магии и канцлер от инквизиции. Ну, как бы тебе объяснить, — занервничал рыжий. — Канцлер от магии представляет интересы тех, кто владеет искусством, а канцлер от инквизиции...

Бедолагу передернуло от одного упоминания.

представляет интересы тех, кто не владеет или не хочет пользоваться искусством. Почему так сложно это объяснять? Томас! Давай, помогай мне! Ты же — преподаватель! — Джеральд дернул своего научного руководителя за рукав.

Томас вышел из состояния унылой фрустрации, и мне пришлось выслушать заученную лекцию про то, каких бы небывалых достига бы магия, если бы не инквизиция! О сколько чудных открытий, могло бы вдруг свершиться, если бы не «эти гады»! Да, разумеется, не все всегда идет гладко, бывают и ошибки, но каждая ошибка — это опыт, а опыт — это путь к великим свершениям. И пока неофиты бороздят просторы библиотек, а инквизиция внимательно читает и изучает все научные труды, прикидывая на какой срок тянет научное открытие...

Я зевнула, прикидывая, который час? В углу до сих пор мерещился труп некой Анабель Эрланс, чьи документы я сжимала в руках, и чей прах был в срочном порядке развеян по ветру во избежание крупных неприятностей.

— Мы проводим тебя домой! — заметил Томас, поглядывая на часы. Я присмотрелась — два часа дня. Хотя нет, постойте... Десять вечера! Просто здесь часы идут в другую сторону.

— Домой? — возмутилась я, окончательно теряя терпение и глядя на часы «наоборот». — Мой дом в другом мире!

— Анабель Эрланс живет... жила неподалеку. Если через портал, то всего в двух шагах. Она жила одна, — начал Джеральд, пряча глаза. — Мы даже удивились, когда она согласилась прийти сюда. Обычно она не выходит из дома, а тут... Понимаешь, она... ну... со странностями. Ни с кем не общалась, ни с кем не дружила, из дома почти не выходила. Она работала журналистом в «Горькой правде», но в редакции никогда не появлялась. Ну, она так говорила, когда мы с ней сегодня познакомились.

Рыжий теребил пуговицу, уставившись в пол. Томас сделал вид, что изучает плесень на стене. Я так понимаю, что теперь моя судьба никому не интересна и меня активно пытаются выставить за дверь.

— Понимаешь, чтобы защитить научную работу, нужны статьи, публикации, — продолжал Джеральд, заметно нервничая. — Не только научные. Мы хотели позвать кого-нибудь из «Магического Вестника», но они отказались, ссылаясь на то, что мы — никто и звать нас никак. Разумеется, журналистов из... эм... Томас, как там называется газетенка инквизиции? Ладно, неважно... Мы звать не стали.

У меня есть только вариант. Журнал «Огонек»? Оформляйте подписку на журнал «Огонек» и узнаете первыми, кого завтра сожгут на костре! Анонс сожжений и пыток на неделю! Сто процентов правдивые гороскопы для магов! Кроссворды для магов. Тому, кто прислал в редакцию правильные ответы — костер без очереди!

— Мы решили позвать кого-то из «Горькой правды». Газетка... эм... так себе. И вот в

ней работает... работала Анабель. — вздохнул рыжий. — Как-то так. Пойдем, тебе пора домой.

— Я планирую завтра пойти к вашим магазинам и потребовать, чтобы они вернули меня обратно! — категорически заявила я, глядя на горе-ученых с открытой неприязнью. — Или все рассказать инквизиции?

— Не вздумай! Тебя или сделают учебным пособием, или упекут за решетку! — покачал головой Томас, отдавая мне мой планшет, ручку и ключи от нового дома, которые Анабель Эрланс оставила на столе. — Мне действительно очень жаль, что так вышло...

— А если я сдам вас с потрохами? — коварно спросила я, чувствуя, как меня начинает колотить нервный озноб. Я уронила ручку, которая закатилась под кресло, наклонилась, чтобы ее нащарить, вытащила, стукнулась лбом о деревянную ручку кресла, выронила планшет, который рассыпался бумагами по всей комнате. В отчаянии я бросилась собирать чужие бумаги, перевернула одноногий столик, откуда скатилась фарфоровая чашечка с недопитым чаем. Все! Мое невезение отомстило по полной.

— Не надо! — заорали хором горе — ученые, глядя на то, как в считанные мгновения неидеальный порядок превращается в творческий бардак. — Мы поможем тебе решить твой вопрос со штрафом, только умоляем, не надо! Просто тогда особо разбираться не будут. И ты тоже пострадаешь!

Мы вышли на улицу. Было у меня такое ощущение, что я смотрю на старинную фотографию. Двухэтажные домики, выкрашенные в желтоватый или персиковый цвет, мостились вдоль проезжей части. Яркие фонари освещали одиноких прохожих и витрины закрытых магазинов. «Магические товары Эрнесто» — гласила надпись на ближайшем. «Самозакипающий чайник — мечта любой хозяйки! Абсолютно безопасен и надежен!» Я, сгорая от любопытства, подошла к стеклянной витрине, чтобы взглянуть на это чудо техники. Обычный, пузатый, чем-то похожий на мой старый, только с другой ручкой, блестел начищенным бочком в свете фонаря. На чайнике стояло какое-то клеймо «3/100», а на ручке висел ценник «5 эрлингов».

— А что значит «3/100»? — поинтересовалась я, показывая свои спутникам на это чудо магической техники.

— Три шанса из ста получить серьезное увечье при его использовании! — махнул рукой Джеральд. — Все магические предметы с недавних пор носят такое клеймо.

Отличная пропорция. «100» — для оптимистов, «3» — для пессимистов. Вот и решай, покупать или нет. Аплодирую стоя автору идеи.

— Наш мир держится на магии! — буркнул Томас. — Самоварка, самоуборщик и куча всяких очень полезных вещей были изобретены магазинами, чтобы облегчить жизнь каждого жителя. Но вместо того, чтобы от нас отвяжаться и дать нам спокойно жить и работать, инквизиция принимает тупые законы для «защиты»! Тормозят прогресс!

Пока они обсуждали все прелести «законотворчества», мы миновали три улицы. На улицах было на удивление чисто и ухожено, что для меня, привыкшей созерцать окурки и фантики вдоль дороги, отдирая жвачку и пиная летающий пакет, было вообще дико. «Не сорить! Штраф — 500 эрлингов или сорок часов исправительных работ!» — висела мотивирующая табличка. Я уже занесла руку, чтобы выбросить предписание, а потом прикинула, что лучше не надо. Финансовый кризис и так уже постиг меня в первые минуты моего пребывания в этом гостеприимном мире.

За углом послышался шум, словно там собралась целая толпа людей. Жители окрестных

домов высыпали на улицы и выглядывали из окон. В толпе мелькали черные плащи инквизиции.

— Все разойтись! — скомандовал кто-то. — Оцепить место! Тело не трогать до прибытия комиссии.

— Бедный... Наверняка жене нес... — охала какая-то женщина в синем платье, привставая на цыпочки, чтобы получше разглядеть происшествие. — Счастливая... Ей хоть цветы дарили!

— Нет, ну нормально его так размазало! — обсуждали мужчины в рабочей одежде. — Я как раз вчера говорил, что давненько никого порталом не разрывало! А тут на тебе!

— Безобразие! — скрипела какая-то старушенция, кутаясь в шаль. — Безобразие! Куда власть смотрит!

Мы протиснулись и увидели аккуратненькую верхнюю половинку какого-то усатого приличного одетого мужчины, сжимающего в руках букет цветов.

— Проверить карманы! Оцепить все порталы! — командовал кто-то из инквизиции. — Надо сообщить родным.

— Карманы на другой стороне! Сейчас сообщу, пусть проверят документы. — кивнул инквизитор, растворяясь в воздухе, а потом через минуту появляясь с портмоне. — Джей Беркли. Немаг. Сорок три года. Женат. Есть дети.

Рядом со мной стояла какая-то пожилая мадам и что-то усиленно записывала. Я заглянула ей через плечо. «В 10 часов 15 минут между шестой и восьмой секторально произошел сбой в работе портала. Согласно последним данным правила пользования безопасным порталом были грубейше нарушены. Пострадавший находился в нетрезвом состоянии. Судя по всему, он полз домой после попойки. Смерть наступила мгновенно. Согласно диалектическому принципу, на котором базируется закон Браунда...»

Дальше я читать не стала, ибо мозг стал закипать. Все мои попытки внять невнятному и объять необъятное успехом не завершились. Есть у меня подозрение, что мадам сейчас успешно защитит кандидатскую.

Рядом с ней стоял мужчина, который тоже что-то усиленно конспектировал. Я просто сгорала от профессионального любопытства. Немолодой журналист с закатанными рукавами, с омерзением смотрел на свою соседку, а потом на мертвое тело.

«В 10 часов 14 минут между восьмой и шестой секторально произошел несчастный случай! Магический портал, давно прославившийся своей ненадежностью, разорвал добропорядочного и законопослушного гражданин, почтенного отца семейства, образцового супруга — немага на две половины. Смерть была мучительной и долгой, бедняга корчился в муках, но никто не смог ему помочь. Согласно последнему закону «Про магическую безопасность»...

Дальше он еще не придумал. «Районы, порталы, жилые массивы! Я уйду на тот свет красиво!» — промелькнуло у меня в голове, глядя на букет цветов.

— Не может быть! — охала вдова пострадавшего, которую тут же доставили на место события. — Он должен был быть на работе! У него срочная работа! Что он здесь делает? И почему он с букетом? Ах! Он шел к Амелии! Да я ему этот букет брошу на могилу! Какой подлец! Ну конечно, она моложе...

Пока утешали и успокаивали новоиспеченную вдову, на месте трагедии материализовались какие-то люди. Заполнялся протокол, осматривалось место события. Толпа начала потихоньку расходиться по домам, обсуждая увиденное, и личную жизнь

потерпевшего, судя по намекам, далекую от статуса «примерный семьянин». Когда труп убрали, к месту трагедии подлетел какой-то невысокий пузатый мужичок планшетом.

— Опять не успел! Да что такое! — отдышался он, обмахиваясь планшетом. Толстяк стал приставать к очевидцам, но очевидцы отмахивались. Томас и Джеральд беседовали с кем-то из знакомых, громко смеясь и обсуждая произошедшее, поэтому в качестве главного очевидца была выбрана я.

— Вы были здесь? Как вас зовут? — прокашлялся толстяк, доставая ручку и приготовившись записывать мои слова. Он заглянул в мои бумаги и тут же перевел взгляд на мое лицо.

— Анабель Эрланс? Наконец-то я увидел тебя! Завтра статья должна быть у меня на столе! — обрадовался он, покусывая ручку. — Только, чтобы название было нормальным, а не как у тебя на четыре строчки! Емко, метко и в точку!

— Одна нога здесь, другая — там? — усмехнулась я, понимая, что худшего я и представить себе не могла. Интересно, я должна знать этого человека?

— Отличное название! Остро! Злободневно! Правдиво! Я тебя умоляю, только без твоей магической зауми на три страницы. Я тебе уже писал, что твои статьи никуда не годятся, особенно если в них куча научной информации. Мы — не «Магический Вестник»! Нет смысла расписывать принципы работы портала и переписывать отчет инквизиции! Ты вообще, читала мои письма? Ты должна писать так, словно ты беспристрастный наблюдатель. Мы — «Горькая Правда!», а не «Справедливость и закон»! — прокашлялся толстяк, оглядываясь по сторонам.

Я молча взяла ручку и на коленке изобразила статейку. Я ведь журналист? Мне как два пальца описать.

Одна нога здесь, другая — там!

Джей Беркли разрывался между женой и любовницей. Желудок манил его в сторону дома, откуда пахло ужином и семейным теплом, а сердце тянуло его туда, где его ждут с распростертыми объятиями и страстными поцелуями. В 10 вечера магический портал наконец-то поставил жирную кровавую точку в любовном треугольнике. Половина туловища осталось блюсти верность супруге, другая половина, с зажатыми в руке цветами почти добралась до дома своей возлюбленной. Не каждому удастся выбрать цветы для своих похорон, но г-н Беркли повезло. Нет ничего удивительного, если именно этот букет украсит его скромную могилку.

А.Э.

Я отдала статью редактору, поглядывая на место происшествия. Он пробежал ее глазами и с удивлением посмотрел на меня, любовно прижимая бумажку к груди:

— В утренний выпуск. На главную страницу! — восхитился он. — Анабель! Я беру свои слова обратно! Ведь можешь, когда хочешь! Почему ты раньше так не писала? С этого дня ты — специальный корреспондент! Завтра жду тебя в редакции! А вот, держи! Десять эрлингов за предыдущую статью про самонагревающийся чайник. Только я там половину повычеркивал. Считай, что почти все. Так что вознаграждение — скромное. За эту статью отдам завтра, когда ты наконец-то появишься в редакции!

В моих руках оказалось десять серебристых монет. На одной стороне была рука, объята пламенем, на другой стороне — череп. Прямо пиратский дублон. Я вспомнила про штраф в пять тысяч, посмотрела вознаграждение, которое не заслужила. «Ипотека — друг человека!» — улыбнулась приятная девушка из банка и протянула мне билет в один финансовый конец.

— Анабель! — окликнул меня Томас.

Портал не работал, поэтому домой пришлось ковылять пешком. За время путешествия я узнала, что сбежать в другой город или в другую страну у меня не выйдет. А все почему? Потому, что это — единственный уцелевший город после катастрофы столетней давности. Все остальное поглотили воды. Мне долго рассказывали про всякую магическую ерунду, покуда, мы не вышли на какую-то площадь. Дома на улице были один другого краше. Сразу видно, что это — небедный квартал. Портил вид только старый, серый дом, с заколоченными и выбитыми окнами, словно сошедший с хеллоуинских обоев. Ржавая, заросшая калитка была приоткрыта, старый почтовый ящик накренился к земле под тяжестью писем и каких-то квитанций. Я не удивлюсь, если это...

— Твой дом! — произнес рыжий, доставая из нагрудного кармана часы. Мне помахали, оставив меня напротив этого покосившегося монстра, который волею фотошопера — самоучки были вклеен между роскошными особняками.

— Если она пойдет к инквизиции или магам, ее сочтут больной! Даже не дергайся. — услышала я знакомые голоса, которые становились все глуше и глуше по мере удаления.

Я подошла к почтовому ящику, достала какое-то красивое письмо, распечатала его и прочитала: «Сообщаем вам, что ваш дом подлежит сносу за неподобающий внешний вид. У вас есть месяц, чтобы найти (приобрести) новое жилье. С ув. муниципалитет Шестой Секторали». Итак, что мы имеем? Долг в пять тысяч, дом под снос, незнакомый мир и знакомая работа. Вот такая горькая правда. Ах да, еще какие-то квитанции с долгом в восемьдесят тысяч. Анабель Эрланс! Есть у меня подозрение, что ты не особо сопротивлялась, когда тебя кушало чудовище! Или, как настоящая женщина, сопротивлялась, но только ради приличия.

Я открыла дверь и... обомлела! Передо мной висело привидение! Мама! Старая полупрозрачная бабка, подслеповато щурясь маленькими глазками, кутаясь в призрачную шаль, смотрела на меня, как Мюллер на Штирлица.

— А ну дыхни! — потребовала бабка, подлетая ко мне почти вплотную.

Я дыхнула. Бабка закачалась.

— Вроде не пила! Значит на свидание ходила? Да? Шлялась с мужиками! Позор! Приличные девушки должны сидеть дома! Не доросла еще до свиданий! Уууу! Глаза бы мои тебя не видели! — взвыла призрачная бабка, сурово сопя.

Я на всякий случай посмотрела, сколько мне лет. Тридцать. Анабель Эрланс было тридцать лет. Бабка тем временем исходила от негодования.

— А ну дыхни еще раз! — потребовала бабка, пока я пыталась нащарить ручку двери.

— Да как тебе не стыдно! Ты еще прощения попросить у меня должна за то, что сказала мне перед тем, как сбежать через окно! Бессовестная! Гулящая! Никуда тебя больше не отпущу! Ты меня слышишь! Дома будешь сидеть в своей комнате! Ишь ты, взяла моду, гулять без разрешения! Да еще и с мужиками, которые тебя спаивают!

Простите, что это сейчас было? Я попыталась открыть дверь, но дверь была наглухо закрыта.

— Марш в комнату! — приказала бабка, показывая рукой на старую лестницу.

Я поднялась наверх, толкнула первую попавшуюся дверь и увидела, что это — уборная. Оглянувшись по сторонам, я с наслаждением присела на старый, но чистый клозет, чувствуя, что если бы меня все-таки решили сжечь на костре, то внезапно отсыревший хворост пришлось бы поджигать повторно. Я потянула руку к бумажке, как вдруг из стены появилась

бабка, приводя меня в ужас.

— Ты с улицы пришла! — заорал призрак. — Руки не мыла, а уже в туалет побежала! А ну быстро иди мой руки! И чтоб это было в последний раз!

Дверь по соседству вела в ванную. Бедненько, но чистенько. Я повернула латунный кран и из крана потекла горячая вода. О да, сейчас бы искупаться. Я заткнула дырку деревянной пробкой, которая лежала полочке, посмотрела на какие-то пузырьки. Вода постепенно набиралась, пока я нетерпеливо снимала с себя чужое платье, бросая его на пол. Полотенце есть, мыло есть, какая-то ерунда типа шампуня есть. Отлично.

Я вылила какой-то флакон в воду, и она покраснела и покрылась обильной пеной. Раздевшись, я нырнула в ванну и закрыла глаза. Внезапно я почувствовала, как вся вода уходит, оставляя меня в мыльной пене. Я осмотрелась по сторонам и увидела призрачную бабку, которая сжимает в прозрачной руке пробку.

— Ты что себе удумала, Анабель! Воду надо экономить! Бери тазик и мойся! Только дорогое мыло не бери! Бери дешевое!

Я посмотрела на старый таз и обмылок на веревочке.

— Ишь ты! Думаешь, бабушка не видит? Бабушка все знает! И куньку мой с мылом! Три раза! А что это у тебя за панталоны такие? — бабка подняла с пола мои трусы, — Срамota! Позор! Так вот что ты от меня прятала! Точно. На свидание ходила! Все! Я тебя больше никуда не пущу! Будешь сидеть дома! Целее будешь! Нет покоя мне! Вырастила гулящую! Раненько тебя на мужчин потянуло!

Я стояла вся в мыльной пене и смотрела на себя в зеркало. Анабель Эрланс! Если раньше мне было тебя искренне жаль, то сейчас я за тебя искренне рада! Отмучилась, бедная. Я смыла с себя пену и завернулась в полотенце.

— Через десять минут ужинать! Вымой руки с мылом! Три раза! — приказала бабка, появляясь из стены. — Тщательно мой, между пальцами тоже! Показывай, как ты руки моешь! А то знаю я. Повозюкала мылом, а потом водичкой сполоснула! А потом полотенце грязное! И под ногтями мой!

Я посмотрела на бабку и произнесла:

— Я — не Анабель. Анабель сегодня погибла... Меня просто...

— Что ты врешь мне! Я что? Совсем слепая? А ну живо мой руки! Иначе спать будешь без ужина! Да куда ж ты так воду открываешь! Помаленьку! — возмутилась бабка, прикрывая кран до тех пор, пока из него не стала сочиться струйка, похожая на ниточку.

Я минут пять смывала мыльную пену, а потом просто вытерла руки об полотенце.

— И кто босыми ногами по холодному полу разгуливает! — не унимался призрак. Мои нервы и так были на пределе, Я повернулась к бабке и сказала:

— Пошла вон! Не трогай меня! Отстань от меня! Я — не Анабель! Ясно? Меня зовут Анна, и я — из другого мира!

Бабка посмотрела на меня, подслеповато щурясь, а потом выдала:

— И рот с мылом вымой! Три раза! Ишь, чего удумала! Родной бабушке грубить!

Глава третья... чем больше удовольствия приносит работа, тем меньше за нее платят!

Комната Анабель была очень скромной. Когда я говорила знакомым, что хочу уйти в монастырь, я имела в виду только шаолинский, а не в традиционный. Там я собиралась обучиться единоборствам, а потом вернуться и каждому, кто меня хоть раз обидел, продемонстрировать бросок воинственного тушканчика, боевую стойку сурриката и технику разъяренной землеройки. Просто с моим ростом метр пятьдесят четыре даже стиль тигра будет выглядеть, как пантомима к мультфильму «Кто сказал «мяу»?

Кровать, задвинутая в угол, книжная полка с потертыми переплетами, небольшой столик, шкаф с одеждой и бельем, скрипучий стул — вот, собственно, и весь интерьер. Старые обои, которые слезали со стены, как кожа с отдыхающих на курорте, небольшое открытое настежь окно, и альбом на столе. Я открыла первую страницу и увидела очень красивый рисунок. Он и она. Девушка была прорисована детально. Мне показалось, что это — автопортрет. Ее возлюбленный тоже был очень детализирован. По возрасту он приятно застрял где-то между: «я люблю тебя, первая встречная богиня!» и «вчера был у доктора, доктор сказал, что седину на висках еще можно закрасить, а вот чтобы извлечь беса из ребра понадобится операция». Я листнула альбом и снова увидела знакомые черты лица. Надо отдать должное художнице, поскольку картинки были действительно очень реалистичными. Я нетерпеливо перелистнула страницу, но остальные листы были вырваны. Жаль.

От такого симпатичного «идеала», я бы и сама не отказалась. Что уж тут говорить! Чтобы отогнать приятное наваждение, я в таких случаях сразу представляю, как "идеал" шоркает тапками по полу и скрупулёзно вылавливает из борща капусту, терпеливо развешивая ее по ободку тарелки, как новогоднюю гирлянду. А все потому, что у него с детства «плоскостопия» для армии, а в журнале двадцатилетней давности «Не до жиру были бы живы!», который прорабатывала его мама, была огромная заметка о вреде белокочанной капусты для «плоскостопиков». А теперь представим, как он просвечивает большим пальцем сквозь дырку в любимых носках, любуясь тем, как круто и сексуально выглядит вся эта картина с учетом вьетнамок. Эти носки потом всю ночь стоят в почетном карауле вдоль стеночки возле кровати, источая аромат давненько почившего кота. Все попытки отобрать их и бросить в стирку заканчивались скандалом, ибо «любимые» и «я их почти ни разу не носил!».

А вот «идеал» забивает гвоздь с мучительными криками: «Ой, мля! Неси аптечку! Истекаю кровью!», а ты стоишь рядом с молотком, гвоздями всех размеров, с плоскогубцами, йодом и бинтами, которых хватит, чтобы спасти от кровопотери целый батальон. «Подержи гвоздь!», «Поддай плоскогубцы!», «Подержи молоток!», «Подержи меня!», «Посмотри, ровно или нет?». Не попустило? Странно! А если попробовать так?

У меня рабочая температура — тридцать восемь. То есть я, закинувшись таблетками, вполне могу стирать, готовить, убирать, ходить на работу. Но стоит его потной подмышке нагреть термометр до тридцати семи, как во всех углах ему начинает мерещиться костлявая. И вот уже почившие родственники протягивают к нему свои окоченевшие руки. А если — тридцать восемь, то утка под кроватью, теплый чай с лимоном каждые пятнадцать минут, таблеточки и компресс на лбу. А я просто обязана стоять со скорбным взглядом у изголовья его ложа, готовая в любой момент вызвать санавиацию и реанимобиль. И чтобы во взгляде

читалось: «На кого ты меня покидаешь, родимый!». А потом звонит его мама и начинает знакомить мои уши с итальянской кухней, рассказывая, что вязаные носки с горчицей — лучшее средство от поноса, красный перец лечит от геморроя за одно вкручивание, а все таблетки — химия одна и нечего травить ею «сыночку»! И если я последую ее советам, то завтра он будет «как огурчик»! Ага, зеленый, холодный, молчаливый, с пупырышками.

Все! Тьфу-тьфу-тьфу! Попустило.

Это на картинках они — красавцы-мужчины, а в жизни... Ладно, не будем высмеивать мечты тридцатилетней, незамужней, покойной, я так понимаю, еще девушки, незнакомой с волшебным словом «бытовуха». «Ты еще мужских носков не нюхала!» — с презрением скажет любая разведёнка наивной новобрачной, питающей иллюзии относительно предстоящей семейной жизни. «Носки любимого не пахнут!» — заметит счастливая невеста, с обожанием глядя на будущего мужа. И в чем-то будет права. Мужские носки — это детектор семейной жизни. Когда вонь от носков становится невыносимой — пора снимать обручальное кольцо!

На стене висела карта. Я сорвала листок и внимательно рассмотрела очертания местности. Весь город напоминал часы. Двенадцать делений, двенадцать районов, которые, здесь почему-то называют секторали. Где-то в самом центре, откуда берут начало стрелки, размещается какое-то внушительное здание, судя по всему правительственное.

Я молча залезла под одеяло, опустилась головой на чужую подушку и закрыла глаза.

— А ну быстро руки убрала из-под одеяла! Я кому сказала! — раздался суровый голос, выглянувшей из стены бабки. — Приличные девушки никогда не засовывают руки под одеяло!

— А приличные бабушки, — с тяжелым вздохом заметила я, — мечтают о правнуках.

— Приличные девушки выходят замуж не целованными! — проскрипела бабка, поправляя призрачную шаль на своих сгорбленных плечах, накинутую поверх старой ночной сорочки.

— А потом разводятся потому, что муж целоваться не умеет! — огрызнулась я, закатывая глаза.

— Приличная девушка никогда не разведется с мужем! — возразила бабка. — Приличная девушка выходит замуж один раз и навсегда.

Самочка богомола только подавилась головой своего очередного. Мы с ней переглянулись. Ее взгляд меня успокоил. Для кого-то «раз», а для кого-то «навсегда».

— А как они знакомятся со своим «раз и навсегда»? — ехидно спросила я.

— Твой дедушка проходил мимо и увидел меня в окне! После этого он зашел в дом и попросил моих родителей моей руки! — гордо ответила бабка, явно вспоминая свою давно ушедшую молодость и давно прошедшую жизнь.

Отлично! Так мы и сделаем! Представьте себе облезлый фасад, дырявую крышу и меня, нечесаную, в одной белой ночной рубашке, стоящую возле окна, положив руку на треснутое стекло. Где ты, мой благоверный и не слабонервный? Я что? Зря стою на сквозняке, изображая призрак дома на холме? «Женись на мне!» — инфернальным голосом шепчу я симпатичным прохожим. Я не знаю, есть ли здесь подобие скорой помощи, но чувствую, что дорогу к моему дому реанимационная бригада будет знать наизусть. А особо симпатичным я буду улыбаться, как фотографу на паспорт. Думаю, чтобы привлечь внимание нужно издавать какие-то звуки, например, взять в руки нож и нежно водить им по стеклу...

— Что-то очередь женихов не стоит, — съязвила я, поглядывая на треснутый потолок и

поскрипывая кроватью.

— Молодая еще о женихах думать! — отрезала бабка, недовольно сопя и глядя на меня.

«Ты ж как в песне у цыган, э-э-эх, молодая!». Господи, если я помню такие песни, то мне точно пора искать работу, с которой меня торжественно проводят на пенсию. Еще немного, еще чуть-чуть и на пороге появится какой-нибудь дедушка, который придет просить не мою руку, а валидол под язык. Да... «Любовь настигла их как инфаркт миокарда, подкравшись незаметно, как старческое слабоумие!»

— Все, дай мне поспать! — отмахнулась я, закрываясь подушкой. Бабка вроде бы отстала.

Я проснулась от вопроса: «Ты — девственница?». Однажды я просыпалась от такого вопроса, правда, его задавал не скрипучий, как несмазанная телега голос бабки. Я почему-то уверена, что ситуация на этом фронте за ночь не изменится, поэтому вполне логично отложить чистосердечное признание хотя бы до рассвета.

— Это обязательно выяснять сейчас? — угрюмо поинтересовалась я, откашливаясь и проводя рукой по спутанным волосам, пытаюсь отогнать от себя обрывки сумбурного сновидения.

— Я вот хожу, мучаюсь. А вдруг ты — не девушка уже? — подозрительно заметил призрак. — Вдруг ты уже опозорила семью? И теперь по городу сплетни ходят, что Анабель Эрланс — гулящая? Запятнала честь семьи! Добропорядочность — вот залог успешного замужества! Как говорила моя матушка, если девушка скромна и добропорядочна, то...

— Бабка, — протянула я, глядя на нее, — хочешь свежий повод для стопроцентного инфаркта? Через месяц дом снесут. Долгов у нас на почти сто тысяч этих, как его... эрлингов! Так что «девичья честь» тебя должна волновать в последнюю очередь!

Еще неделя таких ночных допросов и на предложение «пойдем ко мне, посмотрим рыбок, а утром я сделаю тебе кофе в постель», будет воспринято мною с явным интересом. «Я медленно взбиваю подушку, расправляю простынку на мягком матрасе, а потом с наслаждением закутываю тебя в одеяло и оставляю в покое на сутки!» — вот что должен сказать мне мой идеальный мужчина, перед тем, как задернуть шторы и выключить свет. А если он даст мне возможность принять ванну, я буду смотреть на него, как на божество.

— Значит, будем еще сильнее экономить! — категорично постановила бабка.

— Смывать раз в неделю в туалете? — сардонически усмехнулась я, уткнувшись лицом в подушку.

— А мы как смываем? — возмутился призрак, раскачиваясь надо мной. — Чего ты отворачиваешься? Поговори с бабушкой! Бабушке не спится!

Я накрылась одеялом с головой и сделала вид, что сдохла. Я постаралась представить себя Тутанхамоном, скрестив руки на груди. Потом поняла, что неудобно и вытянула их по швам. Теперь я — Ленин. Через минуту я свернулась в позу «мама, роди меня обратно!», накрыв голову подушкой. Бабка все не унималась, рассказывая, как и на чем мы должны экономить. Идея о том, что можно больше зарабатывать, ее призрачную голову не посещала. Потом я выслушала лекцию о целомудрии... Да ей надо гастролировать вместе с социальными службами по школам! Потом все плавно перетекло в инструкцию для новобрачной и вечер воспоминаний.

—вот выйдешь замуж, приласкает тебя супруг. Ты смотри не вздумай ему отвечать на ласки, чтобы он не подумал, что ты — развратница! Лежать нужно ровно. Глаза должны быть закрыты. Можешь смотреть в потолок, но ни в коем случае не на мужа. И ни вздумай

шевелиться. А не то подумает, что ты уже с кем-то была. Утром он должен убедиться, что он у тебя первый, — поучала бабка, нависая надо мной. — Никогда не смотри, как муж раздевается. И никогда не пускай его в постель к себе чаще раза в месяц. Иначе подумает, что ты — сладострастница. Спать супруги должны раздельно. В разных комнатах. Когда супруг будет проситься к тебе — не пускай! Пускать его нужно до того момента, пока не родятся дети...

Я представила, как лежу трупиком со стеклянными глазами. Руки — по швам. Стойкий оловянный солдатик готов к труду и обороне. А по мне как таракан ползает дятел — муж, утоляя свою пернатую страсть. Чувствую, что прикола ради, я бы еще язык вывалила и глаза закатила. Есть вероятность, что в один прекрасный день его ждет приятный сюрприз. Еще бы! Уснуть дятлом на бревне, а проснуться заслуженным некрофилом. Отлично! Мертвая бабка — птичка — мозгоклюйка, муж — дятел-некрофил, а я — страус. Да за полчаса тишины я готова продать дьяволу душу и тушу. Торг уместен, если что!

Бабка бубнила, а я уже не вникала в тонкости идеальной «семейной» жизни. Я вызверилась на нее пару раз, за что получила свежую порцию нравоучений. Обидчивостью бабка не страдала, поэтому самозабвенно продолжила меня поучать.

Черт! Такое чувство, будто спишь со включенным ноутбуком. Ненавижу спать под мерцание экрана и предсмертные вопли разной степени продолжительности. А бывший без ноутбука уснуть не мог. Я просыпалась в три часа ночи от того, что на экране кто-то кого-то жрал под душераздирающую музыку или кто-то от кого-то отстреливался. «Беги! Я тебя прикрою!» — орал истошный голос в разгар перестрелки. А потом такой «Быдыщ!». «Стреляй! Стреляй!» — подначивал кто-то на экране, а я прикидывала, где бы разжиться пистолетом. Одного патрона мне вполне хватит. Я же в упор?

— Зачем ты выключила? — раздавалось сонное бормотание. — Я смотрю... И громкость добавь. Ничего не слышно! Перемотай на то место, где чувак в белом говорит чуваку с автоматом...

Я накрывалась одеялом с головой, закрывала голову подушкой, вставляла в уши заглушки и думала о том, что в случае, если нервы не выдержат, буду просить судью, чтобы меня определили в одиночную камеру. Матрасная тишина в матросской тишине. Никакие скандалы, никакие ультиматумы, никакие уговоры не спасали ситуацию. Однокомнатная квартира, а что вы хотели?

Теперь я понимаю, к чему меня готовила жизнь. Я сосредоточилась и уснула. Была у меня надежда, что я проснусь дома под задорный будильник, но вместо будильника прозвучал знакомый скрипучий голос бабки.

— Вставай, лежебока! Завтрак на столе! — заявила бабка, появляясь из стены. Я тут же представила, как вся семья ожидала ее безвременной кончины, а потом склонилась над гробом, не скрывая слез радости, а тут из стены раздается скрипучее: «Не дождетесь!»

Я открыла шкаф, выпустив целую стаю моли, и решила изучить гардероб. Темносинее платье, черное платье, темно — серое платье, темно-зеленое платье и коричневое платье. Все! А что вы хотели? Какая жизнь, такой и гардероб. Я вытащила коричневое платье, влезла в него и посмотрела в треснувшее зеркало, откусывая торчащую из растрепанного манжета нитку. Платье застегивалось под горло и подметало пол. Я выдвинула нижнюю челюсть вперед, собрала волосы на манер старинной прически институтки. «Джейн, Джейн Эйр!» — поздоровалась я со своим отражением, вспоминая старый фильм. Потом я померяла черное платье. «Скарлетт О'Хара! Кто еще хочет, чтобы я стала его вдовой?» — я попыталась

стервозно изогнуть бровь. В итоге я остановила свой выбор на черном платье, потому, что на темно — зеленом была проеденная дыра, а на сером не хватало пуговиц. На черном, кстати, тоже была дыра на груди, но поменьше. Недолго думая, я отколола потускневшую брошку с невзрачным камнем с коричневого платья и приколола ее на манер значка, чтобы хоть как-то прикрыть дырку. «Пионер! Шагает по планете!».

Я спустилась вниз и увидела тарелку с какой-то зловонной юшкой.

— Супчик! — гордо представила бабка свой кулинарный шедевр. — Позавчерашний. Прокис немного, но ничего! Чего кривишься? Все полезно, что в рот полезло! А ну быстро садись за стол! Руки мыла?

— Так! — возмутилась я, — Где нормальные продукты?

— Они же еще не испортились! А ну положила на место свежий хлеб! Ешь тот, который зачерствел! — заорала бабка, — Ишь ты! Как начнут портиться, так и приготовим! Марш мыть руки!

— Сейчас помою, — кротко заметила я, давясь хлебом, спешно поднимаясь наверх, возвращаясь в свою комнату и хватая со стола планшет и ручку. Я молча сгребла мелочь, полученную вчера и сбежала по ступенькам вниз.

— Куда намылилась? — спросил призрак, уперев руки в боки, преграждая мне дорогу.

— На работу! — отрезала я, криво усмехаясь. — Деньги зарабатывать!

— Надо меньше тратить! Приличные девушки не работают! — возмутилась бабка. — Позоришь семью! Я не работала! Мать твоя не работала! Знаю я, чем девушки зарабатывают на жизнь!

Я пошла напролом, как танк, пытаюсь открыть дверь.

— Не пуцу! Сиди дома — целее будешь! — верещала бабка. Я прошла сквозь нее, покрутила ручку и поняла, что заперто. Так, не надо из меня делать цепную собаку, единственным развлечением для которой являются пилюли разной степени болючести.

Я поднялась в «свою» комнату, открыла окно под душераздирающие вопли бабки, встала на карниз и пошла вдоль него, цепляясь руками за старые доски. С крыши я перелезла на сухое дерево, где благополучно порвала юбку. Подойдя к почтовому ящику, я перерыла все письма, чтобы узнать адрес редакции. Вот! Нашла. Отлично. Седьмая сектораль. Ладно попробую сориентироваться на местности. План был прост. Я работаю, как Папа Карло, зарабатываю деньги, снимаю комнату. Пока я снимаю комнату — ищу экзорциста. Может, объявление дать в газету?

А пока что я просто хочу поесть, как чайка. Да что там, как чайка? Как прожорливый, наглый и злобный баклан. Остановившись у первого попавшегося магазинчика, я зашла и купила какой-то пирожок, который тут же съела, запивая предложенным чаем. Мой кошелек полегчал на три эрлинга, зато желудок блаженно заурчал. Счастье в жизни есть! Желательно вкусно и регулярно!

Прилавок с газетами на углу меня удивил. «Горькая правда» почти закончилась, зато осталось две почти нетронутых стопки сладкой лжи. Вчерашнее происшествие обсуждали все, кому не лень, смакуя детали и одобрительно отзываясь об авторе статьи, который не постеснялся рассказать правду. Краем уха я слышала новые подробности личной жизни погибшего, узнав так же адреса «заведений», посещаемых им с периодичностью раз в неделю за счет семейного бюджета.

Редакцию я нашла быстро. Наверное, потому, что рядом с ней раздавались крики. Возле красивой вывески «Горькая правда» собралась целая траурная процессия. Не хватало только

гроба и оркестра, а так все были в сборе.

— Где этот А.Э.? — орали они, пиная дверь. — Где этот А.Э.? Говорите сейчас же! Так оклеветать почтенного человека! Примерного семьянина! Да как у него язык повернулся?

Больше всех орала вдова покойного, размахивая газетой:

— Да как он посмел! Бессовестный журналюга! Мы напишем жалобу инквизиции, и вас прикроют! Да сжечь вас на костре надо за такие статейки!

Когда тебя в порядке коллективной вендетты разыскивают, выкрикивая ругательства, сразу захотелось прикинуться шлангом и залечь на дно. Я стояла в сторонке, делая вид, что изучаю витрину с одеждой, которая мне была явно не по карману, внимательно следя за отражением на стекле.

Толпа поорала и отправилась дальше оплакивать усопшего, а я подошла к двери, воровато оглянувшись и тихонько постучала. Через секунду дверь открылась, и появилось пухлое и отдутловатое лицо главного редактора.

— Анабель! — обрадовался он, оглядываясь по сторонам. — Проходи! Тут как раз приходили по поводу твоей статьи! Так, сколько я тебе за нее должен? Двадцать эрлингов! Проходи, только быстро!

Я прошмыгнула в маленькую каморку, где был стул, стол и стопка свежего выпуска, с главной страницы которой на меня смотрела моя писанина.

— У нас тут недавно беда случилась, — вздохнул главред, протягивая мне деньги. — Погиб специальный корреспондент. Так что, как я уже говорил, ты теперь у нас — главный журналист! И пока что — единственный.

— А как, простите, погиб? — поинтересовалась я, разглядывая потертые обои и кучу бумаг на столе.

— Дом ночью подожгли. Виновных так и не нашли. Но я не думаю, что это как-то связано с той статьей про неудачный магический эксперимент. Второй журналист у нас на больничном. Его позавчера избили неизвестные. Он себя чувствует намного лучше. Хотя писать репортажи одной рукой, думаю, он не согласится. Ну и бегать на одной ноге он тоже, вряд ли, сможет. Я уверен, что это никак не связано с его профессиональной деятельностью! — утешил меня редактор. — Ты готова приступить к работе? Нам нужны горячие сенсации и жареные факты!

А обугленный журналист вам не нужен? Нет? Мне костер категорически противопоказан районным терапевтом. Точно так же, как и лежащий режим с ножом в спине на холодной брусчатке в темном переулке.

После такого начала, я повертела в руках свой «пионерский значок», понимая, что пока «пионеры всегда готовы», честные журналисты мрут, как мухи. Интересно, а можно накладывать проклятия по инициалам? Это я просто так интересуюсь. Из врожденной мнительности и мстительности. Пессимист тут же потребовал узнать, будет ли редакция оплачивать мои похороны в случае чего, и насколько торжественными они будут. То, что на них соберется весь город, я не сомневаюсь. Главное, чтобы гроб был водонепроницаемым, потому что плевать на мою могилу будут до тех пор, пока во рту не пересохнет.

Зато оптимист радостно потер руки. «Аня! Ты всегда мечтала стать известным журналистом! Писать правду без купюр! Это тебе не репортаж про рекордный надой парнокопытных, включая быка, в деревне Муркина Жопа. И не хвалебная статья про топорный завод в славном городе Кукуево, выпускающего много лет подряд нетонущую

продукцию! Давай, соглашайся!»

Реалист — побирушка молча протянул ладошку. «Господа! Я не ел три дня! И не спал неделю!» — простонал он, жалобно заглядывая в глаза прохожим.

— Хорошо, — вздохнула я, перебирая в руках деньги. — Я согласна.

— Значит так! Оплата за каждую заметку. Сегодня я краем уха слышал, что в полдень на первой секторали будет презентация нового приспособления для стрижки, а в шесть вечера пройдет внеочередное заседание канцлеров. Повестка дня не разглашается, но ты должна быть там обязательно. Твои статьи пойдут в завтрашний выпуск! Вперед!

— А можно разместить объявление? — спросила я. — Мне требуются услуги того, кто может изгнать привидение!

— Конечно! — обрадовался редактор, записывая мой адрес, который я подсмотрела на письме. — С тебя три эрлинга! У нас как раз между некрологами есть местечко. Усопшие к усопшим! Вот, держи сегодняшний номер! И твое удостоверение. Без него на заседание тебя не пустят!

До первой секторали я добралась пешком. Магический портал меня, если честно, очень смущал. На путешествие ушло два часа. Я стала искать нужный дом, где проходит презентация «чудо-техники». Узнать его было несложно. Вокруг него толпился народ. Даже из соседней парикмахерской прибежали все, кому не лень, чтобы посмотреть на изобретение. Протиснувшись среди желающих убедиться своими глазами, до чего дошел прогресс, я увидела семью. Он, она и трое разновозрастных и разнополых детей. То, что это — семья у меня не возникло сомнений, поскольку у них у всех была одна стрижка под «бобика» разной степени лишаиности и плешивости. На столике стоял черный ящик, на который «изобретатель» взирал с любовью и обожанием, супруга с надеждой, а дети с ужасом.

— Итак! Дамы и господа! Я — Винсент Вангот рад представить вам новое изобретение «Стрижка на дому!» — взволнованным голосом произнес изобретатель, показывая на черный ящик и почесывая частично отрезанное ухо. — С ним вы забудете о цирюльнях, сэкономите уйму эрлингов, и всегда будете выглядеть отлично! Смею заметить, что изобретение уже прошло испытание, поэтому абсолютно безопасно!

В углу стоял корреспондент «Справедливость и закон», зато журналистки «Магического Вестника» я пока не наблюдаю.

— Мне нужен желающий, чтобы я продемонстрировал возможности моего изобретения! — изобретатель обвел взглядом толпу, которая начала подозревать, что в отсутствии левого уха у всей семьи виновата явно не генетика.

— Не бойтесь! В нем нет никакой магии! Чистая механика! — подбодрил «Пьер Безухов», вставляя в черный ящик ручку, похожую на ту, которой заводили старый драндулет. — Кто хочет бесплатную стрижку? Вот вы! Молодой человек! Не бойтесь, подходите! Бесплатно!

Все провожали бедно одетого «добровольца», как на фронт, сгорая от любопытства. А вот и журналист «Магического вестника», с гаденькой улыбочкой строчит статейку на коленке, спрятавшись за спинами зрителей.

Ящик водрузили на голову испытателю, а изобретатель стал вращать ручку, как шарманщик. Внезапно ручку заклинило. Из коробочки раздались крики боли. Все затаили дыхание, предчувствуя худшее. По лбу изобретателя скатилась блестящая капля пота. Он попытался провернуть еще раз ручку, но тщетно. Он стал вертеть ее в другую сторону. Через

пять минут на нас смотрел брутальный ежик с поцарапанным ухом, рассерженно сопя, глядя в зеркало. Кое-где еще оставались длинные волосы, да так, что Горлум влюбленно заметил: «моя прелес-с-сть!».

— И сколько будет стоять это чудо техники? — поинтересовалась я, подняв руку.

— Пятсот эрлингов! — гордо заметил изобретатель, вытряхивая остатки волос из ящика. — Если покрутить рычажок можно изменить длину стрижки.

Разочарованная толпа начала расходится. Я быстро написала задорную заметку под заголовком «Дорого и очень больно», которая начиналась словами «Ах, какая невезуха, если вдруг состригло ухо!».

Довольная собой, я села на ближайшую скамейку читать газету, в которой работаю. «Сдаю комнату приличной семье НЕМАГОВ! Оплата — 500 эрлингов в месяц! Восьмая сектораль». «Пожилая женщина сдаст комнату НЕМАГУ за 600 эрлингов». «Сдам комнату МАГУ. 400 эрлингов. НЕМАГАМ просьба не беспокоить! Есть обширная научная библиотека и лаборатория!»

Да, с такими заработками, как у меня мне светит только: «Шарик, подвинься!». Неподалеку от меня пресловутый бродячий песик изображал рок-гитариста, щедро делаясь с миром блохами, намекая мне на пока что единственный доступный для меня вариант решения жилищного вопроса.

На первой странице, кроме моей заметки, была вполне нейтральная статья про почтовый ящик, который отгрызает руку по локоть тем, кто любит воровать чужие письма, а чуть ниже была едкая и гаденькая статейка про ужасные дороги пятой секторали, под названием «Куда смотрит Магистрат пятой секторали? Уж явно не под ноги!».

Я снова открыла газету и погрузилась в чтение статьи о том, как некий маг из высшего эшелона умудрился во время аттестации отправить на тот свет пять человек по одной путевке «все включено». За это он тут же был арестован инквизицией, и теперь решается его судьба. Была заметка про цены в некоторых магазинах, вполне хвалебная статья про «кружку, которая не позволяет чаю остывать». На третьей странице располагалась статья о том, что «инквизиция» по ошибке арестовала какого-то гражданина по подозрению в хранении незаконных артефактов, а потом слегка извинилась, вручая труп родственникам. Была небольшая, но гневная заметка в адрес какого-то целителя из Второй секторали, который прилаживая оторванные пальцы какого-то гражданина на место, случайно перепутал их местами. Так что у бедняги теперь две руки — правые. Целитель, у которого в срочном порядке взяли короткое интервью, ошибку не признает, заявляя, что так оно и было!

Время приближалось к восьми... Тьфу ты, никак не привыкну. К четырем! Мне еще надо успеть на заседание. Я свернула газету, отряхнула платье и двинулась в сторону возвышающегося здания правительства. Правительственный квартал был чист, как после субботника, на который вывели все школы района.

Меня дотошно обыскивали на входе, не смотря на то, что я тыкала в лицо каждому свое новое удостоверение. За эти двадцать минут, пока меня обыскивали и осматривали, с меня не сняли разве что флюорографию и не взяли мазок на флору.

В итоге проверяющие смиростивились и пропустили меня в гулкий холл, ведущий в сторону огромного круглого зала, откуда раздавались возмущенные голоса.

Зрителей было немного. Маги были уже в сборе. Их предводитель, молодой темноволосый маг переговаривался с кем-то из своего окружения, бросая гневные взгляды на пустое кресло по ту сторону круглого стола. Он единственный, кто сидел, остальные

стояли сусликами вокруг него в почетном карауле. Неподалеку от основной группы поддержки разместилась изнывающая журналистка «Магического вестника», нетерпеливо, покусывая ручку. Часы, висящие в воздухе, показывали без пяти минут шесть.

— Да как он посмел! — кипятился какой-то престарелый мужчина в дорогом сюртуке, закатывая глаза. — Мой сын ни в чем не виноват! Я требую, чтобы его выпустили из тюрьмы! Я не собираюсь стоять в стороне! Учтите! Если вы, многоуважаемый канцлер, сейчас же не примите меры по освобождению моего сына, то я покину свой пост ректора Академии! Это возмутительно!

Черноволосый кивал, сплетая пальцы и нетерпеливо постукивая ногой в черном сапоге.

— Вам не кажется, что они слишком многое себе позволяют! — возмущался старик, поглядывая на часы. — Наказание явно не заслуженное! Я требую справедливости! Мы собрали всей Академией подписи на то, чтобы взять Марко на поруки. Да, во время аттестации произошел несчастный случай, но это не повод упекать моего мальчика за решетку на пять лет! Пять лет! Я согласен на домашний арест, но никак не на пятилетнее заключение! Канцлер! Я требую справедливости! Пусть наказание будет символическим.

Кто-то из магов достал стопку бумаги и положил на стол.

— Это все жалобы на инквизицию за неделю! — отрапортовал маг, поправляя съезжающую стопку. Да, нормально им прищемили волшебную палочку. Хотя, за пять трупов отделаться символическим нагоняем, дружеским «а-та-та» и «простите, пожалуйста, я больше не буду!», тоже не вариант. А вдруг парнишка войдет во вкус, с каждым днем облегчая жизнь работникам переписи населения? Я очевидцем данного инцидента не была, но инквизиция, на мой взгляд, была очень доброй, гуманной и, не побоюсь этого слова, нежной, по отношению к представителю местной золотой молодежи, взявшему на себя великую миссию по борьбе с возможным перенаселением.

Большая стрелка подошла к двенадцати, дверь открылась и вошла черная процессия. Она встала полумесяцем. Кресло, я так понимаю канцлера от инквизиции, пустовало. Дверь снова открылась, и в сопровождении охраны вошел... тот, кого я видела в альбоме Анабель и кому сегодня утром мысленно примерила дырявые носки.

Глава четвертая... мужчина, который светит, не греет. Мужчина, который греет, не светит!

— Какой дурак это написал? Где вы вычитали такой бред?

— Вы, уважаемый профессор. Страница номер...

(Разговор преподавателя с пока еще студентом)

Я смотрю, как в гулкой тишине инквизитор идет к своему месту. Не бойким шагом сачкующего марафонца — опоздунa, и не походкой терминатора, с обрезом наперевес, а твердым, уверенным и спокойным начальственным шагом, будучи сто процентов уверен — без него не начнут. По саванне шел лев, поглядывая в сторону антилоп и прикидывая, кого бы отбить от стада и сожрать под акацией в знойный африканский полдень. На героя моего романа был черный редингот, украшенный сверкающими драгоценными пуговицами, тонкая серебряная цепочка с небольшим украшением, черные штаны и сапоги. Одет он был скромно, по сравнению с оппонентами, которые из-за обилия всяких драгоценностей напоминали цыганский табор.

Я несведуща в магических нюансах, но смею предположить, что у каждого уважающего себя мага высшего эшелона должно быть как минимум три амулета на все случаи жизни. От порчи, от сглаза и прочей заразы. Особо продвинутые имели на шее штук восемь — десять висюлек. «Лучше висюлька на шее, чем в штанах!» — свидетельствовал красноречивый взгляд какого-то сгорбленного под весом медальонов и амулетов старца бороздящего взглядом бывалого обольстителя декольте всех дам из магической делегации. Такое чувство, что они собрались «мочить» высоколелевого босса. Причем одна половина будет его отвлекать, а другая — с криками подкрадываться с тыла.

Честно, если бы не рисунки в альбоме Анабель, я бы так пристально не приглядывалась к канцлеру от инквизиции. А теперь мне самой стало интересно, почему именно он? Объект девичьих грез не был ни сверкающим блондином со слащавой и приторной, как леденец, внешностью сказочного принца, ни жгучим брюнетом — роковым красавцем с легким привкусом неземной страсти, жарких комплиментов и мадеры. Такой типаж рекламирует в глянцевых журналах дорогие часы, машины, портмоне и туалетную воду для тех, кто сидит и думает, куда бы еще потратить пару миллиончиков. Нет, конечно, я не ожидала увидеть довольную ухмылку под трехдневной щетиной, прическу «пальцы — лучшая расческа» и подмышки в ореоле мокрых пятен пота. Я скорее настроилась на облезлого фанатика — невротика с запавшими от бессонных ночей глазами, теребящего закладки в книгах «Как быстро и болезненно отправить на тот свет еретиков», «Изошренные попытки для начинающих» и «Пособие для организатора крестовых походов. Том второй. Возьмите лучших из худших!».

Я бы дала ему эм... лет под сорок. Тридцать восемь.... Тридцать девять... А он, судя по взгляду, дал бы мне лет пять. Не условно. Волосы у героя моего романа были длинные русые, слегка посеребренные сединой на висках. Красивый профиль с прямым ровным носом вызывал у меня эстетическое наслаждение. Извините, но для меня мужской нос — это важная деталь. Не люблю расквашенные «картошечки», зазорные «трамплинчики», «кнопочки с веснушками» и «клювы» разной степени выпирания. Не смотря на вполне приятные внешние данные, я прекрасно понимала, что вкусы у нас с Анабель очень разные.

Почему-то все сразу притихли. Черт, мне даже самой стало интересно, что дальше

будет. С чего это суррикаты замерли в тревожном ожидании?

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался низким голосом инквизитор в абсолютной тишине, присаживаясь в кресло и откидываясь на спинку. Судя по лицам магов, в программе сегодняшнего вечера слово «добрый» отсутствовало.

— Что это значит? — встал из-за стола канцлер от магии, нахмутив черные брови и нарушая гробовую тишину. — Арест сына ректора Академии? Это беспрецедентный случай! Мы недовольны работой инквизиции!

Маг скрестил руки на груди, недовольно смерил взглядом невозмутимого оппонента.

— Увы, вы абсолютно правы. Трупов маловато. Может, потому, что сегодня середина недели? — приятно улыбнулся инквизитор. Когда он улыбался на щеках, появлялись ямочки. — У меня к вам вопрос. Когда вы дадите мне диплом Академии? Я многого не прошу, но буду очень признателен.

Маги посмотрели на него так, словно он только что с ноги выбил дверь в туалет, где они дружно заседали со спущенными штанами, вспоминая незлым тихим словом того, кто забыл купить рулон бумаги. Инквизитор наклонился вперед, складывая руки в замок.

— У меня действительно складывается впечатление, что вы даете дипломы даже тем, кто случайно проходил мимо, — вкрадчиво заметил он, снова приятно улыбаясь.

— Просто я сегодня как раз проходил мимо главного входа. Надеюсь, это — повод получить диплом о высшем магическом образовании? И что-то натолкнуло меня на мысль о том, что если я зайду внутрь, то сразу же получу звание профессора магической теории со всеми регалиями и пожизненную пенсию за особые заслуги перед наукой. Но я — человек скромный, поэтому диплома с отличием мне будет достаточно.

— Нет! Ну это уже слишком! — заорал отец «передовика трупопроизводства» и ректор Академии по совместительству. — Да как вы смеете! Да на каком основании вы утверждаете, что мы раздаем дипломы кому попало?

Многие маги были возмущены до глубины души, оскорблены в лучших чувствах, задеты за живое, поэтому промолчать не смогли, обрушившись лавиной на провокатора. Тот невозмутимо сидел и... вы не поверите!.. складывал кораблик из какого-то листочка, взятого откуда-то из середины стопки претензий. Инквизиция позади него молчала. Сам герой тем временем осторожно загибал листик, подгонял уголок к уголку, а потом рукой разравнивал его, любясь своей работой.

Если честно, то я немного с ним согласна, поскольку своим появлением в этом мире я обязана двум магам. Дипломированным, между прочим, специалистам. «Когда твой учитель — двоечник!» — звучало бы в начале трейлера к фильму — комедии про этих двух ученых.

Истерика продолжалась минут пятнадцать. За это время было вылитو столько грязи в адрес инквизиции, что я бы на их месте уже давно бы подала голос, но эти были абсолютно спокойны. Некое подобие кораблика был сделано и любовно разглажено.

— Я подожду, когда вы научитесь говорить спокойно и по одному. Только в этом случае я готов продолжить диалог. Ладно, так и быть. Подожду, когда вы охрипнете,

— со вздохом заметил инквизитор, поднимая глаза на магов и скользя взглядом по всем присутствующим, включая меня.

У меня плохо складывается диван и личная жизнь, а вот с впечатлением, как ни странно, все в порядке. Теперь я понимаю, почему Анабель избрала его для безответных душевных терзаний, с легким оттенком морального мазохизма от волшебного слова «не судьба». У ее зазнобы были светло — карие, янтарные глаза, а взгляд был какой-то томно-

отрешенный, холодный и... бр.... жестокий. Таким взглядом можно укладывать наивных девушек штабелями, заносить пачками на страницы автобиографии, а потом равномерно и густо размазывать их слезы по мемуарам. Это автоматически ставило крест на моем интересе к данному субъекту, ибо — «не моё». Тонуть я предпочитаю исключительно в голубых глазах. Про остальной цветовой спектр я молчу.

— Нет! Это возмутительно! За ваши слова об Академии вам придется ответить! — отец заключенного подошел к инквизитору, испепеляя его взглядом. — Вы читали мое обращение про домашний арест? Мой сын не заслуживает такого сурового наказания!

— Потому, что Марко — сын ректора Академии? — не глядя заметил канцлер от инквизиции. — Он и так под домашним арестом, потому что на пять ближайших лет тюрьма станет для него новым домом. Пять лет в камере он будет учить теорию. Я что-то не помню, чтобы заклинание расширения пространства предусматривало жертвоприношение. Но я уточню. Мало ли. Вдруг я ошибаюсь?

— Да как вы смеете! — покраснел старик — отец, сжимая кулаки. Он даже вздрагивал от негодования. Его уже оттаскивали обратно в табор.

— Смею. Очень даже смею, — спокойно заметил инквизитор, вставая с места. Тут же в воздухе зависло что-то наподобие доски. Он молча достал очки в серебристой оправе, надел их и взял светящийся мел. На доске стали появляться какие-то аккуратные формулы и какие-то круги. Я точно пришла на заседание, а не на лекцию? Нет, ну был у нас журфаке препод по кличке «инквизитор», которому каждый сдавал по три-четыре раза перед тем, как целовать зачетку с тройкой, но это как-то, по меньшей мере, странно. Я смотрела на все происходящее и искренне недоумевала. Что-то мне казалось, что он громко скажет: «Ересь! Сжечь всех еретиков! Магия — это зло», а тут...

«Неправильные пчелы делают неправильный мед!» — прозвучал в голове голос Винни Пуха. Длинные формулы нас, гуманитариев, сильно огорчали, а опилки в голове противно скрипели, пытаюсь приблизительно уловить хотя бы общий смысл написанного и нарисованного. «Точка, точка, запятая — вышла формула кривая!» — пропел в голове задорный голосок. Я свято верю в то, что существует восьмой круг ада для гуманитариев, где целыми днями преподают математику, физику и прочие точные науки. «Нет! Нет! Я вас умоляю! Только не это!» — надрывно кричу я, привязанная к стулу в камере пыток инквизиции. — «Я все скажу! Во всем сознаюсь! Только не высшая математика!».

Маги смотрели на доску и рассерженно сопели. Было такое чувство, что он им «фигвам» нарисовал угольком на печке и какашку в бандерольке отправил. С уведомлением о реакции получателя.

Когда инквизитор закончил рисование формул и кругов, охрана протянула ему кружевной платочек, об который он вытер руки.

— Я сильно не расписывал. Обрисовал доказательство в общих чертах. Если вы сейчас спросите меня что это, я сожгу вас всех на костре вместе со всеми вашими монографиями, научными трудами и книгами. Судя по количеству воды в ваших опусах, гореть будет плохо, но я что-нибудь придумаю, — с интеллигентной улыбкой заметил инквизитор, снимая очки и пробегая глазами решение. Ему не очень понравился круг, поэтому он пальцем подтер хвостик у какого-то символа. — Когда вы на меня так смотрите, у меня появляется желание поднять любого из вас и задать ему пару вопросов по общей теории. И пусть он только попробует ошибиться. Так что я жду диплом с отличием, отписанный на мое имя по специальности «Магическая теория». Прямо как у вашего сына, ректор.

— У вас ошибка! — возмутился какой-то маг, поглядывая на притихших сопартийцев.

— Нельзя в формулу Гордона подставлять произвольные значения! Это даст недопустимую погрешность!

— Да вы что? — с усмешкой поднял брови инквизитор, изумленно глядя на доску. — Неужели?

Он сделал жест, подзывая кого-то из своих. Охранник наклонился к нему, а потом кивнул. Интересно, мага здесь сожгут или потащат куда-нибудь? Через пять секунд в руках у инквизитора лежала толстая книга.

— Узнаете? — поинтересовался он, демонстрируя обложку всем присутствующим. Вот сейчас у мага было такое выражение лица, как будто он заказал интимные товары в интернете, а потом пришел получать в единственном почтовом отделении городка. Стоит очередь с квитанциями и письмами, человек сорок, а тут из-за окошка: «- Лю-ю-юсь! Ты не помнишь, куда мы дели посылку с мазью для увеличения хрена на пятнадцать сантиметров за два дня и ректальный стимулятор для простаты? Что значит ректальный? Как будто ты не знаешь! Ну тот который в... Глянь на складе! Тут за ней... (она громко зачитывает фамилию, имя и отчество), пришел!» Очередь начинает коварно посматривать на страдальца, сжимающего в руках паспорт. «Лю-ю-юсь! Не видишь? Ему срочно надо! Ладно, сейчас сама схожу, гляну!». Очередь с ненавистью смотрит на бедолагу, а он осознает, что если в подсобке будут копать еще минут двадцать, то увеличивать будет больше нечего.

— Триста восьмая страница. Второй абзац. Могу назвать номер предложения, если вы не помните свой собственный научный труд! — с усмешкой произнес инквизитор, швыряя книгу на стол. — Итак, меняю сына ректора на автора этого учебника. Он будет пять лет делать работу над ошибками.

«Профессиональный игрок на нервах» — промелькнуло у меня в голове, — «С разрядом по интеллектуальному троллингу».

— А пока вы прикидываете, с кем готовы попрощаться на пять лет, мы переходим к общим вопросам. Ремонт брусчатки... — критику передали в руки какие-то бумаги.

Маги его даже не дослушали, с ненавистью глядя в холодные глаза главного героя сегодняшнего заседания.

— Я не стану подписывать документы на ремонт брусчатки! Из принципа! — скривился канцлер от магии и покачал головой. — Ни один уважающий себя маг не ходит пешком!

— Ну тогда вам придется телепортироваться домой чаще. Потому, что второй вопрос, который я хотел поднять, ремонт канализации под Академией. Вычеркиваем, — вздохнул канцлер от инквизиции, делая пометки в листочке. — Третий вопрос по поводу выделения средств на стипендии одаренным магам я тоже вычеркиваю. Не заслужили. Премии, надбавки преподавателям я тоже убираю. Заседание окончено. Спасибо, за внимание. Ах, да!

Он наклонился, взял первую попавшуюся жалобу, перевернул ее и что-то написал, а потом поднял ее вверх, демонстрируя всем магам какую-то огромную загогулину.

— Да как вы смеете обзывать нас невеждами! — вспыхнул канцлер от магии.

— Это я не вам, уважаемый канцлер! Вижу по лицам, что зрение у ваших подчиненных хорошее. Лучше, чем я предполагал. Значит, мою подпись они тоже увидели. Мне показалось, что вы забыли, как она выглядит, когда проводите тайные научные эксперименты, — холодно заметил инквизитор, швыряя листок в общую кучу.

— Вы, немаги, пользуетесь результатами нашей работы каждый день! Весь мир построен на магии и держится на ней. И при этом вы, немаги, считаете, что вправе

критиковать научные открытия. Да! Ошибки есть! Без них прогресс невозможен! Признаем, что не всегда все идет правильно, но... критиковать легче, чем создавать! — канцлер от магии встал, ударил рукой по столу, с ненавистью глядя на оппонента. — Вместо того, чтобы критиковать, предлагайте, канцлер от инквизиции! Предложите что-то свое! Вы, немаги, ни на что не способны! И вместо того, чтобы благодарить нас за то, что мы для вас делаем, вы ведете себя так, словно весь мир вам обязан!

— Весь оставшийся мир, — уточнил инквизитор. Он захватил с собой все бумаги, кроме «кораблика», который демонстративно бросил на стол. Герой сегодняшнего заседания вежливо попрощался и вышел в сопровождении охраны. «Я — не Пушкин. Я — Белинский!» — усмехнулась я, провожая его взглядом.

Маги поорали и разошлись. Зал опустел, а я осмелела и подошла к круглому столу, раздираемая журналистским любопытством. На столе лежал кораблик. Я взяла его и увидела знакомую фамилию прямо на треугольной палубе «Двейн». Я развернула кораблик и прочитала: «Претензия к канцлеру от инквизиции от Томаса Линдера и Джеральда Двейна по поводу административного правонарушения и выписанных штрафов. Просим разъяснить, на каком основании были выписаны штрафы в размере 100 эрл. — Томасу Линдеру, 50 эрл. — Джеральду Двейну, и 5000 эрл. — Анабель Эрланс...»

Меня только что укатали в асфальт и сделали поверх моего тупа аккуратную разметку. Но зато я получила ответ сразу от двух высших инстанций. Отрицательный результат — тоже результат. Спасибо, что избавили меня от ложных иллюзий. Это ж надо было вытащить именно просьбу, которая касается непосредственно меня! Прямо по закону подлости! Окончание поисков справедливости в высших инстанциях, чудесным образом совпало с горячим желанием порадовать главного редактора.

Я взяла кораблик, положила его в карман, посмотрела на часы и отправилась вынашивать план мести. Если бы не оригами, то я бы, возможно, написала про заседание по-другому. Но в данный момент, здравствуйте, стройные ряды «любителей инквизиции», я иду к вам! Не надо цветов и оркестра. Принимайте меня с распростертыми объятиями! А поскольку в минуты зла и огорчения, желудок требует печенья, я сидела и грызла какую-то приторную, не совсем свежую кондитерку, купленную в ближайшем магазине. «О Боже, какой мужчина, сейчас огребет, скотина!» — промелькнул в голове альбом Анабель. По моим губам поползла гаденькая журналистская улыбка. Я на тебе немного заработаю, уважаемый. И потом с этих же денег погашу штраф, который ты и твои ребята мне выписали. «Зарплата — мой компас земной, а надбавка — награда за сме-е-елость! Статейки довольной одной, чтоб завтра толпа расшуме-е-елась!»

Сидя на лавочке под светом одинокого магического фонаря, я смотрела на кораблик, лежащий рядом со мной, запасалась ядом, а потом щедрой рукой рассыпалась в эпитетах, делая наброски. Ну и что, что я не знаю их имен? Для хорошего журналиста это — сущий пустяк. Я написала первый вариант статьи, прочитала и порвала. Нет, слишком просто. Я посидела, померзла, подумала, а потом меня осенило. Да! Я даже несколько раз любовно перечитала название. «Бумажные амбиции главы инквизиции!»

«Двухчасовое заседание «ни о чем» прошло, как и было запланировано «впустую». А вы что ожидали? Думали, что будут решаться архиважные проблемы города? Не будьте так наивны! Пока ситуация у магов складывалась не в пользу сына ректора Академии, у инквизиции все складывалось отлично. Уголок к уголку. Наугад выбранная жалоба из стопки на глазах превращалась в бумажный кораблик. Зря маги упрекают инквизицию в том, что

они ничего не могут делать своими руками! Могут! И глава инквизиции это доказал прямо на заседании, продемонстрировав всем присутствующим готовую поделку, которую при желании может собрать каждый ребенок! Ловкость рук и никакой ответственности! Но не будем обижать канцлера от инквизиции. На счет «любого ребенка» я погорячилась. Это искусство оттачивается и шлифуется годами и передается из поколения в поколение в семьях потомственных «бумагосгигателей». Кораблик, между прочим, получился отличный! Просто замечательный! Так что если хотите порадовать инквизицию — несите свою жалобу в виде бумажной фигурки. Возможно, именно так она сможет заинтересовать канцлера, хотя бы схемой сборки. Не удивляйтесь, если он быстро отреагирует на вашу жалобу, с требованием показать, как это правильно собирается. А.Э.»

Я перечитала свое творение, взглянула на кораблик и поняла, что эта статья тянет на уголовную. Правда, на какую, я еще не в курсе, но скоро узнаю! Если я хочу заработать, то придется идти до конца. Но ведь я же ничего не придумывала? В этой статье нет ни капли лжи или клеветы. Я даже похвалила человека за столь неожиданный талант. Око за око, зуб за зуб, статья за статью. Справедливо? Справедливо! На улице уже стемнело, поэтому я поспешила в редакцию, где меня погладили по головке за «отличный репортаж». Деньги обещали завтра, поэтому я с корабликом поплыла домой, минуя порталы.

Когда я ввалилась в дом, на меня тут же налетела бабка, с явным желанием высверлить мне мозг своими нравоучениями. Вот она медленно распутывает извилины на моем правом полушарии своей лекцией на тему моего облика-морале. А теперь пришла очередь левого полушария. И вот она уже доклевала меня до мозжечка.

Когда я вытиралась старым полотенцем, поглядывая на свое замученное отражение в треснувшем и почерневшем от времени зеркале, позади меня раздался скрипучий голос. Угадайте, в каком ухе у меня жужжит? Ха! Не угадали. У меня жужжит в обоих ушах!

— А ну-ка! Повернись! — подозрительно произнес призрак, а потом ахнул, всплеснув руками. — Ты что? Беременна, что ли? И правда, беременна! Безотцовщина! Позор для семьи! Недоглядела! Вот одна девушка понесла ребенка невесть от кого, а потом пошла и утопилась!

Я молча стояла и смотрела, как бабка летает по комнате и расписывает мне горькую судьбинушку местной матери — одиночки. «Это телевидение, да? Это отдел "жизнь привидений"? Да? Да. Вы знаете, у меня тут живет одно привидение. Приезжайте срочно. Я хочу о нем поведать миру!»

Я взяла платье, засунула руку в карман и обомлела. Денег не было! Весь мой гонорар куда-то исчез. Причем, я точно знаю, что он там был еще пять минут назад.

— Где деньги? — сурово спросила я у бабки, кутаясь в полотенце.

— Маленькая еще деньги иметь! Бабушка взяла деньги и отложила на «черный день»! — заявил призрак. — Нечего «тренькать» направо и налево! А то «растренькаешь» все на побрякушки! Вот одна девица получила наследство, растренькала его направо и налево, а потом пошла в служанки и умерла в нищете на чердаке.

Аура ненависти, источаемая мной, вполне могла отпугивать не только потенциальных навязчивых ухажеров, но и голодных волков в зимнем лесу. Наверняка, глядя в мои озверевшие глаза, медведь-шатун, случайно проходивший мимо, решил пошататься в другом месте, от греха подальше.

Я уже и так панталонами чувствую, что хэппи-энда не будет.

Пока я валялась в кровати, с завистью вспоминая все фильмы ужасов, где привидения

гонялись с топорами, душили и мучили несчастных, пока еще живых обитателей дома, но при этом не выносили мозг и не шарили по карманам, бабка склоняла меня по всем падежам. Через час у меня начало складываться впечатление, что именно из-за меня плачет девушка в автомате, громко рыдает малолетняя Таня, глядя на уплывающий вниз по течению мячик, стонет бедный Мишка, которому малолетние изверги оторвали лапу. В мутном полусне я кричала инквизиции: «Умоляю! Не надо! Я прошу вас! Да вы просто — звери! Вы не имеете права!», когда меня выводили из одиночной камеры на свободу. Я провожала взглядом старую подушку и шептала: «Я еще вернусь!». О, да! Я буду журналистом-рецидивистом! Вышел, написал, в тюрьму!

— Это все потому, что тебя в детстве жалели! Будет тебе урок! Детей надо воспитывать в строгости! Чтобы толк из них вышел! — скрипела над ухом бабка, которой по вполне понятным причинам не спалось. — Пороть их надо два раза в день. Один раз — за дело. Найдется за какое. А второй раз в качестве напоминания. Чтобы старших уважали.

Я сразу представила картину. Сажу я в гости с супругом, а потом глядя на часы, произношу: «Простите, мы, наверное, пойдем. У нас дети не пороты!» Спасибо, дорогие мама-папа, за наше счастливое детство.

— Розги всегда должны висеть на видном месте... — продолжала свою лекцию бабка.

— Вот одни родители не повесили розги на видном месте, вырос их сынок вором и убил своих родителей ради денег. А потом и его убили его дружки!

У призрака, как и у любой бабушки, всегда найдется история, где кто-то умер. Мой личный призрак пессимизма смерил мрачным взглядом пожилого призрака кретинизма, в надежде, что завтра появится тот, кто ветками, палками, бубном, криками, воплями, плясками в набедренной повязке обеспечит покой. Вечный — бабке, ночной — мне.

Боже мой, почему она может выйти из дома? Есть же столько мест, куда можно сходить! Лавочка у подъезда, больница, государственное учреждение! Сходила бы куда-нибудь, развеялась... Да, именно. Развеялась!

Глава пятая... если ты делаешь деньги из воздуха, всегда найдется тот, кто перекроет кислород

Если «внучек» вдруг сказал
Бабушке «отстань!»
Значит внучек — наркоман,
Дебошир и пьянь!
(Правда-правда!)

Моя жизнь напоминала унылый сериал, темпы съемок которого уже приближаются к прямому эфиру. Бедные актеры в очередном сезоне уже ползают на коленях за алчным режиссером, умоляя его дать возможность сходить в туалет, нормально поспать и покушать, но опытный «сериальщик» отказывается в сто пятьсот первый раз убивать любимого героя даже на пять минут экранного времени, чтобы не вызвать бурю негодования. Поскольку название сериала еще слабо ассоциируется с «фу!», а каждый герой умирал каких-то жалких пять — шесть раз с последующим чудесным воскрешением, режиссер, посасывая очередной палец, понимает, что нужно ковать, пока куется, потому что скоро оно никому не будет нужно на... Куй железо, пока горячо.

Это я к чему? Если еще пару дней назад пределом моих мечтаний была Пулитцеровская премия и новая куртка взамен протертой старой, то сейчас я мечтаю просто нормально поспать и поесть. Копеечные заработки даже при самых приблизительных подсчетах и тотальной экономии не могли погасить скромный штраф за чужое нескромное поведение. Пока я мысленно округляла числа, обводя взглядом собственные заросшие владения, мои глаза округлились при виде почтового ящика.

Из облезлого почтового ящика выглядывал... журавлик. Я не знаю, почему его называют «журавликом», ибо больше всего он смахивает на птеродактиля, некогда бороздившего небеса юрского периода. И теперь этот хищный птиц смотрел на меня, затаившись среди писем, и предвещал ровно столько радости, сколько испытывали ученые в фильмах про игривых динозавриков после крика: «Они выбрались! Спасайся, кто может! А-а-а!».

Я оглянулась по сторонам, вытащила птеродактиля, развернула его и увидела только одну фразу, написанную очень красивым и аккуратным почерком: «Не мешало бы извиниться». А где же избитое «привет! Как дила? Че делаешь? Может погуляем? У миня пивасик есть! Гоу ко мне! Я тебе покажу сваи аригами!». Боюсь, что меня сильно смутит, если на свидание он придет не один, а с «друзьями».

«Не мешаю. Спасибо, что потратили на меня пять минут своего драгоценного времени. Птичка получилась симпатичной! Но кораблик из жалобы на незаконный штраф мне понравился гораздо больше. Всего хорошего! А.Э.»

Теперь надо оформить ответ, как следует. Обычно, когда я мечтаю что-то скрутить, получается «кукиш», но на этот раз по закону подлости получился пароход, чью палубу украсили реквизиты адресата. Я даже не представляю, как пострадает тонкая душевная организация получателя, увидев мое чудо. Моему собеседнику придется напрячь всю свою фантазию, чтобы понять, что это за штука. Я, если честно, сама любила делать из бумаги всякую ерунду, чтобы отвлечься от мигающего курсора и обдумать всю статью целиком. А еще я любила рисовать в блокноте, но у меня получалось только то, что имеет усы. А именно родственники Буденного, котэ разной степени упитанности и аппетитная клубничка.

— Дремлет притихший новый мой город, низкое небо над головой. Лови, инквизитор, крейсер «Аврору» — промурлыкала я, любуясь своей неаккуратной поделкой, а потом подняла голову. — Ой!

Я заметила, как между домами мечется со знакомой газетой в руках молодой человек. Он миновал красивый дворец с красной крышей, где явно живут местные царьки, дошел до соседского особняка — цитадели с двухметровым забором. Не хватало колючей проволоки и надписи «Режимный объект», чтобы ходить мимо на полусогнутых, трепеща перед величием владельца.

— Простите, вы не знаете, у кого здесь живет привидение? — растерянно поинтересовался парнишка, шурша газетой и снова изучая фасады. Я посмотрела на паровозик. «Жил отважный капитан, он объездил много стран, и не раз он бороздил океан!» Капитан Очевидность посмотрел на меня с прищуром: «Где эта улица? Где этот дом? Где этот призрак для сдачи в дурдом?». «Понятия не имею! Даже приблизительно не представляю!» — пожала я плечами бравому Капитану, глядя на то, как выделяется мой дом среди респектабельной соседской недвижимости. Роскошный особняк из белого кирпича по соседству, нависающий над моей развалюхой, куда лучше подходил под описание. Мы тут же поспешили на помощь незадачливому экзорцисту, который заломил такую цену, что я уже прикидывала, под залог чего брать кредит.

Я завел парнишку в дом. Через секунду студент шарил по двери в поисках заветной ручки. Судя по его глазам, он дошел до нее окончательно.

— На колени! — приказным тоном заявил призрак, явно с отличием закончивший школу «Юных диктаторов» и курсы повышения квалификации «Доминируй, властвуй, унижай».

Бедняга упал на колени и задрожал как осиновый лист, пытаясь спрятаться за меня.

— Я кому сказала на колени! — заверещала бабка. — Проси!

— Прошу, пощадите меня! — пролепетал слабонервный экзорцист.

— Пощадить? — верещала бабка, грозно тыкая призрачным пальцем в грудь дрожащего охотника за привидениями. — Сорвал цветочек! Надкусил ягоду! Расковырял дырочку в простыне! Дал своему мерзкому червяку переночевать в чужой норке! Засунул свой ключик в чужой замок! Проковырял стену своим гвоздиком! А теперь пощады просишь? Ну, нет! Как тебя зовут?

— Баччи! — прошептал бедолага, дергая меня за подол черного платья. — Тьфу ты, Фрэнко! А полное имя Фрэнко Баччи!

— Хрен Собачий? — прищурилась бабка. — Повторяй! Я, Хрен Собачий, беру Анабел Эрланс в законные супруги, пока смерть не разлучит нас! И признаю ребенка, которого ей заделал, своим! А ну быстро!

— Чего? — прокашлялся экзорцист, с ужасом глядя на меня. Он и так сообразил, что только что сам вляпался в продукты жизнедеятельности, а тут еще бог Гименей навис над ним с лопатой.

Я отступала вместе с неудачливым «изгонителем» в сторону двери, которую совместными усилиями нам удалось открыть.

Когда мы выбрались на улицу, молодой человек все-таки сделал мне предложение, отправив меня на... медовый месяц. Я видела, как он стремительным шагом покидал площадь, натываясь на прохожих и неуклюже извиняясь. Больше я его не видела. А я — то свято верила в то, что на каждый призрак оперы найдется «установка и удаление программ».

Через десять минут появилось сразу двое коренастых «экзорцистов». Один из них нес какие-то бумаги, другой тащил большую сумку.

— Я так понимаю здесь! — отрывисто произнес один, оглядывая дом, — Деймон! Ты готов?

— Да, Саймон! Готов! — поддакнул второй, разворачивая сумку. — Я взял с собой на всякий случай все записи, свечи, круг для вступления в контакт, спиритическую доску и пару зелий на случай, если дух окажется буйным! Ничего! Сейчас мы быстро изгоним призрака!

— Оплата по факту изгнания! — сразу предупредила я, глядя на все приготовления. Они надели себе на шею какие-то амулеты, достали из сумки какой-то кристалл и записи.

— Нам деньги не нужны! Мы — братья Колыт! Напишите про нас статью! И чтобы она была на главной странице! — вздохнул второй, сосредоточенно глядя на дверь.

— Мы пройдем в дом? — спросил первый, делая знак второму. Я открыла дверь.

— Тссс! — прошептал Саймон, прислушиваясь. — Я чувствую присутствие! Тихо... Он где-то здесь! Деймон, ты тоже это чувствуешь? Смотри, как кристалл светится! Это означает, что потусторонняя сущность поблизости! Просто мы ее не видим! Я чувствую, как повеяло могильным холодом... Это точно он! Думаю, что мы сумеем вступить с ним в прямой контакт!

Ага, сейчас она сама вступит в контакт с вашими мозгами. И деловым этот контакт назвать будет сложно.

— О призрак! Яви себя! — прокашлялся Деймон, доставая какой-то бутыль из сумки.

— Скажи нам что-нибудь! Дай нам знак, что ты нас слышишь!

Ребята были настроены решительно. Один держал в руках горящую свечку, другой бутылку с каким-то странным содержимым.

— Так, мадемуазель, отойдите в сторонку! Предоставьте это дело профессионалам! — прошептал мне Саймон, заслоня пламя от сквозняков и всматриваясь в темноту коридора. Деймон держал бутылку наготове.

— Попойку устраиваете? В моем доме! Позор! Позор! — заорала бабка, появляясь из стены. Раздался «бух», следом другой.

— Да, экзорцисты вы так себе! — кряхтела я, вытаскивая два тела, валяющихся без сознания под истерические крики призрака.

Через пять минут «охотники за привидениями» пришли в себя и стали перерывать свои записи.

— Эм... Есть простой способ изгнать призрака! — нервничал Саймон, шурша листочками. — Нужно откопать его останки и показать ему, пояснив, что он — умер. Когда призрак видит свое тело, он начинает понимать, что он — умер!

— А попроще варианты есть? — расстроилась я, представляя, как в черном платье волоку старый гроб через весь город, затаскиваю его в дом, чтобы предъявить его бабке на опознание. Гроб по дороге рассыпается, оттуда вываливаются косточки, я, матерясь, собираю их и закидываю обратно, стараясь максимально обеспечить целостность и сохранность запчастей. «Все в порядке! Не обращайтесь внимания!» — улыбаюсь я, толкая гроб перед собой. Можно прикрутить к нему колесики, впрячься как лошадка, а потом катить в сторону дома. Главное, чтобы он с тележки не упал. А то как-то неловко получится. Костей не соберешь!

— Если вы приходите к ней родственницей, то можно попробовать начертить круг, обагрить его вашей кровью, и тогда удастся заключить призрака в круге, откуда потом его

легко будет изгнать! — со знанием дела заметил Деймон, тыкая мне в лицо каким-то заумным рисунком и спешно собирая бумаги в портфель.

— Нет, мы с ней не в кровном родстве! — вздохнула я. Никогда мне еще не хотелось быть кровным родственником этой милой мертвой пожилой женщины. Пожилой, потому что пожила, и хватит!

— Мы подумаем, а потом вернемся! Нам надо посмотреть в архивах! — братья стали пятиться в сторону калитки. — Мы еще с отцом посоветуемся!

Через минуту от них даже след простыл.

В редакции меня ждали деньги. Пятьдесят эрлингов за две статьи. Я немного посидела и выпила любезно предложенный редактором чай.

— Опять объявился Невидимка! Читала «Справедливость и закон»? Все тот же Неуловимый! Поговаривают, что — маг. Следы замечает отлично! — произнес редактор, любуясь нашей газетой. — Размели весь выпуск газетенки инквизиции, как горячие пирожки! Поговаривают, что кто-то из магов проводит свои эксперименты на людях. Всем охота узнать подробности таинственного исчезновения девушек! Некоторых находили. Ничего не помнят, даже имени своего. А некоторых находят мертвыми...

Я молча допивала невкусный травяной чай, понимая, что интервью у маньяка я готова брать только сквозь прутья решетки, но уж никак не в темном переулке. «Расскажите, как вы нашли свое призвание?» — я задаю вопрос, глядя на окровавленную фигуру, склонившуюся над телом очередной жертвы... «Хм... Самое сложное начать! А потом все как по маслу!» — отвечает мне маньяк, почесываясь ножом. «Это — ваша основная работа?» — задаю вопрос я, глядя как он расчлняет свою добычу. «Да нет, это — мое хобби!» — скромно отвечает садист. — «Вообще-то в жизни я — примерный семьянин, отец десятерых детей и просто хороший человек!». Я быстренько записываю. «Ну раз уж вы заговорили о семье, то как они отнеслись к вашему хобби? Осуждают? Поддерживают?». Маньяк вытирает руки об одежду жертвы и задумывается. «Раньше осуждали, а теперь нет. Я убил их первыми!» — вздыхает он. «Соболезную. А кто же вас тогда поддерживает?» — интересуюсь я, делая пометки. «Голоса в моей голове! Без них бы я никогда не справился! Они прямо шепчут мне «убей», «убей всех»! — улыбается маньяк. «Какие у вас планы на будущее?» — спрашиваю я, глядя на то, как под жертвой растекается лужа крови. «Я не собираюсь останавливаться на достигнутом! Ни в коем случае! У меня большие планы, главное, чтобы не арестовали!». «Спасибо большое! Успехов вам! И всего самого наилучшего!» — мило улыбаюсь я, маша ручкой на прощание. "И вам спасибо!" — машет мне маньяк, оттаскивая жертву в сторону. — "Я завтра на работе с удовольствием прочитаю вашу статью! Вы только напишите, что я — хороший человек. Просто убивать люблю..."

— Так что если что-то разнюхаешь — милости просим! — улыбнулся редактор, протирая лысину и выводя меня из глубокой задумчивости. — Плачу сто эрлингов! Сразу!

Я смотрела предыдущие выпуски газет. С жадностью людоедов, с восторгом маленьких детей, приметивших на витрине сладости, с прытью гламурной кошечки, увидевшую последнюю модель на распродаже, народ читал нашу газету. Их мало интересовали передовые разработки местных умельцев, им было глубоко фиолетово на достижения магии, их интересовала смерть. И чем больше, тем лучше. Именно репортажи о смерти выносились в первую колонку, именно подробности безвременных кончин становились любимой темой для семейной беседы за обедом и поводом поговорить за ужином. И тут меня осенила гениальная идея. Делать «бабки» на бабке. Аттракцион для любителей пощекотать

нервишки!

Я закусила ручку и села писать статью под заголовком «Кто еще не видел настоящее фамильное привидение? Аттракцион не для слабонервных! Только один из десяти выдерживает встречу с НАСТОЯЩИМ призраком!». Я

подвела нехитрую калькуляцию и прикинула, что за вход я буду брать пять эрлингов, за выход — не меньше ста. Держись бабка! Сейчас ты узнаешь, как я умею наматывать нервы на кулак!

«Никто не знает, как она умерла. Одни говорят, что она оступилась и упала с лестницы, сломав себе шею в трех местах и позвоночник в двух, другие уверяют, что ее жестоко и зверски убили прямо в ее собственном доме! Есть так же те, кто верят в то, что старушка сама свела счеты с жизнью, узнав, что ее семья разорилась. Так или иначе, ее тело было предано земле, но ее рассерженный дух до сих пор обитает в горячо любимом доме! И теперь каждый может похвастаться тем, что видел настоящее привидение! Уверяю, это очень опасно и интересно увидеть воочию доказательство жизни после смерти! Вход платный!»

Редактор взял за заметку пять эрлингов и обещал, что пустит ее в печать завтра утром. С наслаждением перечитав «рекламу», я вздохнула. Обычное дно превращалось в золотое!

Я купила краски и кисти, нашла возле дома старую дощечку и быстро нарисовала цветастую, но корявую афишу, которую с фанатизмом дятла прибила камнем к забору. На следующее утро я обомлела. Под дверью стояла толпа. Выбравшись из окна, я успокоила желающих пощекотать нервишки, а потом открыла дверь и стала запускать их по пять человек. Первая партия вылетела пулей через две минуты. Из дома раздавались истерические крики бабки: «И ты, бесстыдница, срам прикрой! То же мне, замужняя! Небось, нагуляла своего ребенка от любовника! Срамоту в подоле принесла! А ты, чего зыркаешь, недокормыш! Тоже мне, студент нашелся! Знаю я, как вы там учитесь! Только пьете да гуляете!»

Моя коробочка пополнялась монетками, а моральные мазохисты прибывали и прибывали. Все! Такими темпами я быстро оплачу все штрафы, отгрохаю себе новый особняк, найму слуг и... Бабка уже совсем озверела: «Чего пальцем тычешь, молокосос! Пороть тебя надо! А ты чего zenки вылупил? Небось, матушка жалеет, трясется надо тобой! Вырастешь пьяницей и вором!». В моем доме побывало уже человек сто. Кто-то с укором замечал, что «делать деньги на фамильном привидении — это низко, греховно и бездуховно», но при этом, протягивая деньги за вход сразу за все свое почтенное семейство, включая не менее сварливую бабку, которой явно было интересно, как правильно отравлять жизнь потомков после смерти. Семейство «моралфагов» с нетерпением ждало своей очереди, обсуждая морально-этический аспект «заработка на призраке», изнывая от желания поскорее увидеть оного.

— Это кто здесь так радостно торжествует? Я! — мурлыкала я, пересчитывая свой доход, сидя возле дома. Гордость, честь, чувство собственного достоинства, смекалка и наглость собрались на поминки моей совести, которая скончалась после долгой и продолжительной болезни в страшных мучениях, оставив после себя шикарное наследство.

Я — богата! В моей коробочке лежала тысяча эрлингов! Тысяча! Если быть точнее, то тысяча сто пять!

И тут я увидела, как к моему дому идет патруль инквизиции. Они обступили меня со всех сторон.

— Штраф за незаконную предпринимательскую деятельность! 500 эрлингов, — произнес кто-то из инквизиции. — Штраф за нарушение общественного порядка, 500 эрлингов. Ваши соседи выразили недовольство шумом.

Ага, «прекратите свой шабаш, а то я инквизицию позову!» Да они меня за банкомат держат! Я что? Главный налогоплательщик? Неужели на моих хрупких плечах лежит фискальная функция всего города-государства? Я почувствовала себя градообразующим предприятием. Чиновники разводят руками перед бедными пенсионерами, мол, пенсий пока нет, но вы держитесь. Анабель Эрланс еще не погасила штрафы! Такое чувство, что за мой счет существует весь госаппарат! Я что? Главный инвестор? Или кому-то не хватает на премию?

— Передайте своему канцлеру мой пламенный привет! — ответила я, злобно глядя на инквизицию, прижимая к груди честно заработанное. — Такое чувство, что я держу в страхе весь город! Терроризирую окрестности! Все, спасибо за внимани... Что вы делаете? Уберите руки от таблички! Я кому сказала!

Ну все, накрылась мое индивидуальное предпринимательство. А у меня как раз были планы быстро сколотить «наливайку» и «вечно переезжающий бордель». А там и до казино рукой подать. Вот так экскаватором закона был демонтирован фундамент моей будущей бизнес — империи!

— Да чтоб ему так жена давала, как он мне заработать! — буркнула я, а потом меня осенило. Я хитро улыбнулась, понимая, что делиться надо не только ведерком в песочнице, тортиком на собственном дне рождении и бациллами со всем автобусом в разгар эпидемии гриппа. Я схватила молчаливого главаря этой шайки и оттащила его подальше от общей массы подчиненных.

— Давайте решим этот вопрос полюбовно. Обещаю, начальство ничего не узнает! — сладеньким голосом заметила я, оглядываясь на застывшую на месте мрачную компанию. — Я понимаю, что времена тяжелые, кушать хочется всем и так далее. Как на счет небольшой прибавки к вашей зарплате? Процентов тридцать от выручки вас устроит?

Я снова оглянулась, в надежде, что нас никто не подслушивает. Нет, не потому, что боюсь, что кто-то доложит, а потому, что придется делиться со всеми!

— Хорошо, сорок процентов! — я смотрела на маску. — Я предлагаю сорок процентов! Если так посчитать, то получится вполне неплохая сумма! Вы сколько зарабатываете? Думаю, что немного! Так вот, я предлагаю вам реальную возможность немного подзаработать. Вы делаете вид, что меня нет, а я делюсь с вами прибылью. Все по-честному! Никто не узнает, я вам клянусь!

Очевидно, инквизитор обдумывал предложение. Еще бы! Не каждый день предлагают заработать на ровно месте.

— Поймите, это — не взятка, а ма-а-аленькая благодарность за то, что вы закроете глазки и пройдете мимо! — настаивала я, закатывая глаза. — Хорошо, это — откат! Откат от вполне прибыльного бизнеса!

Я прижала к груди коробочку с деньгами. Где здесь продаются медальоны с эффектом +5 к красноречию?

— Я все понимаю, это говорит ваш долг и все такое, но вы только посмотрите на роскошные особняки! А на цены! Вот вы приходите домой с работы. Супруга смотрит на вас и спрашивает: «А почему так мало?», а тут еще детки бегают голодные и заглядывают в пустые тарелки, мол, папа, а когда мы будем кушать? — моя фантазия разыгралась не на

шутку. Зря я вспомнила честного гаишника. — А вы вздыхаете, мол, потерпите немного, и папа начнет зарабатывать! Вот увидите, жизнь наладится! А пока попейте водички и ложитесь спать! Я предлагаю вам не ждать милости от руководства. Я предлагаю вам наладить жизнь прямо сейчас! У нас с вами все получится. Не переживайте!

Он молчал. Фу-у-ух! Так, пробуем с другой стороны. Остап Бендер! Благослови меня!

— Хорошо! Мир несправедлив. Давайте мы будем справедливы хотя бы друг с другом? А? Я предлагаю вам пятьдесят процентов от выручки! Пятьдесят! Почти, как родственнику! Считайте, пятьсот эрлингов в день! Пятьсот! В среднем, — прокашлялась я, гремя своей мелочью. — Да это же целое состояние! Поверьте мне, противозаконно только то, о чем все знают! А это будет нашей маленькой тайной! Давайте поможем друг другу в эти сложные и тревожные времена!

Ноль эмоций. Я прислушалась, в надежде услышать чавканье и причмокивание чужой совести, но тщетно. Может, она сейчас бьется в конвульсиях, пока ее зверски душат? А вдруг ей сейчас рот заклеивают?

— Мне проще заплатить вам, чем государству! — вздохнула я, глядя на него снизу вверх. — Какая разница, мой штраф и так пойдет вам на зарплату, если благополучно не осядет в кармане вашего начальства, а так мы просто немного сократим эту цепочку на пару звеньев. Так как? Вы согласны? Давайте будем дружить?

Что-то я не слышу писка калькулятора в голове или его калькулятор работает в беззвучном режиме?

— Обещаю, что ваш любитель корабликов ничего об этом не узнает. Клянусь, — торжественно произнесла я, делая самые честные глаза на свете. — Ну войдите в мое положение, я вас прошу. Будьте же человеком, в конце концов! Давайте дружить!

— Ручку, — подал голос мой собеседник, протягивая руку в черной перчатке.

Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Конечно, мне бы самой было бы неловко озвучивать сумму вслух. Я спешно подала свой планшет и ручку, тревожно оглянувшись. Остальные стояли в построике смирно, глядя на меня одинаковыми масками. Ну же, дружочек, чего ты так долго? Нули рисуешь? Ты там сильно не разгоняйся, я еще не олигарх!

Мой собеседник аккуратно что-то выводил. Он что? Тригонометрические уравнения вспоминает? Через минуту инквизитор протянул листок и бросил его поверх коробочки с моей добычей. Инквизиция удалилась, оставив меня наедине со штрафами и запиской.

«Я подумаю над предложением!» — гласила записка.

Глава шестая... среднестатистический памятник за год получает больше цветов, чем любая девушка

— Ммм! Как пахнут! Особенно эта!

Отрежьте ей ножки, чтобы я ее в вазу поставила!

(Камелия с дамой)

Интереса ради, я присмотрелась к буквам. Почерк был красивым. Я бы даже сказала «каллиграфическим». Такое чувство, что кто-то купил два ящика прописей и в свободное от работы времени усиленно гоняет себя и подчиненных по правописанию. Когда я смотрела письмо и сравнивала почерка, в глубинах сознания рождалась едкая статья про «Финансовые амбиции главы инквизиции». Я отогнала наваждение.

Один щелчок пальцами, и я под пытками описываю, как воровала конфеты у сирот, беру на себя сорок «висяков» за сто лет, рассказываю взхлеб кровью о том, как вступала в сомнительные связи со всей нечистой силой, летала во сне после горохового супа, купала черного кота в кипятке в полнолуние и так далее. Так посмертно я стану автором бестселлера, который, надеюсь, окупит мои похороны.

Однако, меня пока не тянут волоком по земле в сторону костра, на моих запястьях еще не сомкнулись наручники, и я даже не знаю, как выглядят камеры для заключенных. Это означает что? Это означает, что я не делаю ничего сильно противозаконного и можно продолжать в том же духе!

Внезапно я увидела Томаса и Джеральда, идущих по направлению к моему дому и что-то горячо обсуждающих. Долговязый Томас был одет в синий плащ, а маленький рыжий Джеральд довольствовался каким-то подобием студенческой куртки коричневого цвета с гербом академии.

— Анабель! Анабель! — обрадовались они, завидев меня на пороге моего роскошного особняка. — Ты любишь цветы?

Хороший вопрос. Покажите мне пальцем ту женщину, которая не любит цветы? Даже если букет вызывает у нее дичайшую аллергию в виде крапивницы с осложнениями, она успеет сделать пару снимков на фоне «подарка», прежде чем ее увезут в реанимацию.

— А что такое? — подозрительно поинтересовалась я, не видя в руках магов букета.

— У нас... — начал Томас, подозрительно оглядываясь по сторонам, — к тебе дело есть. Наш хороший знакомый Ирвин Гамильтон — магроном или агромаг, как тебе угодно. У него дома — огромный дендрарий. И вот он вывел новый цветок! Представляешь! Он долгие экспериментировал с магией и теперь ему срочно нужна статья, чтобы прославиться на весь мир!

— На весь оставшийся мир, я так понимаю? — спросила я, прищуриваясь. Джеральд подошел ко мне и шепотом произнес:

— Да! Он готов неплохо заплатить за нее! — поддакнул Томас, положив руку на плечо своего студента. — Нужна не просто «статейка», нужна ода мастеру! Думаю, что ты справишься! Мы, кстати, подали прошение по поводу штрафов.

Ой, ребята, а вы разве не умеете собирать кораблики? Могу показать работу мастера!

— Мы подали два одинаковых прошения! Там и тебя упомянули! — вздохнул Джеральд, а потом улыбнулся. — Ответ пришел буквально вчера! Представляешь! Короче, тебе надо будет уплатить всего пятьдесят эрлингов! Они случайно ошиблись! Как я и говорил!

Хм... Это точно последний город? Призрак совести явился пред моими глазами и посмотрел на меня так жалобно, что у меня сердце сжалось. «Не вздумай! Я — журналист! А хорошие журналисты не извиняются даже под дулом пистолета!» — возмутилась я, глядя как она достает вставную челюсть. Совесть исчезла. Да...

— ...и вот мы пообещали Ирвину! Магроном или агромаг — это маг, который занимается магическим растениеводством. Мы, например, универмаги... — заметил Томас, потирая длинный нос.

Я мысленно представила, вступительные в магическую Академию. «Вам на какую специальность?». Эм... «Универмаг»? Нет, слишком большой конкурс. Пойду-ка я лучше в «гастрономы» и в «гастрологи». Плохие астрономы и плохие астрологи тоже нужны! Не знаю для чего, но после вступительной лекции «Введение в специальность», я выйду с верой в то, что именно на моей будущей профессии держится весь мир!

— Так как, Анабель? — задержался Джеральд, поглядывая на соседний дом. — Мы быстренько. Туда и обратно! Просто мы в разговоре упомянули, что у нас есть знакомая журналистка! Даже статьи твои показали. Выручай, а? Тем более, что он сидит в комиссии по приему научных работ! А нам позарез нужна его подпись!

— Ладно, — вздохнула я, пряча заработанные деньги. — Далеко идти?

— Да нет. Совсем недалеко... — Томас ухватил меня под руку, и меня потащили навстречу с ботаником.

Ботаник жил в заросшем, надеюсь, что не ядовитым плющом, доме. Помявшись возле двери, мы услышали спешные шаги. На пороге появился старичок в огромных очках — лупах и цветном халате. Переминаясь с ноги на ногу, он долго шурился на нас, пытаясь понять, кто мы такие. После короткого разговора, нас впустили в просторную гостиную. Том и Джерри быстро смылись, ссылаясь на то, что завтра в Академии в десять будет конкурс на замещение вакантной должности заместителя ректора, так что Томасу нужно готовиться. Желающих получить пожизненную пенсию очень и очень много!

Старичок вздохнул, поправил свои огромные очки и повел меня показывать свой огород в горшках. В моих жилах тоже течет кровь колхозников, поэтому я с удовольствием играла на ноутбуке во всякие фермы. Но в растениях я разбираюсь слабо. У меня из цветов прижился только кактус по имени Робинзон Крузо. Все, что можно было, сдохло или от недолива, или от перелива, но кактус умирать не хотел. Он стойчески переносил и жару и холод, всеми колючками цепляясь за жизнь и за штору. Встав на осознанный путь «чайлдфри», он игнорировал даже редкие периоды цветения и деления, в связи с чем, был одинок, суров и брутален. Оставшись в гордом одиночестве на необитаемом подоконнике, Робинзон целую неделю ждал пятницу, потому что я поливала его исключительно по пятницам.

У старичка все цвело и пахло. На полочках, под колпаками, в ящиках на полу, на потолке были растения. Одни брали меня на прицел своими острыми стрелами, другие тянули ко мне бархатные листья, третьи приветливо цеплялись колючими ветками за мое старенькое платье. Кто-то из них цвел, кто-то отцветал, а кто-то только выпускал молодой побег с бутоном. Красота!

— Присаживайтесь в кресло! — пискнул старик, протирая очки-лупы.

Я опустила в кресло и тут же взвизгнула и вскочила.

— Ой! Простите! Я забыл здесь семена «Попуса Колючиса». Я его проверял... Понимаете, это — единственный способ поверить. Сейчас уберу! — занервничал дед,

бережно вытаскивая из сидения три колючих зеленых яйца. — Вот теперь можете присесть! Точно «попус»! Как хорошо, а то я уже не чувствую...

— Да нет, давайте лучше пройдемся! — улыбнулась я, делая пометки для статьи. Мне здесь нравилось, поэтому я была настроена оптимистично. Дедушка любовно показывал мне свой гербарий.

— Обычные цветы и растения вы можете собрать на острове за городом, я же предлагаю чистую природную магию. Каждый цветок, каждый лепесток наделен особыми свойствами. Вот, например, «Половой Актус», — дед показал на какой-то цветущий укроп. Название меня слегка смутило.

— Может, полевой? — поинтересовалась я, глядя на мохнатые зеленые побеги с цветками, смахивающими на мимозу.

— Причем здесь «полевой»? Вы где здесь видите поле? Он растет на полу! И только на полу! Стоит поднять его повыше, как он чахнет и засыхает! Я люблю сидеть и следить за Половым Актусом! Беру свечку и смотрю на него! Актус любит огонь! Он всегда тянется к огню! — любовно заметил старикан, поглаживая укропчик. — Он помогает при головной боли! Я бы сказал, что это — лучшее лекарство!

«Ты мне ни на что не намекаешь?» — подозрительно спрашивает женщина, глядя сначала на кавалера, а потом на подаренный на первом свидании букет Полового Актуса.

Я прошла еще чуть дальше и увидела какой-то серый, невзрачный цветок, свисающий, как слоновий хобот... Фу! Ну и запах! Кхе! Запахло геноцидом для носовых рецепторов.

— Это Грязный Носокус! — гордо заметил агромаг или магроном. — Носокусы все такие. Они любят расти в самых неподходящих местах! А знаете, почему я назвал этот вид грязным?

Запах мне подсказывает, что бабочки с него просто отваливаются и падают замертво. Особо впечатлительные даже не долетают идохнут на подлете!

— Потому, что цвет у него грязно-серый. Носокусы обычно яркие. Отлично помогает при любой боли! — дедушка поправил горшочек, откуда свисал комочек грязных носков. — Его нужно подержать во рту и боль проходит. Прямо срываете цветочек и держите во рту! Я вам еще не показал Грязный Трусис. Он очень трусливый. Боится сквозняка. Трусис отлично помогает при болезнях носоглотки...

Противогаз, срочно. Такое чувство, будто я забыла селедку в пакете на две недели, а потом открыла и... экспресс лечение заложенного носа за один вдох. В качестве бонуса — промывка желудочно-кишечного тракта. И, возможно, прямо в тот же пакетик.

— А вот Сикус! Моя гордость! — дед снял с полки какой-то горшок с коричневыми цветами. — Я сам его удобряю! Хотите понюхать? Можете пожевать листик! Помогает сосредоточиться! Я сам так делаю!

Я уже мысленно бежала в розовом платье с кружавчиками и в армейском противогазе по полю, где росли Сикусы, Носокусы и прочие Трусисы. Дохлые бабочки валялись под ногами, а я понимала, что если я сейчас же не покину поле, то запах разложения моих останков вряд ли учует даже поисково-спасательная собака.

— Ой! А это что? — поинтересовалась я, глядя на какой-то голый стебелек с единственным жалким цветочком.

— Я еще не придумал ему название, — вздохнул старик. — Возможно, у вас есть варианты.

Я вспомнила, что бывший муж дарил мне по праздникам. Имя цветку напрашивалось

само собой.

— Фигус? — предложила я, глядя на цветочек.

— Замечательно! Я сейчас же внесу его в свой каталог! Фигус! — обрадовался агромаг, беря в руки ручку и отрывая листок. «Фигус» — написал он и примостил возле цветка. — Это чтобы я не забыл! Я могу вам его подарить! Забирайте!

— Спасибо, мне часто дарили фигусы! Ух ты! А это что такое? — я изобразила восхищение при виде огромного коричневого цветка. Он был покрыт огромными, не внушающими доверия, колючками.

— Это Какус! Красивый? Не так ли? Подуйте на колючку! Смелее! Он любит ветерок! — ободрил меня агромаг, подув на цветок. Сразу два бутона расцвели, источая аромат общественного туалета. — Я бился над его созданием два месяца! Он отлично помогает тем, кто часто впадает в уныние.

Первый, кто подарит мне букет из Сикусов, получит ногой в Какус.

— Я уже говорил, что это — необычные цветы. Таких, поверьте, вы нигде не найдете! — гордо заметил старичок, вдыхая полной грудью отвратительный запах. — Они не растут в дикой природе! Почти все здесь в единственном экземпляре! Я сам, лично испытываю их целебные свойства на себе! И вы знаете, помогает!

«Как я тебя узнаю?». «По запаху. У меня в руках будет букет Носокусов!». «А можно я не приду?»

— Но я хотел вам показать не это! Я наконец-то создал настоящий шедевр! Я пока не знаю, как его назвать, но когда вы увидите его, то поймете, что он — совершенство! Ой! Погодите! Вы ведь — девушка? Не так ли? Когда десять лет назад я занялся выведением этого цветка, я решил, что назову его в честь первой девушки, которая его увидит! — старик потер ладошки, ведя меня в какую-то тайную комнату. — Как вас зовут, напомните еще раз?

— Анна! — машинально выдала я, следуя за хозяином по ступенькам в какое-то подземелье.

— Аннус! Вот оно! Именно Аннус! А я-то думал, как же его назвать! Представляете, как вам повезло! Не каждая девушка может похвастаться тем, что ее именем называют шедевр! — гордо заметил магноном, зажигая свет. Он закрыл дверь на ключ и положил его в карман халата.

— Может, лучше Анабелус? — спросила я, с надеждой, что все еще можно исправить.

— Аннус! Только Аннус! Правда, нужно еще что-то добавить к Аннусу... — задумчиво почесался старичок, открывая ржавым ключом старую дверь. — Большой Аннус! Вы на самом деле восхититесь его размерами!

Я всегда знала, что хорошие вещи в честь меня не назовут, но когда увидела своего тезку, я поняла, что «поливать супом нельзя поливать водой» — это только цветочки.

На полу в огромном рассохшемся корыте произрастало нечто страшное. Гигантских размеров корнеплод наполовину выглядывал из-под земли, пуская какой-то вьюнок по стенам. Сам по себе он напоминал воспаленную попу бабуина. Цветочки у него были мелкие, листики тоже, зато на каждом побеге виднелись огромные колючки.

— Я хотел его пересадить, но сами понимаете, это сделать тяжело! — начал старик, любуясь своим творением. — Стал я его как-то вытаскивать...

«Посадил дед репку! Выросла она большая — пребольшая!» — нараспев звучала в моей голове сказка. — «Тянет-потянет, а вытянуть не может!»

— Аннус любит солнечный свет. Стоит немного пустить в подвал солнца, как он

начинает расти невероятными темпами! — заметил дед, подходя к нему поближе. — Вот только вчера я добился того, что он начал цвести! И решил позвать журналистов, чтобы продемонстрировать им свой шедевр! Впечатляет? Не так ли? Мир должен увидеть мой Аннус в лучшем свете!

Нет, не надо! Я вас умоляю! Пощадите!

— Да... — вяло отозвалась я, разглядывая заросшие стены. — А в чем польза от этого... эм... растения?

— Вы записываете? Записывайте! Аннус Плотоядный! Он с удовольствием ест все! Он идеально подходит тем, у кого дома есть домашние животные! — не уставал восхищаться дед. Что-то мне не очень нравится все это. — Он будет с радостью доедать то, что не доели хозяева! Если посадить его на городских клумбах, то проблема с мусором на улицах будет автоматически решена! Представляете, насколько Аннус улучшит жизнь горожан? Кстати, запишите, что там, где растет Аннус, не растут другие растения! Так что он отлично борется с сорняками!

И тут я поняла, что Аннус зашевелился. Точнее, зашевелились его побеги. Слово «побег» вертелось у меня в голове, когда я смотрела, как ползут в нашу сторону его колючие ветки.

— Да не бойтесь вы! Его свойства еще не изучены, но я уверен, что это — прорыв в науке! — старичок протер очки, подслеповато щурясь на свое детище и подходя к нему поближе. — Он не...

И тут я поняла, что побеги обвивают руку деда. Один рывок и половина деда была в «репке». Следует заметить, что Аннус заметно оживился, пытаясь поглотить создателя целиком, как удав.

— Помогите! — орал ученый, пытаясь выбраться из..., а, впрочем, все равно из чего.

— Пусти меня!

По деду потекла липкая прозрачная жидкость. Мама! Я шарахнулась в сторону двери, но дверь была закрыта. «Где светило с мировым именем?» — спросят меня завтра. С каким же удовольствием я отвечу: «В Аннусе».

— Несите сучкогрыз! — верещал местный Мичурин, роняя очки на пол и протягивая ко мне дряблую руку. — Нет! Лучше сучкопил... Ай! Колется! Дайте мне руку! Несите что-нибудь! Вы что? Не видите, что он меня сейчас проглотит!

Я попыталась вытащить ученого, но из-за слизи, обильно текущей по его рукам, мои руки соскальзывали. Аннус увеличивался в размерах. Его щупальца шевелились и расцветали красивыми белоснежными цветками, похожими на цветы яблони.

— У него сейчас просто период цветения! — стонал старик, захлебываясь слизью. — Вы не подумайте, что он опасен! Он цветет один раз в году! Просто я думал, что в это время нужно просто не выходить на улицу. Всему городу.

«Один раз в год сады цветут! Весну любви с тревогой ждут!» — вертелось у меня в голове, глядя на это чудовище. Я снова бросилась вытаскивать деда, отбросив свои бумаги и все сомнения. Приходилось тянуть изо всех сил, но ноги скользили по полу, словно я впервые вышла на каток. Я, чувствуя себя коровой на льду, уперлась ногой в своего тезку. Слизь густела, становилась липкой, словно клей ПВА, но я не сдавалась. Еще немного! Все мои волосы были в слизи, все мое платье было в слизи, а нога по колено ушла в Аннус. Премия Дарвина была близка как никогда! А потом Аннус сыто отрыгнет очками деда и моими документами. Отомстит мне, так сказать, за всю съеденную картошку.

Я потратила пять минут, чтобы попытаться освободиться, и тут дед внезапно вспомнил, что он маг, поэтому попытался использовать заклинание. Красная вспышка озарила подвал. Аннус задергался, а потом вместо того, чтобы выплюнуть нас, стал увеличиваться в размерах. Его молодые побеги поползли по всем стенам, расцветая красивыми белыми, приятно пахнущими цветами.

Я почувствовала, что я уже вся испачкалась в клейковине, сделала рывок и вытащила деда. Тапок на нем был только один, слизь текла с него ручьями, зато цветочек распробовал мою ногу и потребовал добавки в виде остального тела. Так меня не хотел еще ни один мужчина.

— Сделайте же что — нибудь! — взмолилась я, глядя на ученого и пытаюсь высвободиться.

— Эм... Простите, но я не могу... Просто если кто-то узнает, что Аннус опасен, то меня посадят в тюрьму! — пробормотал Мичурин, испуганно оглядываясь и шаря по карманам в поисках ключа. — Меня уволят из Академии, лишат пенсии, надбавки... Так что, простите, что так получилось! Я очень сожалею... Мне действительно очень жаль...

Я попыталась дотянуться до ручки, лежащей на полу. Ручка выскальзывала, но я упорно ловила ее в озере слизи. Наконец мне удалось ухватить ее, и я с остервенением начала долбить ею огромный корнеплод. Из ран нанесенных ручкой вытекало что-то коричневое.

— Что ты делаешь! Десять лет моей жизни! — возмутился агромаг, поскользываясь на полу. — Ты уничтожаешь самое дорогое, что у меня есть!

— Я спасаю самое дорогое, что есть у меня! — простонала я, нанося удары ручкой и пытаюсь высвободиться. Мой тезка опутывал меня своими лианами, но я отчаянно сопротивлялась.

— Я не позволю тебе причинять ему боль! — взвизгнул Мичурин, пытаюсь затолкать меня внутрь Аннуса. — Знаю, вы завтра напишете в свою грязную газетенку, что Аннус опасен! Так что будет лучше, если об этом никто не узнает!

И тут я услышала шаги.

— Помогите! — взвизгнула я, чувствуя, что меня всасывает уже по плечи. Через секунду дверь вылетела, а инквизиция сразу записалась в сборную по фигурному катанию.

— Оно пытается меня сожрать! — заорала я, чувствуя, что захлебываюсь приторной слизью. И тут я увидела, как двое из инквизиции выставили вперед руки и Аннус, первый и, надеюсь, последний в своем роде, разлетелся на части под истерический визг создателя.

— Да как вы смее! Я буду жаловаться канцлеру от магии! Вы превышаете свои полномочия! — визжал Мичурин, грозно размахивая другим. — Это — частная собственность! Вы не имеете права в нее вторгаться!

Я лежала на полу в слизи, понимая, что второго ботинка я уже никогда не увижу. Первый был на месте. И тут со всех веток посыпались белые лепестки. Запахло яблоней. Я сумела встать и, пошатываясь, двинуться в сторону выхода.

— Я напишу на вас, уважаемая, жалобу! — возмущался дед, а потом обратился к инквизиции. — Она сама его спровоцировала! Я говорил ей, чтобы близко не подходила и ветки не обрывала! Женщины любят цветы, сами понимаете. Стоило мне отвернуться, как она тут же оборвала ветку! Но вы не подумайте, что он опасен! Вовсе нет! Просто растениям не нравится, когда у них что-то обрывают!

— Итак, вы задержаны. Оба. Следуйте за нами! — постановил какой-то низкорослый инквизитор. — Останки твари — сжечь! Проверить весь дом!

Обтекая слизью, которая на свежем воздухе превращалась в клей, сплевывая лепестки и ковыляя в одном ботинке, прижимая к груди свои документы, я следовала за патрулем, чувствуя, что после очередного штрафа мой бюджет не оправится никогда. Я попыталась стряхнуть с себя цветы, но они намертво приклеились к платью и волосам. Такое чувство, что я вся медом намазана и работаю исключительно на штрафы. Ирвин Гамильтон шел в халате и всю дорогу рассказывал молчаливому патрулю о том, скольких усилий стоило ему вывести эту плотоядную репку, и сколько пользы она принесла бы, если бы не «эта красавица». При этом маг говорил так уверенно, что даже полиграф пошел бы дымком от напряжения.

— Ну надо же! Пришла писать статью про великого ученого! Я ей говорил! Ничего не трогай! Вот если бы вам что-то оборвали? Растения, они же живые! — грозно возмущался дед. — Так что я требую компенсации! Десять лет работы! Десять лет! Вы представляете?

Через полчаса мы пришли к какому-то высокому красивому зданию. Рядом с ним горели волшебные фонари, освещая огромные окна. Мое отражение впечатляло. Девушка-клумба! Ну хоть не колумбарий, честное слово!

— Срочно дайте мне ручку и бумагу! — требовал старик. — Я сейчас же напишу жалобу! Это — произвол! Я — ученый с мировым именем!

«Ага, а я тогда журналист с мировым именем!» — вздохнула я, пытаюсь содрать с волос прилипшие цвет. Пальцы были липкими, лицо было липким, даже юбка липла к ногам. Я вся была в каком-то сладком сиропе. Пахло от меня просто чудесно. Яблоками.

Нас поволокли на второй этаж. Деда втолкнули в одну комнату, меня в другую. Через полчаса меня позвали. Я с трудом отлипла от стула и обреченно двинулась под конвоем. Мы остановились у какой-то двери, в которую меня осторожно втолкнули. Я так понимаю, после меня еще и руки вытерли.

Дверь за мной предусмотрительно закрылась. Кто заказывал сладкую и липкую женщину?

— А у меня как назло вазы нет, чтобы поставить в нее букет, — раздался низкий голос. День у меня сегодня явно удачный. Передо мной стоял тот, кого я меньше всего хотела видеть. Любитель корабликов. Собственной персоной.

Вблизи он был очень симпатичным, но меня это не утешало. Единственное, чего я не заметила в зале заседаний, так это тонкий шрам справа, идущий со лба, через бровь на щеку.

— Вижу, что вы рады меня видеть, — заметила я, присаживаясь на стул и пытаюсь вытереть глаза. Правый глаз у меня открывался нормально, а вот левый периодически слипался. Ладно, пусть думает, что я ему подмигиваю.

— Я тут подумал над твоим заманчивым предложением. Возможно, я пожалею о своем решении, когда буду считать последнюю копейку, но я — человек очень гордый и принципиальный. Несмотря на всю мою бедность, я бы даже назвал ее страшным словом «нищета», я вынужден от него отказаться, — улыбнулся инквизитор, падая в роскошное кресло.

Глава седьмая... когда говорят про свободу слова, имеют в виду право хранить молчание

Лучше всего схватывается тот клей,
который попадает не туда, куда надо!

— Обидчивость — плохое качество для мужчины, — усмехнулась я, разглядывая дорогой интерьер кабинета. — Но вы подумайте хорошенько. Мало ли как судьба обернется? Я не сгущаю краски, но, сами понимаете, в будущее заглянуть невозможно, поэтому не стоит разбрасываться крайне выгодными предложениями.

Я отлепила от щеки прядь волос. Теперь ею можно стучать об стол. Надеюсь, что завтра мне не придется бриться налысо. Бабка будет рада — экономия воды и мыла! Тряпочкой протерла и красавица!

— Я тоже советую не делать преждевременных выводов. Документы, мисс предприимчивость, — инквизитор протянул ко мне руку. Я отлепила от груди планшет и протянула его навстречу протянутой руке.

Липкий планшет не хотел расставаться со мной. Инквизитор взял его сквозь белоснежный кружевной платок и попытался осторожно вынуть его у меня из рук.

— Боюсь, моя статья про сегодняшние посиделки начнется словами «документы у меня оторвали с руками», — улыбнулась я, делая самый невинный взгляд, пытаясь отклеить пальцы от бумаги. Вблизи канцлер производил очень приятное впечатление, если бы не взгляд. Интересно, каким он был, когда ему было лет двадцать? Думаю, что он был очень даже ничего. Сейчас он тоже очень симпатичный. Не в моем вкусе, но симпатичный. Я снова пытаюсь понять, чем же он покорило сердце бедняжки Анабель? В данный момент я чувствую себя «подружкой», которой решили показать того, кто нравится. «Ну как он тебе? Красивый, правда?» — призрачная Анабель с размытым лицом, рожденная моим усталым воображением, заглядывает мне в глаза. Ее глаза светятся от любви и счастья. «Ну да, симпатичный!» — соглашаюсь я, не потому, что не хочу ранить в душу влюбленную по самые уши, а потому что против правды не попрешь. «А какой умница!» — вздыхает Анабель. «Да, не дурак!» — закатываю я глаза, давая понять, что больше обсуждать эту тему не хочу. Интересно, а что было бы, если бы мы с ней действительно встретились? Нет, мы не поменялись жизнями. Я просто проживаю под чужим именем, не более. Это не значит, что я обязана подражать ей во всем и любить то, что любила она!

— Не оказывай сопротивление, мисс предприимчивость! У тебя уже есть предположения, на какую статью потянет статья? — вкрадчиво заметил канцлер от инквизиции, глядя на меня с порицанием. Странно, он еще не читал, но уже осуждает. Да что ж ты так на меня смотришь?

— Ну да. Мы с вами — почти коллеги. Я имею в виду, что руководствуемся одним принципом: «Был бы человек — статья найдется!» — улыбнулась я, отрывая от планшета пальцы вместе с бумагой, а потом счищая ее на пол.

— Я бы сказал по-другому. Был бы проступок, а наказание найдется. Так как на счет извинений, мисс полное отсутствие совести? — спросил инквизитор, испепеляя меня взглядом. Ничего, даже если меня испепелят, я все равно развеюсь.

— Как человек, я извиняюсь. Да что там извиняюсь! Каюсь, — криво усмехнулась я, глядя ему в глаза. — Как журналист — нет.

— Как человек, я принимаю извинения, — услышала я ответ, сопровождающийся красивой улыбкой, которая тут же исчезла. — Как инквизитор — нет.

— Это хорошо. — вздохнула я, глядя на часы. — Мне, как человеку, на душе стало гораздо спокойней. Зато журналист уже замер в предвкушении.

Я чувствовала, как мои ноги слиплись. Слиплось даже между пальцами на руках и там, где слипается у сладкоежек. В голове промелькнула шальная мысль о производстве универсального клея. Я уже мысленно жалела, что инквизиция уничтожила золотое дно, спасая мне жизнь. Клейкая лента, клей для бумаги, клей для обуви, клей для стекла... Маленькая мануфактура в подвале, я сдохлой крысой на веревке и двумя ведрами для сбора урожая. Закидываешь крысу, дожидаясь обильного слюноотделения плотоядного растения, черпаешь вдохновение и разливаешь по пузырькам. Этикетки можно заказать в типографии. Золотое дно. Главное, что запах приятный. И делиться прибылью ни с кем, разумеется, я не собираюсь. А кто узнает? Жаль только, хорошая мысль приходит опосля. Хотя, кто его знает, может быть, эта росянка слюнявая только в редкие, но опасные периоды цветения? Тогда лучше не надо.

— Может, вам что-то подклеить? Я сегодня отлично клеюсь. Вы не подумайте, что я к вам липну. Вовсе нет, — сардонически заметила я, пытаюсь сдуть окаменевшую прядь волос с лица. — Просто думайте быстрее, а то клей застывает. Скажу честно, клей — отличный. Универсальный. Клеит все. И бумагу, и ткань, и кожу... Особенно между пальцами.

Инквизитор достал какую-то порванную папку. Через десять минут я почувствовала себя клеем-карандашом. У меня остался не только порошок в пороховницах, сопля в соплах и залежи клея в складках платья. Я щедро подклеивала переплеты, склеивала папки, бумаги и даже [книги](#). «Моя ты умница!» — ласково произнесла старенькая школьная библиотекаряша, глядя на подклеенные учебники. — «Почти как новенькие!». «Спасибо, я старалась!» — скромно ответила я, вспоминая, как каталась с горки на своем портфеле битком набитом учебниками, а потом, высунув язык, подклеивала их. Не отказывать же себе в удовольствии!

— Я могу в баночку нацедить клея, — устало предложила я, понимая, что влипла по полной. — Если у вас найдется подходящая емкость, я выжму подол. Просто там еще не все засохло. Благодарности не надо. Меня вполне устраивает то, что домой я уйду вместе с вашим стулом. Боюсь, что в мой интерьер он не впишется, но главное, чтобы я с ним вписалась в дверь. Стул пройдет, пройдет и все остальное. Главное, что с пустыми руками.

— Это может быть расценено с моей стороны, как покушение на чужое имущество, — сощурил желтые глаза инквизитор. Я поймала отблеск его очков. Он пристально смотрел на меня, а я начинала заметно нервничать. На часах было уже полдвенадцатого.

— Как там говорится? Поймать вора за руку? — я посмотрела на свои грязные и липкие руки. — Я ведь стул выносить собираюсь не руками. Так что вам придется ловить вора за другое место. Поверьте, вам будет очень неудобно это делать. Мне тоже...

— Совесть замучает? — поинтересовался канцлер от инквизиции присаживаясь в свое кресло и поправляя ручку, лежащую на столе рядом со стопками бумаг, аккуратно сложенных уголок к уголку.

— Дело не в совести. Дело в том, что я не знаю, пройду ли я с ним в дверь. Так или иначе, догнать меня не составит труда. Поверьте, я далеко не убегу! Но постараюсь, — я уже не знала, смеяться мне или плакать. Нервишки шалили так, что пора бы их поставить в угол. Маленькие террористы, требовали печенья, конфет, горячей ванны и чая, но, увы, ничто из вышеперечисленного мне не светит.

Иногда настигает такое чувство, когда действительно грустно и смешно одновременно. Это бывает тогда, когда попадаешь в идиотское положение. Такое, как у меня сейчас, например.

— Мне нравится твой оптимизм. Как человек, я с радостью отпущу тебя домой, а как инквизитор, я еще не решил, — заметил канцлер от инквизиции, не сводя с меня испепеляющего взгляда святоши и праведника. Я даже проверила, нет ли на мне дыры, которую он прожиг. Да нет, вроде еще нет.

— А я, как человек, скажу большое спасибо, зато как журналист обязательно опишу особенности тюремного быта во всех подробностях, — парировала я, глядя как он осторожно разворачивает мои слипшиеся документы.

— Анабель Эрланс. Отличный псевдоним, — произнес канцлер, снова глядя мне в глаза.

— Не жалуюсь, — я отвела взгляд, изучая красивые и явно недешевые обои. На самом деле я только что сломала об него свой скан-детектор эмоций. В приборе для чтения чужих мыслей по глазам произошло короткое замыкание. Запахло горелым.

— Не хочешь почитать, что про тебя пишут? — поинтересовался инквизитор, протягивая мне лист бумаги. Да, я и сама понимаю, что душевный разговор не клеится, зато все остальное склеилось прекрасно.

Дедушка с богатой фантазией разошелся на три листа. «Я — ученый с мировым именем! Я — заслуженный член президиума магического совета, почетный профессор Академии, автор более трех сотен монографий, научных трудов Ирвин Гамильтон обращаюсь к канцлеру от инквизиции. Сегодня я подвергся нападению. Под видом журналистки преступница проникла в мой дом, нанесла непоправимый урон моей репутации и моему имуществу! В результате ее бесчинств пострадал бесценный экземпляр Аннуса, названного в ее честь...»

Я боюсь даже писать статью про этого товарища, потому, что стоит назвать пару его растений, меня растерзают. Сначала на цитаты, а потом на кусочки. А за то, что произошло, я была бы не прочь помочь ему склеить ласты. Благо клей с меня течет в избытке.

— Впечатляет! И это все я? Взгляд со стороны, конечно, хорошо. Только смотря с чьей. Ну что ж. Готовьте штрафы и готовьтесь к тому, что я буду погашать их за ваш счет. Мучимая совестью, как человек, и алчно потирающая руки, как журналист. Вам же все равно, как все было на самом деле? — вымученно улыбнулась я, просматривая все претензии к моей персоне. Лицо стянуло от клея, поэтому даже улыбка стоила мне невероятных усилий.

Ответить мне не успели. На пороге стоял канцлер от магии собственной хмурой персоной, а за его спиной маячил «ученый с мировым именем», он же кляузник по совместительству. Над главмагом не хватало только тучки, которая поливает его дождиком, а над головой «светилы» — начищенного до блеска нимба.

— Проходите. Вы слегка опаздываете, — заметил инквизитор, глядя на красивые часы, украшающие стену его кабинета. «Уж полночь близится, а Германа все нет!» — мысленно вздохнула я, понимая, что отмоюсь я еще не скоро. Если я сегодня не отмоюсь, завтра не отмоются все присутствующие.

— Я так понимаю, что это — та журналистка? — заявил канцлер от магии, заходя в кабинет. — Я как раз хотел поговорить по поводу завтрашней статьи, которую, я так понимаю, она собирается написать.

— Присаживайся, — канцлер от инквизиции указал на кресло. Маг прошел и сел в

предложенное кресло. Ирвин сел на стульчик рядом, всем своим видом показывая, что правда на его стороне. — Сейчас тебя, мисс предприимчивость, будут учить, как правильно писать статью про ученого с мировым именем.

Вы время видели? Меня в двенадцать ночи будут учить, как правильно писать. Несите прописи! Сейчас займемся правописанием и левописанием.

— Я предлагаю разойтись по-хорошему. Завтра мы ожидаем увидеть серьезную статью про «великого ученого, внесшего колоссальный вклад в науку». Ваша журналистская работа — представлять людей в выгодном свете, поэтому я настаиваю на том, чтобы статья не выходила за рамки приличия. Все названия растений вы можете заменить на более благозвучные. На свое усмотрение. Мы готовы предоставить всю необходимую информацию, — произнес канцлер от магии, глядя на меня темными колючими глазами и хмурая черные кустистые брови.

Ну да, я ведь — журналист, а не репортер. Для репортера главное — скорость, а для журналиста — качество. Не в первый раз «пишу» интервью. Если вы думаете, что те интервью, которыми пестрят газеты и журналы — настоящие, то я, наверное, вас сильно огорчу. Не каждый человек может давать интервью. Далеко не каждый. И не каждый журналист может расположить к себе жертву так, чтобы получился диалог. Я не говорю про публичных людей, привыкших давать интервью за интервью. Они — профессионалы. Они — актеры. Написанное «мы встретились с имярек в его кабинете» чаще всего на самом деле выглядит так «я целый вечер сидел и обрабатывал корявые ответы, присланные его секретарем на электронку». Или это выглядит, как лихорадочная стенография «брета сивой кобылы» для дальнейшей художественной обработки до удобоваримого состояния.

— Ирвин Гамильтон — великий ученый. Его растения спасли жизни тысячам людей. Они широко используются в медицине, в парфюмерии, в магии. Думаю, что вам стоит уважить чужие заслуги. Об инциденте, который произошел, думаю, упоминать не стоит. Тем более, никто серьезно не пострадал, — пояснял мне канцлер от магии, пока «великий ученый» рядом чинно кивал, соглашаясь со всем сказанным.

Я промолчала, вспоминая, скольких душевных терзаний стоит превратить «мычащего быка, который не может связать два слова» в «интеллигента в седьмом колене, спокойно цитирующего Шекспира в оригинале наизусть». Легким движением пера «невменяемый неадекват» превращается.... превращается... в «образец для подражания». Реальное: «По пацански отвечаю за базар! Если че — бью рожу! Гы-гы-гы!» в тексте звучит примерно так: «Я — человек слова. Как говорил Вальтер Скотт: «Меньше скажешь слов, скорее справишь дело!» В связи с этим я стараюсь быть немногословным, а доказывать свою правоту исключительно поступками». Аплодисменты — в студию! Гонорар — в карман!

— Простите, но вы сами понимаете, о чем вы меня просите? — скривилась я, глядя в глаза канцлеру от магии. — Разумеется, перечислять все я не собираюсь, но при этом упускать важные детали не намерена. Никакие заслуги в прошлом не смогут покрыть позор настоящего. Выживший из ума старик, заседает в президиуме, входит во все возможные советы исключительно за прежние заслуги, а в свободное от заседаний время занимается сумасшедшими и опасными экспериментами, один из которых чуть не стоил мне жизни. При этом он врет на каждом шагу, поливает меня грязью и пытается выставить виноватой. Что еще можно добавить? Ничего.

В голове уже вертелся неплохой заголовок: «Пошлое настоящее прошлых заслуг». Но я отмела его, как неблагозвучный. Как журналист я не в обиде. А вот как человек....

— Да как ты смеешь! — возмутился Ирвин, вскакивая с места. — Я — заслуженный...

— Вы играете с огнем. Сами понимаете, чем может обернуться для вас правда, — перебил канцлер от магии, сплетая пальцы и хмуро глядя на меня исподлобья.

— Зато я прекрасно понимаю, чем обернется моя ложь. Пусть даже ущерб себе, но во благо чужой репутации, — усмехнулась я, идя на принцип и чувствуя себя, как двоечник на педсовете. — Я напишу статью. Упущу, так сказать некоторые подробности, но факт того, что прошлые заслуги не имеют ничего общего со старческим маразмом, я обязательно раскрою.

— Я еще раз повторяю, — зловеще произнес канцлер от магии. — Статья должна быть серьезной. Да, действительность придется приукрасить, но это — ваша работа. Если бы не Ирвин Гамильтон, то половину города стерли с лица земли эпидемии. Так что своему появлению на свет вы обязаны ему! За вами никто не стоит, поэтому я бы не рекомендовал вам...

Я почувствовала, как кто-то положил руки на спинку моего стула. Я даже не оглянулась. Не скажу, что этот странный жест придал мне самоуверенности, скорее он заставил меня слегка напрячься. Попасть между молотом и наковальней — сомнительное удовольствие.

— Вы же понимаете, чем чревата для вас правда? Даже с морально этической стороны? — поинтересовался канцлер от магии, внезапно сменив тон. — Человек, сидящий перед вами — легенда. Имейте же уважение. Элементарное уважение к чужим заслугам.

— Искажения фактов в угоду прошлым заслугам — неприемлемо, — раздался позади меня голос инквизитора. — Я вспоминаю о прошлых заслугах только при вынесении приговора рецидивистам.

— Я настаиваю на том, чтобы преступницу наказали по всей строгости закона! Мой бесценный Аннус, который я имел глупость назвал в честь это бессовестной девицы, пострадал из-за нее! — орал Ирвин, заглядывая в глаза своему защитнику, тыкая в меня пальцем и вскакивая со стула. На нем был все тот же слипшийся халат, одинокий тапок и заляпанные клеем очки. Жалкое зрелище. «Легенда становится психом!» — промелькнул в моей голове спонтанный заголовок. Неплохо. Совсем неплохо. Я подумаю.

— После этого заявления, я намерен ввести цензуру на названия, — раздался позади меня голос. — С завтрашнего дня мое постановление вступает в силу. Одной бессонной ночи вам должно хватить, чтобы достать словари и вспомнить правила словообразования и благозвучия. В противном случае я каждое заседание буду зачитывать особо понравившиеся названия вслух. Ирвинг Гамильтон! Будет справедливо, если я начну с вас. И если кто-то рассмеется, я приму меры. Даже с учетом прошлых заслуг, боюсь, что ваше кресло освободится очень скоро и его займет более достойный кандидат.

«Да здравствует наш суд! Самый гуманный суд в мире!» — промелькнуло у меня в голове. Канцлер от магии нахмурился и подался вперед. Ирвин надулся от гнева, как индюк, захлебываясь от негодования.

— Нет! Ни в коем случае! — заорал Ирвин, дергаясь на своем стуле. — Я внес их во все каталоги! Я уже написал по ним целую стопку научных трудов и монографий!

— Кто учил вас перебивать? Вам не говорили, что это — невежливо? Даже для ученого с мировым именем, — вкрадчиво заметил инквизитор, стоя позади меня. — Сколько статей нужно написать, чтобы получить право перебивать? Предоставьте завтра перечень научных изданий и требования к оформлению. Я займусь этим вопросом в свободное от работы время.

Ирвин возмутился, но канцлер от магии бросил на него уничижительный взгляд.

— Я протестую! Я... — возмутился агромаг, глядя куда-то вверх. — Это инквизиционный произвол! Эта девица заслуживает тюрьмы! Я требую для нее наказание по всей строгости закона! Я не собираюсь молчать! Да вы знаете, кто я? Я — Ирвин Гамильтон! И я не позволю закрывать мне рот!

— Покиньте помещение. Акции протеста вы можете спокойно проводить в коридоре, а если быть точнее — на улице. Дверь открывается наружу. Достаточно просто повернуть ручку вправо до упора. Благодарю, — раздался голос позади меня, сопровождаемый шумным вздохом.

Ирвин бросил презрительный взгляд на канцлера от магии, который за него не заступился. Тот в свою очередь взглянул на часы. Ирвин никуда уходить не собирался, молча протестуя и пылая гневом.

— Я предлагаю вам скромное вознаграждение за моральные страдания и испорченное платье в размере тысячи эрлингов, если завтра в газете появится красивая статья о том, как ученый с мировым именем показывал вам плоды своей научной деятельности. Обязательно укажите, какой вклад он внес в науку. Не думаю, что стоит перечислять все его научные труды, но основные должны фигурировать в статье. Обязательно. Если будут какие-то вопросы, мы вам все расскажем и поможем грамотно составить библиографию. Этот человек действительно прожил всю свою жизнь, помогая другим.

Я молчала и смотрела на протянутые мне деньги. То, что было в подвале — цветочки. Сейчас мне в любом случае попадет на ягодки. Молот застыл над наковальней.

— Я уже высказала свое мнение, — ответила я, с сожалением отворачиваясь от протянутых денег. — Это — моя принципиальная журналистская позиция. Инцидент в красках описывать я не стану, но упоминание о нем будет.

Маг посмотрел на меня нехорошим взглядом, а потом нахмурился и вышел из кабинета. За ним засеменил в одном тапке Ирвин, бросая грозные взгляды в мою сторону. Дверь хлопнула так, словно кого-то только что пристрелили.

— Я могу идти? — спросила я, пытаюсь оторваться от стула. Несмотря на все нехорошие предчувствия, я смогла отлипнуть, глядя на безнадежно испорченную мебель философским взглядом любимой кошечки.

— Да. Тебя проводят, — произнес инквизитор, отворачиваясь. — Утром тебе выдадут новые документы взамен испорченных. Ах да. Завтра, чтобы я тебя не видел в Академии. Если увижу — пеняй на себя. Poiщи другие темы для сенсаций.

Когда я шла по улице в сопровождении двух патрульных, со стороны это напоминало конвой. Такое чувство, будто они вели меня в тюрьму. Хотя, так оно и есть. Если для кого-то дом — это крепость, то для меня — это тюрьма. Моя облезлая тюрьма в ночном сумраке выглядела все так же убого и гнусно. В почтовом ящике я нашла письмо-уведомление о том, что вместо пяти тысяч мне следует уплатить всего лишь пятьдесят эрлингов. Я так же обнаружила письмо по поводу непогашенной задолженности за пять лет. Философски взглянув на пятизначную сумму, я вздохнула.

Меня довели до двери, которую я открыла своим старым ключом, мысленно пытаюсь мобилизоваться перед неизбежной головомойкой.

— Что это значит? Да как ты выглядишь? — был призрак, капающий мне ядом на напряженные нервы. — Не может быть! Тебя опозорили! Чужло мое сердце! Позор! Не для того тебя растили, не для того тебя кормили, чтобы... Да кто ж тебя после этого замуж — то

позовет? Да что ж мне с тобой делать?

— Оставить в покое! — огрызнулась я, погружаясь в теплую ванну. Клей постепенно размокал и смывался. Волосы после вынужденной яблочной маски были гладкие и шелковистые, кожа на лице — упругой и нежной, а на поверхности воды плавали белые, приятно пахнущие лепестки. Деревянное платье и дубовые панталоны стояли у стены.

— Ой не думала, что доживу до того дня, когда моя внучка опозорит нашу честную фамилию! Да что бы сказал твой отец, узнав о том, тебя облили на улице помоями за твое развратное поведение! — возмущалась бабка, пытаясь спустить воду, но я зажала пяткой слив, не обращая внимания на крики.

Я лежала в воде, смывая с себя остатки клея, и думала над статьей. Нет, это будет не интервью. Это будет нечто другое. Через полчаса я сидела в своей комнате, сушила волосы полотенцем и писала.

«К вашим услугам — прежняя заслуга»

Статья посвящается некогда великому ученому Ирвину Гамильтону.

«Здравствуйте! Приятно познакомиться, я — ваша прежняя заслуга на магическом поприще! Я обеспечиваю вам пожизненную пенсию, уютное кресло в президиуме и совете. Я дрожащей рукой подписываю научные работы студентов и преподавателей, не читая их и не вникая в их суть. Я никогда не признаю свои ошибки. Именно на мне держится вся магическая наука. Я поучаю молодых и заставляю признать тот факт, что если бы не я, то их бы на свете не было. Именно благодаря мне, мой уважаемый обладатель, на вас смотрят с благоговением, прощая старческое слабоумие, опасные эксперименты, бредовые идеи. Я рада, что спустя столько лет, я обеспечиваю вам достойную и обеспеченную старость.

Но я очень устала. Мне надоело, что меня постоянно используют, как грязный носок в любом споре, чтобы заткнуть рот оппоненту, мне стыдно, что я служу для вас щитом от правосудия. Я хочу, чтобы меня наконец-то оставили в покое. Я не хочу прикрывать ваш вчерашний инцидент с опасным растением, которое вы вывели у себя в подвале, и которое чуть не отправило на тот свет своего создателя и его гостью. Я предпочитаю остаться в прошлом, не имея никакого отношения к вашему бредовому настоящему и сумрачному будущему. А.Э.»

Да, интервью без слез не вспомнишь. А если еще воспроизвести в памяти все детали, то к слезам прибавятся ночные кошмары. Думаю, будет лучше, если это будет просто статья. Я несколько раз перечитала, поправила некоторые моменты, а потом положила листок перед собой на столе, вглядываясь в собственный почерк, словно между строчек я мечтаю увидеть свое будущее. Итак, отдавать это на публикацию или порвать? Как мне поступить? Взгляд снова зацепился за пыльный альбом, сдвинутый трясущейся от негодования рукой на край стола. Я пролистала страницы, посмотрела в нарисованные глаза и решила, что статье быть. И точка. А дальше — посмотрим. Я спустилась вниз, свернула бумажку, написала адрес редакции и засунула в почтовый ящик. Письмо исчезло. Дело сделано. Теперь пусть редактор решает, издавать или нет.

Я легла спать, а ночью проснулась от крика.

— Собирай свои вещи! Вон из моего дома! — заорала бабка, появляясь из стены. — Пропавшая! Опозорила семью!

— И куда я пойду на ночь глядя? — поинтересовалась я, пытаясь прикинуть, который час.

— Где шлялась, туда и иди! — категорично постановил призрак, нависая надо мной и

высверливая во мне дырку. — Вон из моего дома!

— Вообще-то ты умерла, и этот дом принадлежит мне! Убирайся отсюда! — возмутилась я, вскакивая на кровати и пытаюсь ухватить призрака.

— Да ты что такое говоришь? — скривилась бабка, потрясая сухоньким полупрозрачным кулачком. — Мерзавка! Бабушку выгоняешь из ее собственного дома? Еще и смерти ей желаешь? Уходи, откуда пришла! Быстро!

Я сонно представила, как робко стучусь в дверь кабинета канцлера от инквизиции. Он открывает мне, а я такая:

— А можно я у вас переночую на стульчике? Моя мертвая бабушка меня к вам послала!

— Никуда я не пойду! — возмутилась я, с ненавистью глядя на призрака. — Я могу тебе справку принести, что я находилась у канцлера! И вообще, я работаю журналистом!

Бабка посмотрела на меня таким взглядом, словно я только что призналась в тройном убийстве с отягчающими.

— Лучше бы ты была уличной шлюхой! — постановил призрак, глядя на меня с ненавистью.

— Одно другому не мешает, — закатила глаза я, смеясь и постанывая одновременно. Завтра, кровь из носу, я ищу себе жилье или экзорциста. Сил моих больше нет!

Глава восьмая... в критической ситуации герои погибают первыми

За деньги умирают только герои фильма.

Настоящие герои делают это бесплатно!

Сразу три разгромных статьи всколыхнули праздное болото общественности с самого утра. Все три газеты разметали с прилавков, стоило их только выложить. Две статьи касались меня. Одна была моей. Главная страница «Магического вестника» уверяла, что призраков не существует, что я, мягко говоря, — дочь Копперфильда, внучка Гудини, правнучка Великого Комбинатора и Мадам Грицацуевой. А дальше шло многоуровневое и заумное доказательство теории о том, что спиритические явления невозможны, согласно десятку невнятных законов. Автором статьи был некий заслуженный профессор волшебной палочки, лауреат премии «Держи грамоту и чтоб больше мы тебя больше не видели», П. Каспер. Зато я выяснила, что главмага зовут Освальд Олдридж. Теперь осталось выяснить имя главного инквизитора. Как скромный человек он игнорирует не только транспарант, бейджик, упоминание о себе в статьях, но и элементарную табличку на двери кабинета, активируя во мне режим Штирлица.

Если в «Магическом вестнике» я была просто мошенницей, то в «Справедливости и законе» — «девушкой, торгующая семейной честью!». За «девушку» — отдельное спасибо. Я, оказывается, неплохо сохранилась в вечной мерзлоте первого брака сдохлым эстонским ленивцем. Я пробежала глазами абсолютно бездарную статью, преисполненную гневом, миазмами и чопорной брезгливостью. «Издаваться над мертвым пожилым человеком — это кощунственно! Призраки в первую очередь — люди! Предлагаю внести законопроект по защите прав призраков на государственном уровне и назначить им достойную пенсию!» По логике вещей, завершаться она должна была фразой «сжечь ведьму на костре. Дрова, факел, веревки и жидкость для розжига предоставляем. С вас — обвинительный приговор». Так же у моралистов возникли сомнения относительно того, а удобно ли пожилому несчастному призраку в моем обветшалом доме? Не слишком ли я бедна для привидения? Я даже проверила кто автор. Мне с первого слова показалось, что статья будет подписана «дружная семья пуритан», но нет. Эта эмоциональная статья была без подписи. На счет пенсии — я согласна. Век живи, век получай. Надо думать о том, что после этих журналистских потуг, горожане постарались забыть дорогу к моему дому.

Были интересные и познавательные статьи, откуда я почерпнула новые сведения.

Первая статья была опубликована в «Магическом Вестнике». Суть ее сводилась к «меньше народа — больше кислорода!». Автором был почетный член магического совета Теодор Мальпус. В этом году смертность превысила рождаемость, в связи с чем «поздравляем, продолжаем в том же духе! Мир станет лучше, мир станет чище, и нечего нищету плодить!».

В «Справедливости и законе» была заметка Лоренса Баля, который считал, что мы все выйдем «как драконы», если срочно не будем размножаться со страшной силой. Надо будет подколоть одного товарища, если очередные душевные посиделки в его кабинете слегка затянутся. «А что ты сделал ради увеличения популяции?» — звучал призыв в последней строке. Я к тому, что вечером все нормальные люди «дома под одеялом популяцию увеличивают, а не засиживаются на работе допоздна, наматывая мои нервы на железный

кулак правосудия». Третий абзац. Шестая строчка сверху. Я все запомнила.

Народ, пробегая глазами утренний выпуск «Горькой правды», хихикал. Парочка студентов с эмблемой Академии на куртках с восторгом обсуждали «ископаемых» сотрудников магического конклава, наперебой предлагая кандидатуры. «Винсент Оуэн? Ха-ха! Как он там? Эм... О чем это я говорил пять минут назад? Эм...», «Ой, стой-стой-стой! Как на счет Элвина Бри? Кто я? Где я? Кто здесь? Что вы делаете в моем доме? Ха-ха!».

В десять часов я, не смотря на предупреждение, стояла возле входа в Академию, вооружившись «авоськой». Если у пессимиста есть черный чемоданчик «Знал бы, где упал...», то у оптимиста всегда найдется «авоська», в которой лежит целый комплект «авось пронесет!», «авось повезет!», «авось не заметят!».

Кто-то положил мне руку на плечо, заставив меня нервно обернуться.

— Ты — просто молодчага! Ирвина исключили из совета! Сегодня утром! По требованию канцлера от инквизиции! О! Ардал! Я чуть не сказал ему спасибо! — радостно заметил Томас, глядя горящими глазами на газету, свернутую в трубочку. — Я тут просто думал, а стоит ли попробовать свои силы? Даже свои работы взял на всякий случай... Честно, если бы ты не пришла, то я вряд ли стал бы пробоваться, но... Теперь я понимаю, что хотя бы в одной газете, я не буду выглядеть дураком!

К нам пробивался сквозь толпу не выпавшийся Джеральд, прижимая к груди несколько потрепанных учебников и широко зевая.

Судя по тому, что подозрительная, как агент ноль-ноль-семь, старуха на входе меня пропустила, я действительно походила на студентку. Я сразу представила объявление на дверях Академии. «Срочно требуется пожилая женщина с прогрессирующей деменцией, для непыльной работы! Борзость, внушительная комплекция, сверлящий взгляд, громкий и противный голос приветствуются!»

Толпа внесла нас в богатый холл, украшенный со всей помпезностью, на которую только способны архитекторы — колхозники. Золотые завитушки, огромная, похожая на свадебный торт, люстра, зеркала и мраморный пол, свидетельствовали о том, что учиться здесь очень почетно и престижно. В своем «новом» коричневом, как академическая форма, платье, с бумагами для записи и ручкой, я отлично мимикрировала под студентку, прикрывая планшетом отсутствие нашивки на груди.

— Стоять! А ну-ка! Покажи, что у тебя из кармана торчит? Газета? Так, «Магический вестник» — можно. Проходи! А ну ты! Да, ты! Давай сюда, умник! Как имя фамилия? Коллинз? Коллинз, значит. Записывай! Газету сюда! — раздавалось откуда-то из входа в зал. — Мне что? Тебя обыскивать? Бросай в кучу! И вы двое! Чего улыбаетесь? Быстро бросили газеты!

Мы продвинулись вперед, увидев, как перед входом стоит сухонькая дама, записывая имена и фамилии студентов, которые решили принести «Горькую правду» в стены родной альма-матер. Какой-то грузный, слегка взъерошенный маг в синем сюртуке, сверкая глазами и заложив руки за спину, отслеживал любителей «свежей прессы». Я осторожно бросила газету на пол, пользуясь тем, что «прессодетектор» собрал целую очередь. Списки «на потенциальное отчисление», как заметила я краем глаза в заполняемой бумажке, уже заложили фундамент второго столбика. «А кто тогда учиться будет?» — промелькнуло в голове, когда я снова бросила осторожный взгляд на писанину. Когда стал формироваться третий столбик, «список на потенциальное отчисление» зачеркнули и написали поверх «список для профилактической беседы».

Стену украшали красивые надписи, выполненные в сверкающей позолоте:

«Знаний дорога пряма,

О, юный друг!

Магия — это сила ума и рук!»

«В чем сила, брат? — В деньгах! — А вот и нет. Вся сила в руках. Пощупай мои бицепсы!» — тихо сам с собой развлекалась я. Так! Тихо! Где-то в этих стенах завелся поэт — пирожочник! Я подозрительно осмотрелась и прищурилась. Где ты, гений от литературы?

«Мы бережем наши знания!

Издревле так повелось.

Гордиться своим признанием...

Дальше я не сумела прочитать из-за голов студентов, но у меня напрашивалось обреченное «пришлось». Так же был также вариант подписи. «Лось».

Но я поборола себя и решила не смотреть на стены, во избежание приливов неуместного вдохновения. Искушение поднять глаза и насладиться гениальными стихами, было так велико, что я даже закусил губу от волнения. В голове роились экспромты. Я несколько раз повторила этот стишок, чтобы не забыть и записать при удобном случае.

«Есть у меня чувство,

Что в магии я — эксперт!

Требует это искусство

Жертв».

Очередь дошла и до нас. Меня обыскали на предмет запрещенной прессы, даже не подозревая, что я — ее официальный представитель. На полу валялась куча одинаковых газет, явно подлежащих сожжению после долгой и мучительной, как ночная зубная боль, лекции.

— Томас, у тебя нет шансов! — философски заметил Джеральд, морща нос перед зеркалом и приглаживая рыжие волосы. — Ты только посмотри на себя! Ты же — не убежденный сединой старец с заслугами и орденами, ты — просто преподаватель. Думаю, что тебя не пропустят из-за «юного» возраста! Не дорос еще! «Руки, которые не дрожат в старческой трясучке, не могут сотворить ничего стоящего!»

— Помню-помню. Да ладно тебе, — Томас провел пятерней по своим темным волосам. — Между прочим, я — автор теории дифференциации стихий, согласно когерентного распределения магических сил!

— Ага, только почему-то рядом с ней значится не твое имя! — съехидничал Джеральд. Томас закатил глаза. — Почему-то автором ее является профессор Чарльз Блеквуд, светило магической науки, которому ты, будучи выпускником, по наивности показал свои рукописи. Он разнес их в пух и прах, чтобы через месяц предъявить ученому совету «новое научное открытие» и войти в историю, как автор лучшей теории за последние пять лет.

В голове вертелся заголовок «Кому-то — зачет, кому-то — почет!». Оплот предприимчивых и алчных до наград и регалий маразматиков радует меня, как журналиста поводом для сенсаций, но огорчает, как незащитного человека.

Я заняла место недалеко от выхода, возле какой-то статуи. Народу в зале было не так много, как я предполагала. Либо все привыкли к тотальной несправедливости, либо маги всерьез опасались очередного инцидента, пытаясь свести список потенциальных жертв до минимума.

Томас спустился к квалификационной комиссии, разместившейся за отдельным столом

в позолоченных, оббитых мягким красным бархатом креслах. Средний возраст комиссии по моим меркам приближался к восьмидесяти. Один дед в синем сидел, насупившись как сморчок, и нервно тряс головой. Другой дедушка не знал, куда пристроить длинную бороду. Положить на стол или засунуть под стол. Вопрос, конечно, непростой и требующий безотлагательного решения. Неподалеку от них сидела стервозного вида старуха, протирая очки и кривясь. Ректор, старый и надменный тип, уверенный в собственном неоспоримом превосходстве над простыми смертными, восседал во главе стола, поглядывая на часы. Верховный маг почему-то не почтил своим визитом столь важное событие.

После нудного вступительного слова, произнесенного в торжественной тишине, на «сцену» вынесли первого кандидата. Я говорю «вынесли», потому, что сам он, к сожалению, уже не ходил. Следом за ним выволокли целую стопку научных трудов, свалив их на стол «жюри», которое сразу зашепталось и закивало. Старичок посидел немного, а потом его унесли, прихватив все его бумаги. Что? И все? А где шоу? Почему не называли его имя?

— Это — Говард Браун, — шепотом произнес Джеральд, присаживаясь рядом. — Ему около ста лет! Некогда прославился тем, что сумел создать бездровный огонь. Это было шестьдесят лет назад. А сейчас, поговаривают, что он уверен в том, что за ним следят. Он требует, чтобы окна были зашторены, дверь заперта, а все разговоры велись шепотом.

— Ас чего это вдруг его потянуло обратно? Он, я так понимаю, на пенсии? — шепотом поинтересовалась я, глядя как комиссия совещается, кивая друг другу.

— Ха! А ты разве не в... хотя, да. Как раз ты — не в курсе. Понимаешь, год назад, после одного инцидента, инквизитор выпустил закон о том, чтобы лишить престарелых магов, вышедших на пенсию магической силы. То есть, фактически, по достижению определенного возраста инквизиция лишает их магии в профилактических целях. Но какой маг захочет стать немагом на старости лет? Вот и пытаются старые пеньки пролезть всеми правдами и неправдами в Академию. Дескать, я еще «ого-го!» — пояснил Джеральд. Я приняухалась. Мне был неприятен его запах. Пахло старыми носками, потом и какой-то кислятиной. Ладно, потерпим! Студент, что с него возьмешь?

На импровизированную сцену вышел скрюченный и агрессивный дед в сером костюме с подобие жабо. Он посмотрел по сторонам, рывкнул что-то молодому магу, который вынес целую стопку макулатуры, свалив ее в общую кучу к макулатуре предыдущего соискателя.

— О! Профессор Арчибальд Рендау! Собственной персоной, — снова зашептал Джеральд. — Как он там говорил? На «отлично» знает сам Ардал, на «хорошо» знаю я, а остальные на удовлетворительно и неудовлетворительно. Припадочный тип. Том про него часто рассказывал.

Он не с первого раза сумел сделать какой-то жест дрожащей рукой. Какая-то светящаяся лента Мебиуса стала увеличиваться в размерах, а потом внезапно потухла. Комиссия зашушукалась, шурша бумагой. Ректор покачал головой и нетерпеливо постучал ручкой по столу. Старик с ненавистью взглянул на свои трясущиеся руки, а потом перевел взгляд на зрителей, которые потешались над его неудачей.

Чтобы дотащить научные труды третьего соискателя понадобилось несколько ходок. Сухощавого деда с военной выправкой зрители встретили одобрительно. Он ловко создал огненную змею, которая пролетела над головами всех

присутствующих. Комиссия с сомнением переглядывалась.

Краем глаза я заметила, что все кандидаты садились в первый ряд. А вот и Томас. Он со своими жалкими листочками, в старом сюртуке, выглядел очень скромно. Том положил свои

листки на заваленный стол комиссии. Старуха протянула руку к научным работам Тома, скривилась так, что Бабу Ягу в детской спектакле она может играть без грима. Особо впечатлительным деткам родители обязаны закрыть глазки во избежание неизгладимой травмы неокрепшей психики.

Томас стал творить настоящие чудеса. Огонь, вода и воздух в его руках превращались в нечто невообразимое. Комиссия смотрела на него

неодобрительно, мол, куда лезешь? Дед с бородой закатил глаза, ректор отвернулся в сторону, зевая и глядя куда-то себе под ноги.

— Том, конечно, — красавец! — восхитился Джеральд, глядя как зачарованный на выступление Тома. — Кстати, он — мой двоюродный брат. Лучший стихийник из всех, кого я знаю.

— Да ты что? А как же день нашего знакомства? — скептически поинтересовалась я, опасливо глядя на то, как Томас выделяет фокусы с огнем рядом с грудой бумаг. Я бы не рискнула. Репортаж из горящего танка на дрожащей коленке оторванными руками — это совсем не то, о чем я мечтала!

— А! Ты про это... — вздохнул Джеральд, сжимая кулаки. — Джей Камерон, наш с Томасом куратор, — анимат. Он дал мне клетку с тем чудовищем! Просто на клетке значилось «БН», то есть экземпляр без номера. Мы его прозвали Боней. Первые два дня мы даже боялись подходить к клетке. Мы пытались накормить эту тварь, но Том чуть не остался без руки. Мы вели дневник, записывали результаты, вызвали журналистку для статьи, которая необходима для защиты... Мне самому страшно вспоминать. Боня за неделю вымахал так, что клетка стала ему мала. Мы обратились к профессору Камерону, мол, что делать? Он ответил — наблюдайте. Все в порядке. Так и должно быть. И в один прекрасный момент, клетка не выдержала! Боня бросился на Анабель, ранил ее, но Тому удалось ее отбить. Мы спрятались в комнате. Я попытался исцелить Анабель, но было уже поздно. Нам очень жаль, что так получилось...

На Томе смотрины окончились. Комиссия активно начала совещаться, шурша бумагами. Кандидаты вышли на «сцену». Том стоял понуро, понимая, что ему не светит ничего. После обмена кивками, объявили, что должность заместителя ректора Академии займет Говард Браун. Остальным — спасибо за участие. Старичок — победитель прищурился, подозрительно оглядываясь по сторонам. Да, мы все за тобой следим... Особенно сейчас... Скрюченный профессор Рендау, крайне разочарованный результатом, начал спорить с комиссией. Ректор что-то ему ответил, на что дед покраснел, позеленел, скривился, как урюк и стал громко возмущаться, обвиняя комиссию в некомпетентности, ректора в предвзятости, победителя в мошенничестве, а зрителей в молчаливом согласии.

— Да как вы смеете! Я не собираюсь на пенсию! Не хватало, чтобы меня лишили магической силы! Я требую, чтобы... — заорал профессор, размахивая руками и захлебываясь от гнева. — Быть немагом — это позор для почетного члена академии магических наук! Я требую справедливого решения!

Комиссия попыталась утихомирить его. но было тщетно. «Там чудеса, там леший бредит...» — пронеслось у меня в голове. Кажется, я начинаю понимать, что к чему.

— Мы найдем для вас должность. Вам до пенсии остался месяц! Мы что-нибудь придумаем! — высокомерно начал ректор, осматривая остальных кандидатов. Его взгляд остановился на Томасе. — Хотя... подождите! Томас Линдер! С этого момента ты — помощник преподавателя. На твое место преподавателя назначается заслуженный профессор

Арчибальд Рендау. Он будет вести лекции, а ты будешь вести практические занятия. Повторяю, это — временная мера. Томас, напиши заявление о том, что уступаешь должность...

— Я не согласен! — категорически заявил Томас, скрестив руки на груди. — Я не собираюсь отказываться от должности преподавателя!

— А что? Финансирование настолько ограничено, что нельзя придумать новые символические должности типа «стиратель с доски», «стулозадвигатель», «туалетный инспектор»? Хотя, да. Не каждый заслуженный профессор согласится на должность «столовытирателя», — шепотом заметила я, склоняясь к Джеральду. Рыжий с тревогой смотрел на кузена и орущую на него комиссию. Ректор стукнул по столу, повалив стопку научных изысканий. Теперь понятно, почему меня притащили сюда. Скандалом пахло еще до начала собеседования. А какой скандал без журналиста?

Упрямство, граничащее с маразмом, подкрепленное старческой обидой прогрессировало. Из трясущейся руки профессора Рендау вырвалось что-то странное. Дед посмотрел на свои пальцы с удивлением. Через секунду я бросила взгляд на Томаса, который рванул в нашу сторону. В центре зала появилась чернильно-синее облако, похожее на грозовую тучку. Оно разрасталось в геометрической прогрессии. Старик ошеломленно смотрел на тучу, переводя взгляд то на нее, то на свои руки. Ректор попытался ударить по облаку магией, но Томас заорал всем: «Не применять магию! Будет только хуже! Отойдите подальше!»

— Сохранять спокойствие! — заорал ректор и закашлялся. Чернильное облако уже добралось до комиссии, которая пыталась отмахнуться заклинаниями. Старуха мгновенно исчезла со своего места. Бородатый дед бросил в облако заклинание, но оно стало еще больше. Дед попытался еще раз. А потом тоже исчез.

— Срочно всем телепортироваться! — услышала я голос ректора. — Мы должны... кхе... локализовать его! Заккрыть дверь! Эвакуировать всех! Через час миазм исчезнет!

Дверь захлопнулась. Часть зрителей успело добежать до двери, а часть — нет. Они стали по очереди исчезать. Томас попытался что-то прошептать, стоя в эпицентре, но почувствовал себя неважно, упал на колени и стал задыхаться. Мы с Джеральдом бросились к нему. Нам удалось оттащить его подальше. Парочка студентов забилась в угол, явно не имея возможности перенестись. Парень держал на руках бесчувственную девушку, оттаскивая ее подальше от этого кошмара. Мне стало страшно. Томас пришел в себя, посмотрел на нас мутными глазами, а потом увидел студентов и бросился к ним. Темнота застилала глаза, дышать стало тяжело. Том сделал быстрый жест рукой, и вокруг нас возникло что-то похожее на мыльный пузырь. Наконец-то я смогла нормально вздохнуть.

— Ирме плохо! Мы потеряли в давке амулеты переноса! — прохрипел молодой парень, вытирая кровоподтек на лбу. — Ирма упала, когда мы пытались выбраться. Я попытался ее вытащить из толпы... Она же не умерла?

— Нет... Живая... Просто ударилась головой и сломала ребра и руку, — сглотнул Джеральд, с тревогой глядя на Тома. Тому было очень плохо, но он держался из последних сил. На секунду Том закрыл глаза.

— Эй! Держи защиту! — заорал Джеральд, делая какие-то манипуляции с бесчувственным телом девушки. Девушка стала приходить в себя. Кровь с ее скулы перестала течь, после того, как Джеральд положил на нее свою большую покрытую веснушками руку. Живая. Я стояла рядом с Томом, из носа которого текла кровь.

— Надо выбираться! — прошептал парень, прижимая голову девушки к груди.

— Держи! — прохрипел Том, бросая ему свой амулет. — Перенеситесь и скажите, что мы здесь!

— А вы как, мистер Линдер? — спросила девушка, сжимая в дрожащих пальцах молочно-белый кристаллик. Джеральд молча снял свой и отдал его парню. Через секунду они исчезли, и нас осталось трое.

— Думаешь, нас спасут? — спросил Джеральд, прислоняясь к стене. — Никто не захочет сюда появляться, пока облако не рассеется. Вот, Анабель, что бывает, когда правят старые маразматики. Если хочешь, я тебе полсотни таких историй расскажу, что просто закачаешься, про то, как профессор Браун случайно поджег аудиторию, когда пытался показать нам принцип бездровного огня. Вот веселуха была! Нас даже домой отпустили с лекций! А кто в этом виноват? Правильно, инквизиция. Если бы не этот закон, то сидели бы они спокойно на пенсии...

— Ага, жди! Сидели бы! — возразила я, с тревогой глядя на бледного Тома.

— Дурак ты, Джеральд... — прохрипел Том, утирая кровь, стекающую с подбородка. — Зачем ты отдал свой амулет?

— То есть ты хочешь, чтобы я тебя тут бросил? — удивился Джеральд, отряхивая свой рукав. — Меня и так убьют за то, что я не донес книги до библиотеки! Мне обещали, что если снова увидят отпечаток твоей кружки на странице — оторвут руки.

За тонкой стенкой пузыря все было черным-черно. Маленький островок жизни среди непроницаемой тьмы. В голову лихорадочно лезли мысли о безвременной кончине на радость магам.

— А что это вообще такое? — спросила я, кивая в сторону темноты.

— Это в простонародье называется «миазмом». Когда маг не может совладать со своими эмоциями и при этом пытается колдовать, иногда получается миазм. Три миазма и тебя отчисляют, — усмехнулся Джеральд, с тревогой глядя на кузена. — Маг всегда должен сохранять спокойствие. Это — главное правило. Студенческие миазмы легко развеиваются преподавателями, но этот миазм всем миазмам миазм... Профессорский! Сразу видно! Есть еще проклятие, но это еще хуже... За проклятие убивают на месте.

Отлично! Просто чудесно! И когда нас собираются спасти, если не секрет?

— Том, может, присядешь? — предложила я, но Томас покачал головой, опираясь дрожащей рукой на стену. Нас поставили в угол за плохое поведение. Или загнали в угол. Я не знаю, как правильно.

— Нет, лучше стоя. Если я сяду, то могу отключиться. Продержусь, сколько смогу... — Том сплюнул кровь.

— Обидно, что этому пеньку ничего за это не будет! — заметил Джеральд, обнимая колени. — Все шишки достанутся тебе, Том. Мол, ты спровоцировал. А свидетелей потом не найдешь. Все вовремя отвернулись, наклонились, вышли погулять...

— Помолчи, — скривился учитель. Я смотрела на него и понимала, что он заслужил как минимум благодарность. Я даже подумывала о том, что если выживу, обязательно упомяну его героизм в статье.

— Сколько времени прошло? — спросил Джеральд, вытаскивая из нагрудного кармана старые потертые часы. — Двадцать минут, а такое чувство, словно вечность! Где помощь? Они что? Заснули там?

— Ребята... — прохрипел Том, — У меня силы на исходе...

— Сузь круг, — вяло предложил Джеральд, зевая. — Меньше радиус — меньше сил. Граница тьмы поползла к нашим ногам.

— Глядя на все это, я понимаю, что имела в виду инквизиция, когда потребовала лишать престарелых, не контролирующих себя магов магической силы, — зевнула я, чувствуя, что мне не хватает воздуха. Мы посидели молча. Я потеряла сознание. Очнулась от того, что вспотевший Джеральд тряс меня за плечо. Было такое ощущение, что мне на голову надели целлофановый пакет. Я подергала головой, чувствуя, что пот течет с меня ручьями, а волосы облепили лицо. Есть у меня подозрение, что в этом мире дети на полу рисуют не цветы и домики, а обводят очертания друг друга, готовясь к взрослой жизни.

— Спасение пострадавших... — сипло произнес Джеральд, вытирая лицо и слизывая пот, текущий на губы, — дело самих пострадавших! Том еще держится... Да, Том?

И тут я увидела, что во тьме появилось холодное голубое свечение. Я моргнула, снова вглядываясь в темноту. Показалось... Хотя... Я дернула Джеральда за взмокший рукав, показывая дрожащим пальцем в темноту. И снова свечение!

— Мы здесь! — крикнула я, глядя на падающего от усталости Тома. Мы увидели, как нам приближается инквизиция. На шее у них сверкали голубым светом пластины, темнота вокруг отряда рассеивалась.

Через минуту Тома несли на руках, Джеральда вели под руку, а меня, как главный полутруп, бесцеремонно закинули на плечо и придерживали одной рукой. Да, я — миниатюрная дама. Мой труп свободно поместится в багажник малолитражки. Меня приятно спасать. На фоне меня любой мужчина выглядит внушительно и мужественно. Меня удобно носить на руках. Моим спасителем может быть любой задохлик.

В коридоре стоял целый отряд инквизиции, опрашивая свидетелей. Все маги партизанили, опустив головы. Студенты понимали, что им еще учиться, преподаватели понимали, что в любой момент лишаться должностей и зарплаты. А администрация сурово смотрела на гостей, с явным намеком «мы тут бы сами разобрались и без ваших плащей!»

— Мы ничего не видели! Мы не знаем, что вы имеете в виду! — в один голос твердили «свидетели».

Ректор Академии закатил глаза. Он был явно недоволен внезапным вторжением. Освальд, он же главный маг, мерял шагами холл, заложив руки за спину, и хмурился пуще обычного.

Тома сгрузили на пол, к нему подбежали какие-то маги, пытаясь привести его в чувство. Джеральд сидел рядом, прислонившись к стене. Меня на землю не спускали. «Спасение рядового Райана» прошло успешно.

И тут раздался голос. Я занервничала, пытаясь понять, почему он так близко и почему мне он кажется подозрительно знакомым. Я попыталась сползти, но мои колени крепко держали, поэтому мне оставалось висеть, как белье на веревке, упираясь локтями в чужую спину. Сознаться честно, неудобно. И морально, и физически.

— Я предлагаю ввести пытки, — произнес знакомый голос, а потом мои колени до боли сжала чья-то рука. — Чтобы не было претензий к искалеченным свидетелям. Потом будете рассказывать, на каком этапе пыток признались, гордясь своей выносливостью и выдержкой. Обещаю, я буду делать это очень нежно. Со всей нежностью, на которую способен.

— Спустите меня на землю, пожалуйста, — занервничала я, понимая, что залезать мужчинам на шею — не мое хобби. Я из более приземленных женщин, поэтому настоятельно требую, чтобы меня приземлили.

— Да это же Эрланс! Как она посмела войти в Академию! Кто ее пропустил? — возмутился ректор, багровея и глядя на меня страшными глазами. Остальные маги тоже посмотрели на меня так, словно я — враг народа, подлежащий немедленному расстрелу! Я поняла, что стоит мне оказаться на земле, отойти в сторону на пару метров, как... «Где журналистка? Какая-то такая журналистка? Не было никакой журналистки! Вам показалось!».

— Вы сами понимаете, что сейчас вы находитесь на территории подконтрольной магии, — заметил главный маг, глядя на меня с открытой неприязнью. — В связи с тем, что Эрланс обманом проникла на территорию Академии, мы требуем, чтобы ее отдали нам. Мы сами с ней разберемся!

— Я ничего не видел. Я даже не знаю, что вы имеете в виду, — заметил инквизитор, придерживая меня за ноги. Было у меня подозрение, что юбка задралась, но мысль о панталонах меня успокоила. Вот если бы я надела стринги, тогда держать меня было бы намного интересней.

Я так понимаю, что пока мое тельце находится в «подвешенном состоянии», закинутое на чужое плечо, ко мне и пальцем не прикоснутся. Глядя на магов, спускаться мне резко перехотелось.

— Да как вы смеете лгать! Мы имеем право наказывать любого нарушителя! — заорал ректор. — Ноги ее здесь быть не должно!

— Ни ноги, ни руки, ни прочих частей, отделенных от тела, здесь, разумеется, быть не должно. Пока ее ноги не коснулись пола, она закон не нарушила, — услышала я в ответ. — Доказать обратное вы не сможете. Точно так же, как и я, пытаюсь выяснить, кто виноват в происшествии. А — это...

«Моя добыча?» — мысленно поинтересовалась я, понимая всю нелепость ситуации.

— ... единственный свидетель, который мне сейчас с удовольствием все расскажет, — донеслось до меня. — Так что готовьтесь, уважаемые. Думаю, что у меня не займет много времени выяснить правду и принять соответствующие меры.

У меня сегодня — отличный день. Чувствую, что вместо «скучать», мне придется «стучать». Поздравьте меня! Только что я заочно окончила школу им. Павлика Морозова с отличием, сдав сначала на экзамены, потом экзамены, а потом и всю комиссию отделу по борьбе с коррупцией.

Ректор занервничал, украдкой кивая в мою сторону. Маги своих не сдают, инквизиторы своих не бросают.

— Мы это так просто не оставим! — в абсолютной тишине произнес канцлер от магии, испепеляя взглядом сначала нас, а потом ректора, который подбивал кого-то «мочить свидетеля», пока не поздно.

— Всего хорошего, — произнес мой «носильщик», немного подтянув меня и снова ухватив за колени.

«Сказал, и в темный лес ягненка поволок!» — промелькнуло у меня в голове, когда меня выносили за пределы Академии. Я, как трудный ребенок, двигаюсь попой вперед. Это, конечно, не самый удобный вариант, но если выбирать между этим и «вперед ногами», то я еще и в дамках... Не мешало бы искупаться и помыть голову перед вынужденным свиданием... Хотя, сейчас мне устроят такую головомойку, что мало не покажется...

Глава девятая... Все, что хорошо начинается, кончается плохо. Все, что начинается плохо, кончается еще хуже

Соглашайся хотя бы на май в шалаше,
а в июне мы снимем квартиру!

Часы тикали. Я сидела на новом стульчике и изучала обои, пока надо мной нависала грозная тень.

— Я тебе что сказал? Отвечай! — в голосе звучали стальные ноты. Нет, он не кричал. Хотя, лучше бы кричал. — Я тебе сказал, чтобы тебя там не было! Разве я не ясно сформулировал свою мысль? Разве я не указал где конкретно тебя быть не должно и в какое время?

У меня сейчас такое чувство, словно папа меня отчитывает за то, что я пришла домой на два часа позже обещанного. Оставалось поднять жалобные глаза и сказать: «Папочка, я больше так не буду! Честно-честно!» Я подавила улыбку, представляя возможную реакцию. «Ври и изворачивайся!» — гаденько советовал демон с калькулятором. «Молись и кайся» — грустно подсказывал ангел на моем правом плече, сложив лапки на груди. Что? Опять? Мы с демоном его, кажется, полгода назад скинули ему на билет в один конец, после того, как осознали, что именно он стал виновником испорченной штампом странички в паспорте. Именно он рисовал нам радужные перспективы семейной идиллии, именно он говорил, что главное — любовь, именно он рассказывал мне обо всех прелестях материнства лишь бы от кого. И в тот момент, когда он заикнулся о ребенке, мы с демоном достали калькулятор и решили, что аиста мы пока не потянем.

— Как человеку, мне туда очень не хотелось идти. А вот, как журналисту... Тем более, что я поделилась с вами сведениям, — заметила я голосом профессиональной ябеды и стукача со стажем. Демон кивал, высчитывая гонорар. За статью про «заслуги» я должна получить тридцать пять эрлингов, за эту статью я получу... «Статью» — грустно заметил ангел, глядя на меня с укором. «Да какая статья! Я тебя умоляю!» — расплылся в загадочной улыбке демон, глядя на меня. Я настороженно посмотрела на него, а он сделал вид, что не заметил моего взгляда.

— Послушайте, я просто выполняю свою работу, — вздохнула я, подняла глаза на инквизитора и поняла, что лучше снова изучать свои колени. — Я хочу, чтобы люди знали горькую правду.

— И на чьей же стороне... горькая правда? Ваши предположения? — поинтересовался мой собеседник, нависая надо мной.

— Читайте мою завтрашнюю статью — узнаете. Мне хочется сохранить интригу, — осторожно ответила я, прикидывая, что сразу отсюда отправлюсь искать себе съемное жилье. Ничего, как-нибудь финансово вытяну.

— Я не люблю интриги. И сюрпризы тоже не люблю, — заметил инквизитор. — А еще я очень не люблю безответственных и упрямых людей. А теперь сопоставьте факты и подумайте о своем поведении, мисс Несовершенство.

— Мисс Несовершенство? — усмехнулась я, оглядываясь по сторонам. — После ваших слов я хочу познакомиться с мистером Совершенство. Вы такого не знаете? Просто в вашем

кабинете я его не вижу. Если вы знаете, где он живет, дайте адрес. Буду очень благодарна. Для создания...

— Отношений? Вы думаете, что вы его заинтересуете? — с улыбкой поинтересовался канцлер, присаживаясь в кресло.

— Интервью. Я приду к нему в гости и с удовольствием возьму у него интервью. У меня уже даже вопросы есть. «Тяжело ли быть мистером Совершенство?», «Вы не женаты потому, что не нашли свою мисс Совершенство?», «Как вам живется в гордом и принципиальном одиночестве?», «Как продвигаются поиски мисс Совершенство сейчас? Есть ли вообще призрачный шанс ее найти?» и коронный вопрос: «Вы не пробовали снизить планку привлекательности, чтобы, когда вы будете при смерти, нашлась добрая рука, которая подаст вам стакан воды?»

— Я вижу, что вы за словом в карман не лезете, — усмехнулся канцлер, делая ручкой какие-то пометки.

— Неужели? Вы ошибаетесь. Если вы, не заметили, что у меня оттуда торчит словарь «Сарказмов и издёвок», а так же «разговорник» на все случаи жизни, — ответила я, глядя ему в глаза. — Я бы вам его подарила, но, боюсь, что у вас есть точно такой же. Помимо этого у вас там лежит книжка «Как правильно и красиво унижать людей» и брошюрка-руководство по спасению мира.

— Я имею право выворачивать твои карманы. А кто дал тебе разрешение заглядывать в мой карман? — спросил меня инквизитор, занимаясь художественным выжиганием взглядом. Я посмотрела на свое декольте. Вроде же не доска, чтобы на мне выжигать узоры.

— Я так понимаю, что мои карманы вас не удовлетворили, поэтому вы ждете, когда я выверну вам наизнанку душу, — осведомилась я, а потом расплылась в улыбке. — Я думаю, что для человека, который кичится своей вежливостью обращаться к девушке на «ты» неприемлемо. Мы же с вами не друзья, чтобы «тыкать» друг другу?

— А вы хотите дружить? — усмехнулся он, откидывая прядь волос себе за спину. — Если хотите дружить, тогда начинайте.

Я представляю, как мои ноги в белых сандаликах крадутся в кабинет инквизитора. «А они... А потом... А еще он сказал... Я видела, как он...». «Да ты что! Где? Когда?» — слышу я в ответ. Потом мои сандалики на секунду отрываются от земли, раздается «чмок», а потом мои сандалики снова приземляются и косолапо убегают за дверь, шурша конфеткой в кармане. Или поверх корзины печенья будет лежать банка с абрикосовым вареньем с надписью на лейкопластыре «Вишня с кост.». Я представила, как канцлер сидит на кухне, выковыривает косточки из ягод и бросает их в ведро, а сами ягодки отправляются в медный тазик с сахаром. На полотенце рядом стоят «прокипяченные» трехлитровые банки. Варит варенье для информатора. А в духовке печется печенье, которое он периодически проверяет на предмет подгорелостей.

— Мне понравилась статья про «прошлые заслуги». Я хотел бы лично премировать автора, если он будет продолжать в том же духе. И не думай, что это — противозаконно. Поверь мне, противозаконно только то, о чем все знают! А это будет нашей маленькой тайной! Давай поможем друг другу в эти сложные и тревожные времена! — с издевкой произнес инквизитор, доставая черный кошель с деньгами и положив его на стол. На черном бархате была серебристая вышивка в виде буквы «А».

— Хм... Для компенсации от ботаника и для взятки честному журналисту — слишком мало, в качестве подарка от чистого сердца — слишком много, — заметила я глядя на деньги

и мысленно прикидывая сколько там поместилось. — Так что оставьте себе. Можете написать отчет, что я приняла подарок, а на самом деле купить себе что-нибудь вкусненькое. Например, банку варенья и килограмм печенья.

Я встала и вышла. Теперь пора бы поискать себе нормальное жилье. Вооружившись сразу тремя газетами и ручкой, я села отмечать «толерантные варианты». Жить в соседней комнате с полоумным изобретателем — магом мне не хотелось. Почему-то сразу представлялось, как я пишу статью в своей комнате, а в соседней сумрачный гений, высунув язык от усердия, собирает своего Франкенштейна. «Займи почку! До завтра!» — молит сумрачный гений, со скальпелем в руках. — «Завтра верну!». И вот я легла спать, а ночью просыпаюсь от того, что от меня с горящими глазами пытаются отпилить ногу «на запчасти».

Из того, что осталось после отбора, я обвела «финансово приемлемые варианты». Их набралось с десятков. Из «финансово приемлемых» я выбрала «географически подходящие», сузив круг до шести.

Первый адрес меня порадовал явными трущобами. «Ты сразу станешь лучшим корреспондентом криминальной хроники, специализирующимся по грабёжам, изнасилованиям и убийствам!» — нежно заметил ангел, оглядываясь вокруг. «И непосредственным участником всего вышеперечисленного!» — скорбно сообщил демон.

Я постучалась в невзрачную дверь, оглядываясь по сторонам.

— Кто там? — спросил чей-то шепчущий голос.

— Я по поводу сдачи комнаты в аренду, — заметила я шепотом, оглядываясь по сторонам.

Дверь открылась, на пороге стояла немолодая женщина в старом платье. Из-за нее выглядывали чумазные мордочки детей. Их было не меньше десятка. Один малец уже пытался расстегнуть мой карман и изучить своей ручонкой его содержимое. Другой малыш пытался оторвать мою дешевую потускневшую брошку, а третий упорно тянул у меня из рук планшет.

— Прекратите! Живо! — рывкнула я, делая шаг назад. Стоило мне только повысить голос, как тут же мамаша превратилась в разгневанную фурию.

— Да как ты смеешь орать на моих детей! — возмутилась она, — Они же ничего плохого не сделали!

— Мам! Эрлинг! Я у терпилки вытащил! — восхищался карманник — пионер, хвастаясь своей добычей и прижимаясь к материнской юбке.

— Молодец! — восхитилась мать, но тут же заорала. — Люди! Люди! Она ударила моего сына! Сюда! Быстрее!

Малец с эрлингом тут же упал на землю, прижал руку к щеке и стал биться в конвульсиях, захлебываясь рыданием «Она меня уда-а-арила! Больно — то как! Ыыыы!». «Футболист растет! Профессионал!» — вздохнул демон, требуя, чтобы я ускорила шаг и смывалась отсюда как можно скорее.

Второй адрес выглядел вполне скромненько. Дверь мне открыла чопорная семья. Сухая, как вобла, мадам, прижимала к груди икающего младенца. Рядом с ней стоял худой, с впавшими скулами, гладко выбритый аж до синевы, джентльмен.

— Извините, вы сдаёте комнату? — спросила я, глядя на суровые лица и слушая звонкую детскую икоту.

— Для начала нужно поздороваться, — сухо, голосом школьной учительницы ответила дама, скривившись. — И представится. Мы должны знать, с кем мы разговариваем.

— Анабель Эрланс к вашим услугам, — с неприятной улыбкой заметила я.

— А где же здравствуйте? — поинтересовалась мадам, покачивая своего икотного отпрыска в белом чепчике.

— Здравствуйте, я — Анабель Эрланс, — я изобразила насмешливый реверанс, — Вы сдаете комнату?

— Да, сдаем! — гордо ответил глава семейства таким голосом, словно возглавлял список «Forbes» и являлся генеральный директор крупного холдинга.

— А не могли бы ее показать? — поинтересовалась я. — Я — одна, личных вещей немного, не замужем, детей, судимостей и домашних животных — нет.

Меня отвели в аскетичную комнатку, блестящую идеальной чистотой. Комната мне понравилась. По сравнению с предыдущим вариантом, разумеется. Я мысленно прикинула цену и стала смотреть на комнату вполне благосклонно, о чем я сообщила хозяевам.

— Я — миссис Бэнгз, а это — мистер Бэнгз. Обращаться к нам исключительно так, а не иначе. Мы не терпим фамильярности. Итак, вот ваше расписание, — заметила миссис Бэнгз, протягивая мне листочек. — У нас двое детей. Старший — Винсент и младший — Эдуард. В шесть ноль-ноль вы будите детей, умываете их, одеваете и готовите их к завтраку. Сам завтрак вы готовите рано утром, и чтобы к восьми вы успели. Завтрак у нас в восемь ноль — ноль. После завтрака вы идете с ними на прогулку. Прогулка должна длиться до одиннадцати ноль-ноль. Во время прогулки вы обязаны купить продукты. Список я вам буду писать каждый вечер. В одиннадцать ноль-ноль вы приводите детей, переодеваете их, играете с ними. В двенадцать ноль-ноль у нас обед. Вы должны его заранее приготовить. В час ноль-ноль вы даете им уроки...

...жизни... Судя по тому, что я слышала в кабинете Его Язвительного Величества, я — леди несовершенно, так что в моем репертуаре есть «садистские» стишки, матерные частушки и вредные советы. Надо же как-то держать марку. Успех будет виден через неделю упорных занятий. И пусть только кто-то попробует прийти в гости и сказать: «А ну-ка, юные джентльмены, залезайте на табуретку и расскажите, чему вас научила ваша новая няня!» И после этого на табуретку с веревкой в руках полезут родители...

— Так, остановитесь! — я посмотрела на родителей. — Мне просто нужна комната. Я — не няня и не сиделка.

— Мы предоставляем вам комнату за пятьсот эрлингов только при условии, что вы будете выполнять свои обязанности добросовестно. Одна жалоба на вас со стороны детей, и мы выставим вас на улицу, — произнесла миссис Бэнгз, покачивая младшего. Местоположение старшего, я еще не вычислила.

— А еще у нас живет мой брат. Мистер... Клэй. Он является членом семьи, но у него проблемы с психическим здоровьем, поэтому вы должны следить за ним, купать его, кормить с ложечки, менять постель каждый полчаса, убирать за ним! — заметила миссис Бэнгз, разглядывая меня с ног до головы.

— И это все? — саркастично спросила я, поглядывая на дверь. — Я так понимаю, что платить мне никто не собирается?

— За что платить? Мы разрешаем вам жить у нас всего лишь за пятьсот эрлингов! Такая комната стоит все семьсот! — удивилась миссис Бэнгз, недоумевая, как я еще не бегу целовать ее отпрысков, включая неадекватного родственника.

— А если я буду платить семьсот, при этом не заниматься детьми и мистером Эйем? — поинтересовалась я, глядя на то, как у малыша на грудь потекла слюнка. «Ыыы!» — сделал

он, а потом надул щеки.

— Нет, такой вариант нас не устраивает! — категорично постановила миссис Бэнгз. Пока супруга расписывала мне мои обязанности, мистер Бэнгз ущипнул Мэри, то есть меня, за Поппинс, как бы намекая, что круг моих обязанностей не так узок, как описывает миссис Бэнгз. И сверхурочные — тоже моя святая обязанность.

Я сразу прикинула, что ветер переменился, поэтому мне пора, о чем тут же не совсем вежливо поставила в известность моих собеседников. От такой жизни, я скоро буду танцевать на улице и петь веселые, не факт, что цензурные песенки просто так, радуя прохожих своим диагнозом и талантом. «В Поппинс такую Мэри!» — читалось в глазах благодетелей.

Следующий адресок. Дверь открыл старик. Без лишних церемоний, он отвел меня в комнату, девяносто процентов которой занимал...шкаф. Рядом с его двустворчатым величеством стояла скромная кушетка и тумбочка.

— Вот — кушетка, вот — тумбочка, — с порога заявил старик, протирая после меня ручку двери какой-то тряпочкой. — В шкаф лазить я запрещаю! Там лежат мои личные вещи!

Нет, ну я и так поняла, что там — не Нарния.

— А как на счет удобств? — спросила я, оглядывая скромный уголок. — Я имею в виду туалет, ванну, умывальник?

— А вам разве туалет нужен? — удивился старик, пряча тряпочку в карман. — Можете попроситься к соседям! Я вас к себе не пущу! Мало ли вы чем болеете? Окно открывать я категорически запрещаю! Сквозняки пускать нельзя! Дверь закрывать плотно и обязательно подстилать под нее тряпочку, чтобы не дуло.

Я молча развернулась и ушла. Еще одна попытка провалилась. К вечеру я узнала, где живет озабоченный алкоголик, многочисленная семья с суровыми и скорбными лицами, готовых уступить мне угол единственной комнаты за умеренную плату. Только спать мне придется со стареньким дедушкой. И следить, чтобы он не упал на пол и не умер во сне. Познакомилась я с пожилой представительницей древнейшей профессии, сразу предупредившей меня, что с каждого моего клиента я обязана отслюнявить ей процент помимо основной платы. Была так же пожилая, очень верующая чета. Во что конкретно они верили, я так и не поняла, но они называли себя «Свидетелями Отлива». За чьим конкретно отливом они наблюдали, мне было не ясно, но меня тут же снабдили бумагами, в которых говорилось то, что «скоро все отольется». Что, кому и когда — не уточнялось. Они пытались мне с фанатичным блеском в глазах объяснить, что вода постепенно отступает, и что скоро перед нами откроется новый-старый мир. Я покивала, послушала и пошла прочь, окрыленная мечтой, что еще при жизни я застану это радостное событие. А то у меня такое чувство, что я тут на подводной лодке юнгой служу. Судя по количеству выброшенных за углом в урну бумажек с «Отливом», я не первая, кто приходил по объявлению.

Я вернулась в редакцию, где быстро написала статью под названием «Кому-то — зачет, кому-то почет!», отхлебывая чай из «дежурной» кружки. Редактор обрадовался, сказав, что я просто создана для журналистики. И посетовал, что если бы я так писала раньше, мне бы цены не было! И вообще — я не сотрудник, а золото! Кстати о деньгах...

— Твое вознаграждение! — заметил он, с довольной улыбкой, открывая ящик стола. На стол лег черный мешочек с вышитой буквой «А».

Я застыла, переводя взгляд сначала на мешочек, потом на редактора, который тем

временем раскладывал газеты по номерам.

— А теперь у меня вопрос, — нарушила тишину я, испепеляя взглядом мешочек. — Кто спонсирует нашу «Горькую правду»? Кто дает на нее деньги?

— Частные лица, — задумчиво ответил редактор, пробегая глазами предыдущий номер.

Газета, которая режет «правду-матку», нажившая себе кучу врагов и пользующаяся огромной популярностью у аудитории, и которую еще не закрыли, должна иметь хорошую крышу. И, кажется, я теперь знаю, где сидит главный «кровельщик» нашего города. И получается, что мой основной работодатель — не этот неунывающий «Наф-Наф», а...

— Вы работаете на инквизицию? — холодно спросила я, глядя на деньги.

— Нет. Мы работаем на себя. Так что если хочешь написать правду про инквизицию

— милости просим! — заметил редактор, подталкивая ко мне мой гонорар. — Я готов заплатить двойную цену. Я вот тут подумал, что нам не хватает двух интервью. Интервью с канцлером от магии и интервью с канцлером от инквизиции.

«А ты не подумала, что такие мешочки могут продаваться на каждом углу?» — заметил ангел, протирая свой нимб. — «Вдруг в каком-нибудь местном банке их дают каждому, кто снимает деньги?». Эта мысль меня успокоила. «Да, да, конечно...» — закатил глаза демон, на глаз прикидывая, сколько же денег мне заплатили со спонсорского плеча. — «Спонсором нашей газеты является главный инквизитор! В следующий раз разговор начинай с подобострастного: «мой же ты кормилец и поилец»! Че смотришь? Бери, раз дают!»

И я взяла. У дома меня ждали братья Кольт с огромным мешком.

— О! Кто — то уже изгнал призрака? Нет? Как хорошо! Мы вычитали про ритуал, который поможет очистить дом! — обрадовался Деймон, разбирая содержимое мешка. — Не волнуйтесь, сейчас все сделаем!

Саймон тем временем перебирал листочки с какими-то символами и соглашался. Уверенности и всяких магических штук у братьев было хоть отбавляй. Через минуту я открыла дверь, и мы вошли в холл.

— Опять? — раздался визгливый голос бабки. — Да сил у меня нет! Хахалей своих домой таскаешь! Бессердечная и бессовестная девка!

— Не обращайтесь внимания! — произнес Саймон, авторитетно показывая какой-то листочек брату. Брат посмотрел на призрака и не менее авторитетно кивнул. «Тише! Работают профессионалы!»

Пока Деймон рисовал на грязном полу огромный круг, Саймон расставлял какие-то склянки.

— Эм... Ребята, а вы не могли бы сначала рассказать, что именно вы собираетесь делать? — поинтересовалась я, подпирая стену и пытаюсь переорать визгливый голос бабки, чихвостящей нас, на чем свет стоит.

— Ритуал очищения дома! — заметил Деймон, вытирая о стену испачканные светящимся мелом пальцы. — Теперь надо на второй этаж!

Мы стояли возле большого круга, нарисованного в моей комнате. Деймон вылил в центр круга содержимое какого-то пузырька. Из центра круга пошел белый дым. Бабка не унималась.

— Сейчас откроются врата в мир мертвых. Мы вызовем родных призраку покойников и попросим их забрать ее с собой туда! — inferнальным голосом произнес Саймон, высыпая в центр круга какой-то порошок.

— Ребята, у меня здесь не контрольно-пропускной пункт в мир живых, — заметила я,

отходя подальше. — Филиал кладбища мне тут устраивать не надо.

И тут в пол в центре слегка поплыл, словно это был зыбучий песок. А над ним появилась огромная дыра, внутри которой все вращалось, прямо как вода, уходящая в раковине.

— Получилось! — обрадовались мои экзорцисты. Не знаю, кто был больше удивлен я или они. Саймон что-то бормотал, искоса поглядывая на брата. Я стала с нетерпением ждать, когда бабка погрузится в водоворот событий, и я нажму кнопку слива, дабы навсегда избавиться от проблемы.

Через секунду напротив нас стояло призрачное семейство Эрланс! Не думаю, что до седьмого колена, а так, последние... эм... три, не больше.

— Тише, мертвые, призванные оттуда, не могут говорить, но они все прекрасно понимают! — заметил Деймон, разглядывая «моих» родственников. — Узнаешь?

Эм... Тут бы бейджики не помешали! Я узнал, что у меня есть огромная семья! Дед, хватающийся за сердце через каждую секунду и закатывающий глаза, чопорная дама в очках с книгой, бородатый джентльмен с тростью и петлей на шее, двое маленьких детей, солидный усач во фраке с кинжалом в руках, и пятном на груди, старушка с трясучкой, сжимающая какую-то кружечку, младенец на руках у измученной долгой болезнью дамы и молодая женщина с окровавленным лицом. Анабель...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Завидев бабку, призраки тут же переглянулись.

— Эрик! — заохала старуха, кутаясь в шаль. — Эрик! Ты ли это? Как хорошо! Правильно я говорила. Не надо звать целителей! Инсульт — не гангрена, само пройдет. Будем еще на целителей деньги тратить!

Дед — сердечник дернулся.

— Роза! Ты так похорошела! Лучший способ при болях в животе перед родами — вымыть лестницу! Всем помогало и тебе помогло! Как назвала? Надеюсь, что не Чарльзом! Терпеть не могу это имя! Не было в роду никогда Чарльзов, и не будет! — постановил призрак, глядя на свою родню. Призрак женщины с ребенком дернулся к висельнику. Висельник обнял его, бесшумно утешая.

— А ты, Альфред? Чего смотришь! Сломал мой любимый стул и радуешься? Тоже мне зятек! У всех нормальных зятя чинят, а этот ломает! Из-за тебя люстру снимать пришлось! А мне ее моя бабушка в наследство отдала! — презрительно выдала бабка.

Висельник посмотрел на жену с ребенком, а потом на меня.

— Этих двоих я что-то не помню, — прищурилась бабка, разглядывая двух деток лет пяти. — Внебрачные что ли? Позор! Хотя нет, одного помню. Не может быть! Это же Джордж и Майкл! Ну что? Помогло мое лекарство? Я же говорила, что поможет! А вы пити не хотели! Примочки — лучшее средство от тифа!

Дети с ужасом смотрели на бабку, делая шаг в толпу призрачных взрослых, которые все прибывали.

— ЭЛИЗАБЕТ! — охнула бабка, метнувшись к даме в очках. — Да как ты посмела переступить порог моего дома? Ты — позор всего рода Эрланс! Мало того, что вышла замуж за этого мага Краммера, опозорила честную семью, так еще и ребенка ему родила! И где же ваш сынок? Небось, пьет и валяется в какой-нибудь канаве! Или подавание просит! Так всегда бывает с бастардами! Я ваш брак с Краммером вообще за брак не считаю! До сих пор сердца хватает, когда вспоминаю твоего сынишку Альберта! Еще и имя придумали! Альберт

Краммер!

Бабка прищурилась, глядя на свою родню.

— Заберите с собой дух усопшей, поселившейся в этом доме! Покажите ей дорогу в мир мертвых! — завывал Саймон, читая с листочка. — Дабы она обрела там покой...

При слове «покой» семейство выразительно переглянулось. Через секунду они посмотрели на бабушку так, что у меня мороз по коже побежал при мысли о том, что бабушке там рады ровно настолько, насколько рада ей я. Ветер несправедливости задул в мою сторону с новой силой.

— Я вас всех переживу! Не дождетесь! — потрясала сухоньким кулаком призрачная бабушка, глядя как призрачная родня удаляется обратно. Анабель попыталась вернуться за бабушкой, но ее потащили обратно. И живые позавидуют мертвым.

— Эм... — заметил Саймон, глядя на бабушку и понимая, что случай очень тяжелый. — Попробуем по-другому! Мы сейчас попытаемся насильно вогнать ее туда! Деймон! Приготовься!

Через секунду комнату озарила ослепительная вспышка. Я услышала звон стекол и поняла, что меня отбрасывает куда-то в сторону окна.

— Саймон! Нет! Я спасу тебя! Я вытащу тебя! Саймон! Если надо, я продам душу! — послышался крик.

Я скатилась по крыше и упала в темноту.

Очнулась я на кровати. Я провела рукой по лицу, пытаюсь понять, сон это или явь. Меня укрывало колючее одеяло, которое я ощупывала пальцами, чтобы убедиться, что это — не сон. Руки и ноги были на месте. Голова гудела, я долго не могла сфокусировать взгляд, мучаясь, словно после новогоднего похмелья. Я свесила ноги и попыталась встать. Нашупав свои ботиночки, я наклонилась, чтобы их зашнуровать и охнула от боли. Если бы я была Адамом, то судя по боли мне светил бы целый гарем. Я осмотрелась по сторонам и поняла, что я... в тюрьме!

Глава десятая... девушка красивая вдруг выпала в астрал, другой бы изнасиловал, а я — арестовал!

Заклученная! У вас есть право на свидание! Со мной.

Невероятно! Я — в тюрьме! В камере! Правда, камера выглядела куда лучше, чем моя комната и над ухом никто не зудел. Я передумала вставать, заправив ноги под одеяло, рассержено сопя. Через час дверь открылась, и на пороге появился какой-то инквизитор в плаще и в маске, с тарелкой в руках и серебристой ложкой наперевес.

— Пришла в себя? — спросил он, закрывая дверь и снимая маску. — Вижу, что ты очень сильно хочешь дружить. Насколько сильно, что одной встречи в день тебе не достаточно? Когда мне сообщили, что нашли журналистку в кустах возле ее собственного дома, я как-то даже и не удивился. У меня просто глаз дернулся и все.

— Почему я в камере? — возмутилась я, глядя на то, как он кладет ключ на столик.

— Давай посмотрим на это с точки зрения логики. У меня есть одна свободная камера предварительного заключения. В ней есть кровать, — заметил канцлер, ставя тарелку на столик. — Или ты предлагаешь тебя разместить на стульях в моем кабинете? Был вариант на полу чтобы все через тебя переступали? Или положить тебя на мой рабочий стол, а сверху на тебя сложить папки?

И корзину! И ярлыки к программам. Из меня получатся отличные обои для рабочего стола. Расширение у меня, правда, маленькое, но это смотря как меня разложить. Да...

— Итак, что у нас на этот раз? — насмешливо спросил он, присаживаясь на угол кровати.

— Призрака изгоняла, — мрачно ответила я, глядя на канцлера и потирая ссадину на лбу и на руке. Я начинаю нервничать.

— Отлично. И как успехи? — поинтересовался канцлер, разглядывая ссадину на моей руке. — Изгнала?

— Я еще не знаю. Меня выбросило в окно, — простонала я, поведя ушибленным плечом. — Но надеюсь, что оно того стоило!

— Когда открывается дверь моего кабинета, я мысленно готовлюсь услышать слова «журналист», «Эрланс» и слово «опять»! И все это в одном предложении, — усмехнулся он.

— Не опять, а снова... — скромно я, глядя ему в глаза, а потом шутливым голосом, чтобы скрыть все нарастающую тревогу, заметила, — А может вы мне понравились настолько, что просто живую от встречи к встрече?

— Продолжай в том же духе, и мы с тобой никогда не расстанемся. Я буду каждый день навещать тебя в твоей маленькой и уютной камере. Я даже не поленюсь встать с кресла и сходить проведать несчастную журналистку, которой я сильно разонравлюсь, после того, как прикую ее наручниками к решетке! — ответил он, слегка улыбаясь. — Зато я точно буду знать твое местоположение. И мне будет так намного спокойней.

«Девушка красивая вдруг выпала в астрал, другой бы изнасиловал, а я — арестовал!» — заметил демон, доставая калькулятор. — «Отличный мужик! Ты это, задумайся... Деньги, власть и внешность... И комплекс «Чип и Дейла». Да это — просто находка для любой женщины! А для тебя, постоянно влипающей в неприятности — это просто подарок небес! Тем более, он с тобой явно заигрывает!» Я посмотрела на спокойное лицо собеседника и попыталась разглядеть признаки «заигрывания». Мой бывший супруг был просто мастером в

этом деле. Он раздевался до трусов, оставаясь в дырявых носках, потому что по полу дует, а потом ковлялся ко мне на кухню со словами: «Ты идешь? А то у меня сейчас желание отпадет!». «Пришьем обратно!» — тоскливо замечала я, глядя на одинокого бродягу любви Казанову в трусах, подаренных его мамой, раз в месяц вспомнившего, что за любовью далеко ходить не надо. «Что значит пойти помыться и носки поменять?» — спрашивал он, принюхиваясь к себе. — «Да нормально все! Я три дня назад купался! И че тебе не нравится? Да чистый я! Кароч! Сдвигайся! Я тогда ща чипсы из холодильника возьму!».

Ангел посмотрел на меня скорбно, а потом перевел взгляд на тонкий шрам на лице нашего благодетеля, спасителя и, судя по всему, работодателя. «Пощади мужика! Ему и так в жизни досталось!» — вздохнул ангел, жалобно глядя на меня, словно я уже прикинула, как весело и задорно будет проходить вьжуп невесты. Если в этом мире на мне кто-то захочет жениться, то за невестой нужно проходить с нормальными экзорцистами. Природа с завистью смотрит на естественный отбор, организованный бабкой — домохозяйкой.

— Ешь. Пока все не съешь, я отсюда не уйду, — заметил инквизитор, изучая потолок камеры. — По правилам ни миски, ни ложки заключенным оставлять не полагается.

— Я получается, заключенная? — хрипло спросила я, сжимая кулаки под одеялом.

— Нет. Но ты находишься в камере предварительного заключения, — инквизитор посмотрел на меня так, словно завтра мне вынесут смертный приговор.

— Нет, ну то, что я — не в гостях, это я уже поняла, — вздохнула я, глядя на еду. — И что? Нельзя меня оставить наедине с едой. Обещаю, что верну и ложку и миску. Или вы думаете, что я буду ложкой делать подкоп, а миской выгребать землю, пряча ее под кроватью?

— Когда доешь, — усмехнулся он, снова глядя на меня, — продемонстрируешь. Я с удовольствием посмотрю. Я не шучу. Мне просто хочется это увидеть.

Я взяла тарелку с вполне приличной и главное теплой едой, со старушечьим оханьем потянулась за ложкой, уронила ложку со стола на пол. Судя по взгляду, мне сейчас точно оторвут лапу, а следом голову. Я занервничала еще сильнее. Мне удалось поставить тарелку на стол, постанывая от боли, свеситься за ложкой, нашарить ее на полу, стараясь не думать о том, что на том конце кровати сидит зритель. В итоге я чуть не перевернула стол вместе с тарелкой, но вовремя удержала ее рукой, слегка расплескав ее содержимое. Наконец тарелка и обдута ложка встретились, желудок ободряюще заурчал, вспоминая, когда я в последний раз кушала. Я не могу кушать, когда на меня смотрят таким взглядом. Я занервничала еще сильнее, поставила тарелку себе на колени. Ну все, теперь... А! Горячее! Тьфу... Ой! Ладно, тут на одеяло попало совсем немного... Отстирают... Я надеюсь... Я подняла глаза на «надзирателя», донося ложку до рта и осторожно дуя на нее.

«Я так понимаю, что культпоход в ресторан мы вычеркиваем или ставим галочку?»

— с сомнением заметил демон, доставая блокнот. Ангел пожал крыльями.

— А почему вы обращаетесь ко мне на «ты»? — спросила я, поглядывая на миску.

— А как старший брат должен обращаться к младшей сестре? — язвительно заметил он. — Даже если они двоюродные? Ты думаешь, что я не знаю, что ты — не Анабель?

Мои глаза расширились, я закашлялась. Я донесла внезапно опустевшую ложку до рта, понимая, что если я хочу знать, что в ней было, мне придется облизать чужой рукав.

— Простите... — прокашлялась я, пытаюсь взять себя в руки. Я не знала. Кто бы мог подумать? Караул! Руки дрожали так, словно я только что по ним схлопотала.

— Ложку сюда и тарелку! — скомандовал он, рассматривая содержимое своего

рукава. — Я просто тебе поражаюсь, мисс Несовершенство!

— Нет! Я еще не доела! — возмутилась я, вцепившись в ложку и отодвигая от него подальше миску, обжигая пальцы.

— Я сказал ложку и тарелку! — металлическим голосом произнес он, оттирая платком остатки еды на рукаве. Я вздохнула и попрощалась с едой. Голодный желудок проводил ее таким грустный урчанием, что впору разреветься. Есть у меня предчувствие, что теперь меня будут кормить из корыта! Ну все, пощекотала вкусовые рецепторы, облизали ложку и хватит...

— Теперь вы мне точно штраф выпишете, — усмехнулась я, чувствуя себя крайне неловко. — Я просто хотела поинтересоваться, а есть у вас штраф «просто так»? Или штраф «ты мне уже надоела»?

— Положи руки так, чтобы я их видел, — спокойно произнес канцлер, вытирая испачканную ложку платком. — Руки поверх одеяла и не вздумай их поднимать. Некоторым заключенным даже ложку доверять нельзя. В твоем случае ее даже показывать страшно, но я рискну.

Я опустила голову, положив дрожащие от нервного напряжения руки поверх одеяла.

— Рот открывай! — раздался насмешливый голос. Я подняла глаза и с изумлением увидела, как к моему рту устремляется ложка.

— Вы издеваетесь? — возмутилась я, чувствуя, что рот я все-таки открыла. Горячее! Блин! Он что? Издевается? Я задышала через рот, с ненавистью глядя на него Инквизитор поддел мясо, попробовал, а потом подул на ложку.

Я мучительно прожевала предыдущую ложку, даже не ощущая вкуса.

Вторая ложка уже нарисовалась на горизонте, терпеливо ожидая в воздухе, когда я проглочу содержимое первой. Я попыталась поднять руку в знак протеста, но тут же мои руки были прижаты к одеялу.

— У тебя абсолютно нет совести. Я тебя еще как ребенка должен кормить! — возмущался он, набирая третью ложку и дуя на нее. — Рот открывай! У меня еще столько работы, а я сижу и...

— Кормлю опасную преступницу с ложечки... — с набитым ртом заметила я, понимая, что писать о таком статью, я бы не рискнула. — А что? Нельзя было просто оставить мне еду? Или попросить кого-то?

Я старалась не смотреть на него, уткнувшись взглядом в свои лежащие поверх одеяла исцарапанные руки.

— Ты время видела? Два часа ночи! Жуй, а не разговаривай. Прожевала? Открывай рот! Я что? Буду с постов снимать людей, чтобы они покормили горе-журналистку которая ложку до рта донести не может без происшествий? — услышала я голос. Он не злился. Я бы это почувствовала по интонации.

— Извините, — заметила я, глядя на следующую ложку. — Я не...

Ложка отправилась мне в рот, мешая мне закончить мою мысль.

— Оправдываться будешь, когда дожуешь. Да не торопись! — услышала я, боясь поднять глаза. — А то у меня такое чувство, будто ты не жуя глотаешь.

Я старалась не смотреть в его сторону, чувствуя себя крайне глупо. Нервы были на пределе. У меня они и так последнее время сильно пошаливают, а тут... Несколько почти бессонных ночей, жизнь впроголодь и всухомятку, постоянное нервное напряжение, ощущение, что я — лишняя в этом мире, проблемы с деньгами, проблемы с домом. Нет,

всему есть свой предел. И мой предел уже близок.

— Пытка окончена. Прием пищи обошелся, как ни странно, без жертв, — спокойно произнес канцлер, доставая чистый платок. Я попыталась поднять руки и взять платок, чтобы вытереться, но поймав его взгляд, я тут же опустила их, чувствуя, как он осторожно вытирает мне лицо. «Какого черта он это делает?» — изумился ангел. «Ты что сразу на меня стрелки переводишь? Милосердие — это как-то по твоей части!» — возмутился демон.

— Держи ложку. С утра я приду и проверю наличие подкопа. Ах да, меня зовут... чтобы ты не бегала и не спрашивала, Альберт Краммер. Девичья фамилия моей матери — Эрланс. Твое настоящее имя я знаю, можешь не представляться, — он встал, развернулся ко мне спиной и пошел в сторону двери.

— Очень приятно, — промямлила я, понимая, что большую дуру из меня еще никто не делал.

— А я еще не определился, приятно мне или нет. Всего хорошего, — услышала я перед тем, как дверь закрылась.

Что это сейчас было? Я держала в дрожащих руках ложку и смотрела на нее квадратным глазами.

— Ваша милость, — раздалось в коридоре. — Есть нарушитель! Оказал сопротивление при задержании! Пытался проникнуть в чужой дом через окно. Куда его?

— В тюрьму. Допросить, рапорт на стол, — услышала я удаляющийся голос. — Свидетели есть?

— Он утверждает, что просто потерял ключи. Документов при нем не обнаружено. Может в камеру предварительного содержания? — начал кто-то. Ответ я не услышала. Мне поселенцы не нужны!

Где-то хлопнула дверь и воцарилась она... тишина. Я положила ложку на стол, обняла чистую подушку. «Кто хорошо кушает, получит индульгенцию!» — пронеслось в моей голове. — «А кто плохо кушает, того на костер? Я ясно выразился?»

«Зато поели на халяву!» — утешил демон, — «И есть возможность поспать! Просто зря ты так драматизируешь! И вообще мне кажется, он так за тобой ухаживает. Он просто раньше на хомячках тренировался, потом перешел на кошечек, а теперь решил все полученные экспериментальным путем знания применить на тебе». «Надеюсь, что ни одно животное не пострадало!» — воскликнул ангел, представляя братскую могилу хомячков. Я усмехнулась, представляя, как «ухаживальщик» скидывает очередного хомячка в яму. «Моя попытка номер пять!» — пропел демон, совершая эротический танец. — «Остальные просто не выживали! Видишь, какой заботливый! Не думаю, что он всех заключенных с ложечки кормит!».

Я полежала немного, закусив губу и зажмурившись от жгучего стыда.

«Берем лопаты!» — заорал демон, обращаясь к ангелу. — «Чего стоишь? Лопату бери! У нас тут процесс самокопания начинается! Итак, копаем от ужина и до победного! Не отлынивай!»

Утром меня разбудил шорох, от которого я спросонья вздрогнула и забилась в угол.

— Как вижу, подкоп не удался. Вставай. Пошли посмотреть родовое гнездо, — насмешливо заметил инквизитор, стоя надо мной.

Мне два раза повторять не надо! Я готова! Я с оханьем зашнуровала ботинки. Боже! Да, его сейчас обниму! А если ему удастся решить вопрос с бабкой, то, считайте, я уже в клубе Анабель! Хоть бы получилось! Хоть бы получилось! Мама! Я так волнуюсь!

Раннее утро, воздух был еще свежим и прохладным, а я шла рядом с отрядом инквизиции, чувствуя, что возмездие близко. Мне было интересно, под какой маской скрывается он. Я пыталась вычислить методом исключения, но эти «семеро из ларца одинаковых с лица» не давали мне ни единого шанса. С масками они неплохо придумали. Мало ли, вдруг кому-то захочется отомстить за «произвол»? Сидит какой-нибудь работник инквизиции дома, чай пьет с женой и детьми, а тут на пороге появляется какой-нибудь преступник с огоньком в правой руке и орет: «Это ты меня арестовал три года назад за тройное случайное убийство? Я тебя запомнил!». А с другой стороны это очень дисциплинирует. Мало ли кто с тобой в патруле? Вдруг начальство? А ты тут взятку пересчитываешь и прикидываешь, сколько отслюнявить остальным за молчание? «Это тебе! Это тебе! А это тебе! Ой! Дра-а-а-а-сте!» Почему-то мне представился хруст ломаемой руки и заявление на увольнение задним числом без выходного пособия.

Мой дом в утреннем сумраке выглядел все так же мрачно, как обычно. Выбитые стекла на втором этаже свидетельствовали, что у меня все хорошо. Настолько хорошо, что преступник, решивший поживиться моим имуществом, с глухими рыданиями убежит прочь. «Я такой нищеты никогда не видел!» — всхлипнет он, рассказывая друзьям. — «Я даже подумал оставить ей денег... Ну не могу я смотреть на это...»

— Ключ! — один из инквизиторов протянул руку в черной перчатке. — Я не хочу без надобности выбивать дверь.

— Дома ключ! — вздохнула я, глядя на самый верх. — Сейчас залезу наверх и открою изнутри. Одну минуту!

Я полезла вверх по дереву, уцепившись за ветку, потом с ветки переползла на козырек, хрустя старой черепицей и цепляясь ногами за болтающийся на честном добром слове водосток. Я взглянула вниз, глядя как черные маски смерти смотрят, подняв головы на мои акробатические номера. Ладно бы в штанах и кроссовках, но не в юбке же и ботинках! Юбка зацепилась за ветку, я ее дернула, оставив кусок юбки болтаться на ветвях. Мои ноги соскользнули, а я уцепилась руками за пыльный подоконник и подтянулась. Черепица посыпалась вниз.

— Поберегись! — предупредила я, поглядывая на зрителей сверху вниз. Я попыталась подтянуться на руках. Внизу все затаили дыхание, глядя на то, как шатается чахлый и набитый листьями водосточный желоб под моими ногами. Через минуту я счищала стекла в разошедшейся раме.

— Потаскуха! — заорала бабка, встречая меня в комнате. — Ты где ночевала? Я спрашиваю, ты где ночевала?

— Где-где? В тюрьме! — елеино ответила я, надеясь, что призрачный insult все же существует.

— Нет! Нет! — заорала бабка, хватаясь за призрачное сердце. — Да как ты посмела! Негодница! Да за такое, я тебя со свету сживу! Не посмотрю, что ты — моя внучка! Ноги твоей больше не будет в этом доме! Я проклинаяю тебя! Проклинаю! Ты больше мне — никто!

Я попыталась шагнуть в комнату и тут же получила такой удар в грудь, что вылетела в окно, снова прокатившись по козырьку, уцепившись рукой и юбкой за водосток.

— Подождите немного, — успокоила я зрителей, пытаясь подтянуться на руках и закинуть ногу обратно. — Возникли непредвиденные трудности... в переговорах. Одну минутку. Я сейчас. Никуда не расходимся! Сохраняем спокойствие. Я сейчас!

Мне удалось подтянуться и отцепить юбку от водостока. Я, решительно хрустя черепицей, двинулась к окну. И тут же в мою сторону полетела какая-то книга. Я чуть не потеряла равновесие, пытаюсь увернуться от следующей книги.

— Ноги твоей больше здесь не будет! — орала бабка, швыряя мои вещи в окно. Вслед за книгами полетели мои записи, альбом, ботинки.

— Не переживайте, у меня не так много вещей! — крикнула я вниз. — Но лучше отойдите подальше! Во избежание прицельного попадания.

Инквизиция держалась из последних сил. Я представляю, что творилось под масками.

— Чего ржете! — возмутилась я, понимая, что выход только один — ломать дверь.

— Слезай, — раздался голос. Я перелезла на дерево глядя на разбросанные вокруг книги и одежду. Мой старый ботинок висел на дереве, зацепившись шнурками за ветки. Моя подушка валялась в сухой листве. Я попыталась снять ботинок с ветки и чуть сама не упала, потеряв равновесие и точку опоры. Если в задачи инквизиции входит снятие котят с деревьев, то будьте так любезны, снимите меня! Хотя... Одну минуту. Все! Слезла. Сама!

— Выламывайте! — раздался голос. Дверь распахнулась.

— Извините, у меня не прибрано! — заметила я, глядя на остатки меловых кругов. Тишина. Никого. Дом, словно вымер. На кухне из старого крана капала вода и валялась посуда. Половицы скрипели на все лады. Я почувствовала себя сумасшедшей.

— Где призрак? — спросил кто-то из инквизиции, оглядываясь по сторонам. Мы обошли все комнаты. Тишина.

— Мне кажется, или здесь никого нет? — заметил кто-то из отряда.

Тишина. Бабки нигде не было. Спряталась, зараза!

— Выйдете все, — тихо произнес канцлер, снимая маску, и давая знак все убраться вон. Инквизиция молча покинула дом. Я стояла и ждала, когда бабка наконец-то себя проявит, поглядывая на пыльные фамильные портреты и облезлую люстру с лианами пыли.

— Бабушка! — заметила я елеяно. — Ты где? Чего спряталась? Мы тут навестить тебя с братиком пришли? Чего ты стесняешься? А? Давай, выходи? Ты что? Внукам не рада?

Тишина. Да что ж такое! Ладно, сыграем ва-банк. Сейчас меня либо бабка убьет, либо...

— Бабушка! — сладенько заметила я, опасливо косясь в сторону «внука». — А у нас для тебя есть новость. Хорошая для нас. И очень плохая для тебя! Ты скоро станешь прабабу....

Люстра оборвалась, а я еле успела прижаться к стене и закрыть лицо руками. Из стены вылетела разъяренная бабка с огромным кухонным ножом в руках, устремляясь ко мне.

— Опозорила семью! Проклинаю! Проклинаю! А ты что здесь забыл? Я тебя сюда не звала! Альберт Краммер! Ты — позор нашей семьи! Я сказала твоей матери, что стоит ей выйти замуж за этого проклятого Краммера, ноги ее и ее детей не будет в моем доме! Да как ты посмел вообще войти сюда!

Никогда я не видела еще более радостной встречи родственников. Я почувствовала, как меня резко отдергивают в сторону. Через секунду я увидела, как бабку отшвыривает подальше. Меня толкнули в сторону двери. Я стояла на улице, заметно нервничая. Прошло пару минут, и я увидела силуэт на пороге, вытирающего кровь со своей ладони.

— Как-то так. Дверь с кровавым отпечатком не открывать под страхом смерти! Ты меня поняла? — заметил Альберт, натягивая на окровавленную руку перчатку.

«Как-то так» меня пугало еще со времен брака. «Я у мамы — инженер!» — вот название всех попыток моего бывшего самостоятельно наладить совместный быт. В его арсенал входили декоративные гвоздики, моточек верёвочки, клей и сопли. Причем, у меня

складывалось впечатление, что все три позиции, кроме соплей, сэкономились со страшной силой. Все начиналось с соплей. Ими же и заканчивалось. «Я простыл!» — возмущался он, хрюкая носом и усиленно давя из себя в платок все содержимое носоглотки, ради того, чтобы не вкручивать лампочку. Если же от починки было не отвертеться, то в ход шла веревочка. Если веревочкой было не обойтись, то на очереди был вонючий клей! И пока мой бывший приклеивал ножку к стулу, со словами: «Все! На стул больше не садиться!», где — то плакал его трудовик, дрожащей рукой нарисовавший ему тройку в аттестате. Так что мужское «как-то так» пугает меня, как впечатлительного ребенка рассказы о том, что День Рождения пройдет без вожаемого смартфона.

Итак, призрак заперт. Хоть бы не в туалете! Хоть бы не в ванной! Я ведь много не прошу! Не хочу я в туалет по соседям бегать или с утра орошать землю содержимым ночного горшка с криками: «Па-а-аберегись!». Соседи будут рады видеть меня, мнущуюся на пороге их дома с криками: «Быстрее, пжпст, очень надо! Держаться нету больше сил!».

— Спасибо, что проводила меня домой, — заметил инквизитор, удаляясь в сторону соседской цитадели. — Это было так мило с твоей стороны.

Мне показалось, что все, что произошло за последние двенадцать часов — это кошмар зараженного малярией священника. Я молча прикрыла за собой выбитую дверь, дошла до запертой кухни, на двери которой красовалось алая печать.

— Анабель, внученька, открой дверь, пожалуйста... — проскулил за дверью знакомый голос. — Открой, я прошу тебя! Я же твоя бабушка! Разве можно так со старшими? Старших надо уважать!

— Нифига! — злорадно заметила я, возвращаясь за вещами на улицу и затаскивая их в дом.

— Анабель, радость моя, открой дверь бабушке! — скулил голос за дверью с кровавой печатью, пока я шла мимо, неся в комнату подушку и книги. — Анабель, бабушке плохо! Бабушка умирает! Бабушка плохо себя чувствует! У бабушки сердце слабое! Я сказала! Бабушке плохо! Открывай дверь!

— Зато мне хорошо, — ответила я, наслаждаясь мучениями домомучительницы. Я занесла все вещи, разложила по полочкам, починила дверь, чтобы она худо-бедно закрывалась. Перебирая вещи, я застыла на месте. Альбом пропал.

Глава одиннадцатая... покой — это очень хитрый предмет. То он если есть, то его сразу нет!

Лучший способ до кого-то достучаться — стучать по голове.

Я обыскала все. Даже придомовыми кустами шуршала несколько раз, пытаюсь разглядеть в пожухлой листве потрепанный коричневый переплет. Но, увы. «Нас обнесла инквизиция!» — заметил демон. — «Кому жаловаться?». «Ну зачем так плохо говорить о людях!» — возмутился ангел. — «Альбом — то не наш? Из нашего здесь только ботинки — сникерсы!». «Так или иначе, альбомчик у него! Он наверняка сейчас сидит, листает и офигевает!» — радостно потер ручки демон, — «Думаю, что бежевое!». «Ну почему сразу бежевое?» — удивился ангел. — «Белое, как символ чистоты и непорочности!». «Ну мы же не в первый раз?» — заметил демон, подводя калькуляцию. «Ребята! Вы о чем?» — возмутилась я. «О своем, приземленном!» — усмехнулся демон, задумчиво клацающая калькулятором. «О своем, возвышенном!» — вздохнул немеркантильный ангел с очень низкой планкой симпатичности и очень высоким порогом терпимости, доказанной первым эпическим походом замуж.

В полдень два мастера вставили мне новое стекло, которое обошлось мне в двадцать эрлингов, а я задумалась о новом замке и генеральной уборке. С ведром и тряпкой я ползала по полу в своей комнате, сметая паутину и выгребая залежи пыли из-под кровати. Судя по найденному клоку волос, у кого-то был активный период линьки. Среди пыли я нашла две бусинки сомнительно ценности, огрызок карандаша, эрлинг и несколько смятых бумажек. Бумаги я никогда не выбрасываю, ибо опыт погружения в картофельные очистки и прочие отходы жизнедеятельности по плечу, ради поиска квитанции, в которую один ленивец завернул шелуху от семечек, уже был. Мокрыми руками я развернула листок и почувствовала непреодолимое искушение завернуть его обратно. Я дернулась и осмотрелась по сторонам так, словно случайно кликнула на баннер, а теперь у меня действительно интересуются, есть ли мне восемнадцать и не хочу ли я оформить платную подписку, а позади меня беззвучно, как шпион подкрался суровый и беспощадный начальник с журналом учета рабочего времени.

Я осторожно посмотрела на картинку, понимая, что с такими талантами можно было издавать местный журнал «Плейбой». Ругаясь, плюясь, возмущаясь, жители проклинали бы редактора, а сами тихонько покупали бы «для личного пользования». Я сразу представила себя главным редактором этого скандального издания, купающегося в роскоши. Газета «Очевидное — невероятное — мозгами простого смертного необъятное» уже есть, газета «Как страшно жить!» — тоже. Есть даже желтая пресса, в которой я имею наглость работать, а вот издания для взрослых нет! Дух авантюризма требовал срочного заполнения информационного вакуума. Нет, конечно, можно было бы для начала потренироваться на огурцах и помидорах. «Бабушкины рецепты» с кроссвордами на последней странице и гороскопом, составленным на коленке, сулящим успех и счастье на ближайшую пятилетку всем и сразу — это хорошо, но душа просила чего-то масштабного и грандиозного. Я уже видела себя королевой империи бумажного разврата. Я отгрохаю себе особняк, заведу несколько художников с большой фантазией, договорюсь с типографией и попытаюсь не дрогнуть под пристальным взглядом цензуры. «Молись и кайся, «сестра моя», «дво-ю-родная...». Есть у меня подозрение, что из его кабинета я выйду седой. Откуда у меня будет

торчать первый выпуск моего «журнала», я не хочу даже представлять. Страшно то, что мне это может понравиться...

Я еще раз взглянула на художественную эротику с изображением знакомой пары, а потом застыла в нерешительности, выбросить или нет? Листик был явно вырван из альбома. Так что мне еще повезло, что кому-то достались лишь цензурные картинки для ознакомления. Второй листочек тоже был из альбома. Здесь было все вполне цензурно. Он стоял рядом с ней в черном плаще и маске, расстегнув верхнюю пуговицу ее платья, и перчаткой нежно гладил ее шею, склонившись, словно для поцелуя, слегка приподнимая маску. Так, что это было? А что это у меня пульс так участился, словно я только что сдала норматив по физкультуре? Это что? Заразно? Передается по наследству вместе с домом и именем? Руки мыть уже поздно, надо думать? А если с мылом, три раза?

Третий листочек был почеркан. На нем красовались какие-то многоярусные и заумные формулы и нечитаемые обрывки слов.

Справившись с косметической уборкой, я отправилась в редакцию, узнать последние новости. На всех углах висел невнятный портрет какой-то девушки с «рыбьими глазами» и надписью «Внимание! Розыск!». Я подошла и вчиталась. «Пропала Ада Бернс, восемнадцать лет. Рост, вес, цвет платья. Особых примет — нет. Всем, кто хоть что-то слышал о ней — сообщить в Магистрат по месту жительства или напрямую инквизиции!» Нет ни татуировок, ни шрамов, ни пирсинга, столь удобных для опознания тела по частям. Я тоже как-то не позаботилась о том, чтобы наколоть себе бабочку на попе и иероглиф на спине, поэтому чья бы корова мычала.

Я пришла в редакцию, чтобы тут же с порога получить партийное задание.

— Очередная жертва маньяка! — вздохнул редактор, демонстрируя знакомый портрет на главной странице «Справедливости и закон». Интересно, найдут ее живой или нет? Вот бы нам что-то узнать! Напоминаю, с тебя еще два интервью.

Я быстро прошуршала подборками газет конкурентов, дабы посмотреть аналогичных «пропаданок» и выявить некоторую закономерность. Мною было найдено восемь таких объявлений с портретами. Трех нашли мертвыми, пятерым повезло, но девушки ничего не могут вспомнить и рассказать.

Итак, что мы имеем! Девушки от шестнадцати до двадцати трех. Я выдохнула с облегчением, ибо я старше. Рост, цвет волос, цвет глаз, вес — ничего не совпадало. Ни цвет одежды, ни какие-то другие признаки не давали мне зацепки о том, почему именно они? Все девушки были из разных семей, из разных районов и характеризовались как законопослушные и всецело положительные.

— Мы должны написать о похитителе! — заметил редактор, глядя, как я раскладываю портреты по хронологии. — А у нас нет ничего, что могло бы пролить свет на его личность! Нет никакой новой и интересной информации! Он уже три года орудует в городе, и три года его не могут поймать и вычислить.

— Молодец, — вздохнула я, догадываясь, кто может пролить свет, и кого можно раскулачить на пару рапортов.

— Ну напиши какую-нибудь статью предупреждение! Хоть что-нибудь! А то все пишут, а мы — молчим! — вздохнул редактор, демонстрируя «вражескую» писанину и описывая всеобщий ажиотаж вокруг любимой темы. — Короче, подумай до вечера. Если что-то разнюхаешь раньше — жду! Кстати, Анабель, ты — просто находка для нашей газеты. После твоей зауми про «магию» и обливания грязью инквизиции, ты наконец-то выписалась!

Видишь, я был прав, когда писал тебе, что просто нужно смотреть на проблему непредвзято. И я приятно удивлен, что у тебя получается. Такое чувство, что ты просто рождена для журналистики! Ладно, все, иди, давай.

Я зашла в магазин всяких механическо-магических безделушек. За натертым и бликующим от полироли прилавком стоял солидный продавец, задумчиво, разглядывая магические часы, которые идут не против часовой стрелки, как здесь принято, а по часовой. Вместо цифр были точки и черточки.

— Эм... Здравствуйте, мадемуазель... — задумчиво пробормотал продавец, расстроенно глядя на явный брак.

— А сколько стоят такие часы? — спросила я, следя с ностальгией за привычным ходом времени.

— Это — брак. Не продается, — покачал головой продавец, с сожалением глядя на милейшие часики. — Попробуем отдать мастеру для перенастройки, но боюсь, что не поможет.

— А можно я их куплю! Они просто идут в другую сторону, я так понимаю, но не отстают? — оживилась я, словно только что получила весточку из дома. — А замки у вас есть? Надежные?

— От пять эрлингов, — вздохнул продавец, глядя на меня. — Часы отдам за...эм., три эрлинга, хотя такая же модель стоит десять. Замки...замки... Вот замок, который начинает громко кричать, когда его пытаются открыть отмычкой. Вот замок, который в случае попытки взлома раскаляется добела и обжигает незадачливому вору руки. Вот — отличная модель, которая узнает хозяина и открывается только по отпечатку пальца. Рекомендую. Если отпечаток пальца не совпал, он кричит: «Воры!». Есть замок, но он дорогой, я бы даже сказал, что это — лучшее их того, что я могу предложить, который открывается после того, как ты ответишь на его секретный вопрос. И это помимо ключа. Сначала открываешь его ключом, потом отвечаешь на секретный вопрос. Есть замок, кстати, остался последний, все раскупили, он реагирует на...

— А обычный, механический есть? — перебила я, разглядывая цветные коробки.

— Нет, обычные механические уже не пользуются популярностью, и мы их не производим, — вздохнул продавец. — Магические замки не надо вкручивать. Вы почитайте инструкцию и сделаете так, как там написано и замок сам установится на дверь.

Я посмотрела на производные магической промышленности и, поскольку в них не разбиралась, купила самый «нахваливаемый» и "надежный". Заодно прикупила самонагревающуюся кружку, а в соседней бакалее приобрела недорогой чай в бумажном пакете. Со всеми покупками я устремилась к дому, прикидывая, сколько денег у меня осталось, и не сильно ли я поистратилась?

Я сидела на кровати, слушая скулеж бабки внизу, и читала инструкцию к кружке 1/100. Один шанс получить увечье из ста. Неплохо! У меня есть девяносто девять попыток попить чай без приключений. Привычный ход времени в позолоченной оправе украшал противоположную от кровати стену, а после недельного ощущения, что у меня «не все дома», я наконец-то поняла, что у меня наконец-то появилось некое подобие дома.

Попивая чай без сахара, я быстро писала статью с грозным названием «Как не стать жертвой маньяка!». Моя фантазия разгулялась не на шутку. Большое воображение пыталось предусмотреть всё. Основные сведения черпала из знакомых фильмов ужасов. Поскольку опыта общения с настоящими маньяками у меня не было, я призвала на помощь неуловимого

мстителя жрицам любви — Джека Потрошителя, парочку фетишистов, некогда державших в страхе три населенных пункта, одинокого «Бэтмена», дежурящего в городском парке, проводя социологический опрос среди населения относительно своей мужественности и некогда прочитанную книгу «Самооборона для слабого пола». Книга была написана явно сильным полом, поскольку в критической ситуации предлагалось со всем соглашаться, расслабляться и получать удовольствие, мысленно прокручивая в голове формулировки заявлений об изнасиловании и пытаясь запомнить особые приметы преступника.

«Уважаемые леди, я обращаюсь именно к вам! В городе орудует маньяк! Наша газета предоставляет вам советы о том, как избежать лишней славы и ваших портретов на каждом углу!»

Я была щедра на советы, как интернет-тролли на форуме «яжематерей». Особенно мне понравилось правило для одиноких дам, любящих ночным променады: «Скажите, что вы ждете своего мужа, брата, отца и так далее. Опишите своего спутника, как будто он двухметровое чудовище, готовое на одну лапу положить, а другой прихлопнуть, а потом вытереть кровавую лужицу, оставшуюся от маньяка, о штаны. Даже если ваш супруг едва допрыгивает до вас, чтобы поцеловать, лучше включить женскую фантазию и приукрасить!».

«Робкие свидетели могут спугнуть маньяка. А отважные — сломать ему ребра!» — подвела итог я, подводя читательниц к мысли о привлечении свидетелей криками: «Пожар!».

Низвергнутый тиран был на кухне, проклиная меня и моего названного двоюродного брата до седьмого колена, вспоминая те времена, когда она единолично главенствовала в доме, и все семейство боялось ей слово поперек сказать. Я с чувством хорошо исполненного гражданского долга бросила письмо в почтовый ящик, в надежде, что оно успеет в утренний выпуск, но с неприятным удивлением обнаружила, что письмо не отправляется! Сломался мой ящик! Нет, я не зря выбросила старый мамин учебник по "теории вероятности", ибо в моей жизни нет места вероятности. Моя жизнь подчинена только закону подлости. И по закону подлости мне придется тащиться в редакцию пешком, заодно прикупить себе печенье к чаю.

Закрыв дверь на новый замок, проверив наличие ключа в кармане, я быстро смоталась туда и обратно, а потом с покупками стала открывать дверь. Ключ повернулся в замке два раза и... застрял. Я сложила пакет с печеньем на землю, поплевала на руки и почувствовала себя медвежатником. Воровато оглядываясь, я пыталась вынуть ключ и вспоминала инструкцию. Хотелось пойти обратно в магазин, но время было позднее, поэтому пришлось бы ждать до завтра. «Ни лает, ни кусает, в дом не пускает!» — закатил глаза демон. «Еще чего не хватало!» — возмутилась я. — «Еще не хватало, чтобы он руку отгрызал!»

Замок упорно не отдавал ключ и стоял на своем. Я уже подумала, что он вступил в сговор с бабкой.

— А ну отдай ключ! — принципиально возмутилась я, пытаюсь вертеть ключом в замке. Ни туда, ни сюда. Я стала тянуть ключ на себя и тут же услышала душераздирающий крик, исходящий, надо понимать, от замка. «Вор! Вор! Вор! Попытка взлома!» — орал замок противным голосом. Не хочу знать, кто подарил этому чуду магической техники такой истерический фальцет, но есть у меня предположение, что их было двое. Один сидел на стуле, широко расставив ноги, а второй с явным усилием ноги обеспечивал ему славу Фаринелли. Верещал замок так оглушительно громко, что у меня возникло ощущение, что похититель моего альбома в своем кабинете вздрогнул и пристально с подозрени-

посмотрел на дверь.

Через пять минут рядом нарисовался отряд инквизиции. Здравствуйте!

— Итак, что здесь происходит? — поинтересовался незнакомый голос, вызвав во мне легкое разочарование.

— Замок заклинило. Открыть не могу! — ответила я, пытаюсь перекричать это чудовище.

— Документы! — потребовал инквизитор, протягивая перчатку. — Ваши и документы о том, что эта недвижимость принадлежит вам!

— Дома все! — возмутилась я, прикидывая, как бы половчее забраться наверх, чтобы вынести документы. Инквизитор положил руку на замок, и он заткнулся.

— Проследуйте за нами! — услышала я, обреченно сгребая бумажный пакет с печеньем. Пока меня вели, я активно грызла свою добычу, стряхивая с себя крошки. На душе что-то радостно предвкушало незабываемую встречу.

По дороге у меня поинтересовались, есть ли у меня родственники, чтобы сообщить им о моем местонахождении. Я облизала сладкие пальцы, покрытые сахарной пудрой, и промолчала. Мы и так направляемся к моему единственному «родственнику». Если что — я не с пустыми руками!

Меня впихнули в знакомый кабинет и закрыли за мной дверь.

— Было у меня нехорошее предчувствие, что ты не дотерпишь до утра, — раздался знакомый голос. — Ты продержалась двенадцать часов, шесть минут и десять секунд. Что у нас на этот раз?

— Печенье будете? — спросила я, протягивая ему пакетик. — Не смотрите на него так. Им еще рано гвозди забивать. Но меня предупредили, что если оно еще немного полежит, то вполне возможно именно его откопают археологи будущего, в качестве окаменелости, по которой будут восстанавливать историю цивилизации.

— Ты мне зубы не заговаривай, — закатил глаза мой «двоюродный братец» с нежным именем Альберт, пока я в красках описывала покупку нового замка и попытки вытащить из него ключ. Эпитетов я не жалела, красноречиво описывая вопли замка, у которого с треском пытались отобрать его добычу. Упомянув незлым словом продавца, который не предупредил меня о том, что такое бывает, неразборчивую инструкцию, которую я выбросила за ненадобностью, я в не самых культурных высказала свое мнение выражениях о магии в целом. В разгар моего повествования, дверь открылась, и вошел отряд инквизиции, таща почерневшего от копоти мужика.

— И все-таки она вертится! — орал потерпевший, размахивая руками и сверкая глазами. — Вы представляете! Вертится!

— Сжечь! Эллиот, я предупреждал! Еще одна жалоба соседей и... — произнес Альберт, откладывая ручку и беря в руки рапорт, открывая его и снова закрывая.

— Вертится! — возмущался мужик, заглядывая всем в глаза. — Вы что? Не понимаете? Это — прорыв в науке! Сенсация!

Потерпевшего выволокли, дверь закрылась.

— Ты приказал его сжечь? Да как ты можешь! — возмутилась я, вскакивая со стула и глядя в холодные глаза «кузена», и внезапно переходя на «ты».

— Я приказал сжечь его записи, чертежи и осевой механизатор. Полный бред, ни капли здравого смысла, — протер очки Альберт, подавляя зевок. — Я его предупреждал, что еще раз и.... Так, а что ты делаешь?

— Ты рассказывай, рассказывай, мне очень интересно, — промурчала я, переписывая из осторожно позаимствованного прямо из-под носа инквизитора рапорта все подробности жизни одинокого изобретателя. Такс... Эллиот Эллей... Взрыв... У соседей вылетели стекла... А! Вот еще интересненькое! В прошлый раз ему оторвало палец? Круто! Рухнула... подпорная... стена! Ммммм!

Я подняла глаза, осторожно закрывая папочку и нагло засовывая ее обратно под руку канцлеру. Все. Я справилась! Потом вздохнула, поймав на себе пристальный взгляд, и вернула на стол чужую ручку, положив ее рядом с рапортом. Судя по взгляду, меня только что прокрутили на мясорубке и слепили из меня отличные котлетки.

— Тс... Не будите мою совесть, — я приложила палец к своим губам, пытаюсь подавить улыбку. Пришлось опустить голову, изображая покаяние. Пока я изображала кающуюся грешницу, мои глаза пробежали надписи на папочках. Каждый уважающий себя журналист ищет информатора, на котором можно успешно паразитировать. Я, кажется, нашла. Так что я могу неплохо подзаработать на криминальной хронике. Часы пробили полночь. Ой! А что это за папочка со знакомым именем «Ада»?

— А куда это твои журналистские ручки тянутся? — с едва заметной усмешкой заметил канцлер, осторожно отодвигая подальше от меня заинтересовавшие меня бумаги.

— К папочке! — кротко заметила я, с сожалением провожая папку глазами в стол.

— А если папочка даст папочкой по рукам? — услышала я в ответ, глядя, как документы сдвигаются на другой край стола. От меня подальше.

— Тогда я обижусь и буду вести себя хорошо, — буркнула я, понимая, что только что перешла некоторую границу. Если сейчас, я не буду поймана, как правонарушитель «этических норм», с последующим расстрелом на месте из огнемёта системы «Да как ты посмела! Устыдись!», а все ограничится ожогом третьей степени от взгляда, то это натолкнет меня на довольно интригующие мысли.

Я осторожно подняла глаза, нарочно потянула руку к первой попавшейся папке, за что была поймана и моментально обезврежена.

— Если я сказал — нельзя, значит, нельзя. Нельзя ни сейчас, ни завтра, ни послезавтра, ни когда я отвернусь, — его рука в перчатке лежала поверх моей внезапно похолодевшей руки, слегка сжимая мои пальцы. — Ты меня поняла?

«Кайся, Магдалена, со страшной силой!» — хором заорали ангел и демон мне в уши.

— «Путь к сердцу инквизитора лежит через покаяние!». «А путь к сердцу журналиста лежит через «возьми, милая, перепиши, что тебе надо!»» — парировала я, глядя на свою прижатую к папке "маленькую преступницу", поверх которой лежала большая "рука правосудия".

— Я ведь только одним глазком посмотрю... — я всячески изображала несвойственное мне смирение, не сводя глаз со стола и чувствуя, как он ме-е-едленно проводит большим пальцем по моей руке. — Мне тоже кушать хочется... И долги выплачивать надо. Чужие, между прочим...

— И это все, что ты хочешь сказать в свое оправдание? — спросил канцлер таким «прокурорским» голосом, от которого мне захотелось научиться телепортироваться. — Я спрашиваю, это все, что ты готова сказать в свое оправдание, мисс Несовершенство?

У меня такое чувство, что мистер Совершенство разглядывает стройные ряды потенциальных любовниц и жен. «Эм... Эта слишком костлявая, меня уже давно не тянет на холодец. Эта слишком полная, мне жирное нельзя... Это (задирает голову), слишком

высокая, эта (опускает голову) слишком низкая. У этой глаза близко посажены, у этой нос подкачал... А есть у вас (вытаскивая первую попавшуюся) точно такая же, только с голубыми глазами, большой грудью и губками-бантиками, только воспитанная-превоспитанная? Нет? Жа-а-аль. Будем искать...» Наш герой с нескрываемым злорадством отмечает, что не родилась еще дама, которая удовлетворит взыскательному вкусу того, кто «слишком хорош для этого мира».

«Держи абонемент на перевоспитание!» — гаденько усмехнулся демон, протягивая мне в мохнатой лапке красивый сертификат. — «Ты только посмотри в его глаза! Там же черным по белому написано: «Не все потерянно! Я тебе перевоспитаю! Через год ты будешь образцом для подражания! Эталоном!». Я мысленно скривилась. «Не вижу в этом ничего плохого. К совершенству надо стремиться, с каждым днем становясь все лучше и лучше!» — возликовал ангел. «Ну да, конечно!» — мерзко усмехнулся демон, почесываясь калькулятором. — «Где же он раньше-то был, пока нас жизнь насилывала?». «Но...» — ангел протянул ко мне руку. «Не ведись!» — прошептал демон. — «Понимаю, искушение велико, но ты подумай сама. Ты — взрослый человек, у тебя есть свои принципы, у тебя есть опыт. Пусть ищет себе какую-нибудь наивную малолетку, и лепит из нее свой идеал! Все, закругляйся, пока не поздно!».

— Я сегодня красноречива, как никогда. Мне не нравится, когда ВЫ называете меня мисс Несовершенством. И скажу сразу, меня уже поздно перевоспитывать, — холодно заметила я, гордо убирая руку. — Даже на правах родственника. Пойду я дальше ковырять свой замок. Всего хорошего. Кушайте печенье или подождите до завтра, когда им можно будет не просто перевоспитывать, но даже пытаться особо несговорчивых преступников.

Я встала и вышла. Меня попытались сопроводить, но я категорически отказалась, пытаясь проглотить комочек в горле. Несмотря на мои протесты, меня довели до самой двери дома, открыли этот чертов замок и молча удалились.

В коридоре я прослушала радиопьесу под названием «Я тебя люблю, дорогая моя внучка, только открой мне дверь!», катарсисом которой была имитация «призрачного инфаркта». Увидев, что пьеса не тронула меня до слез, призрак поменял концепцию и стал угрожать мне всеми небесными карами, обещая настолько мрачное будущее, что Альфред Хичкок подавился, а Стивен Кинг расплакался.

Повалявшись немного на кровати, я услышала стук в дверь. Нехотя надевая ботинки и наскоро застегивая платье, я выглянула в окно. На пороге стояла фигура в черном.

«Ути-бозецьки ты мой! Кто к нам пришел?» — умилился демон, пока ангел всхлипывал и разглядывал полысевшие крылья, похожие на куриные.

Я спустилась, поинтересовалась, кому не спится и не работается в ночь глухую, прислушиваясь к ответу. Ответа не последовало. В дверь снова постучали. Стучали уверенно и очень настойчиво.

«Открой!» — затрепетал ангел, растирая заплаканные глазки.

И я открыла. На пороге стоял инквизитор в маске и плаще.

— Чем могу быть полезна? — поинтересовалась я, хмуро глядя на маску смерти.

— Здесь неподалеку нашли девушку. Жертву, — раздался незнакомый мне голос. — Нам нужен свидетель! Пройдёмте со мной.

Как человеку мне никуда не хотелось идти, а вот как журналисту... Через минуту я закрыла дверь, и вооружившись ручкой и бумагой, проследовала на место преступления. В переулке сидела девушка с плаката, вздрагивая и глядя полубезумными глазами куда-то в

стену.

— А где остальные из патруля? — спросила я, глядя на бедняжку и мечтая ее расспросить до того, как ее возьмут в оборот.

— Пошли за свидетелями и целителями, — ответил инквизитор. Что-то меня настораживало. Где-то что-то противно засосало под ложечкой. Какой-то противный липкий холодок прокатился по спине, пока я пыталась прикинуть, успею ли я...

— Я, наверное, пойду. Если надо где-то расписаться, я распишусь! — бодро произнесла я, краем глаза следя за фигурой. — Просто мне завтра рано утром на работу... Тем более, я дома не одна. Меня ждут. Я отпросилась на пять минут, выполнить свой гражданский долг. Я пойду. Всего хорошего.

— Никуда ты не пойдешь! — в руках «инквизитора» я увидела искру.

— Пожар! — заорала я, вспоминая, что именно советовала всем дамам. — Горим!

Вы думаете, кто-то вышел? Думаете, что кто-то побежал меня спасать? А фигурки!

Через секунду я лежала на земле, отброшенная невидимой волной, ударившей меня в грудь и сбившей меня с ног. Я попыталась встать и отползти подальше, но тут на меня напала такая сонливость, словно я отработала три смены и еле доползла до кровати.

Глава двенадцатая... если вы сохраняете спокойствие, значит, вы еще не до конца разобрались в ситуации

Дипломатия — это искусство говорить "хоро-о-ошая собачка", пока не найдешь камень поувесистей.

Я открыла глаза, лежа на полу и пытаюсь понять, когда это я успела взять ипотеку? Была у меня странная уверенность, что если бы жилищный вопрос решился с учетом моего текущего материального положения, то ссуды хватило бы только на «мечту клаустрофоба» общей площадью два на два метра. С нынешним уровнем цен за квадратный метр, древний философ Диоген подмигивает молодым семьям из своей бочки.

На моей левой руке был металлический браслет, цепь от которого вела в сторону массивного кольца, вмурованного в стену. Единственным источником света в моих апартаментах был какой-то мутноватый белый кристалл на потолке.

Маньяк явно по призванию был парикмахером и раньше работал в цирюльне, раз я проснулась с новой стрижкой. Волосы, которые раньше были ниже плеч, были срезаны по подбородок. Надо отдать должное, он подстриг меня куда лучше и профессиональней, чем «опытный» мастер в парикмахерской «Ля мур». Вместо моего платья на мне была какая-то светлая рубаха. Маленькая дверь не открывалась уже два часа, пока я лежала в абсолютной тишине и полумраке. Я начала переживать. Не сдох ли маньяк на радостях? Просто он нужен мне живым!

— Эй! Есть кто живой? — поинтересовалась я, со всей вежливостью, на которую была способна в данной ситуации.

Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь, и предо мной предстал маньяк. Маг молча бросил мне газету «Справедливость и закон», как бросают собаке объедки, и удалился. На главной странице красовалась статья и... мой портрет. Портрет чернобелым, но чертовски красивым. Я не знаю, кто его рисовал, но это было восхитительно. Я была прямо эталоном красоты, богиней, вышедшей из пены морской, девушкой с открытки и просто женщиной-мечтой. Художник! Я найду тебя! Поверь мне, я выберусь отсюда только для того, чтобы отыскать тебя! Ты будешь рисовать меня раз в неделю. Обещаю, как только я распетляюсь с долгами, весь дом будет увешан моими портретами. Ты только что спас меня от извечного комплекса, укоренившегося в моей душе еще с тех незапамятных времен, когда мои родители купили фотоаппарат. Пока меня фотографировали на фоне всего, чего только можно, от забора до ковра, дабы поплотнее набить семейные альбомы, я возненавидела этот процесс до тошноты в кулечек. «Стой ровно, смотри туда, не моргай, замри!» — вот слова, от которых у меня сразу же автоматически начинается все чесаться, зудеть и свербеть. Так что мою фотографию на паспорте вполне можно было назвать подвигом нервной системы. Не только пятнадцатиминутный процесс съемки, но и процесс извлечения этого убожества из фирменного конверта фотостудии под мелкую барабанную дробь. Я потом еще два часа утешала себя, что я на самом деле очень даже ничего, просто фотографу с руками из попы наверняка сидеть неудобно, ракурс — неудачный, настроения не было, свет неправильно падает и так далее. И эта противная тетка, смотрящая на всех с нескрываемой ненавистью, совсем не я.

Я полюбовалась портретом. «Твои волосы, руки и плечи твои — преступление! Потому, что нельзя быть на свете красивой такой!». «Пропала Анабель Эрланс. Просим сообщить любую информацию о ее местонахождении за.... Так! Да за такие деньги мне самой хочется найтись! Сто тысяч эрлингов. Я мало того, что красивая, так еще и очень дорогая! Я почувствовала себя красавицей — рабыней, за которую торг уместен не только до тахикардии и банкротства, а до смертоубийства и кровопролитной войны.

«А спонсором наших поисков является инквизиция! Инквизиция жжет и отжигает!» — проворчал демон, косо глядя на притихшего и поникшего ангела. — «И тут вступает детский хор с песней «Гори-гори, моя звезда»!

Ну? Я просто сгораю от нетерпения. Что дальше? Рост, вес — это понятно. Почти угадали. Особые приметы — шрам чуть пониже спины. Так! Стоп! Когда успели разглядеть мой шрам на попе? Я не устраивала выставку «примечательные места моего тела», и не помню, чтобы чья-то рука ходила туда на экскурсию! Откуда такая информация? Кто посмел? По сравнению с предыдущими жертвами мой портрет занимал половину страницы, прямо как звезда на обложке глянцевого журнала. Пока я любовалась собой, дверь снова открылась.

— Вот видишь, сколько горя ты причиняешь своим родным, — тихо заметил маг, поигрывая ключом. — Они сейчас убиваются, плачут, бегают по кабинетам, ждут хоть каких-то вестей о тебе. Представляешь, как им сейчас тяжело. Сколько боли им причинило твое внезапное исчезновение!

— Мне сейчас порыдать или отложить сеанс стенаний на вечер? — скептически поинтересовалась я, глядя на похитителя. — Просто из родни у меня есть бабка- плазмод, запертая на кухне и двоюродный брат. Бабка убиваться не будет, ибо она уже умерла. А на счет кузена, я даже не знаю....

— Значит, ты никому не нужна, — усмехнулся маг, делая какие-то пометки в тетрадке. — О тебе скоро поговорят и успокоятся, Анабель. Знаешь, как бывает обычно. Сначала ищут, ждут, а потом понимают, что поиски ни к чему не приводят... Жизнь продолжается без тебя... И тебе придется с этим смириться...

Я зевнула, звеня цепью. Не думаю, что наш великий инквизитор упомянул меня в автобиографии. Глядя на наши семьи, Монтекки и Капулетти просто едят из одной тарелки, поздравляют друг друга со всеми праздниками и пьют на брудершафт.

— Смирение и покаяние, — лениво заметила я, разглядывая камеру и прикидывая, как начать статью. Нет, ну чтобы писать, надо выяснить личность и мотивы.

Маг снова что-то записал. Он задумался, а потом просто взял и вышел из камеры, закрыв за собой дверь на ключ. Все эти постоянные пометки свидетельствовали, что где-то за стенами кипит масштабная научная деятельность или пишутся мемуары о тяжелой и беспросветной жизни серийного мучителя. А может быть и то и другое!

Меня покормили, правда, скудно, а в качестве туалета мне предложили воспользоваться маленькой дыркой в полу, чем сильно меня огорчили, потому что тренировать меткость в мои планы не входило!

Через пару часов моей медитации на жестком и, надо сказать, холодном полу, дверь снова открылась. На пороге снова стоял маг, косплеящий инквизитора. Он бросил мне листовку с моим... внимание!.. портретом. На портрете я была девочкой-зайчиком, наивным ребенком, кавайной няшкой. Увидев этот портрет маленького ангела, дрогнет даже самое черствое сердце и... жадная душа. Сто пятьдесят тысяч! Ставки растут! Мистер

Совершенство, с такими расценками я пушу тебя по миру! Но если тебе придется заложить свою цитадель, я с удовольствием приючу тебя в нашем семейном гнезде. У меня даже комната есть лишняя. С бабушкой ты знаком, так что неприятным сюрпризом это для тебя не будет. Поднапряжемся, ремонт сделаем, с долгами расплатимся... Заживем, короче. С голоду не умрем, это точно. Ой! Что-то меня куда-то не туда понесло! Так, коллекция моих портретов пополняется. Судя по всему в этом городе теперь две знаменитости — я и маньяк.

Прошло достаточно много времени, поскольку я успела отсидеть себе поочередно обе ноги и отлежать руку. Дверь открылась, впуская свет в мое темное царство, и маг бросил на пол газету «Справедливость и закон», где был уже знакомый портрет.

«Неподалеку от дома пропавшей Анабель Эрланс было найдено обгоревшее тело, предположительно принадлежащее пропавшей журналистке», — прочитала я, жадно впиваясь в каждую строчку. «Единственными уликами, указывающими на то, что тело принадлежит Анабель, является обгоревшая прядь ее волос и обгоревшее платье. Следствие утверждает, что выводы о кончине Анабель, преждевременны. Ада Бернс, предыдущая девушка, похищенная маньяком, так и не была найдена».

Маг внимательно смотрел на меня сквозь прорези маски, явно ожидая от меня какой-нибудь реакции.

— Видишь, ты уже умерла... Сейчас твои родственники убиваются, проклиная себя, что не уберегли... — заметил он с усмешкой.

— А мне показалось, что они делают ставки, скорее на меня, чем на тебя, — усмехнулась я в ответ.

Сомневаюсь, что бабушка убивается. Так же меня терзают смутные сомнения, что кто-то заливает горе алкоголем. Скорее он составляет список того, что сделает с похитителем, и уже перешел на вторую страницу, любовно поглаживая наточенный лобзик для ректальных кар для маньяка и клещи, чтобы вынуть шило у меня из попы.

— Ура! Долги выплачивать не надо! Нету тела — нету дела! — обрадовалась я, потирая руки. — На мне просто долг числится сто тысяч эрлингов, поэтому прими мою искреннюю благодарность.

Маньяк очень обиделся, поэтому сократил мой рацион до порции, которой не наестся даже воробей.

— Ты, вижу, решил позаботиться о моей фигуре! Похвально! — обрадовалась я, вылизывая тарелку и замеряя свою талию пальцами. — Я просто за последнее время слегка отъелась. Знаешь, сколько я весила до неудачного замужества? Сорок четыре килограмма! А сейчас по ощущениям все сорок девять!

Маг посмотрел на меня сквозь маску, стоя на безопасном расстоянии от меня и делая пометки.

— Ты что? Хочешь меня напугать? — саркастически поинтересовалась я, с удовольствием отмечая, что моя фигурка с каждым днем стремится к совершенству.

— А ты догадливая. Мое исследование напрямую связано со страхом. Это — серьезная работа, которая должна сделать прорыв в науке, — заметил маг, делая пометки.

Я оживилась. Мой похититель подал голос! Журналист потерял лапки, предвкушая интервью.

— И почему же выбор пал на девушек? Вы считаете, что именно они больше подвержены страху, или вы просто боитесь, что вместо писклявого «Пустите меня, пожалуйста! Не делайте мне больно!» вы услышите: «Иди сюда, ублюдок! Я тебе сейчас ноги

вырву и глаз на задницу натяну!»), выкрикнутое рассерженным мужским голосом? — спросила я, перебирая в руках цепь. Сорок шесть звеньев. Я уже пересчитала.

Маг не ответил, но выводы я уже сделала.

— И каких успехов вам удалось достичь на вашем нелегком поприще всеобщей напасти? — поинтересовалась я. — Как живется тому, на чьей могиле потом будут непросыхающие плевки?

— Меня ловят уже несколько лет. Как видишь, безуспешно, — ответил маг, явно усмехаясь под маской. — И ты тоже ничего не сможешь рассказать, даже если я вдруг надумаю тебя отпустить. Сама знаешь, по какой причине.

— Я так понимаю, что многолетний кропотливый труд, игра в прятки с законом, три трупа и пять искалеченных жизней, пока что привели к тому, что лучшим лекарством от страха является полная потеря памяти? То есть... эм... года три вы потратили впустую? И сразу второй вопрос. Вы стираете девушкам память потому, что боитесь до судорог, что вас поймают? Или же по какой-то другой причине? — спросила я, жалея, что у меня нет с собой диктофона.

— Поймают? — усмехнулся под маской маг. — У меня слишком хорошие связи, чтобы меня просто взяли и «поймали».

— А можно поподробнее? — заинтересовалась я. — Про связи, про совесть, про все-все-все.

— Даже если вдруг на меня падет подозрение, ничего доказать не смогут! — с усмешкой заметил маг, делая пометки. — Я здесь не для того, чтобы давать интервью, журналистка.

Через час мне принесли плевков каши, размазанный по тарелке. Я так понимаю, что маньяк — очень экономный, а может быть, он просто не любит готовить? Итак, что у нас есть. Стальная ложка и деревянная миска. Миску я вернула уже без ложечки. Нет, ну мало ли? Вдруг действительно удастся вырыть подкоп?

— Где ложка? — хмуро спросил маг. Он держался от меня на безопасном расстоянии. Очевидно, глаза у меня были недобрые, а вид, как на фотографии в паспорте.

— Упала! — спокойно ответила я, показывая на дырку, исполняющую обязанности отхожего места. — Остатки каши соскребала и уронила. Если она вам так дорога, то можете залезть рукой и вытащить ее...

Разумеется, никто никуда не полез, зато я обзавелась металлической ложечкой. Я решила попробовать копать, но это был именно тот случай, когда не к чему было даже прикопаться, зато у меня неплохо получалось долбить камень вокруг кольца, вмурованного в стену. Через день маг втащил в мою каморку большую клетку с маленьким черным хомячком.

— Итак, познакомься, — усмехнулся маг, — мой последний экземпляр. Думаю, что вы поладите.

Дверь закрылась, а маленький черный хомяк в клетке зашевелился. «Хомяк — маньяк!» — умилился демон, поглядывая на ангела, который очень и очень любил все пушистенькое, за что был неоднократно кусан, клеван, жеван и царапан. Шрам на попе — на совести ангела. Когда мне было пять, ангелу очень хотелось поиграть с огромным черным ньюфаундлендом, обнаруженным у маминых знакомых, когда мы пришли к ним в гости. Невозмутимый, как мой «двоюродный братец», спокойный и очень интеллигентный пес лежал в комнате, вызывая в моей детской душе, которая еще недавно просила маму-папу

завести мне «хоть кого-нибудь», бурю радостных эмоций. Пока взрослые пили чай на кухне, я уже сделала для себя несколько выводов. Вывод первый. Если поднять песику мохнатые уши, то он становится «овчаркой», а если сложить их вместе, то «большим зайцем». Вывод второй. Нужно седло и комнату побольше. Вывод третий. Если залезть ему рукою в пасть и потянуть за язык, то песик встанет, обидится и уйдет. Бедное животное пыталось залезть под стол, чтобы спрятаться от меня, но не поместилось. Были попытки забиться в угол, но это тоже не спасало его от моей любви и любознательности. Через два часа, мы с ним расстались. Навсегда. Я ушла с будущим шрамом, песик остался, сожалеть о содеянном под грозные крики хозяев: «Ну что на тебя нашло! Ты зачем Анечку укусил? Плохой мальчик!». Всклипывая от боли, когда мама мне промывала рану и поливала ее зеленкой, я умоляла маму завести мне «водолаза», на что получила категорический отказ.

Хомяк в клетке лежал неподвижно. Не знаю, может, мне принесли уже заранее дохлого хомяка, дабы деморализовать меня? Типа: «смотри внимательно, вот что будет с тобой!» Я подошла к клетке и увидела надпись на клетке «БН13». Я приняухалась. В воздухе пахло сеансом черной магии с разоблачением! Причем, сорвет сеанс не только овации, но и джекпот. За такую статейку со мной не расплатятся! Человек во мне несколько озадачился возможными последствиями, а журналист, потеря лапки, словно муха, учуявшая теплую липкую и очень ароматную сенсацию.

Все сразу же встало на свои места. «Здравствуйте! С вами передача «У нас пока все дома!» и ее ведущий я!» — заметил демон. — «Сегодня мы находимся в гостях у преподавателя Академии, заслуженного профессора, куратора Джеральда Двейна почетного маньяка и просто хорошего человека, чье имя я не помню, но выясню, как только выберусь!». «Моя ты заюшка! А давай его погладим! Он ведь такой милый!» — восхитился ангел, глядя на черный сгусток темноты, лежащий на дне клетки без движения. «Боня Тринадцатый!» — радостно заметил демон, чувствуя, что у нас теперь есть чем поделиться со всем миром. — «Боня Тринадцатый — это усовершенствованная модель того Бони, которого мы увидели в первый день нашего знакомства с этим миром!»

При воспоминании о Боне Предыдущем, я вздрогнула и поежилась. Комочек на дне клетки зашевелился. Мне стало еще страшнее. Боня зашевелился активней. После нескольких часов экспериментов над Боней, я поняла, почему погибла Анабель. Я так понимаю, со слов Джеральда, они его сами поначалу дико боялись. А зверюшка росла. Чем больше боишься чего-либо, тем крупнее становится Боня. И вот я вижу, что после экспериментов, он увеличился до размеров откормленного котенка. «Все правильно, так и должно быть! Продолжайте наблюдения!» — почему-то прозвучал в голове голос Джеральда, когда он описывал, что Боне клетка быстро стала мала, и горе-маги поскакали к куратору за советом. А потом они пригласили Анабель, которая при виде Бони испугалась не на шутку. Еще бы! И Боня достиг своей критической массы, сломал клетку и...

— Умрешь, ты Боня! — усмехнулась я, присаживаясь рядом с клеткой. — Кстати, отгадай загадку! Не лает, не кусает, а молча растерзает? Кто это? Правильно, это — ты.

Я долго сидела рядом с клеткой, глядя на спящее чудовище. Потом мне стало скучно, и я решила с ним поиграть. Совать пальцы в клетку мне не рекомендовал Минздра...вый смысл, поэтому я сняла с шеи свою золотую цепочку с буквой «А» и стада дразнить животинку. Животинка открыла глаза. Сначала Боня растерялся, но уже через полчаса он активно ловил когтистыми лапами игрушку. Буква «А» ему так понравилась, что зверушонок был в полном восторге.

— Так! Отпусти! Иначе не буду с тобой играть! — заметила я, пытаюсь вырвать из цепких лап свою висюльку. Боня не отпускал, наслаждаясь победой. И тогда мне на помощь пришла моя ложка, которой хомяк-маньяк тут же получил по голове. И так было каждый раз, когда маленькие цепкие лапы не отпускали игрушку. Нет, ну а чем еще заняться? Моя детская мечта сбылась! У меня пусть ненадолго есть зверушенок. Я хотела завести себе котика или собачку, но у моего супруга, по уверению его мамы, оказалась дикая аллергия на шерсть, мех, перья и даже чешую. Судя по моим личным наблюдениям, у «самого больного в мире человека», помимо вышеперечисленного, была аллергия на работу, молоток, гвозди, пылесос, секс, детей и на мытье посуды!

десяток занятий у Бони сформировалась ложкофобия. Еще бы получить ею по голове с десяток раз! Стоило мне показать столовый прибор, бедолага шарахался от нее, как впечатлительный кот от фена. А если я подносила ее к прутьям, Боня начинал выть и прятаться. Пока у меня было развлечение, страх отступал. Иногда тревога внезапно нападала на меня липкой и удушающей волной безысходности. Я не боялась смерти. Я боялась стать овощем, как предыдущие жертвы. Нет, меня, конечно, не бросят. Я уверена, что даже будут с ложечки кормить, наймут мне сиделку. Но мне будет все равно. Я буду сидеть и гипнотизировать видимую мне одной точку, как жертва лоботомии. «Как Анабель? Уже лучше? Нет? Как мы вам сочувствуем! Такая обуза! Держитесь!»

«Он тебе нравится?» — поинтересовался демон, — «А насколько он тебе нравится? Готова ли ты, если бы у вас были бы телефоны, поставить на его звонок любимую песню?» «Вопрос провокационный! Я отвечать не буду!» — заметила я, тяжело вздыхая.

Боня рос. Не так быстро, как у бабушки на пирожках, но и не так медленно, как кактус на подоконнике. Через пару дней он вымахал размером со спаниэля. И чем крупнее становилось животное, тем агрессивней оно себя вело. Игры пришлось прекратить, потому, что когтистые лапы норовили поймать мою руку и втащить в клетку. Зато ложка мгновенно отрезвляла моего «сожителя». Стоило показать ему ложку, как сразу же клетка начинала ходить ходуном. Это Боня пытался спрятаться. Вот так рождаются детские комплексы. «Тебе детей доверять нельзя!» — категорически заметил ангел, осуждая меня за воспитательный процесс. «А ты роди и отойди!» — усмехнулся демон, подмигивая мне.

К своему создателю Боня был агрессивно-неравнодушен. Стоило магу только заглянуть в клетку, как ее обитатель бросался на прутья с горячим желанием полакомиться «папой». Прирост в весе и росте подопечного сильно огорчал создателя, о чем свидетельствовали его нервные замечки. «Плохо боишься!» — читалось в прорезях маски.

— А можно вопрос? — поинтересовалась я, глядя, как маг делает замечки по поводу своего детища, которому клетка скоро будет тесновата.

— Задавай, — хмуро заметил маньяк, соблюдая дистанцию и пристально глядя на Боню.

— А если он вырвется и убежит? — наивно спросила я, пряча свою ложечку.

— Я как раз работаю над этим вопросом, — хмуро бросил маг. — Этот экземпляр, и это научно доказано, не поддается дрессировке. Это — не совсем магическая форма жизни, однако не имеющая ничего общего с обычными животными. Это-то новое. Думаю, что решение я скоро найду.

Через день маньяк явился с опозданием бросил в клетку браслет. Боне игрушка понравилась, а однажды, проснувшись, я увидела, что клетка пуста. На полу клетки лежал золотой браслет. Я опасно посмотрела по сторонам.

Я потрогала прутья клетки, но ничего не произошло. Я стала активней расковыривать стену, предчувствуя, что скоро надобность во мне отпадет. К вечеру мне удалось вытащить из каменной кладки кольцо с длинным ржавым анкером. Я снова засунула анкер и села ждать ужина. Ужин запаздывал, а когда дверь открылась, то на пороге стоял маг. Тарелки и ложки у него с собой не было.

— Итак, Анабель Эрланс, твое время вышло. Мне очень жаль, — заметил он, глядя на браслет, лежащий на дне клетки. — Буквально на днях я узнал, что ты приходишься двоюродной сестрой канцлеру от инквизиции. Просто меня удивляло, с каким рвением тебя ищут и почему за тебя назначили такую большую награду, поэтому придется от тебя избавиться. А это, увы, смертный приговор. Лично от меня и магии в целом. Эксперимент только что успешно завершился. Результаты превзошли мои самые смелые ожидания.

Маг наклонился, взял браслет в руку, повернул какой-то красный драгоценный камень и передо мной появился Боня. Он уже был размером с немецкую овчарку. Массивные лапы, желтые глаза, много шерсти и оскаленная пасть с огромными зубами. «И кто моему сыну год назад хомяка продал?» — возмутился озлобленный отец, гуляя по птичьему рынку с медведем на поводке. Глядя на меня и на мага, который пятился к выходу, Боня явно задумался с кого начать. Вопрос, кто роднее, у него даже не стоял. Не мудрствуя лукаво, Боня решил начать с меня! Но стоило ему только метнуться в мою сторону, как я показала ему его любимую ложку!

Увидев ложку, которой в бытность хомячком, неоднократно получал по черепушке, Боня бросился обратно, повалив на землю маньяка. Воспользовавшись заминкой и открытой дверью, я бросилась бежать, закрывая дверь на торчащий снаружи ключ. Было у меня такое ощущение, что за время заточения я не просто бегать, даже ходить разучилась. Но медлить было нельзя, поэтому я бросилась вверх по ступенькам, вылетела в роскошный, дорого обставленный коридор и метнулась по коридору в сторону самой большой двери. Позади меня раздался крик. Крик придал моему бедному телу приличное ускорение. Дверь была закрыта, поэтому я разбила стулом стекло. Я успела вылезти в окно, сжимая в руках свою цепь с кольцом. Сломав голову я бежала по незнакомой освещенной тусклыми фонарями улице.

Глава тринадцатая... чем хуже ты выглядишь, тем больше вероятность свидания

Где-то далеко летят поезда,
самолеты сбиваются с пути,
если он уйдет — это навсегда.
Так что просто не дай ему уйти!

(Операция по поимке опасного преступника)

Я бежала, задыхаясь от непривычно свежего воздуха. Во рту пересохло, голова кружилась, сердце противно стучало где-то в районе горла. Ноги прогибались с непривычки, поэтому мне казалось, что я бегу настолько медленно, что меня может догнать даже полупарализованная черепаха. Камни кололи босые, привыкшие к нормальной обуви ноги. Мне показалось, что за мной кто-то гонится. Надеюсь, Боня уравнил наши шансы. Жаль, я а поверила, что магом уже хрустят, как малосольным огурчиком, но не тут — то было.

Свернув за угол, я столкнулась с патрулем инквизиции. Черные фигуры обступили меня со всех сторон.

— Помогите! — прошептала я, хватаясь за бок и скривившись от колющей боли. — Он гонится за мной! Я — Анабель Эрланс!

— Успокойтесь, — произнес один из них, отдавая мне свой плащ. — Присядьте.

Я почувствовала холод. Еще бы босиком, в рубашке с цепью наперевес. Инквизиция стала прочесывать ближайшие улицы. И все??? А где одеяло? Где теплый чай? Где скорая помощь, носилки и «не переживайте мисс, все будет хорошо»?

«Какие чёрствые люди!» — охнул ангел, заламывая руки. «Будем требовать компенсацию!» — клацал калькулятором демон. «А может, просто напишем жалобу?» — заметил ангел — ябеда. «Упомянем в статье оперативность оказания помощи потерпевшим!» — кивнул демон.

Несколько инквизиторов вернулось с отчетом, что ничего не нашли. Подтянулась еще одна делегация. Инквизиторов стало больше. «Я прямо представляю картинку: «Мы ее первые нашли! Нам — премию!»» — вздохнул демон. «Они просто хотят помочь!» — возмутился наивный ангел. «Кто еще не видел жертву маньяка? Вход свободный!» — усмехнулся демон.

— Анимаг....- начала я, поджимая под себя замерзшие ноги и кутаясь в чужой плащ.

— Помолчите. Мы сами разберемся. Показания будете давать потом, — очень громко перебил меня инквизитор. Нет, это не Альберт.

— Скажите, что я наплась! — возмутилась я. — Сообщите канцлеру! Сколько мне еще здесь сидеть? Мне холодно! А носки мне не полагаются? У меня ноги замерзли!

— Вы, двое! Следить за потерпевшей! — скомандовал старший, давая знак двум инквизиторам. Те кивнули.

Мне выделили персональную охрану из двух человек! Класс! С носками их роднило только то, что один был — правый, другой — левый. Не знаю, как у вас, но я в своей жизни видела и отчетливо правый мужской носок, и отчетливо левый мужской носок. Да что там видела! Я их отбирала! Со скандалом и криками.

— Вы издеваетесь? — возмутилась я, дергая одного из охраны за плащ. — Вы думаете, мне приятно сидеть на холодной земле? Ищите дом с разбитым окном!

— В переулке никого! — отрапортовал какой-то инквизитор. «Главный» кивнул. Меня подмывало встать и сказать: «Вы что, тупые? Я вас сейчас за ручку отведу!» Отличный мир! Маги — газ, инквизиция — тормоз! Тормоз, надо заметить, тоже механизм! Прибежала еще одна группа с докладом.

С момента моего «обнаружения» прошло минут двадцать. «А сейчас кто-нибудь побежит за мелком! Обводить будут! Для протокола!» — сардонически заметил демон, прикидывая, на сколько гневных статей я разрожусь по возвращению. И пусть не обижается! Я все прекрасно понимаю, но это пахнет абсурдом! Я все выскажу!

— Ее уже допросили? — хрипло спросил один из инквизиторов, глядя как командующий парадом отрицательно покачал головой. — Я сообщил канцлеру, что Анабель нашлась. У меня прямой приказ от канцлера доставить Анабель Эрланс в инквизиционный корпус. Разрешено использовать телепортацию.

Главный кивнул, давая согласие.

«Гонец» подошел ко мне. И тут же один из охраны, тот, кто стоял справа, сделал неожиданный рывок, мгновенно уложив «гонца» на землю и придавив его спину коленом, с хрустом заламывая руку. Я видела, как по рукам инквизитора побежали искры. Маг завыл от боли и неожиданности. Прямо группа захвата, честно слово. Второй «охранник» тут же содрал с шеи лежащего на земле кристалл телепортации.

— Я такой приказ не отдавал! — приказал знакомый голос, придавливая гонца коленом к брусчатке и сдирая с него маску, положив ее рядом. Второй охранник принял «преступника», выламывая ему руку. Альберт снял маску и встал во весь рост, трясая правой рукой, по которой все еще бежали разряды тока. Маг выл от боли. Надо запомнить, а то вдруг за руку приспичит здороваться.

Отлично! А я-то думаю, чего он так уперся с этим дипломом! Интересно, а много магов среди инквизиции? Надо будет выяснить! Нет, статью я, конечно, писать не буду, но все же. Просто любопытно.

— Отпустите! — заорал маньяк, пряча расцарапанное Боней лицо и пытаясь дотянуться зубами до браслета. — Я буду жаловаться канцлеру от магии! Это — произвол!

— Щиты! Живо! — заорал Альберт, гася искры в руках. У инквизиторов появились полупрозрачные светящиеся щиты. Боня уже был тут как тут! «Ма-а-ам! Ты меня жвала?». Он метнулся к одному инквизитору, который попытался отбить удар, но дрогнул, чем порадовал Боню. Чудовище попытались сбить с ног волной, но магия Боне была вообще до лампочки. Он очень злился, при виде знакомых плащей и масок. Как ни крути, он поддается дрессировке. Может, палочку приносить и лапу давать он не будет, но если дело касается убийств, то здесь его вкусы вполне сформировались. Его целенаправленно притравливали на инквизицию. Меня тем временем передали кому-то в руки и принялись оттаскивать за границу круга, но я успела ударить «безвестного спасителя» локтем и бросится в самую гущу событий с ложкой наперевес. Меня перехватили на полете к Боне.

— Пустите! — заорала я, кусаясь и вырываясь, пока меня хватали за руки. — Он вас всех поубивает! Я знаю, как его остановить!

— Разрешаю использовать телепортацию! Освальда сюда, живо! Пусть любитесь! Смотрите, чтобы тварь не вышла из круга! — услышала я знакомый голос над ухом, когда впивалась зубами в чужую руку, державшую меня мертвой хваткой. Мои внезапно разжавшиеся зубы сразу же стали на всякий случай прощаться друг с другом. «На первый-второй в последний раз рассчитайсь!» — обреченно вздохнул первый кандидат на удаление

и единственный выросший зуб мудрости по совместительству. Остальные заныли.

— Пусти меня! — заорала я, вырываясь. — Я сказала! Пусти! Я знаю, что делать!

Единственное, что смущало Боню, так это гастрономическое разнообразие. «Мммм! Я не знаю, они все такие вкусненькие!» — прокашлялся демон, глядя на то, как Боня метался от одного инквизитора к другому. Инквизиторы сражались достойно, отвлекая Боню от очередной жертвы, давая ей возможность телепортироваться в тыл. С одного инквизитора слетела маска, обнажив молодое, искривленное ненавистью, лицо. Парню было лет двадцать, но он тут же снова надел ее и бросился в бой, прикрывая щитом упавшего товарища. Кто-то из инквизиции пустил странное заклинание в Боню, отвлекшее зверюшку от отползающей жертвы, мгновенно исчезающей с поля боя. Нет, Альберт — не один. Здесь как минимум магов пять.

Главгад лежал на земле, придавленный ногой чьей-то ногой в черном сапоге и закованный в светящиеся наручники. Его маска валялась рядом. Атаки Бони худо — бедно отбивали полупрозрачными щитами, отвлекая его внимание поочередно. Надо отдать должное. Никто из инквизиции не дрогнул.

И тут Боня увидел вдалеке кого? Правильно! Меня! Дорогого и любимого человека! Или он решил припомнить мне все хорошее, или просто приревновал, но этого было достаточно, чтобы со всей прытью ломануться в нашу сторону, откровенно игнорируя попытки сбить его с ног ударной волной. Теперь он был уже не размером с овчарку, а в два раза крупнее. Свиные желтые, полыхающие огнем ненависти ко всему человечеству глазища, смотрели только на меня. Рука, оттаскивающая меня, закрыла мне глаза. Через секунду мы были в тылу, но Боня заметил, куда мы перенеслись. У него хорошая память и с наблюдательностью проблем нет.

Остальные участники игры «развлеки Боню, пока маги выбирают, какие медальоны наденут», попытались отвлечь его от выбранной жертвы, но чудовище шло напролом, сбивая с ног всех на пути к цели.

И тут я сумела высвободить свою руку с ложкой, которую чуть не уронила, и продемонстрировать ее Боне. Я знаю, что снится этому чудовищу в кошмарных снах.

«Колобок-колобок! Я тебя съем!» — икнул демон, представляя весь абсурд картинки. При виде ложки Боня обомлел и шарахнулся в сторону.

— Смотри, — прокашлялась я, поведя плечом и держа перед собой «орудие пыток». Боня стал пятиться и нервничать. — Видел! Его держали со мной в одной камере! В клетке. Я просто ложкой его... воспитывала, когда он был маленьким! Теперь он ее боится до судорог!

Через пять минут свершился самый страшный Бонин кошмар. Его взяли в кольцо. Первые ряды инквизиции стояли, выставив вперед... простите, я сейчас умру от смеха... ложки. Среди них были и маленькие — чайные, и большие — столовые. При виде огромной ложки в руках одного инквизитора, у Бони вся его короткая, но чертовски насыщенная жизнь, пролетела перед глазами.

Неизвестный науке зверь замер в центре круга, затравленно озираясь по сторонам, как волк при виде красных флажков. Среди инквизиции стали раздаваться смешки и всхлипы.

Грудь, к которой меня прижимала рука, подергивалась. Их нее вырывались приглушенные стоны. Короче, я сделала чей-то вечер!

Я и сама едва сдерживала смех, выставив вперед свою погнутую трофейную ложку. А вот Боне было не смешно.

— Где он? — услышала я недовольный голос Освальда. Делегация магов раздвигала ряды инквизиции. — Что здесь вообще происходит? Пропустите! Что вы мне суετε! Опять ваши дурацкие шутки! Себе засунь!

Со стороны картинка была эпической. Боня, при виде Освальда и делегации сильно оживился и обрадовался! Еще бы!

— Это что еще тако... — сурово начал Освальд и тут же увидел Боню. Маги выставили щиты, попытались уничтожить его заклинаниями, но Боня был настроен решительно. Через пять минут тщетных попыток обезвредить чудовище, я услышала знакомый голос. Рука, державшая меня, сжалась.

— Бери ложку, Освальд, и расхлебывай. Почувствуй себя идиотом. Выдать ему самую большую. Ему еще хлебать и хлебать.

Я прыснула, глядя, как инквизиция стала выяснять у кого самая большая ложка. Победитель вручил свою ложку канцлеру от магии.

— Я не понял, — изумленно возмутился Освальд, держа ложку на вытянутой руке и подходя к перепуганному насмерть Боне. — Что это вообще такое?

— Ты у меня спрашиваешь? Такое чувство, будто я его каждое утро выгуливаю на коротком поводке! — раздался голос над ухом. — Это я у тебя спрашивать должен! Хозяин там валяется.

— Джей Камерон! Что все это значит? Что это? — возмутился Освальд, предусмотрительно выставив ложку вперед и глядя в сторону лежащего на земле хозяина.

— Я не знаю. Меня подставили! — уверенно ответил маг, когда его поставили на ноги.

— Я не имею к этому никакого отношения!

— Я спрашиваю, — голос Освальда не предвещал ничего хорошего, — что это такое? Или ты меня сейчас же отвечаешь, или...

— Я не имею к этому никакого отношения! — гордо ответил Камерон, сплевывая кровь. — Я говорю вам. Меня подставили! Я не знаю, что это! Инквизиция вломилаь ко мне в дом, разбила окно, избила и приволокла сюда!

— Браслет! — крикнула я. — Золотой браслет с камнями на руке! Снимите его и бросьте чудовищу! Он вызвал его из браслета!

Через минуту возмущений браслет лежал рядом с Боней. Через секунду Боня исчез. Прядам инквизиции прокатились вздохи облегчения. Ложки опустились. Маг был арестован.

— Браслет и преступника я забираю. Ложку можешь оставить себе, на память, — услышала я вкрадчивый голос, обращенный к Освальду, все еще сжимавшему столовый прибор. — С твоим подходом, тебе еще много чего предстоит расхлебывать, Освальд. Сворачиваемся.

«Я не хотел бы вновь, встретится с той козой!» — вздохнул демон, вспоминая желтые глаза Бони, и глядя как инквизиция осматривает раненых. Seriously пострадавших не было. У какого-то парня был порван плащ, и с пальцев на брусчатку капала кровь.

Через минуту меня сгрузили на стул в кабинете.

— Чай, одеяла, — приказал канцлер от инквизиции застывшему на пороге служащему, снимая с себя маску и плащ и поправляя растрепанные волосы. Дверь закрылась. — Если хочешь сделать что-то хорошо — сделай это сам.

На столе лежали папки. Уголок к уголку. Я залезла на стул с ногами, звеня цепью, как Кентервильское привидение. То, с каким видом Альберт снимал с меня цепь, свидетельствовало о том, что где-то в глубине его души идет борьба с желанием найти

новую стену для анкера. Но уже в шаговой доступности, чтобы проверять мое наличие каждые пять минут.

— Мне ложечку не надо к чаю. Ложечка у меня уже есть! — съехидничала я, показывая погнутую ложку, спасшую сегодня жизнь не только мне, но и многим другим.

Мой вдохновенный рассказ о Боне, маньяке и прелестях заключения был окончен. Я сидела под теплым одеялом, покачивая грязной ногой и допивая вторую кружку чая. Мне принесли еду, на которую я набросилась, с такой жадностью, которой может позавидовать даже Боня. Я выскребла ее всю, а потом отложила облизанную вилку, поднесла тарелку к лицу, с явным намерением ее вылизать, но взгляд, которым меня обожгло, заставил меня засунуть язык обратно и положить тарелку рядом, с сожалением глядя на остатки еды. Через минуту мне принесли еще одну порцию.

— До твоего появления в этом мире, — лениво заметил Альберт, положив подбородок на сплетенные пальцы, — я жил очень скучной и спокойной жизнью. Чудесной, относительно скучной и относительно спокойной жизнью.

— Отдохнул от меня? — я посмотрела на него взглядом кроткого агнца — А ведь все хорошее, когда-нибудь заканчивается. Неужели нельзя было просто взять у меня показания, я бы сказала кто это, и вы бы его арестовали!

— Ты так прекрасно осведомлена в особенностях местных законов, что я предлагаю тебе поменяться местами, — усмехнулся канцлер, отодвигая очки от края стола.

— Давай! — обрадовалась я, потирая ручки. «Ща как возглавим! Как возглавим!» — обрадовался демон.

— Я глаз не сомкну, представляя тебя в этом кресле, — заметил Альберт, тяжело вздыхая и убирая в стол пухлую папку. — Ты думаешь, так все просто? Поймать — одно. Доказать — другое. К сожалению, я не могу изменить законодательство в одностороннем порядке. Ладно, скажу так. Мы не знали кто это, но кое-какими сведениями располагали. Мы знали его повадки, знали его манеру, знали о том, как он себя поведет в определенной ситуации. Мы знали, что ему есть, что терять, поэтому он окажет сопротивление. А это — уже совсем другая статья. Так что в ближайшее время, поверь мне, он во всем сознается и сядет лет на десять. Я позабочусь о том, чтобы десять лет стало для него пожизненным. Маги не станут его выгораживать после случившегося.

— А если бы он меня убил? — возмутилась я, болтая ногами в воздухе и поправляя свесившееся одеяло.

— Лучше бы я не слышал этого вопроса, — меня обожгло взглядом.

— Я так понимаю, что вы знали, что он переодевается инквизитором? Да? Я права? — в голове уже начали складываться абзацы. Заголовок, правда, запаздывал, но тут и без заголовка газету просто сметут вместе с прилавком.

— Ты что? Собираешь материалы для статьи? Ищешь, чем бы еще разбавить свои переживания. Перед тем, как отправлять свою статью в редакцию, покажешь ее мне. Я посмотрю, — ответ сопровождался красивой и вежливой улыбкой. На столе стоял его нетронутый чай.

— Еще чего! Может, сам писать будешь? Ты пишешь — мне платят. Как тебе такой вариант? — оживилась я. — Какая разница, кто скрывается под инициалами «А.Э.» Девичья фамилия твой матери — Эрланс? Альберт Эрланс! Так что давай. Приступай.

— И не подумаю, — Альберт взял кружку, посмотрел на нее и снова поставил на место, так и не надумав сделать глоток.

— Без сахара? — с улыбкой осведомилась я, глядя на его чай. — Или нормально не размешали? Держи, ложечку. Будешь размешивать чай вещдоками. Вырыть туннель у меня не вышло, хотя я пыталась, но выдолбить кольцо из стены — удалось. Цепь тоже можешь оставить себе. Я ее под стул ногой запихнула.

На стол легла моя погнутая ложка. И тут я увидела знакомый альбом, поверх которого лежала ручка.

— А что здесь делает мой альбомчик? — поинтересовалась я, вглядываясь в знакомые потертости.

— С чего ты решила, что он — твой? — осведомился инквизитор, пристально глядя на меня.

— Хорошо, альбом твоей двоюродной сестры Анабель Эрланс? — исправилась я, глядя на знакомый коричневый переплет. — Я так понимаю, что ты его забрал. Если альбом тебе дорог, как память о сестре, то я бы отдала бы его тебе. Но зачем же было молча забирать его? А ведь это пахнет воровством. Ай-я-яй, как не стыдно. А мы еще боремся за звание мистера Совершенства!

Тот взгляд, которым меня только что одарили, заставил бы смутиться Медузу Горгону и напугал бы не самого слабонервного василиска.

— Ладно, сделаем вид, что ты его нашел! — оживилась я, протянув руку к альбому. Из альбома выпал знакомый рисунок. Точно такой же, как на листовке. И еще один, недорисованный. На ней была изображена камера, я и инквизитор, нависающий надо мной! Рисунок упал на папку «Обыски у работников инквизиции. Том шестой».

— Альберт, — я сощурила глаза, понимая, что мечта встретить местного портретиста только что сбылась. Но как-то совсем не так, как я себе это представляла, — а не ты ли это рисовал мой портрет для жалостливой бумажки? Просто у меня складывается впе..

— Я не разрешал тебе трогать альбом, — перебил он, вырывая у меня из рук альбом и бросая его в стол. «Художника обидеть может каждый!» — усмехнулся демон, надевая на нос очки сурового критика.

Я успела схватить листочек с рисунком, где я в камере и втянуть его себе под одеяло, а потом демонстративно отползти подальше от художника. «От такого живописца можно живоописаться!» — глубокомысленно заметил демон, взглянув в чужие глаза. «Видишь, какой он талантливый!» — проворковал ангел, складывая ручки и глядя масляными глазами. «Это он тренируется! Рисование всякой фигни на рабочем месте автоматически улучшает реакцию и боковое зрение!» — съехидничал демон. — «А собирание корабликов — мелкую моторику рук!». «У них с Анабель это — семейное!» — вздохнул ангел. «А ты уверена, что в альбоме рисовала Анабель?» — осторожно поинтересовался демон, глядя на меня. Ангел покраснел, вспоминая рисунок, найденный под кроватью. «А теперь вопрос на миллион этих, как его, эрлингов...» — таинственно начал демон, потирая лапки. Эта мысль обожгла меня изнутри, словно в душу мне плеснули содержимое вскипевшего чайника. Возможно, он когда-то любил Анабель. Я снова бросила взгляд на канцлера. Не помню, чтобы он упоминал о ней. Почему он не спросил, куда делась настоящая Анабель? У меня вообще такое чувство, что он вздохнул с облегчением, узнав, что я за нее.

— Я пойду домой. Мне пора, — заметила я, вылезая из-под одеяла и ковыляя в сторону выхода. — Мне еще статью писать, чтобы она в завтрашний выпуск попала. Где тут можно кружку за собой помыть? Нигде? Ладно. Маньяк пойман, так что можешь меня не провожать. Я постараюсь вести себя хорошо, потому, что когда ты смотришь на меня таким

взглядом, у меня в душе появляется призрак совести. А с меня одного призрака на кухне вполне достаточно. Всего хорошего. Спасибо за чай, одеяла и еду. За это спасение благодарить не буду, ибо спасение утопающих, дело рук самих утопающих. Хотя нет, маленькое «спасибо», ты все-таки заслужил. Считаю, что я поцеловала тебя в щеку.

«Ты что творишь???» — поперхнулся демон. Ангел уронил челюсть и смутился.

— Ты думаешь, что я выпущу тебя в таком виде? — усмехнулся Альберт, доставая платье и туфли. — Если ты уйдешь в таком виде, ты вернешься сюда быстрее, чем думаешь. Тебя сюда приведет первый же патруль.

Он положил мне сверток и вышел из кабинета. Я посмотрела на платье. Оно очень похоже на то, которое с меня сняли, но оно было новым. Ткань была явно дорогой, поскольку на свету играла красивым, едва заметным узором, а поверх платья лежала брошка, очень похожая на ту, что прикрывала пиршество моли. Только моя была облезлой, латунной со стекляшкой вместо камня, а эта смахивала на золотую. По поводу камня, я пребывала в растерянности. Туфли тоже были явно не потертыми со сбитыми носками, которые я прикрывала подолом, а новыми, словно только что из магазина. Через пять минут я переоделась, жалея, что не имею возможности искупаться перед примеркой.

Меня проводили до дома. Возле дома я увидела торчащие из почтового ящика письма. Хм... Ящик снова заработал. Я вынула первое письмо и увидела, что оно из магистрата. У меня уже три таких есть. Я прекрасно знаю, что должна около ста тысяч в качестве налогов на недвижимость и оплату муниципальных нужд. Я открыла конверты, отошла к тусклому фонарю и стала читать.

«Уведомление для Анабель Эрланс, Вы погасили свой долг, штраф и пеню в размере 129 000 эрл., в связи с этим мы отзываем заявление о признании вас неплатежеспособной с последующим выселением. Мы так же даем вам месяц с момента получения письма для приведения внешнего вида вашего дома в надлежащий вид. В противном случае вопрос о его сносе будет рассмотрен на ближайшем заседании. С ув. Муниципалитет Шестой Секторали»

«И кто этот добрый человек, решивший оплатить наши долги, чтобы мы не оказались на улице? Кто бы это мог быть? Может, он нам еще и ремонт сделает? По-братски? А?» — ехидно заметил демон, доставая калькулятор и прикидывая смету.

Я взяла оставшиеся письма. «Похоронное бюро «Последний долг» очень соболезнует вам в связи с утратой. Мы предлагаем похороны на достойном уровне, с соблюдением всех церемоний и обрядов. Наш адрес...»

Следующее письмо меня порадовало еще сильнее.

«Близкие никогда вас не покинут, благодаря тому, что у вас на каминной полке будет стоять красивая урна с прахом. Мы предлагаем широкий выбор урн всех цветов и размеров с услугами кремации останков!»

Следующее письмо сообщило мне о том, что памятники и надгробия — это дань усопшему. И предлагает широкий выбор памятников «на любой бюджет». Последнее письмо было чуть более оптимистичным.

«Сиделка с рекомендациями за умеренную плату возьмет на себя заботу о больных, которые не могут позаботиться о себе самостоятельно. Аккуратность, чистоплотность, исполнительность, милосердие».

— Да, — вздохнула я, разглядывая письма, — в меня никто не верил...

Я разорвала письма тех, кто в меня не верил, на мелкие кусочки и смотрела, как ветер разносит по улице.

— Ты оштрафована за то, что соришь в неположенном месте, — услышала я знакомый голос. Отряд инквизиции отправился дальше патрулировать, оставив нас наедине. — Тебе что? Персональную урну поставить? Я организую.

— Ага, с гравировкой «для Анабель Эрланс». Жаль я письмо разорвала. Там предлагали сделать гравировку со скидкой, — усмехнулась я, вздыхая и глядя на Альберта. Он поднял руку в перчатке и осторожно, полусогнутыми пальцами скользнул по моей щеке вниз. Я стояла и смотрела на него, чувствуя, как он прикасается к моей шее, осторожно убирая растрепанную прядь волос. Либо я плохо застегнула брошку, либо тут не обошлось без колдовства, но она расстегнулась, разрешая руке осторожно прикоснуться к моей шее. Не знаю, почему, но я чувствовала странный трепет. Сердце сжалось, боясь лишний раз шелохнуться, чтобы не спугнуть наваждение. А как же мисс Несовершенство? Я не знаю, сколько времени, но домой я идти пока передумала. Еще бы! Осторожно, соблюдая дистанцию, он сдвинул маску и наклонился ко мне, прикасаясь губами к моей щеке.

— Я рад, что ты жива... — прошептал он, отстраняясь, а потом с усмешкой произнес.

— Еще раз узнаю, что ты бросаешь мусор под ноги, выпишу тебе такой штраф, что никогда не рассчитаешься. Ты меня поняла? Все, иди домой, мое наказание. Твой ключ от дома. Был найден в кармане твоего обгоревшего платья.

А? Что? Где? А! Мусор... Да, да... конечно... ««Наказание» — это плохо!» — заметил ангел, — «Мое» — хорошо!». «Наивный!» — заметил демон, расплываясь в улыбке, глядя как я дрожащими руками пытаюсь открыть замок, который на этот раз согласился милостиво пустить меня в дом. «Что-то я не помню, чтобы ты так бурно реагировала на поцелуй в щеку!» — хмыкнул демон, слушая завывание бабки. «И я не помню!» — вздохнула я, закрывая за собой дверь.

Глава четырнадцатая.... хорошее дело браком не назовут!

Закон обвиняет маньяка, мораль обвиняет жертву

Я так удачно моргнула, что ночь моментально превратилась в полдень. Мир жаждал подробностей, а я лежала на кровати и заглядывала в глубины трещин на потолке. Из самой большой трещины на меня смотрел паук. Через секунду паукан повесился. Я положила руку на горящую щеку, а потом накрылась одеялом с головой.

«Ну как там поживает твоя печать? Не жалеешь, что щеку пришлось вымыть?» — ехидно поинтересовался демон, обмахиваясь индульгенцией. Ангел лежал, раскинув крылья и млел. «Пернатому по ходу крышка!» — усмехнулся демон. — «Я боюсь представить, что будет с ним, если отношения зайдут дальше лобызаний щечек!» Ангел поднял голову, а потом опустил ее, накрыв крыльями. «Честное слово, ты — как маленькая! Тебя в щеку целовали тыщу раз! Начиная от «приветичек, Анютка!» и заканчивая «поздравляю с Днем Варенья!» — заметил демон, рассматривая «индульгенцию» и сворачивая ее в трубочку.

Наконец — то я собралась с духом и вознамерилась пойти в магазин и купить себе что-нибудь «покусать». Экономить уже не надо. Одевшись, взяв ключи, я вышла, стараясь побыстрее пройти мимо того самого фонаря. Мусор убрали. В первый раз мне не жалко платить деньги за коммуналку, глядя на эту чистоту.

— Чего изволите, мадемуазель? Что я могу вам посоветовать? — любезно спросил солидный усатый продавец, который обычно, глядя на мое старенькое платье просто буркал: «Выбирайте мисс, не задерживайте очередь!». Народу в магазине было много. Еще бы! Здесь продается самое вкусное печенье в городе!

«Эрланс! Это точно она!» — уловила я краем уха. «Нашлась. Говорят, что ей удалось сбежать! Бедненькая! Чего она только не натерпелась! Мне так искренне ее жаль», — слышала я отчетливый шелест за спиной. «Неизвестно, что он с ней делал!», «Так или иначе, ее репутации — конец!». «Сама виновата!», — шуршание становилось отчетливей. «Да что ж вы такие жестокие! Нельзя так! Человек многое пережил, имейте же уважение!». «Дала повод! Приличных девушек не похищают!». «Я бы на ее месте после этого наложила на себя руки!» — произнес кто-то с усмешкой. — «Опозорилась сама, опозорила семью!».

«Я что-то не понял!» — возмутился демон, нахмурившись. — «Нас тут общественным мнением давят, как таракана тапочкой?»

Толпа, почуяв добычу, тут же развернула тяжелую артиллерию «общественного осуждения и жалости», и нацелила ее мне в спину. «Лучше бы ее мертвой нашли! Для нее же лучше!», «С моей дочерью подобного бы не случилось! А все дело в правильном воспитании!», «Бе-е-едненькая!»

Я с каменным лицом, смахивающей на посмертную маску, купила себе колечко колбаски, хлебушка, конфет и печенья. С покупками в бумажном пакете, я двинулась к выходу, игнорируя шепот за спиной. Стоило мне выйти за порог, как громкость обсуждения моментально возросла, словно чья-то попа случайно села на пульт от телевизора.

Из почтового ящика торчало письмо. «Где моя сенсация?» — редактор был непосредствен и лаконичен. Я зашла в дом, прикидывая с чего бы начать свое повествование. Внезапно я услышала звон бьющегося стекла и детские голоса: «Быстрее! Сматываемся!»

Я поднялась в свою комнату и увидела лежащие на столе осколки, разбитое стекло и камень, залетевший на кровать. Я, закипая от гнева, вышла из дома и увидела корявую надпись на двери: «Пропавшая!», нарисованная светящимся мелом. Инквизиция тащила за руки двух ребятешек лет десяти — двенадцати. Один орал и возмущался. Второй шел молча, надув губы. По его щекам текли слезы обиды. Я подошла к процессии. Через двадцать минут появились родители малышни.

— Я ничего не делал! Это все Брайан! — орал тот, которого держали за руку. — Он сам сказал, чтобы мы разбили стекло! Он предложил!

— Это — не я! Это Виктор! Виктор сам написал это слово! Я просто стоял рядом! — верещал второй, вытирая об себя пальцы, испачканные светящимся мелом.

— Административное правонарушение. Штраф в размере ста эрлингов. Стекло вставьте за свой счет. Надпись сотрете, — постановил глава патруля, выписывая штраф родителям.

— На каком основании? Наши дети ни в чем не виноваты! Мы обжалуем ваш штраф у канцлера! — постановил отец, принимая хулиганье. Он смерил меня презрительным взглядом, словно я недавно предлагала ему в переулке райское блаженство за умеренную плату. Супруга поджала губы, отворачиваясь от меня, словно застучала своего благоверного за этим процессом. Стекло мне вставили сразу. Глава семейства тут же уплатил штраф, демонстративно развернулся и увел свое семейство в неизвестном направлении.

К вечеру разбили и новое стекло, потом снова вставили. Количество светящихся надписей уничижительного содержания пополнилось. Я заканчивала статью. Через десять минут целый опус моих злоключений отправился, но не в редакцию, а к главному цензору. Ответ пришел через час. Были исправлены ошибки, расставлены запятые, два абзаца про поимку Бони были вычеркнуты. Так же от руки красивым ровным почерком было написано три адреса. Помимо них в конверте лежали три выдержки из досье пропавших девушек.

Я сопела, как ежик, глядя на росчерк беспощадной руки цензуры. Вздохнув, я отправилась по трем адресам. Первый адрес был недалеко. Я постучалась в дверь. На пороге появилась служанка, отрапортовав хозяевам, по какому поводу я пришла.

— У нас больше нет дочери! — произнес убежденный благородными сединами глава семейства, глядя на меня скорбным взглядом. — Мы сдали ее в лечебницу. Там ей обеспечивают достойный уход.

— Вы ее хоть иногда навещаете? — спросила я, чувствуя, как в меня впиваются иголки взглядов. Красивое убранство дома, обилие семейных портретов на стенах, роскошный камин и дорогая мебель свидетельствовали о том, что живут здесь люди явно не бедные. Что-что, а сиделку на дому они смогли бы себе позволить!

— Нет. Она опозорила семью, — постановил глава семейства, глядя на семейные портреты, висящие над камином.

— А чем она опозорила? — поинтересовалась я. — Тем, что случайно подвернулась под руку магу? Тем, что провела в заточении неделю? Тем, что выжила вопреки всему?

— Лучше бы она умерла, — сурово процедил глава семейства. Я отчетливо видела, как у его супруги дрожат губы. — Если бы ее лучше воспитывали, с ней бы такого не произошло. Вся вина лежит на матери. Мать должна была объяснить все дочери, что бывает с теми, кто...

— С теми, кто что? Оказался не в том месте, не в то время и был похищен возле крыльца собственного дома? Чем девочка провинилась? Почему вы ее обвиняете? Потому, что общество обвинило вас? И вместо того, чтобы защитить ее, вы вычеркнули ее из своей

жизни в угоду обществу? Маньяк никого не насиловал. Он даже пальцем не прикасался к жертвам! Он пугал их до полусмерти и использовал их страх для эксперимента, — вспылила я, глядя как рано поседевшая мать девочки встает и отворачивается, заламывая себе руки.

— А как ваша семья отреагировала на ваше похищение? — спросил глава семейства, сжимая ручки кресла. — Ваша семья приняла вас с распростертыми объятиями?

— Мне, в отличие от вашей дочери, повезло. Единственный член моей семьи был просто рад тому, что я выжила, — вздохнула я, глядя в глаза бессовестного отца. Мать стояла, отвернувшись, и рыдала, перебирая в руках цепочку медальона. Глава семейства встал с кресла, подошел к ней, вырвал медальон и швырнул его в камин.

— У нас нет больше дочери! Зря вы сюда пришли. Прощайте, — отрезал отец жертвы, шагая к двери и открывая ее для меня, намекая на то, что мне уже пора. Стоило двери за мной закрыться, в комнате раздались глухие рыдания.

Семья второй «пострадавшей» демонстративно закрыла дверь перед моим носом, стоило мне только сказать, по какому поводу я пришла. «Оставьте в покое нашу семью!» — рявкнул ее отец, испепеляя меня взглядом, словно я пришла позлорадствовать.

Третья семья сделала вид, что не понимает, о чем я, при этом оглядываясь по сторонам. Я вернулась домой, схватила ручку и села писать. Я знала, как закончить статью.

«Сидя в камере на холодном полу, я думала о том, что выживу, не смотря ни на что, потому, что мне есть куда возвращаться. Магу нужна была не девичья честь, о чем так любят посудачить злые языки, а страх и отчаяние. Страх, который вы внушаете своим дочерям, рассказывая о том, что если вдруг с ними что-то случится, семья откажется от них, ради спасения «семейной чести».

А вы, уважаемые дамы и господа, жадно впивающиеся глазами в подробности чужого горя, примеряя его на себя и отгоняя мысли об этом, как назойливую муху, уверяя себя в том, что с вами такого не случится? Что скажете вы? Вы скажете, что с вами такого никогда не произойдет. Вы приведете тысячу причин «почему», которые в один прекрасный день разобьются о суровую правду жизни. От такого никто не застрахован. Я знаю, что скрывается под маской показной жалости и осуждения. Страх. И этот страх порождает настоящих чудовищ, до которых маньяку далеко.

А.Э.»

Я молча свернула письмо и отправила его «цензору». Ответ заставил меня закатить глаза. «Сойдет. Отправляй редактору»

Я легла спать пораньше, но проснулась от того, что мне снова выбили стекло. Камень, влетевший в комнату, упал на стол. Утром я обнаружила кучу надписей на моем доме крайне оскорбительного содержания, сломанный забор и поваленный почтовый ящик. Через час ко мне пришла целая делегация прилично одетых поборников морали, толстых и, надо сказать, очень метких троллей — вандалов под конвоем инквизиции вставлять стекла, чинить забор и красить фасад. «Мальчишки и девчонки, а так же их родители, ремонт за счет вандалов, увидеть, не хотите ли?»

К концу дня ремонтные работы силами «доброжелателей» увенчались успехом. Выкрашенный фасад, идеальный заборчик, вставленные стекла (даже те, которые я никогда не видела целыми) и приведенная в порядок крыша, радовали даже привередливый глаз. «Сэкономили. Молодцы!» — вздохнул демон. — «Сойдет!»

До вечера не появилось ни одной надписи. Я уже пила чай вприкуску с бутербродом, когда в мою дверь постучали. Сердце сладко екнуло, ангел растекся лужицей перьев, демон

хмыкнул: «Ты сначала интересуйся, кто, а потом уже открывай!». Я высунулась из окна и увидела Томаса Линдера и Джеральда Двейна. В руках Линдера были цветы, которые он постоянно поправлял. Двейн прыскал в кулак, глядя на то, как Том одергивается так, словно пришел делать мне предложение. «Умерит брачные амбиции, жаркий костер инквизиции!» — на всякий случай напомнил мне демон. — «И сверлящим взглядом, он убил обоих!». «Ой! А цветочки — нам?» — наивно спросил ангел. — «Как мило! Они будут так красиво смотреться». «На могилке!» — подытожил демон.

Я спустилась вниз, открыла дверь, запуская компанию к себе.

— Это тебе! — буркнул Томас, смущенно вручая мне скромный букетик. — Мы за тебя очень переживали. Прости, но меня только восстановили в должности преподавателя, поэтому с деньгами пока... нуты понимаешь...

Мы сидели в одной из комнат моего "особняка" на старых, скрипучих стульях за старым столом. Судя по интерьеру, раньше здесь была столовая. Я на скорую руку сделала бутерброды, глядя как голодный студент уплетает их за обе щеки.

— Анабель... Прости нас... — замялся Том, откидывая непослушную прядь длинных темных волос.

— За что? — удивилась я, разливая чай из самозакипающей кружки по треснутым фарфоровым чашечкам.

— Мы все рассказали канцлеру от инквизиции. Он вызывал нас на допрос. Он знает, что ты — не Анабель. Он знает, что Анабель мертва.... А когда ты исчезла, мы подумали, что тебя арестовали, — вздохнул Том, пряча глаза. — И тогда я пришел туда сам, требуя, чтобы тебя выпустили... Я сказал, что готов понести наказание... Надеюсь, канцлер от инквизиции тебя не трогает. Если вдруг чего — говори. Мы подадим заявление канцлеру от магии....

«Трогает, еще как трогает! Аня у нас трогательная девушка!» — сладенько произнес демон. Ангел плавился, как сырок и потирал щеку. Томас ковырял ногтем старую скатерть.

— Мы думали, что он не заметит... — отозвался Том, ковыряя скатерть еще интенсивней.

«Заметил, еще как заметил! Аня у нас — замечательная девушка!» — ехидно выдал демон. Ангел простонал, закрывая глаза.

— Прости меня... — вздохнул Том, пряча глаза. — Я не хотел, чтобы у тебя были неприятности... Так получилось...

«Неприятности? О нет, сударь, вы ошибаетесь. У нас на этом фронте сплошные "приятности"!» — съязвил демон, закатывая глаза.

— Да ладно, — заметила я, нервно вытирая лужи чая на столе. — Не страшно.

«Посмотрите внимательно, дамы и господа! Перед вами — очень редкие экземпляры! Маги, у которых есть подобие совести!» — голосом экскурсовода заметил демон. — «Мне казалось, что те, у кого есть совесть, давно работают на инквизицию!».

— Я щешию щдал! Пождравь меня! — Джеральд дожеввал бутерброд, потянувшись за следующим. — Благодаря тебе! Мне засчитали научную работу в связи с арестом научного руководителя. А я уже думал, что все, конец. Придется сдавать методом Краммера...

— Чего? — оживилась я, услышав знакомую фамилию, и чуть не расплескала свой чай. — Краммера?

— Ну да! А ты что? Не в курсе? Ай! Я и забыл! Не знаю, правда, или нет, но... канцлер от инквизиции — маг. Он даже учился в Академии, пока его не отчислили. Только не вздумай писать об этом! Это — просто слухи. Легенда.

Я вся превратилась в одно большое ухо, клянясь всем, что у меня есть, включая здоровьем бабушки, запертой на кухне, что я об этом не напишу! В следующий раз я буду клясться исключительно ее здоровьем, а потом с удовольствием нарушать клятву, не без тайной надежды, разумеется.

— Короче, среди студентов есть легенда о том, что инквизитор действительно учился в Академии. И вот, на одном экзамене один профессор стал гонять его по всей программе. Краммер отвечал на вопросы. А дед поморщился и говорит типа, ты мне не нравишься, поэтому я тебе зачет ставить не буду! Том, ты тоже эту легенду знаешь? Ладно, на чем я остановился? И тогда Краммер посмотрел на деда и выдал: «Ну что ж. Сегодня я отвечаю перед вами, а завтра вы будете отвечать передо мной. Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Всего хорошего!». Все тогда посмеялись, зная, что магов в инквизицию не берут.

— Мне один студент в том году тоже такое заявил, когда я ему допуск к экзамену ставить отказался! Типа, если не поставите, уйду в инквизицию! А я ему говорю, мол, тебя даже в инквизицию не возьмут! Короче, выучил, пришел, сдал, — вздохнул Том, немного оживляясь и поднимая ложкой со дна кружки чайники.

— А помнишь Габриэля? Ну такой, светлый, прыщавый? Я с ним два курса отучился? Да! Да! Он! Его отчислили на втором курсе. Поговаривают, что он сейчас работает не инквизицию! — пощелкал пальцами Джеральд.

— Раньше пачками отчисляли, а теперь ну в очень крайнем случае! — усмехнулся Том, снова пряча глаза. — Когда я учился, у нас на потоке случай был. На защите появилась инквизиция, а Веспера стали загонять на стену, мол, тема работы не раскрыта и вообще, работа — так себе... Краммер, сидя в кресле, усмехнулся и сказал: «Не волнуйся, ты почти сдал мне экзамен. Я гарантирую хороший оклад, премиальные, надбавки». Научную работу приняли мигом! Чуть ли не оторвали у бедняги с руками и ногами! В тот день сдали все. Даже Ллойд. А про тупость Ллойда вообще легенды ходили!

— Вот она, везуха! — вздохнул Джеральд, откусывая кусок от бутерброда.

«Это в нашем мире студенты вызывают халяву, а здесь — инквизицию! Я знаю, как зовут бога защиты диплома!» — вздохнул демон. — «О великий инквизитор! Почти своим вниманием мою защиту! Да убереги меня от вопросов каверзных, дополнительных, от профессора, вставшего не с той ноги!»

— Хочешь анекдот в тему? Сидят два студента на лавочке возле Академии, решают задачу, орут, спорят можно ли закон Брайса применить к стихийной магии. И так, и эдак, а ответ не получается. Тут подходит к ним патруль инквизиции. Ребята перепугались, а один из инквизиторов говорит: «Закон Брайса применим исключительно для заклинаний огненной стихии. Для стихии воды расчеты не верны! Пересчитывайте с учетом коэффициента Аддамса!». Ха-ха! — закончил Джеральд, глядя на мою реакцию. Я сделала вид, что улыбнулась.

— Я слышал похожую шутку про симпатичную студентку, — буркнул Томас, снова пряча глаза. — Сидит глупая, но очень симпатичная студентка на лавочке возле Академии, задачу решает. А тут мимо идет патруль инквизиции. "Девушка, а как вас зовут?". Девушка хихикает и называет имя! Инквизиция: "Просто нам интересно, какая дура придумала применить коэффициент стихий для уравнения Блэра!" Прости, не смешно, просто я не умею рассказывать анекдоты...

— Мы тут, короче, по такому делу! У нас есть для тебя работа! — заметил Джеральд, перебивая Томаса, который совсем поник, понимая, что магический юмор мне чужд.

— Короче, наш знакомый, Джей Брукс решил жениться. И мы сказали, что у нас есть...

— ... знакомая журналистка, — сардонически кивнула я, глядя на них. — И она обязательно не просто напишет статью, но и пожертвует собой ради правды... Я уже это слышала однажды!

— Да ладно, — вздохнул Джеральд, шаря пальцами по опустевшей тарелке. — Обычная свадьба. Просто у нас нет денег на подарок молодым, вот и просим тебя помочь. Для них красивая статья про свадьбу будет лучшим подарком! Они даже сохраняют выпуск газеты. Выручи, а? Пожалуйста... Том будет рядом. Он тебя в обиду не даст... Мы представим тебя, как его девушку!

Том подавился чаем и покраснел, как вареный рак. «Одевайся, как на свидание!» — вздохнул демон. — «Или, как на похороны!». Ангел икнул. «Мой братик оторвет мне башку. А после и тебе оторвет!» — пропел демон, подмигивая Тому, как бы намекая на возможные последствия моего похода на свадьбу. Даже не в качестве невесты.

— Эм... Я даже не знаю... — заметила я, ставя кружку на стол.

— Ну, пожалуйста! — взмолились маги. — У нас реально денег нет на подарок! Представляешь, как молодым будет приятно! Да что на свадьбе может случиться? Все будет отлично! Чего ты? Молодые сами готовы тебе заплатить! Тем более, что студенты тебя очень уважают!

— И покушаешь бесплатно! — добавил вечно голодный Джеральд, в надежде, что меня искусит возможность покушать на халяву. Том его одернул.

Через час я была готова. Мне самой было любопытно узнать, как проходят свадьбы в этом мире. Тем более среди магов! Я так понимаю, что на магические свадьбы, немагов не приглашают, а тут такая возможность...

Свадьба проходила на первой секторали, во дворе вполне презентабельного дома. Гости уже были в сборе. Некоторые были уже пьяными. В воздухе парили разноцветные огоньки, словно из волшебной сказки, на деревьях висели сверкающие гирлянды. Накрытые столы с белоснежными скатертями, были облеплены голодными студентами, которые обсуждали жениха, невесту и сессию. «Я ему такой.... а вы, уважаемый профессор, ошибаетесь! Коэффициент времени не используется для...». Компании взрывались смехом, как хлопушки. «Погодите, сейчас покажу!» — вопил кто-то, и в воздух взлетела алая лента, рассыпаясь светящимися брызгами. «Ха! И это все?» — в небо взлетела голубая спираль, несколько раз дернулась и тут же разорвалась оглушительным салютом. Среди студентов затесалась тройка молодых преподавателей. Томаса тут же поприветствовали, пуская светлячка из руки. Томас пустил ответного светлячка. Боже, как мило! Я не жалею, что сюда пришла.

— Видишь, магия — это не всегда смерть и разрушения! — заметил Том, слегка склоняясь ко мне. — Магия может быть прекрасной!

— Где жених и невеста? — поинтересовалась я, глядя на достаточно фривольно одетых магичек. Я смотрю, что в магическом обществе мораль отличается от морали немагов. По сравнению с другими гостями, я была одета, как институтка, однако, пальцем на меня никто не показывал. Я даже расслабилась.

Меня подвели и представили молодой паре. Невеста сидела на коленях у жениха, закинув руку ему на плечо. Неподалеку стояли их родители и что-то горячо обсуждали. На невесте было темно синее платье, как у меня, только с более откровенным вырезом, коричневые локоны были собраны в причудливую прическу, украшенную сверкающими

бликами, а на шее висела целая связка медальонов.

— Познакомься, Анабель. Это Джей Брукс и Эмма Дейлин, — прокашлялся Томас. — Мои студенты!

— Эмма, но уже почти... Брукс! — усмехнулась невеста, глядя на жениха. Жених молчал, не веря своему счастью, глядя на невесту сияющим взглядом.

— Анабель Эрланс! — представилась я, улыбаясь молодым.

— Оу! — обрадовалась невеста, одергивая платье на груди. — Очень приятно! Ваши статьи нас просто радуют! Мы всей группой рыдали от смеха над «прошлыми заслугами»! Нет, вы действительно — молодец! Так здорово, что вы к нам пришли!

— Я бы хотела узнать о вас побольше! — заметила я, расслабляясь.

— Оу! Мы познакомились с Джеем на первом курсе! Он был самым скромным мальчиком на потоке! — радостно заметила невеста. — Сначала я не обращала на него внимания, а потом, потом поняла, что он — моя судьба! Он решал мне все контрольные, помогал готовиться к экзаменам! И буквально пару дней назад, мы решили пожениться, если сдадим сессию и не вылетим из Академии. О! Эмили! Я думала ты не придешь!

Невеста внезапно отвлеклась, сползая с колени жениха и телепортируясь к подруге, которая махала ей рукой и посылала воздушные поцелуи-светлячки. Через секунду Эмили вешала на шею невесте очередной медальон, целуя ее в щеку.

— А вы что скажете? — осведомилась я, глядя на жениха, который провожал взглядом свою без пяти минут супругу.

— Я счастлив! Самая красивая девушка на потоке сказала мне: «Да!». Я любил ее с первого курса, ходил за ней, помогал во всем, но она меня не замечала. Я однажды признался ей в любви, но она посмеялась, а теперь... — жених с наслаждением вздохнул, глядя, как его возлюбленная радостно щебечет с подружками, показывая рукой в мою сторону. Через пять минут ко мне выстроилась очередь с газетами. Я сидела и раздавала автографы, чувствуя себя настоящей звездой. Играла музыка, в небо взлетали волшебные салюты, рассыпаясь цветами, слышались тосты за сессию и за магию. Я стояла с бокалом напитка, похожего на пунш, наслаждаясь самой волшебной свадьбой в моей жизни.

— Как ты посмела? — меня кто-то дернул за рукав. Я удивленно обернулась и увидела какого-то едва стоящего на ногах мага. — Почему ты променяла меня на него? Отвечай! Он лучше, да?

— Простите, вы меня с кем-то путаете! — я отошла в сторону. Белобрысый парень в зеленом сюртуке, покачивался и дышал на меня перегаром, возвышаясь надо мной.

— Эмма, почему ты ушла от меня? — раздался пьяный голос. — Я спрашиваю, Эмма! Отвечай!

— Невеста там. Все претензии к ней. Меня зовут Анабель, — закатила глаза я, отходя подальше. Надо же! Меня перепутали с невестой.

— Ты ведь его не любишь! Я знаю, что не любишь! Это чтобы отомстить мне? Ты вышла за него замуж, чтобы отомстить мне? — раздался пьяный голос. Я напряглась, глядя на счастливую невесту и молчаливого жениха, принимающих поздравления от гостей.

— Я же это просто так не оставлю, Эмма... — икнул гость, проводя пятерней по своим волосам и хватая меня за руку, чтобы удержать. — Почему ты отворачиваешься?

— Послушайте. Я вижу вас в первый раз, это раз. Я — не Эмма. Это два. Отпустите меня, — я попыталась вынуть руку из его руки, ища глазами Тома. Том стоял неподалеку, беседуя с преподавателями. Джеральд тем временем окучивал какую-то худую девушку,

показывая ей какое-то голубое сияние в руках. Отлично. Меня снова бросили на произвол чужой судьбы.

Я подошла к Томасу, подергала его за рукав, показывая на пристающего студента.

— Оливер Смит! Ведите себя прилично, как подобает студенту пятого курса! — сурово произнес Том, отвлекшись от разговора про какую-то константу. — Так вот, на чем я остановился! Ах да! Если брать за основу круг Брайса...

— Я веду себя прилично! — возмутился Оливер, глядя на меня. — Почему ты меня игнорируешь, Эмма? Эмма! А как же наши планы? Ты мне обещала! Эмма!

— Да не Эмма я, отстань! — вспыхнула я, показывая ему адрес для претензий. — Вон твоя Эмма. Иди к ней приставай!

— Эмма! Как ты со мной разговариваешь! После всего, что между нами было? Скажи, что ты любишь меня? Скажи! Я должен это слышать! — настаивал «отверженный», не давая мне проходу.

Пока этот придурок активно насиловал мой мозг, внесли огромный, почти в мой рост, разноцветный, многоярусный торт под дружное «ура!». Торт водрузили в самом центре, чтобы все могли его разглядеть.

— Не люблю я тебя! — возмутилась я, пытаюсь отойти подальше от любителя выяснять отношения. — Я вообще тебя в первый раз в жизни вижу!

— Ах так, Эмма! Я тебе сейчас покажу! — раздался пьяный голос.

Что было дальше, я так и не поняла. Помню, как в торт врезалось заклинание, как меня отмело от эпицентра скандала под возмущенные крики. Замелькали заклинания. Я слышала крик невесты: «Ма-а-альчики, не ссорьтесь!». Часть гостей подначивала жениха, другая часть — бывшего невесты. Столы были перевернуты, гирлянды оборваны. Жениху на помощь поспешили друзья, к бывшему бойфренду — пьяная группа поддержки. Невеста металась от одного лагеря к другому. Кто-то из преподавателей попытался утихомирить студентов.

Я отползала подальше, пытаюсь спрятаться за дерево. «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло!» — заметил демон, глядя на возмущенного ангела. Битва переросла в настоящее магическое побоище. Мимо меня просвистело заклинание и врезалось в стену дома, оставив огромную трещину. Женский визг, пьяное «Ура-а-а!», «Да что вы творите!» и «Бей его!» прерывались веселой музыкой. Что за свадьба без драки? С моей головы на колени шмякнулся кусок торта. Вкусный торт. Руки были липкие, ручку я где-то потеряла, планшет с записями был заляпан кремом. Крем был даже в ушах, а к плечу прилип кусок отличного бисквита.

Мимо меня пробежал какой-то парень, таща за руку девушку. Через секунду они исчезли. Жених отступал вместе со своими товарищами. «Соберись!» — орал его отец. — «Ты что? Немаг какой-то!». На его лице был торт. Невеста, заляпанная белым кремом почти с ног до головы, в порванном платье и с разрушенной прической, закатив юбку почти под самую грудь, перелезала через стол, прячась от летящих в нее заклинаний. «Эмма!» — орал женский голос. «А ну быстро прекратите!» — кричал какой-то мужчина, призывая всех к порядку.

Внезапно я увидела вспышку перед носом, такую яркую и такую внезапную, что сама удивилась. Вспышка разорвалась и ослепила меня. Я шарила руками вокруг себя, пытаюсь понять, что вообще произошло.

— Анабель! — услышала я голос Томаса. — Прекратите! Живо! Анабель! Ты где?

Нет, Том, с тобой я ни в разведку, ни в супермаркет за покупками не пошла бы. Я крикнула, что здесь, ощущая шершавый ствол дерева, липкими пальцами. «Получай!» — орал женский голос над ухом. «Давай, Ильза, оглуши его!» — кричал какой-то мужской голос. — «Пусть знаю, что с универсамами связывать — себе дороже! Да целься лучше! Оу! Изви...».

Очнулась я, когда кто-то отчетливо произнес: «Мне кажется, что все-таки левая!». Я открыла глаза и увидела, что меня и невесту держат на руках инквизиторы. Процедура опознания была окончена фразой: «Да, левая. Точно. Правую в камеру к остальным! Левую сюда!» То, что я — левая, я уже поняла по взгляду.

«Отдам котенка, девочку, к лотку приучена, в хорошие руки!» — съехидничал демон, наслаждаясь ситуацией. «Котенок!» — жалобно всхлипнул ангел, вспоминая всех пушистых котят, которых имел счастье гладить. «Держись, котенок, сейчас хорошие руки тебя задушат!» — сардонически заметил демон. — «Опустим занавес жалости над этой сценой!».

Если на меня будут смотреть таким взглядом, то про лоток можно забыть.

— Сорок три часа, тридцать шесть минут, три секунды. Это так мило, что ты со свадьбы ушла не с пустыми руками, — раздался голос надо мной. — Ты весь торт на себе унесла, или гостям что-то осталось?

— Для тебя старалась. Ты что больше любишь? Бисквит или крем? — вздохнула я, приходя в себя и глядя на заляпанные тортиком туфли и грудь. — Тебя не сильно смутит, если я соберу тебе тортик в тарелочку?

— Нет, меня уже смутило то, что родственники требовали отдать им невесту, тыкая пальцем на тебя, — раздался голос. Я боялась поднимать глаза.

— Не, невеста была — «правой». Просто мы с ней немного похожи оказались... У нас платья оказались одного цвета, волосы одного цвета и ростом мы с ней... эм... не вышли. С этого все началось... — я облизала сладкие губы, и попыталась липкими руками убрать прилипшие к лицу волосы. — Меня попросили статью написать про свадьбу.

— Это я уже заметил, наказание мое, — мне протянули салфетку. Я все еще боялась поднять глаза. Я молча схватила салфетку, растирая крем по лицу. — Недавно я поймал себя на мысли, что наручники были бы отличным решением проблемы. Я бы таскал тебя за собой, устроив секретарем на полставки. Но морально — этическая сторона вопроса меня пока что очень смущает.

— А почему на полставки? — возмутилась я, снимая с себя крем и облизывая палец.

— Потому, что пристегнута будет только одна рука, — услышала я ответ, сопровождаемый тяжелым вздохом.

— А перспективы карьерного роста есть? — спросила я, вытирая шею.

— Будешь хорошо себя вести — куплю тебе туфли на каблуке, — услышала я, осторожно подняв глаза. «Залезть на шею и свесить ножки! — вот венец твоей «карьеры»!» — заметил демон.

— Тогда я лучше буду носить за нами стульчик! — смиренно ответила я. — А когда надо я буду на него забираться и рапортовать! Громко и звонко! А еще я хочу плащ и маску! Нет, серьезно! Мы с тобой и в патруль вместе будем ходить! Ты, я и стульчик. Мы будем наводить ужас на округу. Нас будут узнавать по характерному «тук-тук-тук» по брусчатке. Хотя, можно решить вопрос по-другому. Я несу стульчик, ты несешь меня. Короче! Я согласна! Кстати, можно в патруль ходить на каблуках?

Меня отвели к умывальнику, где я смыла с себя торт, помыла голову и почистила

платье. Господи, да я в его кабинете я бываю чаще, чем у себя дома!

— Давай, сохни и собирайся домой. Ты время видела? — услышала я тонкий намек, что мне пора спать.

— Хорошо, если ты меня прогоняешь, то я уйду, — вздохнула я, вставая с места и направляясь к двери. Через пятнадцать минут меня взяли под конвой и повели в сторону дома. Я не знаю, что обо мне думают эти молчаливые товарищи, но если бы это было в любом другом коллективе, то слухи о том, что у кого-то налаживается личная жизнь, расползлились со скоростью света. А может быть они идут и гаденько улыбаются под масками? Кто его знает?

Я стояла и смотрела на свой дом, тяжело вздыхая. Моя тень от фонаря почти дотянулась до самой двери. Я еще раз посмотрела на тени, прищурилась и обернулась.

— А как же «время видела»? — заметила я, глядя на то, как Альберт снимает маску. — Так как на счет работы? Ты не будешь против, если я буду совмещать работу журналистом с работой секретарем? Я понимаю, что для инквизиции я ростом не вышла, но если будет нужно выглядеть солидно, я буду забираться на бордюр, чтобы не портить общей картины! Надо будет, я на носочки встану!

Я забралась на бордюр и встала на носочки. Альберт стоял напротив меня и смотрел на меня взглядом, от которого к стулу должна прилагаться веревочка и мыло. Ничего, я уже привыкла.

— А если все будет совсем плохо, то я в нужный момент буду подпрыгивать! — заметила я, слегка подпрыгивая. «Ты что творишь? Тебе сколько лет? Десять? Двенадцать?» — демон прикрыл мохнатой лапкой мордочку. Я не знаю, суждено мне было оступиться и упасть или нет. Этого я не узнаю никогда, потому что через секунду я прижималась к чужой груди, чувствуя, как меня крепко держат в объятиях. «Нифига себе!» — усмехнулся демон. — «Беру свои слова обратно! Эй, пернатый, принимай бразды правления!»

— Вот что мне с тобой делать? — услышала я тихий голос, чувствуя, как руки на моей спине сцепились в замок. — У меня действительно такое чувство, что ты — мое наказание.

— А вдруг я — не наказание? Вдруг я — награда? — поинтересовалась я, поднимая голову и пытаюсь скрыть улыбку. — Кстати, как на счет интервью? Не сейчас. Сейчас у меня ручки с собой нет.

— Я подумаю, — услышала я ответ.

— Почему ты мне ничего о себе не рассказываешь? — спросила я, глядя на него снизу вверх. Сердце в груди такими темпами скоро вылетит наружу.

— Потому, что ты — журналист, — я увидела улыбку. — Мне не хочется, чтобы в свежем выпуске появилась статья. А ты почему не спешишь рассказывать о себе?

— Потому, что ты — инквизитор, — парировала я, снова пряча лицо. — Мне не хочется, чтобы на каждый факт моей биографии для меня нашлась бы подходящая статья. Я же говорила. Был бы человек, статья найдется.

Глава пятнадцатая...когда получил диплом, не знаешь куда пойти

— Какое у вас образование?

— Высшее! Я — специалист.

— Извините, вы нам не подходите! Нужен как минимум магистр!

(Собеседование на должность уборщицы)

Лучшим подарком для новобрачных было то, что я не написала статью. За это меня пылко благодарили. Посчитав свои финансы, которые вместо грустных романсов запели что-то более жизнеутверждающее, я решила пройтись по магазинам. Витрины, которые раньше казались мне музейными, теперь, когда я стала вполне платежеспособная, а призрак банкротства перестал маячить перед глазами, стали интересовать меня не только, как Джоконда в Лувре, но и с точки зрения потенциального покупателя. Наконец-то я дошла до ручки, заглянув в магазин письменных принадлежностей. Мне сразу предложили именную ручку, ручку, которая бьется током для особо «забывчивых» kleптоманов, ручку, которая сама проверяет правописание, с устаревшим словарем, ручку, которая никогда не теряется, начиная вопить дурным голосом, если ее где-то забыли.

— Есть ручка для самозащиты! Ее только выпустили в продажу! — гордо ответил продавец с испачканными чернилами пальцами, доставая коробочку с ручкой и выкладывая ее на стол.

— А что она делает? — поинтересовалась я, представляя, как стану обладателем столь грозного оружия.

— У нее выдвигается лезвие! — сообщил продавец таким голосом, словно легким движением руки обычная чернильная ручка превращается в мачете.

— Смотрите внимательно! — предупредил меня он таинственным голосом, от которого я ощутила легкое волнение, словно в цирке перед смертельным номером. Оп! И из ручки появилось лезвие, смахивающее на перочинный ножик — «ковырялочку». Хомяк с маникюрными ножницами против маньяка с тесаком. Тю! Я думала, что легким движением руки ручка превращается в лазерный меч!

— Ладно, — усмехнулась я, ковыряясь под ногтями ножичком. — Беру. А инструкция, как правильно шинковать врагов прилагается? Мне просто интересно, как правильно? Кубиками или колечками?

Перед магазинами одежды я ступевалась. Вместо того, чтобы читать вывески, я включила фантазию. Теперь справа был магазин — «Магический шик», слева — «Пуританский лоск». На витринах обоих магазинов стояли манекены. Если справа пьяный мог спокойно подойти к манекену и поинтересоваться прејскурантом за час и ночь, то на счет левого магазина, я бы сказала, что единственным украшением платья могла быть только его обладательница.

Душа просила разрез до середины бедра (чтобы быстрее бегать в случае чего), волнующее декольте (прятать там ручку. Большую, теплую ручку...) и яркие цвета, но призрак совести, нависающий надо мной и пронзающий на меня знакомым испепеляющим взглядом, заставил меня пойти налево. Я прямо теряюсь в этом разнообразии! Темно-синий, мутно-зеленый, черный, темно-фиолетовый, коричневый и темно — бордовый. Все платья были пошиты на один лад с обилием пуговиц на груди. Пышная юбка, которая безбожно

мнется, длинный рукав и приталенный силуэт — это не совсем то, что я привыкла носить, но что поделаешь. Отличались платья только цветом и аксессуарами. И тут я заметила платье с бантиком! Бантик? Я оглянулась по сторонам. Оторвите его, пока никто не видел! Это же аморально! В итоге, я со вздохом ткнула пальцем в черное платье с белыми кружевными манжетами и белым кружевным воротником. Хоть какое-то разнообразие!

— К нему прилагается брошка. Почти, как золотая! Никто не отличит! — произнесла продавщица в темно-синем платье, грациозно подплывая ко мне — Ее прикалывают к сердцу. Сейчас покажу!

Сердце насквозь пробивать? К какому конкретно желудочку? Девушка осторожно приколола ее справа.

— Смотрите, как мило! — улыбнулась продавщица, показывая мне мое отражение. «Классная дама!» — вздохнул демон. «Ты имеешь в виду «ах какая женщина?» — уточнила я. «Неправильный ответ. Два в четверти! Родителей в школу!» — ответил демон.

— Вообще-то сердце — слева, — заметила я, перекалывая брошку на другую сторону.

— Слева? — фыркнула продавщица. — Сердце — справа! Это даже дети знают!

Я промолчала, точно зная, где у меня сейчас теплеет и екает при мысли о том, что судьба в кое-то веков расщедрилась мне на маленькое женское счастье. Это тебе не почетный «козявочник», с удовольствием, пока никто не видит, добывающий большим пальцем залежи полезных ископаемых носоглотики. Даже не «умоеймамыборщвкуснее», который ест мои супы с таким видом, словно всю жизнь питался в дорогих ресторанах, а тут, внезапно ему предложили хот — дог с картонной сосиской, не «токующий глухарь», не «яумаысамыйсамый» и даже не «уменяпрыщясейчасумру».

Ладно, сказали справа, значит, справа! Дальше по улице я обнаружила магазин «волшебной» косметики. Я посмотрела на пропорции пессимист/оптимист суровым взглядом реалиста и решила не экспериментировать. Может, мне просто стало жаль денег, а может быть, меня смутили крики, доносившиеся из магазина: «Вы обещали минус тридцать лет, а не прыщи по всему лицу!». «Вам сколько лет? Сорок шесть! Вот, теперь у вас кожа, как в шестнадцать!». «А почему морщины не исчезли?» — услышала я визгливый женский голос. «Я же не знаю, какой вы были в шестнадцать?» — услышала я голос продавщицы. — «Возьмите мазь от прыщей!»

«Если в душе поют птички, то значит, скоро они будут гадить!» — философски изрек демон, почесываясь калькулятором и подводя неутешительный для моего бюджета итог шоппинга. «Ну зачем ты так?» — простонал ангел, воспаряя в небеса райского блаженства. «Хьюстон вызывает Икара!» — предупредил демон, шурясь на солнце. — «Икар, как слышно? Снижайтесь!»

Я отправилась прямым ходом в Академию, в надежде, что мне удастся договориться по поводу интервью с Освальдом. Сведения, полученные из выпусков «Магического вестника», свидетельствовали о том, что во время сессии и пересдач главмаг заседает непосредственно там. Цербер в юбке с проходной, завидев меня, встала грудью на защиту конфиденциальности информации.

— Я хочу взять интервью! — требовала я, пытаюсь пролезть между мадам и стеной.

— Велено не пускать! — орала мадам, тыкая пальцем в мой портрет, вырезанный из листовки. Ах так? Ладно!

Я быстро смоталась домой, переделалась в коричневое платье, взяла две книги с полки Анабель, стряхнула с них пыль, сделала себе кое-какую прическу, вернулась к Академии и

засела ждать в засаде, когда появится на горизонте группа студентов, численность которых превышает пять человек. Для приличия я развернула какой-то учебник и уставилась в мудреный круг. Потом я решила для вида переписать условия задачи, задумчиво покусывая ручку. Пока я смотрела на условия, понимая, что я ничего не понимаю, надо мной нависли тени. Я подняла глаза и увидела патруль инквизиции.

— Не получается? — спросил кто-то молодым голосом.

— Не-а... Ничего не понимаю! — вздохнула я, глядя на маски смерти и черные плащи.

— Давай сюда! — раздался голос. Остальные инквизиторы обступили листок с условием, долго обсуждая, через какой коэффициент лучше рассчитывать мощность заклинания пущенного с двух рук, с учетом, что маг — левша и каким кругом лучше воспользоваться для преобразования материи. Через пятнадцать минут консилиума, мне дали готовое решение и удалились, обсуждая мою «прелестную тупость» и «чему сейчас только учат в Академии!». Ха-ха.

И вот на горизонте появилась группа студентов. Я встала и быстро присоединилась к ним, прижимая к груди «учебники». Так мне удалось незамеченной попасть в Академию. Теперь осталось найти нужный этаж. Лестница была только на первом этаже. Остальные этажи были соединены порталами. На первом этаже отчетливо пахло канализацией, а ближайший туалет был закрыт «на ремонт». Я опасливо встала на первый попавшийся портал, который перенес меня в незнакомое место, обильно увешанное портретами «За особые заслуги». Я прошла по коридору, стараясь не подавать виду, что я потерялась.

В конце коридора была приоткрыта, поэтому я заглянула в нее. Над полом парила доска, за столом сидел мужик с листочками.

— Опаздываешь на пересдачу? Как ни стыдно! Пятый курс! Выпускной экзамен! — раздался строгий голос преподавателя, который прищурился на меня сквозь очки.

Эм... Я пойду, наверное...

Но тут же заклинание поймало меня и усадило за парту перед носом преподавателя. Я сидела, как на иголках, положив перед собой книги и ручку, надеясь, что скоро мне удастся улизнуть.

— Итак, по традиции опоздавший первым тянет билет! — заметил преподаватель, почесывая окладистую бороду.

Я? Да вы что? Издеваетесь? Я — не маг! Я умру над вашими коэффициентами! Паду смертью храбрых над первой же формулой, заливаясь горячими слезами отчаяния и безнадеги!

— Давай, будешь знать, как опаздывать! — услышала я, поднимаясь с места и поглядывая на дверь. Перед моим носом появилось туманное облако. Я с опаской протянула руку, в надежде, что мне ее не откусят. Развернув пойманную бумажку, я увидела задачу, «... рассчитать мощность заклинания... с учетом, что маг — левша». Я достала из кармана бумажку, которую мне исчеркала инквизиция и сравнила условия.

— Вы готовы отвечать? — спросил преподаватель, глядя на меня и на притихших «пересдунов».

— Эм... — промямлила я, чувствуя, как рука с бумажкой — ответом вспотела.

— К доске! Пишите решение! Распытайте все! — буркнул преподаватель. Я дрожащей рукой взяла светящийся мел и стала даже не переписывать, а «перерисовывать» бумажку, обливаясь холодным потом.

— Так... так... Ну что сказать? Неплохо! — преподаватель поправил очки и полистал

какую-то книгу. — А как на счет круга? Круга преобразования материи? Мы проходили это в прошлом семестре!

Я стала перерисовывать кружок с бумажки, стараясь придать рисунку максимальное сходство с оригиналом. Все символы напоминали мне смесь клинописи и китайских иероглифов. Я чувствовала себя мастером татуажа, который набивает на шее красавицы тэту по феньшую, терзаясь сомнения относительно его смысловой нагрузки, но утешая себя мыслью, что в страну рисовых полей и бюджетных девайсов она вроде как не собирается.

— Я удивлен! Мне так и хочется задать вам пару дополнительных вопросов, но не будем нарушать традицию! Первый, кто отвечает — дополнительных вопросов что? Правильно. Не получает! Я поставлю зачет. Так, кто следующий? Все, можете идти, студентка. Ах, да. Не забудьте ваш допуск! Как ваша фамилия?

— ...ланс! — прокашлялась я, затравлено оглядываясь. Но студенты не обращали на меня внимания, глядя на того, кто потянул билет вторым.

— ...ланс? Какая из двух? — спросил меня преподаватель, глядя на висящий в воздухе журнал.

— Нижняя, — ляпнула я, офигея от происшедшего.

— Мира Ланс? Отлично! Подойдите за своим дипломом в канцелярию. Я, как ваш куратор поздравляю вас с окончанием Академии! — заметил преподаватель, протягивая мне какую-то бумажку со светящейся печатью.

Я вышла, глядя на листок. «Обманывать нехорошо!» — кротко заметил ангел. «Погнали в канцелярию! Мне самому интересно, что будет!» — потер руки демон. — «Давай, шустрее!». Возле двери собралась толпа.

— Сдала? — спросил какой-то парень со шрамом на переносице, вырывая у меня из рук книгу. — Что спрашивали? Задачи решали? Какая попалась?

— Обычная, — пожала плечами я, глядя, как моя книга идет по рукам. Ее уже листает какая-то девушка, с ужасом глядя на формулы и круги.

— Глянь сюда, ты не знаешь, как решать эту задачу? Просто у меня не сходится? Каким способом ее решать? Методом Картера?

— Методом тыка, — ответила я, вспоминая единственный доступный мне, гуманитария, способ решения архисложных задач.

— Я же тебе говорил, что методом Адама Тыка! А ты мне что? Картер-картер! — раздался голос над ухом. — Так, кто там сейчас отвечает? Давай, переписывай!

Поиски канцелярии закончились на шестом круге телепортации. «Даром преподаватели время со мною тратили!»- мурлыкала я, открывая красивую дверь с ручкой в форме роскошного вензеля.

— Быстрее! У нас через три минуты обед! — раздался голос какой-то магички, стоящей рядом с разложенными папками. Несколько папок висело в воздухе. — Что у вас? Диплом? Сейчас выпишем! Подниметесь к ректору, а потом к канцлеру. Джейн, ты не видела личные дела преподавателей? Я не могу найти? У меня полный завал! Так, девушка, берите журнал, пишите свое имя! И расписывайтесь!

Я взяла ручку и машинально написала: «Анабель Эрланс» и поставила свою роспись.

— А диплом? — спросила я, глядя на то, как в воздухе летают папки, из них появляются какие-то листочки. Листочки перекладывались, какие-то сразу уничтожались, загораясь голубым огнем в воздухе, вместо них в папку влетали новые.

— Вы не видите, чем я занята? Берите диплом и пишите свое имя, но только красиво и

разборчиво! — магичка сделала взмах рукой, сейф открылся и из него вылетел красивый диплом — пустографка, которую я поймала в воздухе и положила на стол. Я чувствовала себя, словно во сне, красиво вписывая свое имя в диплом.

— Давай сюда! Быстро! Джейн, ты не можешь дать мне папку с первокурсниками? — заявила мадам, ляпая мне магическую печать не глядя. — Теперь расписаться у ректора и у канцлера от магии! Джейн! Ты что? Уснула? Я попросила первокурсников!

Я вышла, глядя на красивый диплом и свое имя. На секунду я закрыла глаза, потом снова открыла.

— Поздравляю! — кто-то из студентов хлопнул меня по плечу, проходя мимо. — Мне еще год учиться!

Я направилась к portalу, который перенес меня на какой-то этаж. Единственное, что я смогла найти, так это план здания и схему переносов. Кабинет ректора находился на три этажа выше! Вместе с группой студентов, которые волокли стопки книг в сторону библиотеки, меня перенесло еще на один этаж. Дальше я вместе с какой-то преподавательницей перенеслась еще на один этаж выше. Три студентки с дипломами в руках встали со мной на светящийся круг. Я упала им на хвост, осторожно следуя за ними, пока одна из них, высокая брюнетка не постучалась в роскошную двустворчатую дверь с красивой золотой и сверкающей надписью «ректор».

— Ректор занят! — раздался противный голос из-за двери. — А! Вы с дипломами! Давайте сюда, сейчас я подпишу у ректора.

Брюнетка собрала у нас всех дипломы. Через секунду они исчезли за дверью.

— Ждите! — раздался голос. — Только не возле двери! Отойдите! Не подпирайте дверь!

Брюнетка отошла вместе с рыжей к стендам и что-то активно обсуждали. «И что? Прямо на свадьбе? Да ты врешь?». «Инквизиция? Всех гостей?». «О, Ардал! Это просто невероятно!».

Рядом со мной на подоконнике сидела какая-то темненькая полная девушка, разглядывая стенд: «Ими гордится Академия!». Ее портрет я не увидела, что означало, что повода для гордости нет.

— Ты кто? — спросила она, скорее от скуки, разглядывая носки своих стоптанных туфель.

— Универмаг, — соврала я, чувствуя, что если сейчас не закушу губу, то рассмеюсь в голос. Боже, Альберт умрет. Я представляю его глаза. Черт! Ради того, чтобы увидеть его лицо в этот момент, я лично приду в инквизицию.

— А я — целитель, — вздохнула студентка, уставившись на свои туфли. — Не знаю, куда дальше. В лечебницу я подала документы еще до экзамена. До сих пор нет ответа...

— Поня-я-ятно, — протянула я, нервничая. Было жарковато, поэтому я расстегнула несколько верхних пуговиц. Альберт, я осуществлю твою мечту и принесу доказательство твоей теории. Хоть бы получилось! Хоть бы получилось! Мама! Дверь приоткрылась, брюнетка юркнула туда и вынесла четыре подписанных ректором диплома! Я сразу схватила свой. По пути к нам присоединилось еще группа выпускников с дипломами. Нас стало не меньше десяти. По коридору промчался Томас, неся стопку книг, прижимая их к груди. Он взмок от напряжения, пытаюсь удержать свою Пизанскую Башню подбородком. Мы хором поздоровались с ним, Том буркнул что-то нечленораздельное и поспешил к portalу, ведущему вниз.

У кабинета канцлера нам сообщили, чтобы мы заходили по одному. Я заняла очередь за

каким-то щуплым парнишкой с каштановыми волосами, в которых краем глаза заметила белые хлопья перхоти. Очередь дошла до меня через пять минут. Я вошла в «святая — святых», положила диплом на стол. Освальд, пил чай, разговаривая с каким-то усатым магом в зеленом. В одной руке у канцлера от магии была кружка, в другой — ручка. Он быстро поставил росчерк на моем дипломе.

— То есть инквизиция отказалась подписывать документы на ремонт канализации под Академией? — возмутился маг. — Да как они смеют!

— Придется идти на уступки! — мрачно ответил Освальд, прижимая к губам ободок красивой кружки. — Если еще эта Эрланс снова...

— Простите, — заметила я. — А можно будет взять у вас интервью, раз уж вы меня упомянули? Пожа-а-алуйста! У меня теперь к вам столько вопросов...

В этот момент я поняла, что дальность выплевывания чая у всех разная. У меня она ограничивалась испачканным монитором ноутбука. Но сегодня я впервые видела, чтобы струя доставала до противоположной стенки. Освальд кашлял, как туберкулезник, выкатив глаза, как французский бульдог, глядя немигающим взглядом на диплом в моих руках. Я тут же спрятала диплом в декольте.

— Я расскажу, как я его получила только в обмен на интервью! — чирикнула я.

От неминуемой расправы меня спасла дверь, куда я юркнула, смешиваясь с толпой студентов. Через минуту я, освоившая методом проб и ошибок принцип работы порталов, добралась до первого этажа. Близость цели я определила по нарастающему запаху!

Вместе с группой студентов я успела вылететь пулей из Академии, но тут же за мной вдогонку устремилась предупрежденная вахтерша, два каких-то мага, орущих, чтобы я немедленно остановилась. Наперерез магам метнулась инквизиция.

— Что произошло? — спросил один инквизитор. Его голос был похож на голос того, кто решил мне задачу. Я юркнула за их спины.

— Ничего, — замялись маги, возвращаясь к дверям Академии, ругаясь, на чем свет стоит. «Есть у меня диплом, только вот дело в том, что всемогущий маг, лишь на бумаге я!» — пропел демон, — «Эй, пернатый, давай, вступай со своим: «Да! Ой! Даром преподаватели!»

Когда я осторожно постучалась в знакомую дверь, переминаясь с ноги на ногу, до меня долетел знакомый голос.

— Только быстро. Я занят. У вас пять минут.

Открыв дверь, и осторожно войдя, я увидела как Альберт, сидя в очках с кружкой чая, разложил содержимое одной папки, изучая какую-то бумажку. Он даже не посмотрел в мою сторону.

— Я вас приветствую! — вздохнула я, присаживаясь на знакомый стульчик и пряча глаза. — Сильно занят?

— И кто это у нас такой вежливый? — поинтересовался Альберт, снимая очки, потирая переносицу и отбрасывая волосы за спину. — Давай, рассказывай, не стесняйся. Что у нас на этот раз? Пятнадцать часов, двадцать четыре минуты и сорок одна секунда. Чай будешь?

— Нет, спасибо. Я хочу тебе кое-что показать, — сладенько заметила я, закусывая губу и сжимая колени, чтобы не нервничать. — У меня есть то, чего нет у тебя...

Я осторожно расстегнула верхнюю пуговицу. Глаза канцлера смотрели на меня очень странным взглядом. Я расстегнула вторую пуговицу.

— А тебя не смущает, что я на работе? — поинтересовался он, отпивая чай и глядя на

то, как я раздеваюсь. Третья пуговица. Я лезу рукой в декольте. Глаза инквизитора смотрят так, что если бы не некоторые эпизоды, я бы подумала, что меня сейчас препарируют, как лягушку. Я достаю свернутый диплом, снова закусывая губы и глядя, как Альберт делает глоток чая. Я осторожно разворачиваю диплом и перевожу взгляд на него. У Альберта реакция лучше, чем у Освальда. Он успел прижать руку к губам, кашляя чаем и глядя на мой диплом.

— Диплом, не забрызгай, пожалуйста. Я его на стенку повешу! — скромно ответила я, глядя, как инквизитор достает салфетку и вытирает руку, покашливая. — И документы переделай. Я теперь — дипломированный маг! Я только что получила! Видишь, Анабелл Эрланс, выпускница магической Академии, закончила по специальности «универсальный маг». Я случайно зашла, чтобы договориться с Освальдом по поводу интервью. Вот... Нс диплом самый настоящий!

Альберт смотрел на диплом, потом положил руку поверх его, провел по нему и диплом засветился синим светом. Он молчал, глядя на какие-то знаки, которые проступали сквозь бумагу.

— Иди, там еще есть! Быстрее, пока не кончились! — радостно заметила я, положив локти на его папки. — Только переоденься и возьми пару книжек для приличия. Хотя нет, тебя знают в лицо... Нет, ну можешь попробовать! А вдруг повезет? У тебя есть коричневая одежда? Если есть, то сделай хвостик на голове и сними очки. Для конспирации. Они там сейчас вешаются... Освальд уже в курсе!

Я видела, как чужие пальцы отбивают странный, известный только «стукачу» ритм по крышке стола, а глаза смотрят пристально на диплом, а потом на часы. «Успею или не успею?» — хихикнул демон, подражая Альберту.

Через секунду дверь чуть не вылетела с петель.

— А теперь вышли, постучали три раза, а потом после того, как получите разрешение, зайдете снова. Я что? Должен учить вас правилам этикета? — заметил Альберт, беря в руки мой диплом. Его улыбка стала воистину дьявольской, а взгляд напоминал сверкающее лезвие бритвы.

— Что это значит? — с порога заорал запыхавшийся Освальд. У меня такое чувство, что стоит Альберту моргнуть, как на стульчике вместо меня будет сидеть мой хладный труп.

— А мне почему диплом не дали? — спокойно спросил инквизитор, отпивая чай и любуясь моим именем на дипломе. — Или вы решили, что в нашей семье достаточно одного «дипломированного» специалиста? Ну что ж, Анабель, поздравляю с окончанием Академии. Единственный вопрос, почему не с отличием? Освальд, почему не с отличием? Анабель исправно посещала все занятия, сдала все экзамены. Думаю, что она заслуживает диплом с отличием. Ты так не считаешь, Освальд? Кстати, чай будешь?

Освальд закашлялся. «У него еще тот поперек горла стоит», — хихикнул демон.

— Альберт, подпиши им документы на ремонт канализации. Там действительно пахнет так, словно они по углам справляют нужду... Я чуть не задохнулась, — вздохнула я, стараясь не смотреть на Освальда.

— Завтра подпишу. Ах, да, и дай девушке интервью! — Альберт поднял знакомую ложечку, посмотрел на нее и положил на стол. — Пожалуйста. Заметь, я сегодня вежлив, как никогда. Интересно, с чего бы это?

— Простите, что так получилось, — вздохнула я, глядя на Освальда. — Мне просто повезло. Могу рассказать как. Я просто пришла в Академию, чтобы взять у вас интервью,

меня не пустили, я решила попасть внутрь под видом студентки, взяла пару книг, села на лавочку...

Под конец моего рассказа, один взгляд посылал мне смертельные проклятия, второй смотрел на меня так, что призрак совести конвульсивно дергался.

— Я не буду писать об этом статью, — вздохнула я, поднимая глаза на канцлера от магии. — Я просто хочу взять интервью. Я верну диплом обратно, если надо, потому, что действительно его не заслужила. В обмен на интервью. Я не хочу писать гадости. Среди моих друзей есть маги, которых, не смотря на свои причуды, я по- своему уважаю.

— Хорошо. Я согласен дать... интервью, — сквозь зубы заметил Освальд, сопя как ежик. — При условии, что ты вернешь диплом, и никто об этом никогда не узнает, а ты, Альберт, подпишешь документы на ремонт канализации!

— Освальд, а ты не слишком многого просишь? Итак, интервью будет моим присутствием, — заметил Альберт, позвякивая ложечкой о кружку чая. — Хотя нет. Я могу случайно отвернуться... Лучше поступим так. Анабель напишет вопросы, а ты, Освальд, на них ответишь. Письменно. Тебе так будет проще, мне так будет спокойней.

Я достала заготовленный листок с вопросами и передала их Освальду. Тот вырвал его у меня из рук, пробегая глазами и хмурясь.

— Неси документы на подпись. Не хочу откладывать на завтра. Или вы уже принялись и передумали? Диплом отдадим, как только Анабель получит ответы.

Через минуту Освальд стоял с пачкой документов. Альберт лениво поставил свою роспись. Туча над головой канцлера от магии слегка развеялась. Он даже удостоил меня обычного хмурого взгляда.

Я сидела на стуле и писала новые вопросы, закусывая ручку.

— Вот, я написала вопросы... — вздохнула я, протягивая листок Альберту. — Ответишь письменно... Когда тебе удобно... Я не тороплю и не настаиваю! Как получится...

— А я думал, мы с тобой встретимся и поговорим, — взгляд снова полоснул меня ножом. — Вечером. Тем более, что у нас есть повод. Диплом об окончании Академии, как выяснилось, на дороге не валяется. Хотя нет, может быть, и валяется, но мне еще не попадался...

Эй! Сердце, ты куда? Ты мне сейчас ребра выломаешь! Так! Не надо останавливаться!

Ангел внутри меня дернулся, открыл рот, чтобы заорать: «Да!», но демон заткнул его рот мохнатой ладошкой. «Правильный ответ: «я подумаю!» — прошипел демон, глядя в испуганные глаза ангела, который хлопал крыльями.

— Я подумаю, — улыбнулась я, глядя на внутреннюю возню демона и ангела.

— До вечера... — услышала я, закрывая дверь.

Глава шестнадцатая... ты не хочешь проблем, зато проблемы хотят тебя

Допрос с пристрастием. Сначала допрос, а потом пристрастие.

Ангел сидел и вырывал перья: «Любит-не любит-любит!» Демон сидел и молча подбивал дебет и кредит отношений. «Мы должны по гроб жизни!» — хмуро подвел черту демон, хмыкая и пересчитывая. — «Хотя, если учитывать, сколько развлечений мы привносим в его жизнь... Хм...»

Я лежала в ванне с пеной, слушая, как внизу разрывается бабка. Я привыкла к ее постоянному возмущению и ворчанию, словно это был приемник, настроенный на волну «Маразм эф эм». «Маразм! Повторяем все по десять раз! Не переключайтесь! Маразм эф эм Мы... уже не помним, что говорил пять минут назад!». Сейчас «Маразм эф эм» вел передачу под названием: «Как тебе не стыдно, Анабель!». После этой передачи следовала передача под названием: «Позор! Ты пошла по стопам Краммера! Никогда у нас в роду не было магов!». Я порадовала бабку, что теперь у меня есть диплом и даже показала его сквозь стекло окна. Так что теперь бабка сама с собой отмечает мой диплом пронзительными криками.

На полке в ванной валялись всякие пузырьки, которые я все-таки купила на обратном пути. Особенно меня впечатлил пузырек для «эпиляции». Вообще-то он для мужчин, но радоваться пушистым ногами я не умею. С намыленной головой, я лежала, выставив вперед гладенькие ножки в мыльной пене.

«Хм... А с каких пор мы так усердно готовимся к...хм... интервью?» — уточнил демон, прищуриваясь. Я выразительно посмотрела на демона и приложила палец к губам. Ангел дорвался до второго крыла. «Лю-ю-юбит... Не любит... Лю-ю-юбит...». «Вот как надс делать эпиляцию!» — демон кивнул в сторону ангела. «А теперь призаткнулись все на секундочку!» — ответила я, любуясь результатом. Нет, магия, определенно имеет право на жизнь. За этот тубик я вообще готова простить даже Боню. Кстати, интересно, как там Боня? Есть у меня подозрение, что кое-кто «приватизировал» Боню и теперь в свободное от работы и вытаскивания меня из неприятностей время, усиленно дрессирует.

Я сидела в чалме из полотенца на кровати и поглядывала на часы. Вечер — это когда? От нечего делать я взяла с полки какую-то книгу. И тут из переплета выпала почерневшая цепочка с какой-то висюлькой. Я подняла ее с покрывала кровати, рассматривая в руке. На цепочке висел маленький кулончик в форме овала. На нем было написано: «Анабель Эрланс». Я щелкнула маленькой застежкой и увидела портрет Анабель. Я не знаю, что общего было у нас кроме цвета волос, но мы с ней были абсолютно не похожи. У Анабель был большой хищный нос, который впору примерить какому-нибудь мужчине, тонкие, поджатые губы, ярко выраженные скулы, зато все это компенсировалось большими и очень выразительными глазами, очень похожими на глаза ее двоюродного брата. Я еще раз посмотрела на нее, забыв, зачем я вообще полезла на полку, а потом бросилась к мятым рисункам. Я достала из-под матраса два рисунка, потом извлекла из кармана третий. Я положила рисунки рядом и внимательно посмотрела. Я подозрительно смотрела на тот рисунок, где двое стояли на расстоянии вытянутой руки, а он, слегка сдвинув маску, наклоняется к ее щеке. На девушке было темное платье, раскрашенное аккуратными штрихами и брошка. На картинах была нарисована не Анабель.

Эта мысль заставила меня присесть на кровать, поковырять взглядом стену и руками «подушить» подушку. Версии были одна бредовой другой. Или все, что происходит — это просто случайное совпадение, или отлично срежиссированная пьеса или кто-то умеет заглядывать в будущее и видит то, что не видят другие. «Чтобы я тебя не видел в Академии!» — пронеслось у меня в голове. Паззлы складывались в пользу предпоследнего и последнего варианта. Я посмотрела на рисунок, достойный журнала «Плейбой» и подняла глаза к потолку. Дорого бы я отдала, чтобы увидеть другие рисунки, чтобы подтвердить или опровергнуть свою догадку. Оп! Еще один «неудобный» вопрос!

Я, как настоящий журналист, уже заготовила два варианта вопросов. «Удобные, как роскошный диван» и «неудобные, как разбитая и мокрая дворовая скамейка с торчащими гвоздями». В моем арсенале есть еще «риторические». Но их я использую для тормозов. Они предусматривают ответы: «Да» или «Нет». «Скажите, а правда ли своими успехами вы обязаны своей семье? Я слышала, что вас поддерживает супруга, родители, дети?». «А за какое место они вас поддерживают?» — вредничал демон, понимая, что смысла в таком интервью нет. Его можно спокойно написать на коленке. «Вы умеете отдыхать. Я слышала, что у вас есть хобби? Вы любите рыбалку?». «Да». «Да нет, я просто бухаю по пятницам с корешами! И по субботам, и по воскресеньям!» — вредничал демон, глядя на мятое лицо оппонента утром в понедельник. Такое интервью заставляет копать информацию под «клиента» с проворностью комиссара Каттани. Скажу честно, я не люблю интервью. Какие вопросы, кроме «стандартного набора» можно задавать человеку, который мне абсолютно неинтересен, и чью фамилию я слышу второй раз в жизни? Особенно, глядя как он тормозит, как асфальтоукладчик и нервничает, как будто я застала его перепуганным сусликом, удобряющим колхозное поле.

Но если человек интересен — ему же хуже. Нормальный журналист, которому нужно разбавить колонку унылым интервью будет задавать вопросы: «Скажите, как вы добились таких успехов?», «Есть какой-то секрет?», «Что вдохновляет вас?», «Как вы относитесь к своей работе?» и дальше в том же духе, то я подготовила на всякий случай вопросы повеселее. «Вы всегда так метко плюете на людей?», «Я вижу, что вы любите свой город. В каких позах вы предпочитаете его любить?», и «Сколько платят за каждый собранный кораблик?». Я надела новое платье, полагая, что именно его покупка принесла мне удачу в виде диплома, покрасовалась в разбитом и засиженном мухами зеркале, любуясь статуэткой Мэри Поплине. Кстати «поплине» неплохо смотрится в такой модели. Я сняла золотую брошку с синего платья и приколола под горлышком. Я присмотрелась. Мне кажется, или у меня возле уха прыщик? Да нет, вроде нет...

«Ты ручку на радостях не забудь!» — вздохнул демон, пытаясь отобрать у ангела его последнее крыло, дабы спасти его от «гадания на перышках». «Спокойствие! Только спокойствие! Ты что творишь? А ну прекрати!» — прошипел демон, глядя на поплывшего ангела. — «Любовь приходит и уходит, а крылья нам нужны всегда!» В дверь постучали. Сердце сделало такой акробатический номер, что остальные внутренние органы тут же заплодировали.

Я выглянула в окно, убедилась, что я не ошиблась, а потом спустилась по лестнице, прижимая к груди ручку и планшет. Диплом я тоже захватила.

«Ты главное — не нервничай!» — заметил демон ехидно. Легко сказать. Я чувствовала нарастающее волнение. Хотелось что-то оторвать и сломать, что-то теревить в руках и хлопнуть успокоительного. Сердце где-то нашло скакалку и решило потренироваться.

Вдохнув — выдохнув, как перед казнью я открыла дверь, глядя на черный силуэт. Маску он снял, дабы не смущать меня.

— Вечер — произнес Альберт. Сердце повисло над куполом цирка, все остальные органы с замиранием следили за ним. «Оборвется или не оборвется?»

— Кто там пришел на ночь глядя? — верещала бабка сквозь дверь. — Это он? Это этот? Ноги его в моем доме не будет! Не вздумай с ним якшаться!

Как она меня достала! Я закатила глаза, глядя на кухонную дверь.

— О! Альберт! — сладко и отчетливо охнула я, зажимая ему рот рукой и показывая рукой на дверь. — Только не здесь! Нет, нет! Сейчас я расстегну платье! Не рви пуговицы! О!

Я почувствовала ладонью его смешок, что придало мне сил для новой импровизации. Я положила руку на кухонную дверь и стала ритмично ее шатать. Бабке на кухне поплохело настолько, что она притихла.

— Аль., берт! Не так... Я люблю грубо! А...а...а... — смеялась я, глядя на кровавую печать.

Он осторожно убрал мою руку со своего лица, взял ее в свою, а потом с улыбкой спросил:

— Ты закончила?

— Да! — сладострастно, подавляя всхлипы хохота. — Такого удовольствия я никогда не получала.

— Тва-а-а-ари! — раздалось истерическое и скрипучее с кухни. — Проклинаю! Проклинаю вас всех!

— Скажи мне, как маг, призрачные инсульты бывают? — с надеждой спросила я, осторожно выскальзывая за дверь. — Просто на него вся надежда...

«Этот день мы приближаем, как могём!» — вздохнул демон, настороженно глядя на нашу руку в чужой руке.

— У кого из нас есть диплом? У тебя или у меня? — спросил Альберт, усмехаясь. Я почувствовала себя неловко.

— То, что я сделала сильно аморально? — спросила я, пряча глаза.

— С точки зрения морали немагов — да. С точки зрения морали магов — нет. С точки зрения моей морали — преступление, за которое тебя придется арестовать, — услышала я, закрывая дверь. Его рука перехватила мою руку и взяла ее за запястье, осторожно сжимая, словно он хочет надеть на меня наручник.

«А где цветы?» — поинтересовался демон. «А как на счет букета за сто тысяч эрлингов?» — обиделся ангел. «Рома-а-а-антик! Отличные цветы! Жаль, что они не пахнут!» — оживился демон, глядя на почтовый ящик.

— Мы же просто погуляем по городу? — нервно спросила я, обреченно глядя на красивые и мокрые после небольшого дождика скамейки.

— Я тебе не рассказывал, как позавчера мне притащили двух влюбленных студентов Академии, облюбовавших лавочку? Как они умоляли меня посадить их в одну камеру с кроватью? Нет? И не расскажу, — услышала я вкрадчивый голос. Меня осторожно вели в сторону соседней цитадели. — Тебя не сильно...

Я услышала легкий выдох-смешок.

— ...смутит, если... — он приложил руку к красивой двери, которая легко открылась. — Или все-таки смутит... Поздно. Возражения больше не принимаются.

Дверь закрылась.

Мы оказались в холле. Тона были преимущественно темные и достаточно мрачные. Зато была чистота и идеальный порядок. Во всех элементах, вплоть до зеркал прослеживалась она! Ее величество симметрия. Я вздохнула, чувствуя незнакомый запах чужого дома.

— Что-то не так? — услышала я вкрадчивый голос чуть позади себя. Я почувствовала легкий ветерок чужого дыхания возле своего уха. — Значит, вламываться в Академию и убежать с дипломом в руках через полчаса, тебя не сильно смутило. Воспитывать чайной ложкой чудовище, после встречи с которым, трое инквизиторов подали рапорт на увольнение, тебя тоже как-то не сильно испугало, а сейчас ты выглядишь так, словно я тебя на костер веду.

— Я не... — смутилась я, сама не зная почему. Меня развернули к себе и заглянули в глаза.

— Я не люблю, когда мне лгут. Я вижу ложь еще до того, как она прозвучит, — услышала я, чувствуя, как его рука осторожно ложится на мою талию. Ангел упал в обморок. Меня повели по коридору в сторону открытой двери.

В комнате было в меру мрачно и в меру светло. Из интерьера — красивый стол и длинный темный диван. Остальное пространство занимали шкафы с книгами. На столе стоял ужин и три бокала.

— Ты еще кого-то ждешь? — напряженно спросила я, глядя на третий бокал.

— Нет, — негромко заметил хозяин, глядя, как я забиваюсь в угол кресла под предлогом, что на ручке писать удобней. Веселость? Ау! Находчивость? Ау! Чувство юмора? Где вы все, ребята? Вы что? Решили меня бросить?

— Если бы я не видел тебя раньше, то я подумал, что ко мне снизошел образец скромности и добродетели, — услышала я вкрадчивый голос. Встречаться взглядом мне было неловко.

«Эй, пернатый! Приходи в себя!» — демон тряс за плечи ангела, который лежал пластом. — «Эй! Подъем! Это по твоей части! Подъем!». Ангел лежал сомлевший. Демон осмотрелся по сторонам, закатил глаза. «Давай! Ну! Глаза открывай!» — простонал демон, глядя на Альберта. — «Мы его теряем! Что будем делать? Эх, придется мне! Если что, я — не виноват!».

— Так как на счет интервью? — оживилась я, чувствуя прилив сил и наглости, — У меня есть хорошие вопросы и плохие вопросы. Какие выбираешь?

— Ты хочешь меня допрашивать? — лениво поинтересовался Альберт, протягивая мне бокал с чем-то похожим на вино и присаживаясь на другом конце дивана, облокотившись на ручку. — Ну что ж... Попробуем... Мне самому интересно, чем дело кончится. Итак, я в твоём распоряжении.

— Расскажи...те... о своей работе? Сарказм — это ее неотъемлемая часть? — прокашлялась я, доставая листочек с вопросами, стараясь не поднимать глаза на оппонента, который смотрел на меня, чуть прикрыв веки. Я изредка бросала короткие взгляды, делая вид, что приготовилась записывать каждое слово.

— Я люблю сарказм, потому, что бить некоторых людей ногами мне не позволяет совесть. Иногда без этого убедить человека в том, что он не прав бывает очень сложно, — с усмешкой ответил Альберт, поставив свой бокал на стол и глядя на меня долгим пристальным взглядом. Я сделала пометку на листочке, снова бросая короткий взгляд.

— Вообще я стараюсь быть вежливым. К сожалению, не все, кто заслуживает смерти, могут умирать по вежливой просьбе, но я работаю над этим вопросом, — услышала я ответ,

который побоялась записывать.

— А как на счет самого большого разочарования в жизни? — спросила я, вычеркивая несколько вопросов сразу.

— Оно сейчас сидит передо мной и ничего не ест. И этим меня сильно разочаровывает, — услышала я в ответ. — Или оно ждет, когда я возьму ложку, усажу его себе на колени и буду кормить с ложечки?

— Прости, я просто не хочу кушать... — вздохнула я, глядя на еду. — Просто я покушала дома... Спасибо... Я сюда не кушать пришла! Мы немного отклонились от нашей беседы... Так, следующий вопрос...

— Ты права. Продолжай, — услышала я, нервно рисуя треугольники на бумаге. Я подняла глаза и увидела настойчиво протянутый бокал. Пришлось сделать глоток.

— Я так понимаю, что ты — маг? — заметила я, беря бокал и снова делая глоток. И тут я почувствовала, как у меня вытаскивают из рук листочки со всеми «вопросами». И с плохими тоже. Через секунду я увидела, как в его руке полыхают все мои вопросы и заметки.

«Журналюга! Сжечь на костре тебя и твои статьи!» — заметил демон. — «Так и запишем. Альберт — не поклонник нашего творчества!»

— Я? Маг? Кто тебе сказал такую глупость? — усмехнулся Альберт, глядя как волшебный огонь пожирает бумагу. — Это ты у нас — маг. Дипломированный.

Я молча взяла диплом и ручку, зачеркнула свое имя и написала поверх своего имени его имя. А потом торжественно вручила диплом.

— Поздравляю с окончанием Академии! — строго сказала я, пытаюсь скрыть улыбку и протягивая диплом. — Успехов! Будь безответственным, легкомысленным и бессовестным! Делай, что хочешь, только не попадайся инквизиции! Мы, маги, ответственным людям дипломы не даем. Только безответственным и безалаберным.

Меня тут же поймали за руку.

— Ты все сказала? — услышала я вкрадчивый голос, от которого демон стал трясти ангела еще усердней, в надежде, что он очнется и спасет положение. Через секунду я почувствовала, как обе мои руки были пойманы и прижаты к дивану одной рукой. Вторая рука осторожно скользнула по моей щеке. Я безотрывно смотрела в чужие глаза, усиленно пытаюсь не отвести взгляд. У меня обычно хорошо получается читать по глазам, но тут я — пас. Чужая рука медленно провела пальцами по моим губам. «Да очнись ты, скотина пернатая!» — вопил демон, паникуя и грызя ногти, стоя над падшим ангелом. — «Я сейчас сдохну! Что делать? Что делать? Тьфу ты! Ладно, хрен с ним!»

Я попыталась приблизиться для поцелуя, но тут же была поймана на месте преступления. Чужие пальцы лежали на моих губах, словно предупреждая меня о том, что их владельцу моя идея не нравится. Взгляд смотрел на меня с нескрываемым осуждением. Или мне так показалось...

«Ангел, миленький!» — рыдал демон над телом ангела. — «Вставай, а? Давай, глазки открывай! Держаться нету больше сил! Я сейчас таких делов наворочу, что потом ты меня всю жизнь проклинять будешь! Мы тут на минном поле цветы собираем!»

— Это потому, что мы... хм... юридически родственники? — тоскливо спросила я, чувствуя, как пальцы медленно сползают с моих губ и ложатся мне на шею, осторожно расстегивая брошку.

— Если бы мы с тобой и правда были бы двоюродными братом и сестрой, а наши семьи поддерживали отношения, то у нас было бы уже трое детей. Нашего согласия на брак никто б

не спросил. Нас бы просто поставили перед фактом, — услышала я ответ, глядя в светлые глаза и чувствуя, как его пальцы осторожно скользят по моей шее. Рука, сжимающая мои руки, слегка ослабила хватку.

«Я сейчас сдохну...» — простонал демон, садясь рядом с ангелом и закрывая лицо мохнатыми лапками. — «Какого черта мы сюда приперлись? Эй! Вставай, давай... Караул!»

— Расскажи мне, кто ты такая? — рука продолжала осторожно гладить мою шею. Взгляд слегка смягчился.

«Ага, мля!» — икнул демон, глядя безумными глазами на меня. — «Серию и номер паспорта, кем выдан и какого числа! Место рождения, дату рождения, ФИО и про штамп в паспорте не забудь! И я имею в виду тот, который — не прописка».

— Я? Родилась, выросла, выучилась. Работала в том мире журналисткой. Часто писала статьи на заказ. За деньги, разумеется... — ответила я, а потом посмотрела в глаза и добавила. — Судимостей не было. Проблем с законом не имела. Два раза выбросила фантик от конфеты на улице... и один раз забыла занести мелочь продавщице, хотя обещала. Я до сих пор ей должна. Это — сильно страшные преступления?

— Разберемся, — усмехнулся Альберт, скользя пальцами по моему подбородку.

— А как на счет тебя? — спросила я, слегка опуская голову, но при этом, стараясь не отводить взгляд.

— Я всю жизнь кого-то предавал. Еще до своего рождения я предал свою мать, отрезав ей пути к отступлению из брака, заведомо обреченного на взаимные мучения. Я предал своего отца, когда бросил Академию. Я предал магию, перейдя на сторону инквизиции. Я предал идеалы инквизиции, разогнав ограниченных фанатиков, свято верящих, что любая магия — зло! — произнес Альберт, слегка склоняясь надо мной. — Но я никогда не предавал себя.

— Магия против другой магии, — усмехнулась я, чувствуя, как чужие пальцы осторожно вплетаются в мои волосы. — У меня есть еще два рисунка из твоего альбома... Я нашла два вырванных листа... И хочу спросить тебя вот о чем... Просто у меня возникла такая странная мысль, когда я смотрела на них...

— Продолжай, — услышала я ответ, произнесенный таким голосом, от которого демон зарыдал, поднимая полуципанное крыло ангела, а потом роняя его вниз.

— Мне показалось... — сглотнула я, осторожно положив свои руки поверх его руки, чувствуя, как Альберт ловит мои пальцы. — Мне показалось, что ты видишь намного больше, чем другие... На секунду мне показалось, что ты видишь... будущее... Мне просто показалось... Это — не для печати... Нет... Мне просто интересно... Я не утверждаю, но...

— И что же будет в будущем? Если ты так думаешь, то наверняка у тебя есть предположения... Я не говорю про далекие перспективы, — я почувствовала, как инквизитор склонился надо мной, осторожно положив руку мне на талию.

— Смелее... — выдохнул этот садист от слова нежность.

Ангел простонал, открывая глаза и привставая на руке. Демон оживился, пытаясь помочь ему подняться. «Что происходит? Что я пропустил?» — вяло спросил ангел, протирая глаза.

— Молчание — правильный ответ, — услышала я приговор, слетевший с губ, которые плавно приближались к моим.

Я закрыла глаза и почувствовала на своих губах дыхание. Мгновение... второе... От прикосновения чужих губ к своим я вздрогнула и стала задыхаться, чувствуя, как

воспоминания о самом первом в моей жизни настоящем поцелуе, так бережно хранимые в моей душе, просто потускнели и померкли. Было такое ощущение, что меня сначала наказывают, жестоко и настойчиво, а потом жалеют, нежно и мягко. И снова наказывают, чтобы потом с наслаждением пожалеть.

Ангел рухнул вниз, сложив крылья «домиком». Челюсть демона отпала. «Дедшот, однако!» — прокашлялся демон, глядя на ангела, не подающего признаки жизни. Мохнатая лапка клацала на калькуляторе, прикидывая, во сколько обойдутся скромные похороны. Демон тоскливо посмотрел на сумму, а потом перевел взгляд меня. «Не потянем!».

Я скользила руками по чужим волосам, пытаюсь убедить себя, что это — не сон. Любая попытка ответить на поцелуй расценивалось, как мятеж и беспощадно пресекалась на корню. За каждый акт неповиновения, попытку перехватить хоть как-то инициативу в свои... губы, меня жестоко наказывали, а потом жалели со всей нежностью, на которую способны. Я с сожалением поняла, что все... Не-е-ет... Не все-е-е-е.... Меня снова пожалели, нежно прикасаясь к моим губам. В груди что-то задергалось, словно маленькая птичка забила крыльями, пытаюсь вырваться на свободу. Глаза открывать не хотелось.

— Иди ко мне, моя проникательная журналистка... — я услышала шепот, от которого мне стало как-то волнительно. Меня осторожно притянули к себе и уложили мою голову себе на плечо, нежно поглаживая мою руку. — Ты права. Мне иногда удается увидеть то, что еще не случилось. Именно поэтому меня взяли в инквизицию и именно поэтому меня не лишили магии.

— То есть этот альбом... Эти рисунки... Это — будущее? — спросила я, боясь даже шелохнуться.

— Некоторые рисунки уже стали прошлым, — услышала я, голос, сопровождаемый поцелуем моей макушки.

— То есть девушка, нарисованная на них... это — не Анабель? — издалека начала я подбираться к истине.

— Я нарисовал эту девушку десять лет назад. В тот момент мне казалось, что она должна быть самими совершенством. Идеалом. Я искал ее среди других, смотрел на лица и понимал, что ее нет. Иногда я просматривал свои рисунки и усмехался, понимая, что я не знаю никого, кто был бы похож на нее. Откуда ей взяться в единственном городе? Прошли годы, я забыл про альбом. Мне даже показалось, что я его выбросил. А потом на дежурстве, я был очень озадачен, увидев маленькую мисс Предприимчивость, которая врет мне в глаза и не краснеет, пытаюсь выгородить магов, которых видит в первый раз в жизни. Маленькую мисс Наглость, которая протянула мне документы моей двоюродной сестры, называя себя тем именем, которое много лет вызывает у меня смесь раздражения и усталой обреченности, — услышала я, чувствуя как мое предплечье сжалось.

«Я просто сижу и молчу!» — шумно вздохнул демон, подпирая лапой чумающую мордочку. — «Просто если я сейчас открою рот, у нас будут большие проблемы! Хотя... Эх!»

— Так вот почему я мисс Несовершенство? Придумал себе идеал, поверил в него, а теперь смотришь на меня и понимаешь, что я совсем не такая, какой ты меня придумал... Ну раз я — не твой идеал, не мисс Совершенство, то тут уже ничего не поделаешь, — усмехнулась я, отстраняясь. — Разочарован? Я, наверное, пойду домой. Спасибо за все, Альберт.

— То есть, раз я очарован, то ты, наверное, пойдешь домой? — услышала я вкрадчивый голос. Я почувствовала, как хватка ослабла. — Ты хорошо подумала? Это — взвешенное

решение? Ты не пожалеешь, о том, что сейчас просто так развернешься и уйдешь?

— Альберт, ты время видел? — ответила я, показывая взглядом на часы. — Завтра на работу... Всем...

— Ключевое слово — завтра. А пока еще «сегодня»... — заметил Альберт, глядя на время.

Я встала, чувствуя головокружение от волнения, случайно толкнула коленкой столик. Мой бокал, упал и разбился вдребезги.

— Извини. Я сейчас все соберу... — ответила я, простонав от чувства неловкости. Я схватила со стола салфетки и стала осторожно собирать острые стекла и вытирать стол.

— А ты спрашивала, для чего третий бокал... — услышала я голос за спиной, сопровождаемый скрипом дивана и звуком осторожно поставленного на стол бокала. Я бережно укладывала стекла в салфетку, понимая, что я еще «дешево» откупились от своего «невезения». Руки начинали подрагивать. Я быстро сгребла стекла, положила салфетку на стол, схватила ручку, планшет и двинулась в сторону двери.

— Альберт, ты не обижайся... Просто... это действительно как-то немного неожиданно прозвучало... Я должна это обдумать, как следует... — запинаясь, выдала я, стараясь не оборачиваться. — Ты мне действительно очень сильно нравишься, но...

Я почувствовала, как меня взяли за руки, завели их за спину. На моих запястьях сомкнулись пальцы, а вкрадчивый до мурашек по телу голос, отчетливо произнес:

— Ты арестована... Вина твоя доказана... Ты только что чистосердечно призналась...

Одна рука перехватила мои руки, а вторая скользнула по груди, расстегивая пуговицы.

— Поэтому я вынужден тебя обыскать...

Пуговицы расстегивались одна за другой, пока рука гладила обнаженные плечи, а губы целовали шею.

— Давай, я просто буду хранить молчание? А? — шепотом спросила я, глядя на блестящую ручку двери. Категоричный отказ в моем дрожащем от волнения голосе не прослеживался, что меня смущало еще сильнее.

— С этого момента ты обязана хранить не только молчание, но и верность. Это — твой предварительный приговор, — на мой палец было надето кольцо, которое я так и не разглядела в полутьме. — Я знаю, о чем ты подумала. Ты постарайся исчезнуть, будешь избегать меня, а я этого не хочу. Я сказал тебе правду не для того, чтобы завтра читать в газете свои откровения.

«Пятачок! Неси ружье!» — сардонически вскрикнул демон, шевеля тельце ангела. — «И сними его с предохранителя! Сходили, взяли интервью... Офигеть... Я просто в шоке...»

— Зачем ты это делаешь? — вскрикнула я, прижимаясь к чужой груди и закрывая глаза. — Неужели в этом мире так принято? Я не верю... Мне нужно все обдумать... Я обещаю, что никто ничего не узнает... Честно... Я придумаю вопросы, сама напишу на них ответы, отправлю тебе на утверждение....

— Посмотри мне в глаза, — услышала я, чувствуя, как теплые руки ложатся на мои вздрагивающие плечи. — Ты действительно хочешь уйти? Мне важно это знать. Если «да», то я отпущу тебя.

— Я не знаю, как мне поступить, — простонала я, опуская голову и упираясь руками в чужую грудь. — Честно, не знаю... Не мешай мне, я думаю... Я просто не понимаю, к чему такая спешка?

— Иногда мне кажется, что где-то в ближайшем будущем уже подведена черта, за

которою я не могу заглянуть, — услышала я вкрадчивый ответ. — И мне просто очень не хочется тебя отпускать. Я хочу, что ты понимала всю серьезность моего приговора.... Я учел все твои преступления...

«Чего ты меня смотришь?» — взорвался демон, глядя на меня. — «Я вообще не по тем делам! Вон, на пернатого смотри! И желательно пронзительно и с осуждением! Учись, как надо смотреть! Вон, у тебя учитель стоит!»

Я подняла глаза, встретила со слегка потеплевшим взглядом, чувствуя, как мои плечи согревают чужие руки. Полупущенное вниз платье, стелилось по полу. Уходить мне чертовски не хотелось...

— Как бы аморально это ни звучало, но я не могу уйти... — обреченно вздохнула я, положив свои руки поверх чужих. — Это страшное преступление с моей стороны?

— Я думаю, что мы найдем смягчающие обстоятельства для детального рассмотрения... — наши губы соприкоснулись, а платье временно превратилось в половую тряпку. — ...тела.

Глава семнадцатая... если вашим именем что-то и назовут, то наверняка это будет болезнь

— Месяц в небе, солнце в дубе! Замри червяк в зубе!

— Доктор, вы точно стоматолог?

«Я что-то пропустил?» — жалобно поинтересовался ангел, протирая глазки. И его тут же сожгли взглядом. «Нет, ну я серьезно... Просто я сильно разволновался!» — вздохнул ангел, кротно глядя на нас своими красивыми глазками. — «Еще бы... Такой поцелуй... Сами понимаете...». «Поцелуй?» — кисло переспросил демон, доставая пачку сигарет и чиркая зажигалкой. — «А! Ты про это... А я уже и забыл... Поцелуй? Тю.... Это была... хм.... разминка.... Как бы тебе объяснить? Дорвались наши голубки друг до друга... Слу-у-ушай! У тебя нет глазных капель? И успокоительного, которое отпускается без рецепта? Очень надо.... Нет? Жа-а-аль...». «Лучше расскажи, что было вчера!» — взмолился ангел. «Травмировать твою неокрепшую психику? Если тебя от поцелуя так развезло, то если я тебе начну пересказывать, ты сразу в ящик сыграешь. А похороны нынче дорогие!» — икнул демон, затягиваясь и выпуская дым. — «Что... кхе.... было? Кхе... Аня дала кое-кому... кхе...кхе... повод для размышлений. Тьфу... Отвык... кхе... курить уже! И взяла... кхе... кхе... интервью. Больше мне... кхе... добавить нечего! Гадость.... кхе!». «Дай-ка сам взгля...» — ангел осекся, сглотнул, а потом протянул маленькую ручку демону. — «Дай!». «По рукам могу дать за вчерашнее! А лучше сразу по голове!» — заметил демон, пряча пачку и туша окурок.

Если часы не врут, то сейчас пять утра. И я сейчас нахожусь...хм... «под следствием» лежа на «смягчающих обстоятельствах». Все улики свидетельствовали против меня, моя вина была неоднократно доказана. Мое признание потянуло на еще одно расследование... Пришлось в очередной раз давать показания... Мой «прокурор» в расстегнутой и перекрученной рубашке трогательно спит у меня на груди головой, подложив одну руку мне под голову, а второй сжимает одеяло на моем колене. Так что о побеге думать не приходится. Та- а-ак! У меня появился шанс повернуться на бок... «Прокурор» слегка повел плечом, давая мне надежду, что подушка, лежащая рядом, будет использована по назначению. Не судьба. Одеяло на коленке сжалось, а потом снова разжалось. Одна моя рука лежала на чужом плече, а вторая была «на свободе». Ее я положила на голову «правосудию» и осторожно погладила спутанные волосы. Я попыталась снова уснуть. В шесть десять, я проснулась от того, что мне прохладно. Конечно, одеяло валяется далеко в ногах, а меня крепко держат за запястье, не давая шелохнуться.

«Давай, вспоминай Дарвина! Человек произошел от кого? Правильно! От обезьяны. Просто кто-то произошел от гориллы, а ты у нас... Ладно, давай, мармозетка...» — вздохнул демон, глядя на одеяло. Я размяла пальцы ног, а потом осторожно, высунув кончик языка от напряжения, потянулась пальцами ног за одеялом. Я подцепила его и потянула на себя. Есть! Осторожно высвободив одну руку, я попыталась поймать одеяло и расправить его на... нас. Так намного лучше. Теперь мое правосудие точно не замерзнет. Хотя, правосудию хорошо... Он в рубашке...

Ладно, сцена третья, дубль первый, фильм «Покой нам только снится». В третий раз я почти проснулась от того, что из-под меня что-то осторожно пытаются вытащить. Сработал рефлекс. Раз подо мной, значит — мое! Раз тащат — это плохо! Я дернулась, пытаюсь

вцепиться намертво в «мое». Тянуть перестали.

— Так, мне надо на работу, — строгий шепот возвестил меня о том, что я тут претендую на чужую конечность. Судя по всему — руку. Ее из-под меня все-таки вытащили. Жа-а-аль... Перебираться на холодную подушку страсть как не хотелось.

— До вечера... — услышала я тихий голос, а мне на плечи обрушилось одеяло.

— Оптимист... — зевнула я, зарываясь в подушку. Дверь закрылась. Через пятнадцать минут дверь судя по звуку снова открылась. Я уже была где-то между сном и явью. Кровать продавилась. Рука легла мне на голову, а потом я почувствовала дыхание на своей щеке, завершившееся поцелуем.

Я снова погрузилась в сладкий сон, чтобы очнуться от того, что кто-то шарится по комнате. На секунду мне показалось, что это мой бывший муж собирается на работу со всей тактичностью, на которую способен мужик, который думает только о себе. И сейчас начнется хлопанье дверями, ящиками шкафа. Именно утром он забывал все. И где лежат рубашки, и на какой стул вчера кинул смятые джинсы, и основные принципы работы микроволновки. Так же он в упор не помнил, куда ставил на зарядку телефон, где лежат ключи от квартиры и деньги на проезд. По каждому вопросу он бессовестно меня будил.

— А потиш-ш-ше можно, с-с-скотина... — проворчала я, накрываясь одеялом.

— Простите! — испуганно ответил женский голос.

Я вздрогнула, проснулась, поднялась на локтях, сонно осматриваясь. На меня смотрела миссис Бэнгз. На ней был передник, а в руках у нее была тряпочка. Она подняла лежащий на столике бокал, вытирая лужу под ним.

— Хозяин сказал, что вы с ним помолвлены. Я вас поздра...

«Они были настолько бедные, что даже слуги у них были бедные. И слуги их слуг тоже были бедными...» — гаденько улыбнулся демон, радуясь от внезапной встречи.

— А где вежливое «здрасте»? — сонно поинтересовалась я, глядя в ее квадратные глаза и свешиваясь с кровати в поисках своей одежды. Помолвка прошла успешно. А! Вот и мои вещи! Кто-то аккуратно сложил их на кресле. Это была не я, клянусь. Я молча оделась, проигнорировав предложенный ледяным голосом завтрак и ключ. На столике лежала бумага, поверх которой покоилась ручка. «Список того, что тебе нужно:» И даже стояла единичка. Исправленный диплом был залит вином. Сразу видно, что достался потом и кровью.

— Вы куда? — миссис Бэнгз выбежала за мной. — Меня попросили приготовить вам отдельную комнату! Личные покои... И список! Хозяин просил проконтролировать этот вопрос! Постойте! Я прошу вас, остановитесь!

— На работу! — ответила я, поправляя волосы и зевая. Я открыла свой волшебный замок, чертыхаясь на все буквы алфавита, и шагнула в знакомый декаданс, который так резко контрастировал с соседской роскошью.

— Ты где шлялась, потаскуха? — раздалось скрипучее с кухни. Вопрос сопровождался грохотом посуды и мебели.

— Спала... — зевнула я, приглаживая волосы перед старым зеркалом. Оп! Кольцо! Я про него совсем забыла! Надо хоть рассмотреть получше, что мне там, в потемках, на руку... Вау! Золотое кольцо с темным, полупрозрачным камнем, похожим на раухтопаз. Интересно, сам выбирал?

— Спала? — истерически взвизгнула бабка, снова грюкая посудой. Судя по голосу, она уже догадалась. — Да как ты посмела! Анабель! Ты никогда себя так не вела! Я тебя всю жизнь растила после смерти твоих непутевых родителей! Да как ты можешь! Бессердечная и

бессовестная девчонка! Потаскуха! Ты же была совсем другой! Ты всегда меня слушалась!

«А вы в ее глазах просто отличная пара. Опустившийся и гулящая!» — вздохнул демон, закатывая глаза. Ангел молчал, чувствуя себя крайне неловко. «А ничего, что ты уже была замужем? Тебе по идее два дня назад должно было прийти решение о разводе? Тебя это не смущает?» — осмелел ангел. — «У тебя нет решения на руках!». «А что замуж собирается Анна Савицкая, в девичестве Калугина? Нет, замуж собирается Анабель Эрланс!» — усмехнулся демон. — «Я тебя умоляю! Я думаю, что тебя уже развели. На бытовую технику — точно! Так что спи спокойно!»

Рисунки лежали на столе. Я несколько раз посмотрела на них. Один рисунок заставил меня слегка покраснеть и остановить себя на краю обрыва, чтобы не бросится в пучину приятных и волнующих воспоминаний.

«Так, значит, это он нас рисовал!» — растаял ангел. — «Боже, как мило! Странно, но мы какие-то чересчур красивые!». «Это просто у кого-то зрение плохое! Небось, он без очков нас рисовал!» — съехидничал демон. «Эм... Ну я себя как-то немного по другому представляла...» — вздохнула я, глядя в окно. «А ты знаешь, как выглядели на самом деле женщины с произведений искусств? Может, сидит такая Мона Лиза, позирует для бессмертной картины, а у нее на лбу — вулкан прыща? О! Леонардо, а можно прыщ не рисовать? И можно я улыбаться буду слегка, потому, что у меня вчера передний зуб выпал? Цинга, а фигли?» — скептически заметил демон. — «И вообще, не ты ли год назад писала статью для женского сайта о том, что мужчина видит женщину не такой, какой она видит себя! Три вечера писала! Я помню! Я вместе с тобой плевался!». «А вот у меня есть вопрос. Если Альберт действительно выбросил альбом, как он очутился у Анабель? Она что? В мусоре копалась?» — наивно поинтересовался ангел. Перед моими глазами снова встал призрак девушки с окровавленным лицом. Боюсь, что этого я уже никогда не узнаю.

Через час я была в редакции. Прямо с порога меня огорошили новостью.

— В лечебнице, вчера отказались лечить пациента, ссылаясь на то, что у него с собой нет денег! Когда родственники узнали о том, что пожилому пациенту стало плохо прямо на улице и его отправили в лечебницу, они прибежали туда, а он лежит в грязной палате и никто им не занимается! Умер, короче. И это при условии, что оказание первой помощи абсолютно бесплатное и спонсируется за государственный счет! — возмутился редактор, покусывая ручку. — Можно было бы написать статью, но факты не подтвержденные. А ругаться с целителями не хочется. Недавно у них была проверка. Так вот, нарушений найдено не было! Они отпираются, говорят, что такого не может быть! Может, что-то разнюхаешь? Поговори с родственниками... Я тебе адресок дам...

— Давайте, — усмехнулась я, прокручивая в голове коварный план. Всегда мечтала это сделать! Призрак совести возник в моей голове и посмотрел на меня знакомыми глазами: «Обманывать — не хорошо!». «Ага! Мы же не для себя! Ма-а- аленькая ложь, которая спасет жизни и выведет обманщиков на чистую воду!» — хмыкнул демон, прикидывая, сколько заплатят за такое приключение. — «Итак, вспоминай симптомы болезни, требующие срочной госпитализации! И переоденься! А то ты выглядишь слишком солидно!»

Убитые горем родственники даже не открыли передо мной дверь, ссылаясь на то, что сейчас им хочется побыть наедине со своим горем. Единственное, что мне удалось узнать, что умирающий был обнаружен в «неописуемо ужасных условиях». «Неописуемо ужасные условия? Это для вас неописуемые, а мы опишем!» — загорелся демон.

Внутренне негодуя, я вернулась домой, открыла шкаф, достала самое страшное платье

из коллекции Анабель, вытащила свои старые ботинки со сбитыми носками. «Что симулировать будем? Аппендицит?» — поинтересовался демон. — «Скукожилась, схватилась за бок и стонешь! Хотя, лучше гипертония... Черт! Я даже не знаю, за что хвататься!». «За голову!» — ответила я, расковыривая дырку на локте. «А если Альберт узнает о том, что ты задумала?» — наивно спросил ангел, томно вздыхая. «Пернатый прав. Не стоит падать в обморок на улице. Лучше делать это в лечебнице! Держи конфетку, пернатик!» — усмехнулся демон, протягивая ангелу леденец.

Через полчаса я приползла в Лечебницу, которая возвышалась над остальными зданиями и впечатляла своим солидным фасадом. Прижимая руку то к груди, то к животу, постанывая, как при родах, я открыла дверь.

Мне плохо! — простонала я, глядя на то, как мимо меня спокойно прошел какой-то мужчина в красном. Он даже не посмотрел в мою сторону. Я доползла до кресла, схватившись за грудь. По соседству сидела старуха в траурном платье, обмахиваясь каким-то подобием веера и пришептывала, что ей «страсть, как душно!». Неподалеку расположился какой-то мужчина в фартуке, перематывая окровавленной тряпкой руку и постанывая. Мимо нас проплыли две женщины в красном, обсуждая, как одной удалось вернуть кому-то зрение. Правда, только на один глаз. Дверь открылась, я застонала еще громче, скрючиваясь. В коридор плавно вплыла мадам с маленьким ребенком. Мадам была одета дорого и со вкусом. Она молча прошла по коридору и открыла дверь, запуская туда ребенка, а потом заходя сама. Через пятнадцать минут она вышла, сжимая в руках бумажку. За ней следом вышел лысый целитель в красном, учтиво открывая перед ней дверь и глядя на нас.

Я стала стонать так, словно рожая ежеиков-тройняшек.

— Вы меня успокоили, доктор. Хорошо, я постараюсь сделать так, чтобы Эдуард соблюдал режим дня. Благодарю вас! — произнесла мадам, выходя.

Целитель обвел нас взглядом, а потом молча направился в свой кабинет.

— Помогите, мне плохо! — всхлипнула я, цепляясь рукой за одежду целителя. Я стонала так, словно после ежеиков иголками вперед пошел дикобраз.

— Проходите, — кивнул целитель, закатывая глаза и делая мне невероятное одолжение. — Он сделал какие-то пассы руками, а потом взял бумажку и стал усиленно писать.

— Вот, купите, пропьте, и все пройдет... — ответил он, протягивая мне рецепт. — С вас двадцать эрлингов. За прием. Плюс десять эрлингов за рецепт.

— Простите, но у меня... ой! Нет с собой денег... Но мне очень... очень... плохо.... - простонала я, падая со стула. Целитель посмотрел на мою старую обувь и дырку на рукаве, а потом позвал кого-то. Меня отволокли в палату, где лежало еще два человека. Условия в палате можно было бы охарактеризовать одной фразой — «лучше сдохнуть сразу!».

На старой койке у окна лежала старуха, ворча и кряхтя, а ближе к двери какой-то парнишка с грязной повязкой на голове. Он молча смотрел в потолок, не отводя взгляда. Меня уложили на старый матрас без постельного белья и подушки. Про одеяло я вообще молчу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мне неудобно! Ай! — заплакала я, скорчившись от мнимой боли.

— Что поделаешь, — развели руками фельдшеры. — Болеть всегда неудобно!

На стене тикали старые часы. Час... Второй... Третий... Я притихла, глядя на своих «товарищей по несчастью». Да за три часа с острой болью можно кони двинуть!

В наш филиал медицинского ада на земле заглянул врач, брезгливо осматриваясь по сторонам. Он подошел к парнишке с перемотанной головой и поцокал языком.

— Я же сказал вам! Повязку менять каждый час! — возмутился врач, бросая ему бинты и марлю. — Вы почему не выполняете рекомендации? Жалобы есть?

Парнишка лежал и безотрывно смотрел в потолок.

— Жалоб нет, — вздохнул врач, направляясь в мою сторону.

— Мне больно, — простонала я, хватаясь за грудь. — Что со мной? Я... я умираю?

— Не говорите глупостей! У вас родственники есть? Как вас зовут? — поинтересовался врач, спокойно глядя на мои страдания.

— Нет... — всхлипнула я. — Я — сирота... Меня зовут Анна... Но у меня есть дом... И кольцо... Мне... Ай! Мамочка в наследство оставила! Ой-ё-ёй! Больно-то как... В груди жжет! Оно мне дорого, как па... Ай!.. мять... Можно мне подушечку... И одеяло.... Я замерзла... Мне плохо....

— Простите, у нас нет постельного белья. Инквизиция финансирование не подписывает. Сами понимаете, — развел руками врач, делая какие-то пометки на обходном листе. Он посмотрел на мое кольцо, а потом подошел к старухе, забившейся в угол. Старуха, съежилась и с тоской посмотрела на врача.

— Вы почему сидите? — закатил глаза медик. — Я же говорил, что вам нужно лежать!

— Мне с окна...дует.... В...в...вот... возь...ми....те... — прокряхтела старуха, снимая с пальца кольцо. — Эт-то коль...цо... моего... Вик...тора... Он... мне его.... на помолвку подарил... Да...дайте мне... поду...шку и одеяло... Мне холод...дно...

Врач спокойно взял кольцо, невозмутимо повертел, оценивая ценность «подношения», а потом положил в карман.

— Да, да. Подушку и одеяло вам сейчас принесут. Простите, что не сразу. Виновные будут наказаны, — вздохнул врач, спокойно направляясь к выходу и делая пометки на бумаге. — Жалоб нет.

— А вы говорили... Ой!.. что нет подушек, — всхлипнула наивная сирота в моем лице. — Мне сказали... что помощь должна оказываться бе...ой!.. сплатно... У меня есть жалоба! мне больно... У меня кружится голова... И в груди колет и жжет...

— Вам, с вашим диагнозом лучше поменьше разговаривать, — ответил врач и от души хлопнул дверью. Через десять минут бабушке внесли подушку и одеяло, в которое она с наслаждением укуталась. Она сидела и смотрела в окно.

«Лучшее средство от аппендицита — подорожник и самовнушение!» — заметил ангел. «А лучшим средством по уходу за зубами является вежливость. Вежливость на страже вашей красивой улыбки!» — хмыкнул демон, глядя на облезлые обои и старые кровати.

Через час какая-то недовольная мадам в красном зашла к нам в палату и стала поочередно прикладывать светящуюся руку к нашим лбам, чтобы потом записать показания. К моей кровати прицепили какую-то бумажку. Я посмотрела на такие же бумажки на других кроватях. Старуха дремала. Парнишка лежал и смотрел в потолок. Я тихонько сползла с кровати и подошла к кровати старухи.

«Самочувствие хорошее. Жалоб нет. Наблюдается некоторая слабость. Предварительный диагноз — анемия и недостаток питательных веществ».

На кровати парнишки тоже висел листок.

«Жалоб нет. Состояние стабильное. Рекомендована перевязка каждый час. Предварительный диагноз — уныние».

«Уныние, вследствие моральной травмы, нанесенной тупым предметом!» — прыснул демон. На моей кровати висела бумажка следующего содержания:

«Жалоб нет. Состояние стабильное. Рекомендован покой».

Через час снова зашел лекарь, но уже другой в сопровождении еще одного. В руках первого была толстая книга. Он собрал листочки, сел на соседнюю свободную койку и стал писать. Второй стоял у него над душой.

— Ты че так разборчиво пишешь, балбес? Пиши как я, чтобы потом в нужный момент никто ни к чему не придрался! Всему тебя учить надо, — зашипел второй, отбирая ручку и самостоятельно что-то записывая. — И вообще, кто учил тебя ходить со справочником? Чтоб я его больше не видел! Ты меня понял?

— Простите, просто в Академии нас учили сверять симптомы по... — заметил «писатель», робея и смущаясь. — Просто профессор рассказывал нам о том, что бывают ситуации, когда симптомы... бывают смазанными... И общую картину...

«Целитель от бога», чьи призванием, судя по услышанному, было организовать скорую встречу пациента с богом, закатил глаза.

— Забудь о том, чему вас учили в Академии! — прошипел он, оглядываясь на нас. — Ты теперь работаешь! Учти, если кто-то сдохнет, на тебя повесят! Хочешь быть крайним? Я уже пять лет работаю, двадцать проверок пережил, поэтому слушай, что тебе говорят!

— На что жалуемся? — обреченно спросил «писатель», глядя на меня.

— Болит, в груди... Жжет невыносимо... И хватает, когда я пытаюсь... Ай!.. вздохнуть... — простонала я. — Может это... сердце?

«Не подсказывай! Пусть сам угадывает!» — возмутился демон, — «Ему за это деньги платят!»

— Эм... Я думаю, что это... — замялся писатель. — Возможно, она сильно переволновалась и у нее прихватило сердце... Но может быть это — не сердце, а грудная мышца, которая иногда болит в вдохе, если ее...

— Так, не умничай! Пиши... эм... — забрал листок и стал смотреть то на меня, то на листок.

— Доктор, который был до вас, сказал, что...ой!.. подозревает мидефибриллярную капилому! — простонала я, пытаюсь собрать в кучку все, что первое пришло в голову и имело отдаленное сходство с диагнозами. «Пятерка за словотворчество!» — похлопал демон.

— Да, теперь я вижу, что это действительно так, — ответил «дохтур». — Просто общая картина у капилоны бывает смазанной. Я подумал, что возможно... я просто допускаю такую возможность... что это... Я просто не хочу вас лишний раз огорчать... Вам нельзя волноваться.

«Ты нас и так уже сильно огорчил! И молись, чтоб только нас! Импровизируем дальше! Усложняем игру!» — заметил демон, гаденько потирая ручки, пока ангел рыдал горячими слезами, понимая, почему Альберт предпочитает очки. Я-то думала, что магия способна скорректировать зрение... «Слепое правосудие!» — напомнил мне демон, демонстрируя статую Фемиды с повязкой на глазах.

— Есть еще подозрение на переоральный контрацептив, — ойкнула я, хватаясь за грудь. Демон авторитетно кивнул. Ангел всхлипнул.

— Возможно. Просто симптомы очень похожи... — согласился «эскулап», задумчиво глядя в окно. — Я несколько раз сталкивался в своей практике с переовальным... тивом... Скажу, что это — не самый простой диагноз, но при соблюдении всех рекомендаций

отлично поддается лечению. Так что вы не волнуйтесь.

После того, как дверь закрылась, я схватила листок, но угадать хотя бы общий смысл написанного у меня не вышло. Знакомых букв в этой вязи я категорически не разглядела. «А ты спрашивала, почему у врачей плохой почерк! Для конспирации!»

— усмехнулся демон. Под кроватью я обнаружила горшок. Как хорошо, что я с утра ничего не ела... Иначе сейчас, сгорая от стыда и брезгливости, мне пришлось бы им воспользоваться.

«На должность диагноста требуется человек с неразборчивым почерком, отсутствием совести и богатой фантазией!» — ехидно заметил демон. Дверь снова открылась. На пороге стояла комиссия. Я уже орала, как резанная.

— Хм... Вечерний обход, — заметил кто-то из комиссии, изучая наши «диагнозы». — Хм... хм... все с вами понятно... И с вами, мадемуазель тоже... Ну что ж.... Будем лечить.

— Простите, — заохала я, снова хватаясь за грудь. — Что со мной? Я умру?

— Эм... у вас... эм... сердечный невроз, — солидно ответил кто-то из врачей, читая «мою» бумажку. — Клиническая картина на лицо. У вас все симптомы. У многих девушек в вашем возрасте такое бывает. Ничего страшного.

Остальные закивали, соглашаясь с диагнозом. А что? У кого-то остались сомнения? «Когда нет желания лечить, но есть хорошая зарплата, все диагнозы подходящие!»

— вздохнул демон. Появилась какая-то мадам с тремя тарелками и грязными ложками. Свою тарелку я получила в руки. Бабка стала клевать свою «порцию» на подоконнике. Третьему пациенту тарелку поставили на грудь. Парень даже не шелохнулся.

— Думаю, что ей нужно положить компресс и дать успокоительное. Скажите, чтобы девушке сделали примочку и проверили сердечный ритм, — распорядился врач, разворачиваясь и покидая нашу обитель под бой часов. Шесть вечера. Скоро надо будет лиять отсюда. Я уже достаточно повидала. Иначе Альберт мне голову оторвет...

Я закрыла глаза, постанывая. «Да, сегодня — не вчера! Я про стоны...» — хмыкнул демон, пихая локтем покрасневшего до кончиков крыльев ангела. — «Помню, как ты залезла на стол, обмотанная простыней, спела с бокалом и дипломом в руках перед благодарным слушателем песенку про волшебника — недоучку, чуть не сорвав голос и не сорвавшись вниз. Песенка очень понравилась. Тебя еще просили записать слова, когда снимали со стола. Нет у него телевизора, зато есть ты! Отличная альтернатива!». «Но я же лучше телевизора!» — возмутилась я, устыдившись.

Мне на голову шлепнулся кусок мокрой ткани. Я открыла глаза и увидела какого-то мага, который положил светящуюся руку мне на грудь справа. Через секунду он посмотрел на меня так, словно могильщик уже поплевал на руки и взялся за лопату.

— У вас... сердца... нет... — побледнел маг, снова кладя руку мне на правую сторону груди. — Простите, я сейчас вернусь!

Через минуту появился еще один целитель. Черт! Мне уже пора домой. «Ага, навстречу нагоняю!» — чихнул демон. Правда-правда. «Будь здоров!» — кротко заметил ангел. «Актуально!» — утерся демон. — «С такой медициной я уже и чихать боюсь!».

— Да что ты выдумываешь! Пиши — сердечный ритм в норме, сердце — без отклонений! — возмутился «знаток», озадаченно изучая мой листок.

— Нет, ну ты сам посмотри! — возмутился «эксперт». «Эксперты» еще раз «посмотрели» и переглянулись. Один из них быстро встал и вышел. Через десять минут вокруг меня сидела целая делегация.

«Не обращай внимания. Просто у нас грудь красивая. Вот и хотят облапать все, кому не лень!» — усмехнулся демон.

— У нее сердце — слева! — замел один старичок, удивленно глядя на меня, мол, как же ты еще жива с таким диагнозом, убогая? Что ж ты к нам приползла? Тебе сразу на кладбище ползти надо!

— Это — патология. Мне просто интересно, сколько она с ней проживет? — спросил кто-то из местных эскулапов, изучая «мой» больничный.

— Я предлагаю провести предварительное вскрытие, чтобы узнать, как у нее там внутри все устроено. Просто я с таким сталкиваюсь впервые за всю многолетнюю практику. — Запишите, патология. Врожденный порок сердца. Очень любопытно. Думаю, что нужно попробовать переместить ей сердце вправо. Интересно, что будет?

«Вы что? Охренели?» — заорал демон. — «Мозги себе переставьте!»

— Я не давала согласия на перестановку сердца! — возмутилась я, пытаюсь встать. — Мне и так неплохо живется!

— Не переживайте, мы все исправим! Я готов провести операцию бесплатно, — обнадежило меня «светило местной медицины», потирая руки. — Только вам нужно дать письменное согласие на то, что претензий к результату не имеете!

«Исправьте себя! Перешейте себе руки на законное место!» — орал демон.

Глава восемнадцатая... никогда не недооценивай силы человеческой наглости

Закрывайте быстро дверку! К нам нагрянула проверка!

«Попала в лапы эскулапам!» — вздохнул ангел, горестно закатив глаза.

— А если попробовать дать ей воды из пиалы Ардала? Думаете, что тогда сердце встанет на место? — поинтересовался кто-то из «целителей». — Правда на ее использование нужно получить разрешение у Освальда и собрать кучу подписей...

— Думаешь, это — проклятие или болезнь? — поинтересовалось «светило». — Пиала Ардала снимает любое проклятие и исцеляет любую болезнь. Я поговорю с Освальдом, но он ее никому не дает. Думаю, что будет лучше попробовать своими силами!

И тут в коридоре раздался шум. Знакомый голос, от которого я тяжело вздохнула, раздавал указания. Я уже думала, что мне придется защищаться от диссертации. Боже! Есть у Альберта отличное качество. Умение появляться **ВОВРЕМЯ**! Он, очевидно, договаривается с моими неприятностями заранее... А может, он просто спросил редактора, о чем я пишу?

— Где она? Мне что? Каждую палату обыскивать? Все нарушения фиксировать! — голос сопровождался топотом ног.

— Что все это значит? — возмутилось «светило», оглядываясь по сторонам. — Нас не предупреждали о проверке!

Шум приближался. Знакомый голос звучал все отчетливей.

— На втором и третьем этажах ее нет! — раздался незнакомый голос. — Четвертый этаж сейчас осматривают.

— Тщательно осматривайте, — услышала я ответ. — Все двери, все кабинеты. А мы пока осмотрим первый.

— Сюда нельзя. Здесь у нас хранится инвентарь и медикаменты... Мы просто забыли повесить табличку... — заблеял кто-то под самой дверью.

— Знаете, у меня есть две любимые фразы при обыске. «Сюда нельзя» и «здесь нет ничего интересного»! — услышала я знакомый голос в коридоре. — С дороги. Я вежливо попросил. Могу попросить невежливо, но это будет больно. И потом не говорите, что я не предупреждал. Мне потом будет очень стыдно, я даже извинюсь перед вами.

— У нас по документам никто с таким именем не поступал. Вот журнал. Смотрите сами! Все посетители за день! — услышала я женский голос, сопровождаемый спешными шагами. — Анабель Эрланс к нам не поступала. Простите, это случайно, не та журна...

— Альберт! — взвизгнула я, порываясь встать. — Я здесь! Меня тут разрезать собрались!

Через секунду дверь открылась. На пороге стоял Альберт без маски, но в плаще и в перчатках. Рядом с ним маячило человек десять из инквизиции.

«Он нам апельсины принес?» — оживился ангел, вспоминая, с чем мы обычно ходили навещать «болящих». Апельсинами не пахло. «А почему он с пустыми руками?» — разочарованно вздохнул ангел, не видя ни шоколадки, ни апельсинов. «Он принес «звиздюли». Не переживай, нам тоже перепадет!» — хмыкнул демон.

Альберт внимательно осмотрел плесневелые выцветшие обои, старые кровати с древними, как ископаемые экскременты мамонта, матрасами, бабульку, которая потеряла дар речи, кутаясь в одеяло и забиваясь в угол, паренька, которому было фиолетово, а потом

его взгляд остановился на мне. На фоне жутко грязного матраса без простыни, подушки и одеяла, я смотрелась неплохо. Судя по взгляду, это — последнее, что он мечтал увидеть в своей жизни.

— Прекратить поиски, — приказал Альберт, убивая взглядом «светило». Я начинаю обожать этот взгляд. Он смотрит на всех, как на некое существо, случайно выбравшееся из бездны, с легким намеком, что не мешало бы заползти обратно. По-хорошему. Интересно, наступит ли тот день, когда я начну различать оттенки эмоций в его глазах?

— Де... девушка жаловалась на боли... Нам просто некуда было ее поместить... Понимаете, родственники от нее отказались... Эм... Денег у нее с собой не было...

— заблеял кто-то из «целителей». Я по лицу Альберта видела, как его радует каждое слово. — Мы ее пока поместили сюда. Временно! Подчеркиваю. Временно. Ну не в коридоре же ее оставлять. У нее врожденный порок сердца. Она, если можно так сказать, уже... эм.... нежилец...

— А теперь еще раз. И очень-очень медленно. Повтори все, что только что сказал. И я тебя умоляю, думай над каждым словом, — Альберт не сводил с меня глаз. — Так, где Освальд? Где администрация?

«Да! Освальд с таким подходом должен спать одетым с тревожным чемоданчиком в руках!» — съехидничал демон. — «Я бы на его месте просыпался с сиплым: «Шо? Опять?». «Ага!» — согласилась я. — «А теперь мы дружно позовем кого? Пра-а- авильно! Канцлера от магии! Ос-вальд! Ос-вальд!»

— Вы ее знаете? — осторожно поинтересовался кто-то из «эскулапов». — Вы знакомы? «Порок сердца», как выяснилось, передается еще и воздушно-капельным путем, потому, что после ответа, за сердце схватились все, включая «светилу». Он вообще сполз по двери, будучи не в курсе нашей личной жизни.

— Как же вы мне все дороги! Всем стоять на месте. Тот, кто сейчас телепортируется, отправится в камеру сразу. Без разбирательств. Я ясно выразился? Стоять и молчать. Я и так все прекрасно вижу. Я прекрасно вижу, что подписываю каждый месяц, — тяжело вздохнул Альберт, глядя на грязный матрас. — Где заведующий? Давайте, быстрее собирайтесь в кучку. Мне так будет проще вас убивать.

— Альберт... — я села на кровати.

— Тише-тише. Подушку, одеяло, чистый матрас. Быстро. Считаю до трех. Раз... два... — Альберт опустил голову. Я видела, как он делает один глубокий вдох-выдох за другим. Мне кажется, или он сейчас сорвется?

— Ваша милость, не волнуйтесь! Вашу невесту мы поместим в лучшую палату! — предложил кто-то из администрации. — Роскошную, со всеми удобствами! Сейчас все будет, не переживайте! Мы сейчас подготовим для нее все необходимое! Назначим индивидуального целителя... Все будет так, как вы скажете!

— Три... — Альберт поднял глаза. — Спасибо. Я уже видел, в каких условиях находятся... я даже не произношу слово «лечатся»... пациенты, у которых нет возможности заплатить за лечение.

Через секунду меня переложили на чистый матрас, постелили подо мной чистую, прямо хрустящую простынь, под голову подложили белоснежную подушку, а сверху накрыли одеялом. И даже подоткнули его.

— Потерпи немного. Дома тебя осмотрят, — Альберт присел на край кровати, снял перчатки и положил руку поверх моей руки, слегка ее поглаживая. Он снова шумно

вздохнул, а потом посмотрел на меня своим фирменным взглядом. Другая его рука скользнула по моей щеке, откидывая мои волосы. Он переживал, вызывая у меня призрак совести.

— Альберт... Не волнуйся... Я себя хорошо чувствую. Просто у меня действительно сердце с левой стороны... Я просто не знала, что у других оно... хм... справа... — шепотом начала я, осторожно поглаживая пальцами его ладонь и заглядывая в его глаза. — Ничего страшного... Не надо переживать...

— Дома тебя осмотрят и скажут, опасно это или нет, — услышала я вердикт, чувствуя, как он осторожно берет меня за руку. «Я же говорил, что это была плохая идея!» — вздохнул ангел. — «Теперь он нервничает и переживает!». «А по взгляду нас медленно и с наслаждением шинкуют на кубики!» — закатил глаза демон. — «Тут, поди, разберись!»

На пороге появился Освальд. Вокруг него скакал какой-то солидный старик в синем с внушительными бакенбардами: «Вы понимаете, так получилось... Мы не знали, что это — невеста канцлера... Откуда мы знали, что они помолвлены... Я вас умоляю... Просто нам некуда было переложить больных... на время уборки в их палатах... Сейчас уборка закончится, и мы снова вернем их в их палаты... Мы приготовили для нее самую лучшую палату... Вы же понимаете?»

Освальд даже не удивился, увидев меня. У него просто ритмично задергался глаз. При виде палаты он глубоко вздохнул и глухо простонал: «Да что ты будешь делать!».

— Что скажешь? — поинтересовался Альберт, отрывая кусок плесневелых обоев и брезгливо скидывая на пол грязный матрас с соседней кровати. — Я как сейчас помню, как подписывал выделение средств на ремонт Лечебницы и на содержание больных, которые не могут оплатить свое лечение, потому что понимал, что это необходимо. Суммы, между прочим, немалые. А теперь я даже теряюсь, с чего бы начать. Как зовут заведующего этим безобразием? Фишер, кажется. Обойдемся без мистеров. Фишер, иди сюда. Иди сюда, не бойся. Я тебя не съем. Я тебя сейчас лечить буду. И всю администрацию. С врачами я потом разберусь. Их ждет переаттестация. Каждого. И уроки каллиграфии. Давайте, собирайтесь.

В дверях появилась администрация. Две солидно одетых дамы среднего возраста в дорогих платьях с кучей золотых украшений, один молодой маг, одетый в белый, идеальной чистоты костюм и посматривающий на золотые часы, которые доставал из кармана сюртука. Тучный маг, с огромным животом, на котором расходились золотые пуговицы, теребил в руках какую-то папку.

— Мне плевать, кто за что отвечает. Пять человек — свободных пять коек. Занимаем места. Не стесняйтесь, — Альберт шумно вздохнул, глядя, как маги выбирают себе матрас почище. Некоторые даже пытались перевернуть свои матрасы, но, как ни верти, грязь была везде.

— Принесите мне миску! — приказал Альберт, глядя на миску, стоящую на груди парня, который так и продолжал смотреть в потолок. — Быстро.

В миске были какие-то отруби, распаренные водой и кусок чего-то отдаленно смахивающего на мясо не первой свежести. Альберт поднял брови, изучая ее содержимое. Он обвел взглядом побледневший персонал.

— Простите, но у пациента диета... — заблеял толстяк, привставая с кровати и размахивая папкой.

— Лежи... Я сам разберусь. Мне подсказки не нужны, — заметил Альберт, беря склизкую ложку сквозь платок и брезгливо выуживая оттуда какую-то шелуху. — Еще четыре

таких же порции. Быстро. Анабель, только не говори, что тебя тоже этим кормили...

— Нет, у меня все намного интересней! — я наклонилась и достала свою миску с аналогичным содержимым. — У меня безмясная диета! Зато в ней есть раздавленный таракан! Смотри! Он, наверняка полезен для здоровья! Видишь, как экономно. Не целый, а половинка!

Я показала пальцем на слипшегося с комком каши таракана.

— Простите, — прошептала бабка, протягивая худую руку к моей миске. — Если вы не будете, можно я съем?

— Потерпите. Сейчас вас переведут в нормальную палату и будут кормить полноценно, как и подобает три раза в день. Вас каждый день будут навещать, узнавая о вашем самочувствии. И если оно вдруг ухудшится, то у кого-то резко ухудшится материальное положение и жилищные условия. Вам по закону полагаются достойные условия и полноценное трехразовое питание. И почему — то до тех пор, пока я сюда не пришел, никто об это даже не вспомнил, — ответил Альберт, испепеляя взглядом будущих «ценителей больничной кухни». Он кивнул кому-то из инквизиции. — Осмотрите паренька. Есть шансы на выздоровление?

Один из инквизиторов сел на кровать, снял перчатку и положил руку на голову парню.

— Есть. Просто ему нужен уход. Травма серьезная, поэтому здесь нужна квалифицированная помощь, — произнес инквизитор, снова одевая перчатку. — Думаю, что он быстро поправится.

— Парень крепкий. Нам такие нужны, — криво усмехнулся «работодатель», глядя на молчаливого «соискателя».

— Принесите три миски. Две у нас уже есть. Эту, с тараканом, будьте так любезны, отдать заведующему. Давайте, чего стесняемся. Быстро принесли еду! — Альберт со вздохом передал миску кому-то из инквизиции. — Проверьте, чтобы в мисках все было одинаковое. И ложки обязательно грязные. Проверьте, чтобы ложки были грязными.

Бабка забилась в угол и молчала. Освальд усмехнулся. Тут же появились еще три миски и ложки.

— Налетайте, господа и дамы. Кушать подано, — по губам Альберта поползла жестокая улыбка. Глаза у него были холодные и мертвые. — Приятного аппетита. Кушайте на здоровье.

Он снова тяжело вздохнул, сжимая мою руку.

Одна мадам брезгливо поморщилась, беря ложку двумя пальцами, а потом осторожно поднесла ее к губам, оглядываясь по сторонам. У заведующего тряслись руки, когда он нюхал содержимое тарелки. Молодой маг едва подавлял приступ тошноты, глядя в нашу сторону.

— Простите, я не голоден. Я только что покушал... Вы меня извините, но я попозже... — отворачивался от миски заведующий, с надеждой глядя на Освальда.

— Я тебе это сейчас на голову вылью, — мрачно заметил канцлер от магии, глядя на обои и треснутое стекло. — Жри, давай, не стесняйся.

Маг осторожно стал ложкой вылавливать таракана, кривясь и вздрагивая.

— Куда! — возмутился Альберт. — В рот. Если ты его сейчас не съешь, тебе его силой запихнут. Поверь мне, я сделаю это лично.

Заведующий начал есть, с трудом проглатывая пищу. Остальные последовали его примеру, вяло жуя то, что я даже у меня язык не повернется назвать едой. Одна дама надула

щеки, с ужасом глядя в тарелку, где, очевидно была недостающая часть энтомологической коллекции. Другая мадам достала платочек и попыталась выплюнуть в него содержимое рта, жалобно глядя на Альберта. Неужели тараканов было больше? Или пора считать четвертинками?

— Зря вы так... Очень вкусно... И полезно... — заметил заведующий, усилием воли пытаясь проглотить очередную ложку. Присутствующих, включая меня, чуть не стошнило. Альберт с каменным лицом смотрел на трапезников.

— А вы чего не едите? Наелись? Доедайте. Не надо размазывать по тарелке и сплевывать в платки, — покачал головой мой инквизитор.

Альберт поднял глаза к потолку, откуда сыпалась шпукатурка. Из трех магических светильников работал один. Светильник не выдержал взгляда и погас. В темноте слышались плевки. Освальд создал магический шар, который завис в воздухе, освещая все убожество.

— Простите. — заметил заведующий, вытирая руку и лицо платочком. — Мне нужно вы...вы... выйти... С...с...срочно....

— Зачем выходить? Давай, прямо здесь. Или на матрас, — Альберт посмотрел под мою кровать, ужаснулся, а потом пнул горшок навстречу главврачу. — Не стесняйся.

«Скидываемся, ребята!»- вздохнул демон.

— А теперь я ставлю диагнозы, — вздохнул Альберт, глядя на побледневшие лица. — Пять матрасов забрать с собой. Убрать из камер нормальное постельное белье и постелить эти матрасы. Узнать рецепт этой баланды. Предупредите администрацию тюрьмы, чтобы пятерым готовили именно эту баланду по указанному рецепту. Один раз в день. Ложки мыть я категорически запрещаю. Горшки тоже прихватите. И сразу предупредите администрацию, что жалобы на «нечеловеческие» условия не принимаются и не рассматриваются. Посмотрим, сколько они продержатся.

— Альберт, — я привстала и потянула его за рукав. Он склонился надо мной, слушая внимательно, что я ему говорю. Все стояли молча, глядя на нас. Нервы у всех были на пределе. Через пару секунд инквизитор посмотрел так, что все резко почувствовали себя очень неудобно.

— Я считаю до десяти. Кольцо пожилой пациентки. Раз... — Альберт выставил руку вперед. — Я не шучу. Два...

Один из целителей помялся, а потом отдал незамысловатое золотое колечко.

— Я эм... нашел его... — проямлил он, боязливо протягивая кольцо. — Я думал, чье же оно? А вот...

— Рот закрой. Будешь рассказывать, как нашел его, сокамерникам. Арестовать, — вздохнул Альберт, глядя на колечко, а потом протягивая его плачущей старухе. — Возьмите...

— Вы не имеете права! Я нашел его под кроватью во время обхода! — возмутился целитель, глядя как на его руки надевают светящиеся наручники.

Старушка ничего не ответила. Она просто плакала, надевая колечко на свой худенький пальчик и целуя его. Глядя на эту картину я почувствовала, как в носу что-то противно защипало. У меня в глазах стояли слезы.

— Тише... — услышала я, чувствуя, как мои пальцы слегка сжимают. — Я поставлю свою кандидатуру на пост главы Лечебницы. У меня есть подходящий человек. Мне надоело смотреть на этот беспредел.

Через полчаса меня забрали вместе со всеми финансовыми отчетами лечебницы. Отчеты весили куда больше, чем я. Меня уложили на кровать, с которой я сегодня утром встала, так бережно, словно я уже была при смерти. Один инквизитор провел по моей груди светящейся ладонью.

— Они правы. У нее сердце слева. У всех справа, а у нее — слева, — произнес один, глядя на застывшего в напряженном ожидании Альберта. — Я действительно никогда с таким не сталкивался. Такие случаи не были описаны даже в литературе. Но... как бы так сказать. Скорее всего, это — действительно «врожденный порок». Но если он жить не мешает, то не думаю, что нужно его трогать. Скажу честно, случай уникальный. Первый и единственный в моей практике.

— Она — здорова? — спросил Альберт, поднимая глаза.

— Да. Просто сердце у нее слева. Вот и все, — вздохнул «целитель». — Такая вот особенность. Не думаю, что это вызовет какие-то проблемы в будущем.

Все ушли, оставив меня лежать на кровати. Альберт вернулся один.

— Как ты себя чувствуешь? — напряженно спросил он, присаживаясь в кресло рядом с кроватью.

— Да все нормально. Просто в том мире, где я жила, у всех... ну или у большинства точно... за всех не отвечаю... сердце находится слева, — оживилась я, поднимаясь с кровати. — А как ты меня нашел?

— По горячим следам, — судя по голосу, он явно был расстроен. А судя по взгляду, еще и зол. И, кажется, злился он на себя...

Я сползла с кровати, подошла к нему и обняла.

— Все нормально. Не переживай. Ну чего ты... — прошептала я, прижимая его голову к своей груди. — Ты и так делаешь все, что можешь. Ты и так взвалил на себя непосильную ношу. Альберт, я прошу тебя... только... не расстраивайся...

— Я не расстроился. В твоем мире с медициной все обстоит так же? — задумчиво спросил Альберт после долгой паузы. «Утешь его!» — усмехнулся демон, вспоминая городскую поликлинику.

— Смотря где... — призналась я, осторожно заправляя его волосы ему за спину. — У нас в городе отродясь нормальных врачей не было. Все нормальные давно занимаются частной практикой. Хороших специалистов можно по пальцам пересчитать. А тех, у кого нет денег, тоже лечат... как бы тебе так сказать... не очень хорошо.

— Кстати про деньги.... И кто это надоумил тебя прикинуться бедной сиротой? — раздался вопрос, который заставил меня шумно вздохнуть. И под пристальным взглядом правосудия я во всем призналась. Под конец я собрала руки кисти к кисти, сжала кулачки и протянула их Альберту, в знак того, что я каюсь и согласна понести любое наказание.

— И вот что мне с тобой делать? — услышала я, вместо приговора. Судя по взгляду, меня уже отправили на костер, три раза помиловали и один раз слегка сожгли. Для профилактики. В надежде, что шило сгорит вместе с моей попой.

— Понять, простить, любить, — я опустила голову, закусывая губу, чтобы не улыбнуться в этот драматический момент покаяния. Мои руки были пойманы, на них сомкнулись «наручники» чужих пальцев.

— Ты арестована... — прошептал Альберт, притягивая мои руки к себе, украдкой бросая взгляд на свой подарок, который я не обменяла на подушку и одеяло.

— А может, правосудие будет ко мне сегодня милосердно? — тихонько заметила я,

глядя ему в глаза и чуть склонив голову. — Я сегодня, между прочим, помогла раскрыть настоящее преступление... Это — как-то повлияет на мой сегодняшний приговор?

— Я еще не решил. Но выяснились новые обстоятельства. Ты сегодня не завтракала. Это раз. Второе. Ты не написала список вещей, которые тебе нужны. И третье. Ты заставила меня поволноваться. Все это будет учтено, — я почувствовала, как мои пальцы осторожно целуют. — И не в твою пользу. Боюсь, что снисхождения не будет.

Я шумно вздохнула, чувствуя, как мои руки отпускают, подошла к столу, взяла бумажку со «списком», схватила со стола ручку и быстренько написала все, что мне нужно.

— Вот, — вздохнула я, протягивая список. — Список вещей, которые мне действительно очень нужны. Понимаю, что это очень дорого стоит... Но...увы, это все, что мне нужно. Остальное я могу купить себе сама.

Альберт пробежал глазами по бумажке, а потом поднял их на меня. «Ты из дикого леса, дикая тварь?» — прошипел демон, пытаясь считать эмоции по взгляду.

— Тебе не понравился список? — удивилась я, поднимая брови. — Твоя любовь. Твоя нежность. Твоя верность. Я же не многого прошу? Если слишком много, так и скажи...

— Я сейчас не знаю, что с тобой сделаю, — услышала я, глядя, как он с усмешкой встает с кресла.

— Ой! Не озвучивай. Пусть это будет приятным сюрпризом! — я подняла «жалобные» глаза и снова протянула «связанные» ручки.

— Запятые кто ставить будет? — спросил Альберт, сидя на диване и разбирая финансовые отчеты и поправляя очки. Я сидела, опираясь на его плечо спиной, закинув ноги на диван и с наслаждением кусая ручку. Мы только что поужинали и решили поработать.

— И ручку не грызи. Это неприлично, — вздохнул он, глядя на мою жеваную ручку. — Почему я должен тебя воспитывать?

— Ты сам взвалил на свои плечи эту почетную миссию! — фыркнула я, зачеркивая целый абзац. Коряво!

— Дай ручку на секунду, — отозвался Альберт, откладывая какую-то бумагу на стол.

— Держи, — вздохнула я, протягивая ему ручку.

Альберт, молча взял платок, вытер ее от моих слюней и обвел какие-то цифры, а потом вернул ручку мне.

— Ты вообще на кого учился? — поинтересовалась я, рисуя клубнику на полях. — Я имею в виду, какое у тебя магическое образование?

— Универсальный маг. Четыре курса. Не отвлекай... Четыреста шестьдесят прибавить девятьсот пятнадцать... Тысяча триста...

— Ты меня спрашиваешь? Спроси что-нибудь полегче! Математика меня огорчает... — возмутилась я, готовясь считать в столбик. — Как ты сказал? Четыреста.

— Все, не надо, я сам сложил и даже разделил. В среднем, получается, по шестьдесят эрлингов в день на пациента. Помечай себе, — я услышала тяжелый вздох.

Я быстро записала и даже обвела цифру, снова суя ручку в рот и слегка ее прикусывая.

— Неизвестно где она валялась! — возмутился Альберт, глядя, как я вытаскиваю ручку изо рта. — Она же грязная!

— Ну и фо? — ответила я, снова погружая ручку в рот. — Мне так лучше думается...

— Давай сюда ручку! Не смотри на меня так. Давай сюда ручку! — у меня из рук выдернули ручку, а потом вернули ее мне с легкой полуулыбкой. — Все. Рискуй. Предупреждаю. Приятного будет мало.

Я написала два абзаца, поглядывая на цензора, сидящего рядом. Цензор молчал, изредка заглядывая в мою писанину. Часы пробили полночь. И тут меня осенило, как закончить все это безобразие. Я радостно заерзала, поднесла ручку ко рту и тут же выронила ее, ойкнув от боли. Такое чувство, словно я лизнула мощную батарейку. Я зажала рукой губы.

— Больно? — спросил Альберт, снимая очки и притягивая меня к себе.

— Вот зачем нужно было? — возмутилась я, потирая губы. Было не больно, а скорее неприятно и неожиданно.

«Опасный человек, надо заметить! Началось! Нам уже ручку грызть нельзя!» — усмехнулся демон. — «Что дальше?»

— Иди сюда, пожалею..., - вздохнул Альберт, обнимая меня. — Сильно больно? Или просто испугалась? Меня так в детстве отучали грызть ручку.

— Ты тоже грыз ручку? — оживилась я, забывая про секундный дискомфорт. — А теперь, глядя на то, как я с наслаждением ее грызу, ты просто завидуешь?

«Ага, конечно, у него самого просто слюни текут, глядя, как ты аппетитно хрустишь колпачком!» — закатил глаза демон.

— Ой! А тебе в детстве не рассказывали, что если будешь плохо учиться, то будешь мести улицы? — поинтересовалась я, с сожалением глядя на колпачок и не рискуя снова брать его в рот.

— Нет. Мать умерла, когда мне было десять. Отец сказал, что если я буду плохо учиться, то меня отправят к на тот момент еще живой бабке, — услышала я ответ.

Нет, определенно папик — маг умел мотивировать сына.

В дверь деликатно поскреблись. «К вам пришел канцлер от магии! Ему нужно срочно с вами поговорить!» — произнесла миссис Бэнгз. Через минуту Освальд зашел в комнату.

— Интервью. Где диплом? — вздохнул Освальд, присаживаясь в кресло и протягивая мне листок. — «Горькая правда» теперь вкладьш к «Справедливости и закону»?

— Ну явно не к «Магическому вестнику», — ответил Альберт, облачаясь на спинку дивана.

— Одну минутку! Сейчас! — я встрепенулась и достала из кармана сложенную бумажку. — Вот. Диплом!

Товарный вид диплом потерял еще вчера, когда его украсило еще одно имя. А по красным пятнам можно было смело предположить, что за него либо дрались ни на жизнь, а на смерть, либо обмывали. Хотя, одно другое не исключало. «Склонны ли вы к алкоголизму? Смотря кто и как склоняет!» — усмехнулся демон, глядя на багровые пятна вина.

— Анабель, тебя не сильно затруднит оставить нас ненадолго? — спросил Альберт, хмуро глядя на Освальда. — Эта встреча пройдет без журналистов за закрытыми дверьми.

Через пять минут Освальд ушел, и я деликатно поскреблась в комнату с вопросом: «К вам можно по личному вопросу?»

— Проходи, моя маленькая преступница... — Альберт протянул руку мне навстречу.

Я подошла к протянутой руке, которая усадила меня рядом.

— Ты сегодня очень плохо себя вела. И ты это знаешь, не так ли? — фраза завершилась тяжелым вздохом и поцелуем-наказанием.

— Но в связи с тем, что ты вину осознала, — Альберт слегка улыбнулся, снова приблизившись к моим губам. Он стал нежно жалеть, придерживая мой подбородок. — Раскаялась... Чистосердечно признала вину... Руководствуясь благими побуждениями... Твое наказание... будет не таким... суровым...

Я попыталась отстраниться, пряча улыбку.

— Но это не значит, что тебе удастся уйти от наказания... — меня притянули к себе за талию, зарываясь лицом в мои волосы. — Я вот тут подумал. Я не умею дарить подарки. Но мне хочется тебе что-нибудь подарить, при этом я должен точно знать, что подарок тебе понравится. Подумай над этим.

— Хм... У меня к тебе такой вопрос, — я осторожно сняла с него очки, откинула прядь волос и провела пальцем по его тонкому шраму, едва заметному, идущего через бровь на щеку. — Кто это тебя так?

— Это благодарность, — услышала я ответ, сопровождаемый легкой усмешкой. — Двоюродной сестры за то, что я из жалости много лет подряд молча оплачивал ее счета за дом. Узнав о том, что я оплачиваю ее счета, она пришла ко мне в кабинет выяснять отношения, посчитав себя глубоко оскорбленной таким жестом с моей стороны. Я не стал ее арестовывать за то, что она бросилась на меня с ножом, вместо этого просто выставил за дверь и сказал, больше мне на глаза не попадаться.

— Ничего себе! А мне казалось, что она была тихой и молчаливой затворницей! — возмутилась я, глядя как Альберт избегает ласки. Не знаю почему, но он не любит, когда его гладят, ласкают и целуют. И это, пожалуй, единственное, что меня смущает в нем. Сам он любит обнимать, целовать, но себя обнимать и целовать он не позволяет, всегда деликатно отстраняясь.

Через час я стала объектом зависти всех многочисленных подушек, потому, что из всего пухового разнообразия предпочли именно меня. Часы тикали, а я все не могла уснуть. «Удивительный человек. Всю свою жизнь ползет ядовитой мохнатой и невозмутимой гусеницей, в направлении, известном лишь ему одному!» — заметил демон. — «Интересно, скольким людям он уже переполез дорогу?».

Я осторожно положила руку на голову, которая устроилась у меня на груди, а потом затаив дыхание стала гладить ее, погружая пальцы в длинные волосы. Проснулась я среди ночи от радостного события! Подушка решила меня временно подменить, дав возможность вздохнуть полной грудью. Я легла на бок, глядя на разбросанные по подушке волосы и расстегнутую рубашку. Тяжело вздохнув, я подползла поближе, положила руку на чужую щеку и осторожно, с опаской провела по ней пальцами. Ничего страшного не произошло. Гром не грянул с небес, твердь не разверзлась и кара судьбы не настигла меня в виде сердечного приступа. Я осмелела, наклонилась и поцеловала приоткрытые губы, затаив дыхание.

«Все! Казнить тебя на месте! Нет тебе прощения!» — съехидничал демон. — «Ай-я-яй! Как тебе не стыдно! Воспользовалась тем, что он спит! А давай, в следующий раз мы приложим его чем-нибудь тяжеленьким сзади, а потом отведем душеньку над бесчувственным телом! И целовать будем, и гладить, и обнимать! Сколько влезет! Пока не очнется!».

Я запечатлела контрольный поцелуй, а потом с чувством глубокого морального удовлетворения повернулась на другой бок.

«Идеальное преступление! Чистая работа!» — усмехнулся демон, глядя на спящего ангела.

Глава девятнадцатая... поддайся соблазну. А то он может не повториться

Чтобы отстоять свои права иногда
приходится переступить через закон

Теперь у меня есть моя маленькая и сладкая тайна. Я специально дожидаясь, когда Альберт уснет, выжидаю момент, когда меня на время подменит подушка, ложусь рядом и вкушаю запретный плод. Нет, ну в процессе «ареста с последующими пытками и дознанием» мне это с неохотой позволяется, но просто так подойти и проявить нежность, увы... А мне этого, если честно, сильно не хватает. В полумраке ночи я с удовольствием запускаю руку в длинные волосы, провожу пальцами по щеке, глажу плечо, украдкой ласкаю спину, а потом с наслаждением целую спящего, внутренне содрогаясь от мысли, что сейчас я отстранюсь от его губ и встречу со взглядом-лезвием, со взглядом — ожогом, который на мне живого места не оставит. Мое сладкое преступление волнует меня так, что этой ночью я просыпалась еще два раза.

«Мне просто интересно будет, что он с тобой сделает, если узнает об этом?» — усмехнулся демон. Сонный и влюбленный ангел умолял меня «ну пожа-а-а- алуйста!» поцеловать еще раз спящие губы, провести ладошкой «ну еще разочек» по груди и «я сейчас умру!» осторожно просунуть руку между рубашкой и спиной, нежно погладив плечи, на которые их обладатель добровольно взвалил все грехи этого мира.

«Да ты — просто опасная преступница и держишь в страхе всю округу!» — усмехался демон. — «Все, не ведись на сопли пернатого. Закругляйся и спи! Не хватало быть пойманной за руку на месте преступления!».

Вчера Альберт, не подозревающий о моих ночных приключениях и своем непосредственном участии в них, принял решение, что если я не пишу список, он сядет и напишет его сам. И чтобы я потом не жаловалась. Это было сказано безапелляционно и сопровождалось суровым взглядом правосудия. Полчаса я наблюдала, как он сосредоточенно думает, потирая пальцем переносицу, изредка бросая взгляды на меня. Я заметила несколько интересных жестов, которые свидетельствуют о том, что Альберт нервничает. Когда он нервничает, он постоянно поправляет свои красивые очки в золотой оправе. На пятом пункте Альберт сдался.

В качестве «эксперта» по «женским вопросам» была привлечена миссис Бэнгз, которая давала советы.

— А это для чего? — негромко поинтересовался Альберт, глядя на миссис Бэнгз. Та подняла глаза к потолку, а потом бросила взгляд на меня. Такое чувство, будто для меня пояс верности выбирают. «Из нержавеющей!» — заметил демон. — «С комплектом запасных ключей! А если замок еще и магический, то пусть орет громко: «Попытка измены! Убить на месте!»

— Вообще-то мужчина приличной девушки не должен вникать в такие тонкости! — не вынесла пуританская душа служанки, строго глядя на меня. Во мне сразу проснулся упитанный тролль, который заведя кормушку, сладко облизнулся.

— Я вообще сижу и молчу. Просто сижу и переписываю статью на чистовую! — ангельским голосом заметила я, бросая невинный взгляд на замерших домашних бюрократов. Терпеть не могу «списки», «записки» и прочую домашнюю бюрократию.

«Купить. Двоеточие», «Сделать. Двоеточие», «Собрать. Двоеточие». Моя память пусть меня и подводит иногда, но не настолько, чтобы жить по списочку. Я любовно перечитала статью.

«Халатность красных халатов»

«Целитель Лечебницы не может поставить правильный диагноз с первого раза, но вы не расстраивайтесь, вашу платежеспособность он оценит за считанные мгновения. Его взгляд способен за секунду понять, сможете ли вы заплатить за лечение или нет. Представляете, как он расстраивается, узнав, что у вас с собой нет ни гроша, но вам действительно плохо. Скрепя сердце вас помещают в палату, в которой очень хочется выздороветь как можно быстрее, чтобы покинуть ее в кратчайшие сроки. Грязный матрас, отсутствие подушки и одеяла, немытый горшок и еда, которую не будет есть даже неизбалованный кулинарными изысками, обыватель, уже давно стали визитной карточкой палаты «для бедных». Пока целители на глазок угадывают ваш диагноз, вы вынуждены снимать с себя фамильные украшения, чтобы обзавестись, хотя бы одеялом.

В Лечебнице лечат все, кроме потери памяти. К сожалению, этот недуг поразил не только всю администрацию, но часть персонала. Они почему-то забыли о том, что государство выделяет на лечение каждого пациента 60 эрлингов в день, зато почему-то помнят о том, как правильно начислять себе премию и зарплату.

Так было до вчерашней внеочередной и внеплановой, от того и неожиданной, проверки. Сомневаюсь, что мистер Фишер, заведующий лечебницы, прочитает эту статью. Сомневаюсь, что администрация, которая еще вчера выбирала позолоченную мебель в тон обоев в свои кабинеты, тоже подержит в руках эту газету. А все потому, что в их камерах им не полагается даже газета. Но они не унывают. Ведь у каждого из них есть тот самый матрас, на котором лежали и умирали несчастные больные, горшок, который лень было мыть и миска с распаренными отрубями — гордость больничной кухни. Это должно освежить им память и вылечить временное ее расстройство.

Диагнозы им уже поставили. Сколько придется «поболеть» тем, кому было плевать на здоровье своих пациентов, решит закон. А.Э.»

Сегодня утром мне заплатили за два интервью. Интервью, принесенное Освальдом, и интервью, написанное под чутким и нежным руководством цензора, который в процессе написания обнимал меня за талию, положив подбородок мне на плечо: «Запятая, а теперь с новой строчки», «Я что? Так сказал? Когда и где? Назови точное время и место!», «Если бы я говорил такими предложениями на пять строчек, то я бы задохнулся», «У меня, правда, такой взгляд? Никогда раньше не замечал! Что не так с моим взглядом?» и так далее. Это было еще хуже, чем тащить клещами правду из особо стеснительного невротика. Я сама стала превращаться в невротика, не смотря на поглаживание и дыхание возле моего уха.

— Альберт! Может, ты сам ответишь на вопросы? А? Просто я не очень люблю, когда мне смотрят мне через плечо! — предложила я, протягивая ему листок и ручку. — Это

— обычное интервью-пустышка. Я задала стандартные вопросы и получила стандартные ответы. Да, согласна, это — обман, но с другой стороны...

— Странные вопросы, — вздохнул критик, потершись о мою щеку щекой. — Другие есть?

«Боже! Как романтично!» — вздохнул ангел, умиляясь. «Прелесть, как прагматично! Это у него щека просто зачесалась, а руки заняты. Одна обнимает тебя, другая упирается в спинку дивана!» — завредничал демон, показывая язык смущенному ангелу.

Знаешь, Альберт, обычно спрашивают о семье, об увлечениях, о том, чем живет человек

помимо работы... — заметила я, глядя на пожеванный колпачок ручки, примерно таким взглядом, как смотрят «диетчицы» на холодильник. — Некоторые вспоминают какие-то интересные истории из жизни. Часто рассказывают о своих родителях, братьях, сестрах. Некоторые любят говорить о себе и о своем детстве. О каких-то счастливых, веселых, трогательных и радостных моментах. Иногда делятся секретом успеха.

— О детстве? О счастливых моментах? Давай попробуем. Перед смертью мать сказала мне, что в тот момент вышла бы замуж за любого, кто заберет ее из этого проклятого дома. А отец после смерти матери сказал: «Не думал, что она такая зануда!». Но в одном они были единомышленны. До моего рождения у них была любовь. Это считается счастливым моментом? Или радостным? Как на счет интересного момента? Мой отец умел просадить всю свою зарплату за считанные дни. Это — настоящий талант. Я так не умею. Из-за этого мать его часто пилила. Она даже хотела вернуться обратно к Эрланс, в надежде, что там хотя бы накормят, но Эрланс разговаривали с ней сквозь зубы и дверь. Мать умерла, потому, что не было возможности заплатить за лечение, — услышала я, мысленно содрогаясь от такого детства.

Альберт вздохнул, поглаживая меня пальцами и снова потирая мою щеку своей щекой. «Да что у него там чешется?» — возмутился демон. «Тс!» — прошептала я. — «Тут на автобиографию рассказывают!»

— Хотя нет! Был веселый момент. Отец работал преподавателем в университете и любил симпатичных студенток. Каждую юбку, которая переступала порог нашего дома, мой отец требовал называть «мамой». Дамы не задерживались, не смотря на то, что мой отец умел красиво ухаживать. И сразу трогательный момент. Когда я был ребенком, при виде меня. хм... «мамы» начинали умиляться: «Бедный мальчик! Ему так тяжело! Иди сюда, я обниму тебя! Иди ко мне, малыш, я поцелую тебя!». И даже романтичный найдется. Когда я стал постарше, а отец состарился, одна... хм... «мама» попыталась меня соблазнить. «Ну почему ты на меня так смотришь! Твой папа ничего не узнает! Это будет нашей маленькой тайной!» Я молча выставил ее за дверь своей комнаты, в которую она пробралась под покровом ночи. Согласись, очень романтично. Был еще романтичный момент. Помню девушку на потоке, которая убивалась по мне.

— И как? Успешно убилась? — ревниво спросила я, понимая, что сама не без греха. Отличное детство. Опыт соблазнения передается по наследству.

— Я не помню. Мне было не до нее, — задумчиво заметил Альберт. — Есть и секрет успеха. Чтобы заработать деньги и не дать отцу сдохнуть с голоду, поскольку в долг ему уже не давали, нужно просто писать дипломы и решать контрольные за половину потока. И за целителей, и за анимагов. Если так посудить, то всю мою жизнь можно описать на одном листе бумаги.

— Радуйся, что не в двух словах! — ответила я, заправляя прядь волос за ухо. — Можно я не буду это писать?

— Я рассказал это тебе не для того, чтобы завтра увидеть свои откровения на первой странице под искрометным заголовком, — об меня снова потерлись щекой. — Ничто так не роднит людей, чем взаимный шантаж. Про взгляд — вычеркивай. Не понимаю, почему ты к нему прицепилась? Что с ним не так?

— Хорошо, вычеркиваю. Где у нас проходило интервью? Дома за чашкой чая или в кабинете? — поинтересовалась я, с сожалением зачеркивая целый абзац.

— В кабинете. Напиши, о том, что застала меня за процессом сборки бумажных

корабликов. Я сосредоточенно, высунув язык от усердия, сидел и складывал кораблик из очередного рапорта, — Альберт усмехнулся.

— Ты обижен за статью про кораблик? — напряглась я, краем глаза глядя на его лицо.

— Конечно. Я спал и видел, как тебе отомстить. И вот, видишь, насколько страшной оказалась моя месть, — Альберт высвободил руку, взял меня за правую руку и поцеловал ее, глядя на кольцо. — Нет, на счет взгляда, ты меня сильно удивила. Не могу понять, что с ним не так?

— Просто ты на всех смотришь одинаково... хм... недоброжелательно, — вздохнула я, заканчивая интервью и ставя жирную точку.

— Как одинаково? — поинтересовался Альберт, заметно напрягаясь.

«Прямо как веган смотрит фотографии с чужих «шашлыков», — предложил демон. — «Или как водитель маршрутки, когда ты с утра протягиваешь ему смятую крупную купюру, с которой у него не наскребется сдачи. Есть еще вариант. Директор предприятия-банкрота в день зарплаты. Инструктор по вождению на блондинку- адреналинщицу за рулем. Выбирай!»

— Как будто ты мысленно разрезаешь на ленточки, сжигаешь на костре, а потом собираешь пепел в бумажный пакетик, — ответила я, понимая, что пояснять, что такое «веган», мне не хочется. — Даже, когда ты улыбаешься, твой взгляд не меняется. Как-то так.

— Не знаю. Раньше я не замечал. Я иногда думал, почему люди всегда отводят взгляд, когда я на них смотрю... А ну посмотри на меня! — Альберт развернул меня к себе лицом и вытащил из моих рук ручку.

«Большой, хищный и мудрый Каа сейчас съест маленького вертлявого бандерлога!» — прокомментировал демон, отворачиваясь. — «Я не могу на это смотреть! Это — насилие над моей расшатанной психикой!»

— Сейчас я смотрю на тебя с нежностью... — заметил инквизитор, не отводя взгляда. «Смотри, пернатый. Этот взгляд у нас лаской зовется!» — ужаснулся демон, толкая локтем ангела.

— Эм... Это — нежность? Надо будет запомнить... — икнула я, боясь отвести взгляд.

— А вот теперь я смотрю на тебя с осуждением, — заметил Альберт. «Если не видно разницы, зачем платить больше?» — сардонически вздохнул демон, подхватывая упавшего в обморок ангела.

Я заставила себя согласиться.

— Откладывай ручку и интервью... — тихо заметил Альберт, вытаскивая у меня из рук бумагу. — Тебе не стыдно работать, когда я отдыхаю? Это — самое страшное преступление в моих глазах.

Этой ночью я снова выждала момент, привстала на локте, осторожно убирая волосы с лица моего будущего супруга. «О!» — простонал ангел, переживая и заламывая ручки. «Целуй быстрее спящего красавца!» — закатил глаза демон. «Только нежно-нежно!» — жалобно заметил ангел, трепеща от волнения. «Ага! Сейчас сбегая за ключом от склада под названием «нерастратенная нежность»! — усмехнулся демон. — «Мы что зря столько лет ее копили?».

Я положила пальцы на чужую щеку, нежно, погладила. Стоило мне чуть приподнять руку, как Альберт сам подsunул щеку под мою руку. Мне показалось, или уголки его губ дрогнули? Демон молча достал бутылку шампанского и два бокала. «А мне?» — спросил ангел, надув губки. «А ты из пробочки попьешь!» — усмехнулся демон, протягивая мне

бокал.

Я наклонилась, прикоснулась губами к чужим губам, закрывая глаза от наслаждения. Я несколько раз отрывалась, проверяя, спит ли моя жертва. Спит... Эх! Гулять, так гулять! Черт, не могу оторваться. Как представляю, что придется ждать до следующей ночи, так сразу расстраиваюсь... От наслаждения я слегка покачнулась, чувствуя, что это — лучшие мгновения моей жизни. «И худшие!» — подавился шампанским демон, роняя бокал. Стоило мне оторваться, я поймала на себе холодный взгляд. Господи, хоть бы это мне просто приснилось! «Интересно, это нежность или осуждение?» — прокашлялся демон.

— Я же дал тебе понять, что мне это не нравится, — услышала я сонный голос, чувствуя себя крайне неловко. «Попалась, которая целовалась!» — закатил глаза демон. — «Судя по взгляду, он простил бы тебе шесть трупов и окровавленный нож, который ты прячешь за спиной, а не тайный поцелуй!» Ангел всхлипывал, утирая слезы ладонью. «Сейчас веселой и находчивой все объяснят грустно и доходчиво!» — подытожил демон.

— Альберт, я не представляю себе отношений без этого! — ответила я, заворачиваясь в одеяло.

— Это — подло с твоей стороны, — услышала я сонный вздох Альберта. — Еще раз так сделаешь, мы будем спать раздельно.

— Подло? Подло с твоей стороны переносить неудачный жизненный опыт на меня, — со вздохом ответила я, вставая с кровати, беря свою одежду и наскоро одеваясь. Мой взгляд, наполненный слезами женской обиды скользил по силуэту спящего. «Офигеть! У меня такое чувство, будто мы на его глазах у сирот конфеты отнимали!» — плевался демон.

Я поймала ручку на столе, взяла свои бумаги, а потом достала из секретера ключи от своего дома. Отдельно, так отдельно. Как пожелаете, мистер Совершенство и Принципиальность! Я тоже умею быть принципиальной. Зачем ждать следующего раза?

Я молча вышла в коридор. На шум моих шагов выбежала заспанная миссис Бэнгз.

— Вы куда на ночь глядя? — спросила она, протирая глаза.

— Спать отдельно, — ответила я, положив руку на ручку двери. Свои права нужно отстаивать. Свои интересы надо защищать. Тем более, я видела, что ему приятно, когда я его глажу. И это вдвойне обидно. Я повернула ручку и закрыла за собой дверь, чувствуя, как погружаюсь в ночной сумрак и прохладу. Я быстро справилась со своим магическим замком, вошла в коридор, вдыхая запах пыли и сырости.

— Воры! — заорала бабка, гремя посудой.

— Хуже, — усмехнулась я, проводя ключом по облезлым обоям.

— Ах, это ты? Да как ты посмела вернуться! Ноги твоей не будет в доме Эрланс! — заорала бабка, но тут же ее голос стал противно вкрадчивым. — Неужели вы поругались? А? И теперь, ты как твоя тетка, приползла в отчий дом? Умолять меня на коленях простить ее?

Я поднялась по лестнице, шаря в темноте рукой в поисках дверной ручки. Волшебный свет я не стала зажигать, потому что хотелось спрятаться в темноте. Через минуту я сидела, прижавшись к холодной стене, и смотрела в никуда. «Недолго музыка играла, недолго фразер танцевал!» — мрачно усмехнулся демон. Ангел рыдал так горько, так надрывно, что мне показалось, как кто-то невидимый сжал мое сердце в кулаке. Не знаю, сколько я просидела так, но очнувшись я, когда на улице начало светать. «А ты что хотела? И так мужик со всеми удобствами попался!» — вздохнул демон. «Любимый, за что ты нас так? А?» — ангел рыдал на плече демона. — «Мы же лю...лю...бя...я!». «А ты прямо хотела олл инклюзив?» — скептически вздохнул демон. — «Где-то всегда есть подвох... И вот твой подвох! Да,

принципиальный попался! Смирись...». «Нет!» — вздохнула я. — «Если бы меня интересовали деньги, я бы смирилась. Но меня интересуют не деньги». «А если он в силу принципиальности решит, что раз ушла, то гуд бай, май лав, гуд бай?» — поинтересовался демон. Я совсем поникла, кусая губы.

Через полчаса меня накрыла волна отчаяния. Я сорвала с пальца кольцо, которое, наверное, лучше было бы оставить самому принципиальному мужчине на свете, и со злостью швырнула на пол. «А как на счет найти того, кого можно тискать?» — поинтересовался демон. — «Тискаешь одного, а представляешь другого!». «Теория придорожного чебурека?» — мрачно осведомилась я. — «Если дома не кормят, то почему бы не купить сомнительный чебурек и не съесть его на свой страх и риск? Нет!». Ангел уже выплакал все глаза.

Часы спокойно тикали. То, что в восемнадцать кажется концом великой любви, ближе к тридцатнику называется «началом серьезных отношений». Я сидела и боролась с желанием броситься на пол, чтобы найти куда закатилось «моя прелесть».

Я сползла с кровати, зажгла свет, чихая от пыли и стала шарить руками по полу. Да где же оно? Я полезла под кровать, зацепилась за какой-то гвоздь, громко ойкнув, а потом решила на всякий случай обезопасить себя от повторной встречи. Я попыталась вынуть гвоздь, но он вылетел вместе с доской. Вау! Тайник! В тайнике лежали какие-то бумаги, среди которых оказались документы на недвижимость, два каких-то кольца, причем на одном из них были какие-то узоры, один медальон с синим камнем, который заискрился в моих руках, заставив бросить его на пол, какая-то бумага с магическим кругом и два свернутых листочка. Я подошла к окну, развернула первый из них. Какие-то формулы, написанные от руки. Единственное слово, которое было мне знакомо «смерть». Хотя нет, вот тут еще написано слово «дух умершего». Все. Помимо вышеперечисленного я вытащила какие-то старинные рукописи, ветхие, как половая тряпка уборщицы старой закалки. В глубинах «тайника» был обнаружен портрет бабки, которая в молодости была очень даже ничего, и маленькое потускневшее колечко с гравировкой: «Амелия Эрланс».

«Хм...» — задумался демон, разглядывая находку. — «Интересно, а в доме еще много тайников и тайн? Интересно, призрак появился сам по себе или ему «помогли»?»

Я посмотрела на сокровища Анабель и сложила их обратно, осторожно прикрывая доской. Кольцо Альберта я нашла под столом. Часы пробили шесть утра.

«Может, поспим ради приличия?» — предложил демон, зевая и подтягиваясь.

«Перехотелось!» — вздохнула я, отряхивая платье от пыли и доставая заначку в виде почерствшего печенья. Вприкуску с чаем было вполне съедобно. Стоило допить чай, как меня сразу потянуло в сон. Пospав пару часов, я проснулась с хорошим настроением, которое тут же испортилось, когда я поняла, где я и почему.

Я потащила в редакцию, чтобы сдать статью и получить за нее уже вполне нескромное вознаграждение.

— У нас тут целый выпуск посвящен Лечебнице. Жалобы просто хлынули к нам. Но я оставил для тебя кусочек. Напиши что-нибудь... Я даже не знаю... Ну, например, про состояние дорог? Как тебе такая тема? Или про то, что в первой секторали разбили стекло в магазине «Магические Новинки». Тоже отличная тема. Или про то, как благополучно отремонтировали канализацию под Академией! — вздохнул редактор, перебирая письма читателей. — Подумай, я уверен, что ты найдешь повод.

«А про то, как котенка с дерева снимали, писать не надо?» — возмутился демон. «Ага,

и преподнести это как спасение населения от глобальной катастрофы всемирного масштаба!» — скривилась я. — «Дожили! Писать не о чем!». «Это значит, что все хорошо!» — обрадовался ангел и тут же его лицо омрачилось, — «А то мы как стервятники!». «А ты про котенка подумай! Представляешь новый анекдот? Маги, когда снимали котенка с дерева, сожгли половину квартала, включая дерево и кота. Альберту достаточно было бы одного взгляда, чтобы кот не просто сам слез с дерева, но еще и извинился перед каждым за причиненные неудобства!». «Спасибо, что напомнил!» — огрызнулась я, пытаюсь поймать падающее настроение.

Я сидела на лавочке и смотрела, как мимо меня проходили люди. При виде черных плащей инквизиции, я стиснула зубы. «Я уверен, что он рассуждает просто. Куда ты денешься от него с подводной лодки?» — усмехнулся демон, провожая взглядом патруль. «Как куда?» — вздохнула я. — «В открытое море! Просочусь в канализацию! Эх! Напишу-ка я про ремонт канализации под Академией!»

Доковыляв до Академии, где было на редкость тихо и спокойно, я вежливо поздоровалась с вахтершей. Ее взгляд напоминал мне бультерьера, готового в любой момент сорваться с цепи и броситься на меня явно не с целью облизать с ног до головы.

— Я хочу написать статью про ремонт канализации. Есть какая-нибудь информация? И посмотреть бы на этот ремонт... — вздохнула я, подавляя зевок. — Хотя бы одним глазком.

У меня такое чувство, словно я в святая-святых попросилась! Не к трубам и фекалиям, а к древним артефактам и утерянным записям. Пока половина Академии выясняла, кто главным по какашкам, где он сейчас и сможет ли он провести мне персональную экскурсию, я терпеливо ждала. В итоге какой-то маг, молча потащился мне показывать результат. Мы спустились в сумрачный подвал, откуда веяло сыростью и прохладой. Бесконечный спуск закончился дверью, которую мне любезно открыли. Я увидела мрачное подземелье, освещенное редкими проблесками магических кристаллов. Где-то отчетливо слышался звук капающей воды.

— Мы отремонтировали трубы, поставили новые краны, клапаны и вентили, сделали освещение, — зевая ответил маг, поигрывая ключом.

Я делала пометки. «Клапаны, вентили... освещение...»

— Заметьте, все сделано на совесть! — вздохнул маг, нетерпеливо поигрывая ключами, мол, быстрее можно? «По любому что-то здесь не чисто!» — усмехнулся демон, глядя на главного по фекалиям. — «Ну не может такого быть, что все исправилось и стали работать, как надо!». «Нет, ну а вдруг?» — вздохнула я, разглядывая влажные стены. «Смотри выше!» — заметил демон. Я подняла голову на потолок и увидела, что он просто в безобразном состоянии.

— А потолки? — спросила я, задирая голову. — Разве это нормально, когда на голову капает? Я боюсь, как бы он не обрушился внезапно на голову!

— Нормальные потолки! — возмущился завхоз. — Чего вы придираетесь? Они прослужили пятьсот лет и еще столько же прослужат! Кто не придет, все придираются к потолкам! Вчерашняя комиссия тоже, когда принимала, начала «потолки-потолки»! Отойдите подальше и смотрите!

У него из пальцев вырвалось заклинание и ударило в потолок. Ничего не произошло.

— Вот видите! — вздохнул маг. — Пойдемте наверх! Посмотрели и хва...

Я услышала странный звук, будто рядом упал увесистый камень. Через секунду я поняла, что это — обвал. Бежать к двери не было смысла, потому, что там был настоящий

камнепад. Маг успел телепортироваться. Я бросилась к стене, прижалась к ней, прикрывая голову руками. Ой! Больно-то как! Прямо по руке попал камушек... Оглушительный грохот напугал меня. Я поползла вдоль стены, чувствуя, как рядом падают камни. Все стихло. Я открыла глаза, радуясь, что выжила. Там, где только что была отсыревшая дверь, был настоящий завал, причем такой огромный, что сразу же запахло... разорванными трубами. «Шир-мыр, тяп-ляп! Справились!» — предложил заголовок демон. — «Плевали, мазали, белили!»

Один огромный камень упал мне на подол платья, намертво прижимая его к полу. Пришлось оторвать кусок подола, чтобы освободиться. «Повезло!» — вздохнул ангел. «Да как сказать?» — усмехнулся демон. Сначала я была полна оптимизма. Завал показался мне не таким уж и большим. Я ловко стала отбрасывать в сторону мелкие камни, но под ними были крупные... Я попыталась покричать, но бесполезно. Гулкое эхо уносило мой голос в темный туннель. Я просидела на камне около часа, вдыхая миазмы, думая, как одним словом емко и лаконично охарактеризовать сложившуюся ситуацию. Взобравшись вверх по завалу, я отковыряла при помощи своего карманного ножичка кристаллы — светильники. Двух вполне достаточно. Плюнув на все, я двинулась по коридору, в надежде, что если есть вход, то где-то есть и выход. Несколько раз мне попадались металлические лестницы, ведущие куда-то вверх, но допрыгнуть до них я не сумела.

«А теперь определи, какая из них куда ведет! Вдруг в мужской туалет? А там сидит какой-нибудь престарелый профессор магии с чьей-то диссертацией в руках, оценивая научную новизну темы соискателя, прикидывая на каком листе лучше оставить рецензию!» — усмехнулся демон. «Ты, конечно, ха-ха, но мне уже не смешно!» — заметила я, пытаясь подпрыгнуть и уцепиться за лестницу. Я лишь едва соприкоснулась в прыжке с мокрой ржавой перекладиной. Ладно, пойдем дальше.

Мимо меня прошмыгнула светящаяся зеленая крыса размером с собаку. «Мой любимый цвет! Мой любимый размер!» — вздохнул демон. Я села передохнуть на развилке с опаской, глядя в темноту двух одинаковых туннелей. «Я бы пошел направо!» — встрепнулся ангел. «А я — налево!» — ответил демон. «А я пока посижу! Сомневаюсь, что все маги дружно бросились на мои поиски. Что-то мне подсказывает, что они вздохнули с облегчением!» — усмехнулась я, расправляя пыльное и рваное платье.

Глава двадцатая... годами корпишь над научным открытием, вдруг узнаешь, что дилетант его сделал за день! За день до тебя

Если крадешь у одного — это плагиат,
если у многих — это исследование.

Я сидела на перекрёстке двух темных дорог и усмехалась своим мыслям. Можно, конечно, терпеливо ждать «а вдруг все изменится?» или «а вдруг все станет лучше?». Ага, внезапно. Внезапно бывают только полосочки на тесте. То, что я не оставила ему кольцо это означает то, что я готова вернуться, а то, что я ушла — это молчаливый протест против принципиального «спать раздельно». Все предельно ясно. Можно засунуть в руки свечку и молча плыть трупиком Офелии по течению совместной жизни, по принципу «ТСС» — терпеть, страдать, соглашаться, но я уже побывала «терпилой». Именно поиски компромисса и умение отстаивать свои интересы, учитывая интересы другого — вот основа серьезных отношений. Скандалы, истерики, обиды и слезы приносят только видимость результата, но не сам результат. Хватит, я уже сходила замуж для «галочки». Галина Викторовна, моя мама, была счастлива. «Как у всех!». «Терпи!». «Я же всю жизнь терпела, вот и ты терпи!». «А кто должен мыть за собой кружку? Ты должна мыть за всеми! Это — твоя святая обязанность! Твой муж устал на работе!». «А ничего, что я тоже работаю? И я — основной бюджетобразующий член семьи?». «Я всю жизнь на двух работах горбатилась! И тебя тянула, и отца твоего непутевого и гулящего! И готовила, и стирала, и убирала!». Эти и другие этюды в исполнении моей мамы я слушала целый год. Так что мужик — домашнее животное в моей семье это — норма! Нормальный мужик — патология, требующая срочной «утилизации»! И знаете, если бы не мысль о том, что в моем мире меня уже похоронили, я была бы счастлива. Жить без подсказок и «у меня же опыта побольше твоего! Я всю жизнь с козлом прожила! Смотри и учись!», — это чудесно. Воистину.

«Ага, еще скажи, что очередные твои неприятности — это повод для Альберта переосмыслить ваши отношения и согласится на твои условия!» — усмехнулся демон. — «Попереживает, согласится на все, а того и глядишь, распробует! Прямо как ты и оливки. Кушать было нечего, пошла на компромисс с желудком, достала завалявшуюся, но так и не использованную на празднике, банку оливок, которые на дух не переваривала, открыла, скривилась, съела пару штук, а потом...ой! А ведь вкусно!».

— Почти уговорил! — усмехнулась я, глядя на левый проход. Мой голос отдался гулким эхом под сводами подземелья и разнесся темными коридорами. Я — не полуфабрикат, из которого можно слепить все, что угодно. Я — готовый продукт. Не нравится — выплюньте.

«Ой, мамочки! Я темноты боюсь!» — икнул ангел. — «Особенно, когда ты лежишь, а в ней что-то клацает и шуршит!». Демон закатил глаза. «Слушай, пернатый, мужик ты или как? Я вот смотрю на тебя и думаю, чего ты ноешь, как девчонка?». Ангел помялся, ковыряя пальчиком надгробие совести. Они когда-то были закадычными друзьями.

• посидела еще немного, обдумывая сложившуюся ситуацию. Я спокойно отреагировала на то, что ему не нравятся прикосновения, но фраза «спать раздельно» пахла принципом. А на жестких принципах отношений не построишь. Скажу честно, я была бы рада просто посидеть и поговорить на эту тему, но раз один идет на принцип, другой

автоматически идет нафиг. Так вот, «нафиг» я уже год ходила как на работу. Поверьте, там нет ничего интересного. Там есть отель «Обида», с видом на море Разочарования, впадающего в океан Сомнений. А из пены морской, словно Афродита, каждый раз рождаются извечные комплексы.

Я поочередно осветила оба туннеля. Левый или правый. «Направо иди!» — взмолился ангел. — «Я точно уверен!».

Я вздохнула и пошла направо. Слабый свет, который просачивался сквозь мои пальцы, освещал старые стены. Где-то капала вода. Я прислушалась. Ничего подозрительного. Мой путь в темноте продолжался. Я даже наткнулась на лестницу, ведущую вверх. Вздравшись по ней, я уперлась в закрытый с той стороны люк.

«Интересно, Альберт уже в курсе?» — спросил ангел, сильно переживая. «Судя по отношению магов, он будет в курсе только в том случае, если кому-то из инквизиции приспичит в туалет недалеко от Академии, а там табличка «Снова закрыто на ремонт!»» — усмехнулся демон. — «Не переживай. С твоего похищения наверняка еще остались листовки!»

Так! Мне кажется, или я здесь уже была? Снова два коридора. Теперь куда? Направо или налево?

— Налево! — осмелел ангел, удивляясь тому, что впервые в жизни я слушаю его советы. По стенам текла какая-то странная жидкость ярко голубого цвета. Следом за ней была радужная... Такое чувство, что все реагенты Академия сливает в унитаз.

Однажды я свернула в какой-то странный тупик, где лежало... Фу! Тело! Правда, от него мало что осталось. Одежда и кости... Я присмотрелась. Остатки одежды напоминали форму студентов Академии. Я даже разглядела пришитый к груди герб. В руках скелета была сжаты какие-то бумаги, на груди висел молочно-белый кристалл телепортации, а на черепушке, украшенной темными волосами, были круглые очки. Я осторожно, морщась от брезгливости, сняла с шеи скелета кристалл. Голова отвалилась и покатила мне под ноги!

Я подпрыгнула, задирая юбку. Мама! Фу! «Ура! Гарри Поттер нашел свою тайную комнату!» — усмехнулся демон. — «А в руках у него, надо думать, седьмая книга?». Я осторожно присела на корточки и потянула из мертвых пальцев бумаги.

Винсент Чейз. Студент второго курса. Тема курсовой: «Принципы работы заклинания телепортации на примере подземных коммуникаций и внетелепортационной зоны». Научный руководитель: проф. Арнольд Беррингтон. Куратор: Грег Иван. Оглавление.

Заклинание перемещения, как основа жизни каждого мага. Принципы работы кристалла телепортации. Основные приемы для мгновенного переноса. Работа заклинания телепортации в... зачеркнуто... подземелье. Работа заклинания телепортации вне города. Знак вопроса. Я еще не придумал...

Я села неподалеку и стала внимательно читать, подсвечивая себе кристаллами. Некоторые слова поплыли, но написано было вполне разборчиво. «Плохо гореть будет. Вода-водой!» — вздохнул демон, глядя на перечеркнутый явно чужой рукой абзац. «Тема не раскрыта!!! Где практическая часть???» — гласила запись на полях, написанная другим почерком. «Вот она, практика!» — кивнул демон в сторону трупа. — «Тяжело в учении — легко в бою!». Я присмотрелась, а рядом с телом лежали косточки каких-то зверьков. Бедный Винсент Чейз мужественно отбивался от крыс. «Главное, что курсовую защитил!» — усмехнулся демон. — «А остальное — пустяки, дело житейское! Кстати, это считается защитой курсовой или назначат пересдачу?».

Я вчитывалась в каждую строчку, в надежде, что у меня теперь есть кристалл, который поможет мне выбраться отсюда. Не думаю, что все плохо. Вдруг я — маг? Вдруг у меня есть способности? Скрытые, например. Через пять минут я нашла нужный листок с унылой теорией.

Я встала, надела на шею кристалл, сосредоточилась на месте, куда я хочу попасть, произнесла какую-то формулу, глядя на кристалл. Он едва заметно мигнул и... и ничего! «Для попадания необходимы магические координаты, которые высчитываются по формуле... Так, это понятно... Формула... Приблизительные координаты Академии.. Отлично, сейчас попробуем! Опять? Мигнул и погас, прямо как фонарик в фильме ужасов перед встречей с «ой, мамочки, бегите!». «Из этого следует вывод, что подземелье — зона, в которой телепортация невозможна. (Кристалл работает на входе... Я проверил!). Дальше на полях была перечеркнутая заметка «Эва Саммерс... Я тебя люблю!». «Передумал Ветреник!» — сардонически улыбнулся демон. — «Вставай, чего расселись!» Валить отсюда надо! Давай попробуем вернуться к завалу и там попробовать!»

Вернуться не удалось. Стоило мне шагнуть в сторону левого туннеля, как в ней загорелись огоньки. «Елочка, зажгись!» — обрадовался ангел, хлопая в ладошки. «Дура, берегись!» — заорал демон. На меня бросились разноцветные, как китайские носки, крысы размером с упитанных кошек. Я дернула назад, добежала до ржавой лестницы, влетела под самый люк, стукнувшись головой, сжимая кристаллы в зубах. Я провисела так достаточно долго, ожидая, пока крысы уйдут. Крысы подумали, посоветовались между собой и разошлись. «Не дождетесь!» — плюнула я им вслед.

Я провисела на лестнице до тех пор, пока пальцы не стали отваливаться от усталости. Осторожно спустившись, я обнаружила, что крысы действительно ушли. Я тихонько пошла дальше, петляя коридорами и наугад выбирая направление. Честно, я уже сильно устала. Настолько, что готова рухнуть на пол и провалиться в сон. «Давай-давай! Не хватало еще сдохнуть на радость доброжелателям!» — подбадривал демон. «Давай-давай!» — взмолился ангел. — «Ради Альберта!» Я дошла до ржавой решетки, в которую протиснулась на выдохе, оставляя часть пуговиц на полу. Постепенно становилось все светлее и светлее. Запахдохлятины, преследующий меня с того момента, как я снова свернула на одном повороте направо, сменился чем-то свежим. Еще одна решетка. Поворот и... в лицо мне ударил яркий луч заходящего солнца. И чем это так приятно пахнет? Морем! Не может быть!

Город стоял на скале, а я очутилась на пустынной отмели. Город снизу казался огромным. Монументальные стены, шпиль здания правительства. Интересно, как он уцелел? Я пошла по гальке и вышла на старую, заросшую дорогу. Я пошла по дороге. На моем пути попадались и хрустели под ногами ракушки и камни с засохшими водорослями. Дорога уходила в море. На возвышенности шелестели деревья, росла трава, и красовались поросшие мхом и лишайником фундаменты разрушенных строений.

Я стояла на брусчатке, уходящей в сине-зеленую пучину, и видела на камнях какие-то отметки. Вода действительно отступает, отдавая людям сушу. «В час по чайной ложке!» — мрачно заметил демон, глядя на пометки. «По три метра в год!» — обрадовался ангел. «Хочешь, я с трех попыток угадаю, кто автор этой катастрофы?» — ядовито поинтересовался демон. — «Даже учебник истории открывать не буду!». Я присела на камень, чувствуя, как морской ветер треплет мои волосы. Закатное солнце растворялось в море, расплываясь багровым всполохами.

«Ой! А давай искупаемся!» — обрадовался ангел. — «Водичка, поди, тепленькая!»

Я подошла и погладила воду, стряхивая брызги с пальцев. Да, не холодная. И тут мне на глаза попался облизанная морскими волнами пластушка. Соблазн велик. Я взяла камушек, прицелилась и пустила его по волнам. Раз.... Два... Ой мамаче захрень!

Я упала от неожиданности и поползла на четвереньках подальше от воды. Нечто огромное, зубастое вынырнуло из пучины недалеко от берега в том месте, где камень соприкоснулся с водой в третий раз.

«И как водичка?» — поинтересовался демон, когда из воды на меня уставились два желтых глаза. «Если бы я зашла, была бы уже тепленькой!» — икнула я, глядя как тварь пошла на погружение. «Какой гостеприимный мир!» — восхитился демон. — «У страха глаза велики!». «И слабый мочевого пузырь!» — ответила я, прикидывая, не выползает ли эта тварь на сушу?

Я пошла обратно по дороге, глядя на руины вокруг. Через час мне стали попадаться поля, над которыми висели тучки, периодически поливая их дождем. Набрав немного воды в ладони, я с радостью утолила жажду. Под ложечкой сосало, и я стала прикидывать, что здесь есть знакомо-съедобное. Передо мной простиралось поле с овощами, смахивающими на синие помидоры. Такие же мясистые и сочные. Прикинув, что я их уже однажды ела, помолившись всем известным богам, я стала обдирать будущий урожай. Такое чувство в ведре черешни поселилась маленькая, но очень прожорливая гусеница. «Если что потом скажем, что все сожрал долгоносик!» — предложил демон. — «Большой, голодный долгоносик! Ешь, не стесняйся! Все в колхозе — общее, все вокруг — мое!». И тут я увидела черный плащ и маску. Инквизиция! Я закричала, размахивая руками и бросаясь навстречу. Ха! Это — всего лишь пугало в костюме инквизиции. Кто-то из агромагов развлекался.

— Эй! — крикнула я, оглядываясь по сторонам. Тишина. Я поднималась по разбитой дороге, перелезая через облепленные ракушками валуны. Под конец своего восхождения, я увидела то, что повергло меня в крайнюю степень уныния. Я увидела, что дорога упирается в стену. В шестиметровую монументальную стену. На стене остались следы воды. Засохшие остатки чего-то похожего на кораллы, свидетельствовали о том, что город боролся за свою жизнь до последнего. И некогда вода доходила аж до сюда. Да, без магии город пал бы. Магия нужна этому миру.

Я стала спускаться вниз, чувствуя, как холодает. Дойдя до пугала, я его раздела, мурлыкая эротическую мелодию идеально подходящую для мужского стриптиза и закуталась в черный плащ. «Вот, а ты мечтала померять форму инквизиции! Мечты сбываются!» — усмехнулся демон. Прикола ради, я померяла старую маску. Я попробовала телепортироваться в город, но у меня ничего не вышло. Кристалл на шее засветился и потух. Прислонившись спиной к какой-то полуразрушенной стене, я усиленно читала и перечитывала чужую курсовую. Укрывшись плащом, свернувшись клубочком, я уснула на прямо на траве, спрятавшись от ветра в руинах старого дома. Проснулась я, когда солнце было уже в зените.

Итак, что мы имеем? Завтрак — на поле, вода в ладошках. С добрым утром! На основании сомнительной библиографии и корявой курсовой, мы имеем следующее. Телепортация, будь она не ладна, бывает локальной и глобальной. Координаты для локального перемещения рассчитываются по формуле... ой, мамочки, убейте меня сразу... «Гуманитарием родилась, гуманитарием и умрешь!» — заметил демон, пока я чавкала «помидором».

Я взяла палочку и стала выводить на песке формулу, подставляя в нее приведенные в

примере значения. Полученный результат нужно вставить в заклинание телепортации. Получилась фигня какая-то.

К вечеру я знала курсовую так, что у меня от зубов отлетало! Заклинание телепортации доступно даже немагам, чем активно пользуется инквизиция. Странные символы на некоторых зданиях обозначают координаты. Телепортация в чужие дома запрещена законом. Почти во всех зданиях стоит запрет на телепортацию в виде антителипортатора. Так что попасть в чужой дом при помощи заклинания переноса — невозможно. Я хныкала, топала ногой, наворачивала круги вокруг своих расчетов, сидела в тени дерева, снова перерабатывая чужую курсовую, в надежде, что Винсент Чейз был не таким уж и двоечником.

Все упиралось в координаты. «Учти, мир большой, ошибнуться — раз плюнуть!» — вздохнул демон, глядя на ангела, который лежал с примочкой на лбу и ныл, что у него болит голова. Я нашла координаты Академии, но в формуле была еще какая-то «С», про которую ничего сказано не было! Стоп! Сектораль! В какой секторали находится Академия? Вторая сектораль. Что ж, вполне логично. Я быстро стерла свои записи и стала писать заново. Получилось что-то отдаленное похожее на ответ. «Если любить, то королеву. Если украсть, то миллион!» — кивнул демон. — «Дерзай! Другого выхода нет!»

Я мысленно попрощалась с ма-а-аленьким, но несправедливым миром, отдельно и, к сожалению, заочно, с Альбертом, чувствуя, как в горле встал горячий и не проглатываемый ком. «Прощай, Альберт!» — я шмыгнула носом, бросая палочку на песок. — «Ты единственный, кого мне будет не хватать. Я действительно влюбилась в тебя!». «Ага, с первого его испепеляющего взгляда!» — вздохнул демон, беря ангела за руку.

Я сжала кристалл и произнесла формулу с ответом, который у меня получился после долгих мучений, и зажмурилась. Внезапно я чебурахнулась на крышу какого-то дома, скатилась по ней, зацепилась плащом, потом ухватившись руками за водосток, оторвав его и достаточно жестко приземлившись на брусчатку. Могло быть и хуже.

Было темно, знакомые фонари горели, освещая незнакомый переулок. Я бросилась по переулку, пытаюсь сориентироваться, где я? Сердце в груди радостно колотилось. Выкусите, злопыхатели! Спасибо тебе, Винсент Чейз! Если бы не ты, я бы пропала. Так... Это куда меня занесло? Вторая сектораль! Я бросилась по улице, добежала до портала, ведущего на шестую сектораль. Я пересекла знакомую площадь. Мой дом был закрыт на замок. Я пошарила в кармане, но там не было ничего, кроме ручки. Ключ я где-то посеяла. В доме Альберта тоже было темно. Я постучалась. Никто мне не открыл.

«А вы не ждали нас, а мы приперлись!» — усмехнулся демон, откачивая впечатлительного ангела. — «Мы будем сидеть под дверью и ждать, как верная собачка или поправу... Так стоп! Знакомая листовочка! Пропала Анабель Эрланс! Альберт запасливый. У типографии снова был оптовый покупатель! Вау! Тариф тот же! Чувствую, что у него уже есть скидка!». Ангел пришел в себя и осмотрелся по сторонам, выдыхая с облегчением. «Что-то часто у вас пропадает невеста... У вас точно все хорошо?» — съехидничал демон. — «Ой! Не обращайтесь внимания! Это мы конкурс свадебный репетируем! «Укради невесту» называется! Прикинь, гости уносят тебя, а Альберт вместо того, чтобы стихи рассказывать, приседать с огурцом во рту и стаканом водки на вытянутой руке, устраивает обыск, расклеивает листовки и допрашивает свидетелей!» Я сразу представила классическую свадьбу с тамадой и свидетелями, только невеста сидит рядом с женихом, прикованная к нему наручником. «Я хочу посмотреть на того смертника, кто рискнет украсть невесту на свадьбе канцлера от инквизиции!» — обрадовался ангел, вспоминая как нас воровали при

первом бракосочетании, устроенном, чтобы «все, как у людей!». «А лучше бы не нашли, честное слово! Представь себе нашу вторую свадьбу! Ой! А невесту-то украли! Наш жених должен ее отыскать!» — потер лапки демон. — «Я знаю, чем закончится конкурс. «Пять лет тюрьмы. Каждому, кто участвовал в похищении. Свидетелям — три года. Условно! Не будем портить праздник!» И фирменный прожигающий взгляд!»

Из урны торчала свернутая горькая, и мокрая на ощупь, правда. Пробежав глазами первую страницу, я с удивлением обнаружила, что поиски меня привели поисково — спасательную экспедицию в Академию, где накануне произошел обвал. В моем почтовом ящике торчали знакомые письма от похоронных бюро. Я же сказала, что не дождетесь!

Нацепив маску и поправив плащ, я устремилась в Академию. Мне же самой интересно посмотреть, как продвигаются мои поиски? Поскольку на мне был плащ и маска, меня пропустили сквозь оцепление без вопросов. Стол вахтерши был задвинут в угол, а вместо него расположился целый штаб.

— Нашли! — заорал кто-то из инквизиции, появляясь в центре. — Посмотрите, Ваша Милость, это ее?

Я забилась в угол, боясь даже шелохнуться.

В полумраке зала Альберт стоял в полном облачении ко мне спиной, сжимая в руках ручку и бумагу. Ему протянули остатки моей юбки.

— Да, это ее платье... Я сам покупал его... — услышала я тихий голос из-под маски. — Темно-синее с узором. Кроме платья что-то есть?

— Оно торчало из-под огромного валуна, — услышала я тихий голос инквизитора, вернувшегося из подземелья. Он отошел в сторону, а потом негромко спросил. — Продолжать поиски? Мы попробуем осторожно раздробить булыжник и посмотреть... Не хотелось бы рисковать... Возможен повторный обвал....

В тишине я услышала щелчок ручки. Сломанная ручка упала на пол.

— Сколько можно тут торчать? У меня, как будто своих дел нет! Почему я должен тут дежурить? — закатил глаза усатый маг средних лет в темно зеленом камзоле с красивым узором, расхаживая вдоль стендов, скрестив руки на груди. — У единственного журналиста, который копал под магию сейчас полный завал... Ирония судьбы...

Гулкая тишина была нарушена шагами. Я видела, как меняется лицо мага по мере приближения инквизитора. Альберт снял свою маску и бросил ее на пол. Я видела его со спины, но понимала, что ничего хорошего этот жест не предвещает.

— Чего вы смотрите на меня? — нервно усмехнулся маг, глядя на Альберта. — Я всего лишь сказал правду. Нам всем очень жаль. Примите мои самые глубочайшие соболезнования, многоуважаемый канцлер. Если бы вы не урезали смету, мы бы починили потолок. Кто бы мог подумать, что все так обернется?

Договорить он не успел, как тут же в тишине раздалась звонкая пощечина. Причем пощечина была такой силы, что маг едва удержал равновесие, покачнулся и едва устоял на ногах.

— Соболезнования приняты, — услышала я глухой голос Альберта. Никто не вмешался. Маг стоял, прижимая руку к щеке. — Я потом пришлю письменные извинения за свое неподобающее поведение.

Мне уже было страшно подходить к нему. Маг попытался что-то возразить.

— Заткнись, Френсис! Еще раз рот откроешь, и я вспомню, кто составлял смету на ремонт! — услышала я мрачный голос Освальда, который шел по направлению к Альберту,

сдувая волосы с лица.

— А я вспомню, кто ее подписывал! — усмехнулся нервный сметчик, прикладывая руку к щеке. — И вообще, нечего было торопить! Быстрее-быстрее! Вот вам ваше «быстрее»! Вечно крайних ищите!

— Альберт... — позвала я, дергаясь вперед и снимая маску. — Я жива, все в порядке...

Через пару мгновений я стояла на цыпочках, прижавшись к нему.

— Так действительно был завал... Но мне повезло... Я только что выбралась... — всхлипывала я, показывая порванную юбку. — А еще там разноцветные крысы... Большие такие... Размером с собаку... И... сейчас достану... У меня просто в рукаве... Вот... Смотри, что я нашла... Там тело... Студента... Винсента Чейза... А еще я видела... море... И дорогу... уходящую прямо под воду...

Меня обнимали молча, сдавив меня так, что у меня заныли ребра.

— Ну, слава Арадалу! — закатил глаза Освальд. У всех резко отлегло. — Ладно, завал теперь разбирать не к спеху. Расходимся. Проконтролируйте, чтобы дальше не обрушилось... Хотя нет, я сам проконтролирую!

Через час я сидела в одеяле на диване, пила чай и делилась подробностями, как меня угораздило. Я рассказала, как считала формулу, показала кристалл и курсовую бедного студента. Альберт сидел и молча все это слушал, опустив голову и закрыв глаза.

«Сидит сейчас мужик и думает, за что ж ему такое наказание? Где же он так в жизни-то накосячил, что судьба ниспослала ему тебя!» — усмехнулся демон, встряхивающий барахлящий последнее время «сканер эмоций».

После того, как я закончила свой, несомненно, увлекательный рассказ, я услышала только одно:

— Иди сюда.

Прозвучало это, скажем так, не сильно оптимистично. И как-то совсем не романтично...

— Я сказал, подойди сюда.

«Напомни, как правильно пишется «Завищание» или «Зовищание». А может, просто быстренько накатать предсмертную записку?» — тоскливо спросил демон, доставая бланк. — «В моей смерти прошу винить шило в одном месте, невезение и издержки профессии!»

Я встала и сделала несколько неуверенных шагов навстречу протянутой руке. Мне сейчас действительно страшно.

— Бери ручку, — вздохнул Альберт, кладя на стол бумагу и ручку. — Пиши формулу, по какой ты считала.

Я сверилась с курсовой и стала ваять, поглядывая на инквизитора. Чертыхаясь, я стала подставлять значения, перекручивая формулу так, чтобы получить что-то отдаленно напоминающее ответ. Закончив расчеты в столбик, и подгоняя значения, я дрожащей рукой предъявила результат Альберту. Тот стянул со стола очки, откинул голову и взял листок, глядя на мои корявые расчеты. Я опустила голову, сжала руки между коленями и нервно задергала ногами.

— Это бред, — задумчиво ответил Альберт, делая пометки на полях. — Так считать нельзя! Это — неправильно!

— Альберт, ну я же здесь? Я видела дорогу, уходящую в море с пометками, видела поля с дождиком, руины... — ответила я, чувствуя, что только что сделала что-то очень плохое.

— Ты понимаешь, что это — невозможно. Телепортация за город и обратно перекрыта! Мною лично! Для того, чтобы попасть за город, мы пользуемся другим способом! — произнес Альберт, разглядывая формулу. — Как можно просто взять и переставить значения? Что это значит? Почему ты умножаешь? Тут же делить надо! И откуда взялась вот эта цифра? Откуда? Я не понимаю твоей логики!

— Мне было так удобней считать! Я могу показать! Защитить, так сказать, мои ненаучные изыскания на практике! — возмутилась я, обижаясь и отворачиваясь. — Вот эту циферку я подставила отсюда, здесь взяла какой-то коэффициент из примера, а вот эту я придумала сама! Точнее, я подумала, что это «С» — обозначает «сектораль». Ну на «с» же?

— Вообще-то «С» — это не сектораль... Это значение из специальной таблицы. «С» — это синергия, — услышала я глухой голос, преисполненный ужаса. — И вообще, такой формулы, по которой ты считала НЕТ!

«Будет! Посмотри в глаза человеку, который четыре года официально сидел за партой, а потом учился самостоятельно. Посмотри и скажи ему, что ты за день, методом проб и ошибок, пусть коряво, но решила задачу века!» — демон, почесал грудь, в надежде, что на нее сразу же присобачат орден или медальку.

— Просто мне очень хотелось тебя увидеть... — вздохнула я, пряча глаза.

— Увидела? — заметил Альберт, откладывая мой листок и снимая очки. — И что ты собиралась сделать, когда увидишь?

— Попросить прощения за то, что заставила поволноваться, — смиренно ответила я.

— Я не виновата в том, что произошло, но... почему-то чувствую себя виноватой...

— И все? — спросил Альберт. — Просто попросить прощения? Больше тебе ничего не хотелось?

— Хотелось... — вздохнула я, понимая, что в данный момент меня смущает его тон.

— И чего же тебе хотелось? — спросил инквизитор, откидываясь на спинку дивана, глядя на меня своим холодным взглядом. «У меня такое чувство, что где-то у него в голове стоит галочка по умолчанию в категории взгляд: «презрение и осуждение»!»

— мрачно заметил демон.

— Не буду врать. Мне хотелось поцеловать тебя, обнять тебя, погладить по щеке... С любовью.... - тихо — тихо ответила я, поднимая глаза.

— И? — Альберт поднял брови.

«Попробуй!» — взмолился ангел. Я опасливо приблизилась к чужим губам, сглатывая и готовая в любой момент отдернуться. Наши губы соприкоснулись. Я осторожно, стала целовать. Коктейль из пережитого ужаса, волнения от непредсказуемой реакции и нежности растекался горячей волной по моему телу. Я осмелела, положила руку на щеку «жертвы», не отрываясь от губ. «Перед смертью не нацелуешься!» — вздохнул демон. Я уже перебралась на его колени, обнимая мою «жертву» за шею и гладя его затылок. Я целовала его скулы, шею, нежно поглаживая пальцами лицо и просто умирая от восторга.

— Я люблю тебя... — прошептала я, снова целуя губы и пропуская его волосы сквозь свои дрожащие пальцы. — Я люблю тебя... Люблю... Все, теперь я умру счастливой... Сейчас, еще поцелую, и можешь убивать меня...

«Закончила? А теперь убирайся вон!» — заметил демон, подражая голосу Альберта.

— «Ты меня скоро в могилу загонишь! У меня в столе стоит пузырек успокоительного, о существовании которого я узнал, как только познакомился с тобой! В час по чайной ложке... Натощак...»

Я прикоснулась к полуоткрытым губам, обнимая крепко — крепко, и чувствуя, как после слов демона у меня по щекам потекли слезы. С сожалением я отстранилась, но тут же мне на щеку легла теплая рука, осторожно проводя пальцами по мокрым дорожкам, оставленным горячими слезами. Комок в горле проглатываться упорно не хотел. Я напряглась, пытаюсь проглотить его снова.

Меня прижали к груди, положили мне на макушку подбородок и обняли двумя руками. Мы долго сидели молча в тишине и полумраке. Я вздрагивала, пытаюсь, как налоговый инспектор, закрыть завод «Сопли и слезы», так лихо наладившего производство основной продукции в неподходящий момент.

— Тише... — услышала я то, что воодушевило завод стать передовиком производства и выдать месячную норму продукции на-гора. — Чего ты?

— Ты смотрел на меня так, словно вот-вот задушишь голыми руками... — всхлипнула я, украдкой вытирая слезы о чужой рукав.

— Я смотрел на тебя со всей любовью, на которую вообще способен, — я почувствовала, как грудь, к которой меня прислоняла рука, осторожно поглаживающая мои волосы, поднялась вверх и опустилась с тяжелым вздохом. «Дешифратор! Срочно!» — орал демон. — «Мы тут чуть кирпичи не отложили, а на нас, оказывается, с любо-о-овью смотрели!»

— Почему тебе не нравится, когда тебя обнимают и целуют? — спросила я, слегка отстраняясь.

— Я не хочу это объяснять, — услышала я. — У меня это с детства вызывает раздражение. Даже, когда мать пыталась меня обнять, мне это было неприятно.

— Но мне же можно будет это делать? — спросила я, утирая слезы. — Иногда... Мы можем выделить день, когда мне можно будет это делать. Я буду ждать его, как праздника... Как на счет одного дня в неделю?

«Ура! День обнимашек!» — противно-веселым голоском воскликнул демон, а потом тут же мрачно добавил, — «Только не это! Обнимашки по расписанию, завтрак по часам. На очереди по расписанию у нас....». Ангел уже составлял расписание, прикидывая, сколько дней можно потерпеть.

— Посмотрим на твое поведение, — усмехнулся Альберт.

— Ах так? — возмутилась я, пытаюсь вырваться и встать. — Ну тогда я пошла! У меня дома бабке орать не на кого!

— Куда! Я что разрешил тебе уходить? — строго заметил Альберт, разглядывая мою руку. — Где кольцо?

— Дома, на столе... — смутилась я, пряча руку. — Я его не потеряла, не переживай. Я его завтра надену.

Честно, я не помню, куда его дела. Были предположения, что оно на столе, но в то же время были и подозрения, что его там нет.

Альберт пересадил меня на диван, встал, подошел к секретеру, отодвинул ящик и достал точно такое же кольцо.

— Ты что? — прокашлялась я, глядя как мне молча водружают на палец мое кольцо.

— Был у меня дома?

— Еще чего. Просто у меня есть запасное. На случай, если ты потеряешь предыдущее, — услышала я абсолютно спокойный ответ. Альберт молча снял с меня амулет телепортации, спрятал его в карман. Курсовую и мои записи он аккуратно сложил на столе.

«Акция! Потеряй два одинаковых кольца и получи «по шее» в подарок! Второе «по шее» бесплатно! Для постоянной клиентки на «по шее» скидка!» — обрадовался демон.

Глава двадцать первая... женская логика — испытание для мужской психики

Женская логика — странный предмет. Вроде бы логика, а вроде бы нет.

«Два кольца...» — начал демон, упершись обескураженным взглядом в стену. — «Два! Это как запаска для машины! Два одинаковых кольца... Я думал, что меня уже ничем в этом мире не удивишь!». «Это — хорошо или плохо?» — спросил ангел, нервничая. «Молчи...» — вздохнул демон. — «С этого момента он у нас кто? Правильно! Властелин колец! Два кольца — близнеца, а между вами что? Пра-а- авильно! Гвоздик! Пора бы выковырять гвоздик!» — икнул демон, тяжело вздыхая. — «Кто бы мог подумать! Два-а-а...»

— Ты куда? — услышала я после запоздавшего ужина, когда миссис Бэнгз убирала со стола тарелки, настроив свои локаторы на частоту наших отношений. На счет частоты, миссис Бэнгз была уже в курсе дела. И завидовала, как и подобает приличной даме, молча.

— Спать раздельно! Спокойной ночи, Альберт! — мило улыбнулась я, вставая из-за стола и чмокая его в щечку. — С этого дня я буду спать в выделенной комнате, как и подобает приличной девушке.

Я даже отвесила изящный реверанс.

«Ну и хитрое же у нас шило в попе! Попался, чтобы не расслаблялся!» — восхитился демон, с опаской глядя в глаза тому, кого только что поймали на слове. «Это — любовь или недоумение?» — спросил наивный ангел. — «А может, это нежность? Или осуждение?». «Ничего, у нас и не такие кололись!» — усмехнулся демон, глядя на Альберта, который спокойно поставил на стол опустевший бокал. «Ты имеешь в виду наркоманов в подъезде?» — поинтересовался ангел, вспоминая шприцы, валяющиеся за старым мусоропроводом.

— Новая тактика? — спросил он, невозмутимо глядя на меня.

«Мне кажется, или пахнет мужской обидой?» — спросил демон, принюхиваясь. — «У мужской обиды специфический запах. Она обычно пахнет хлопнувшей дверью и обиженным сопением! Иногда собранными вещами!»

Мой бывший супруг страдал маниакальной обидчивостью на почве «безбрежного семейного счастья». С глубокой скорбью на лице, словно только что ему сообщили о том, что жить ему осталось пять минут, он проклинал тот день, когда сказал «да» и поставил свою роспись. С видом гордым и непримиримым, он сидел и дулся на меня за то, что я заставляла его выбрасывать фантики от конфет, принесенных в качестве гостинцев его мамой и скушанных в один небритый фейс. Как однажды с гордостью умилилась его мамочка, листая их семейный альбом, ее сын — скромняжка, привыкший жрать сладости за шторкой. Он просто очень стеснительный. Ага. Во взрослой жизни это выглядит так: «Что делаешь?», «Кино смотрю, хрум-хрум-хрум...»

Судя по затравленному взгляду бывшего, над ним нависал штандартенфюрер «СС», с явным желанием «хендехохнуть» партизана — сладкоежку, угрожая «Вальтером». Я и сама была близка к тому, чтобы «отхендехохать» его как следует, после унылого: «Ну выбрось, а? Тебе че? Влом?».

Я помню, как нехотя он протягивал слабеющую на глазах руку к фантикам на подоконнике. В глазах читался такой упрек, будто я его не к мусорному ведру на кухню отправила, а в пешую кругосветку. Стуча рукой по клавиатуре, он ставил фильм на паузу, засовывал ноги во вьетнамки и вырывая сидалище из уютных объятий дивана. Сопя от

раздражения и возмущения, шоркая, как горнолыжник, он открывал дверь в коридор и тут же сходил с дистанции по нужде. В итоге я находила фантики в кармане штанов, когда бросала их в стирку. Не донес. Так что у меня иммунитет не только к ветрянке, краснухе, но и к мужским обидам.

«А чем пахнет женская обида?» — поинтересовался ангел. «Грязной посудой, пустыми кастрюлями и вонючими носками! У некоторых она пахнет головной болью!»

Я прошла в комнату, где была всего два раза. Один раз — на экскурсии, второй раз — перепутала двери и случайно заглянула. Комната была красивой, мрачной и обставленной очень дорого и изящно. В такой комнате сразу чувствуешь себя графиней Дракулой. Домашние бюрократы просчитали все до мелочей. В шкафу висели мои новые платья всех «приличных цветов и оттенков», на столике были разложены какие-то заколки, а в шкатулочке, как и подобает, лежали брошки, колечки, пояски и прочие мне абсолютно неинтересные вещи.

Натянув на себя ночную рубашку, забравшись под одеяло, я свернулась и обиженно засопела в подушку. Немного поразмыслив над тем, что даже на самую хитрую попу находится болт с нужной резьбой, я задремала. Снилось, что мне, что мы с Альбертом идем по супермаркету. Со списочком. Это был страшный сон. Почему-то во сне он скрупулёзно изучал этикетки на предмет состава и всяких «Е», зависая у каждой полки минут на десять. Меня это сильно нервировало. Мы дошли до пакетов с мукой. Судя по контексту сна, я собиралась что-то печь.

— Альберт! — взмолилась я, хныча и негодуя, глядя как во сне Альберт рассматривает каждый пакет. — Прекрати! Вытаскивай уже... Да чего ты стесняешься...

Я видела, как из бумажного пакета поднимается облако муки. Вокруг пакета тоже была россыпь муки.

— Я сейчас оторву... — предупредила я, направляясь к пакетам, а потом возвращаясь с пакетом. — Где он, давай его сюда...

Проснувшись я от того, что скрипнула дверь. Занервничав, я поняла, что я лежу не на кровати. Мои ноги болтаются в воздухе, и меня куда-то бережно несут под покровом ночи.

— Что? А? — сонно спросила я, пытаюсь понять, что вообще происходит. — Ты что делаешь?

— Я тебя арестовал... — услышала я голос, который сопровождал короткий поцелуй в мою смятую подушкой щеку. — А пока нес, понял, что не зря. Угроза правосудию это — тяжелая статья...

Дверь снова проскрипела, закрываясь. Меня осторожно опустили на кровать, подсунув под голову подушку и накрыв одеялом. Кровать рядом прогнулась, рука легла поверх меня, осторожно притягивая меня к себе. Спать уже перехотелось.

— Альберт, ты спишь? — шепотом поинтересовалась я, понимая, что он просто дождался, пока я усну, а потом взял и перенес меня в свою комнату. «Подушки кончились!» — авторитетно заметил демон, глядя как Альберт перебирается головой на мою грудь.

— А ты, маленькая преступница, ждешь, когда я усну? — услышала я шепот. В голосе чувствовалась улыбка.

— Ага, чтобы совершить свое страшное преступление, которое заставит тебя трепетать, под покровом ночи, и замести все следы! — ответила я, подавляя зевоту и убирая чужие волосы со своего лица. — Ты же понимаешь, я — журналист. Пока не докопаюсь до истины, не успокоюсь.

— И на что же ты готова пойти ради истины? — услышала я ответ, чувствуя, как рука на моем животе осторожно погладила меня пальцами.

— На все. Мне очень важно это знать. Понимаешь, если ты будешь упираться и отмахиваться, у нас с тобой ничего хорошего не выйдет... — зевнула я, положив руку ему на голову. — Это я по своему опыту знаю.

— И по какому своему опыту ты это знаешь? — спросил Альберт, насторожившись.

«А кто тебе сказал, что все будет просто? Торг уместен!» — заметил демон, затыкая лапой рот ангелу, который решил выпалить все, как на духу. — «Тихо, пернатый, тихо... Информацию буду преподносить я!». «М-м-м-м!» — стонал ангел, которого просто распирало от желания излить душу. «Если ты сейчас изольешь ему душу, он сдохнет! Сейчас, пернатый, я научу тебя ловить рыбку!» — усмехнулся демон, доставая удочку.

— Меняю секрет на секрет, — вздохнула я, понимая, что придется рассказать о первом браке. Облегчить душу совести, пусть принципы будут ей пухом.

«Так вот, берем удочку, плюем на крючок, цепляем наживку, забрасываем удочку и...» — демон закинул удочку, глядя как ангел сидит рядом и с интересом смотрит. «Но ведь это же шантаж!» — воскликнул ангел. — «Это — обман!». «Тише...» — прошептал демон. — «Ты всю рыбу распугаешь! Я же ради тебя стараюсь!». «А ты уверен, что подействует?» — поинтересовался ангел, глядя на поплавок. «Рыба любопытная. Подействует! Мы просто выждали подходящий момент!» — заметил демон, тревожно глядя на поплавок.

Тишина продлилась полчаса. Дедуктивно-интуитивный метод подсказывал, что в данный момент у меня на груди идет мучительный мыслительный процесс. Информации было недостаточно, узнать ее никак нельзя, интрига нарастала. Любопытство требовало удовлетворения.

— Ты замужем? — услышала я настороженный голос. Альберт приподнял голову. — У тебя уже есть муж? Дети? Там...

«Смотри, клюет!» — ангел занервничал, показывая пальчиком на то, как поплавок слегка дернулся. «Не-е-ет!» — вздохнул демон. — «Если сейчас дернешь — сорвется!».

— Я же сказала, секрет на секрет. Это — честно и справедливо. Ты так не считаешь?

— произнесла я, чувствуя, что по-другому никак. — Расскажешь свой секрет, я расскажу свой.

— То есть ты предлагаешь сделку? — шепот сопровождался тяжелым вздохом.

— Да, я согласна пойти на сделку с правосудием! — вздохнула я.

«Снова клюнуло! Смотри-смотри!» — ангел паниковал и трясся. — «Ну же! Тяни!». «Спокойствие!» — усмехнулся демон, глядя на дергающийся поплавок. — «Еще немного...». «Ты столько про мир знаешь!» — восхитился ангел, сжимая кулачки от нетерпения. «Еще бы! Меня же зовут Опыт! Опыт Всей Жизни!» — заметил демон, пристально вглядываясь в поплавок. «А меня... меня зовут... Любовь! Вообще — то мое полное имя Вера Надежда Любовь!» — смутился ангел. «Странное у тебя имя для мужика!» — хмыкнул демон. «Вообще-то... я — не мужчина...» — окончательно смутился ангел, опустив голову. — «Я — девушка!». Демон чуть не уронил удочку, но вовремя спохватился. «То есть ты — девушка???» — прокашлялся он. — «Так чего же ты из себя мужика строила?». «Думала, что мне будет так проще с тобой поладить!» — ответила ангел. — «Ой! Смотри! Смотри! Клюет! Точно клюет!»

— Хорошо, — вздохнул Альберт, присаживаясь на кровати. — Садись. Лучше один раз показать, чем сто раз рассказывать. Предупреждаю. Может быть больно. Я постараюсь,

чтобы это было не так больно, как в моем детстве.

Альберт отбросил волосы, посмотрел на меня, словно сомневаясь, стоит ли это делать или нет.

— Ты точно согласна? — предупредил он. — Будет неприятно.

— Да, — вздохнула я, так и не понимая, что сейчас со мной будут делать. Альберт положил мне на голову руку, а потом убрал ее.

— А теперь я тебя поцелую, — ответил он, наклоняясь к моей щеке. Он прикоснулся к щеке губами.

— Ай! — дернулась я, чувствуя, словно меня только что обожгло. — Больно! Что это? Это какая-то магия?

Альберт взял меня за руку и осторожно погладил. Такое чувство, будто меня не любимый нежно гладит пальцем по руке, а электрик ласкает оголенным проводом. Я стиснула зубы, интуитивно пытаюсь вырвать руку из его руки.

— Мой отец, как я потом узнал, во время скандала с мамой, когда я был совсем маленьким, наложил на меня это заклинание. Видите ли, ему не нравилось, что мама уделяет больше времени мне, а не ему, а я больше люблю маму, чем его. Наложил, будучи пьяным и забыл. На долгие пятнадцать лет, — с усмешкой заметил Альберт, убирая руку с моей щеки. Как только он убрал руку, я почувствовала невероятное облегчение.

— Давай я тебя еще поглажу? Или поцелую? — усмехнулся Альберт, глядя мне в глаза. — Могу даже обнять. Иди сюда. Сейчас обнимать буду, ласкать и целовать... Чего ты так на меня смотришь? Я всего лишь поцелую тебя. Нежно...

Ага, сейчас! Альберт поднял руку, я сглотнула, напряглась, рубашка на моей спине промокла. Я отдернулась от протянутой руки. Рука легла мне на голову.

— Все, я снял заклинание... — меня притянули к себе, разглаживая вспотевшую на спине ночную рубашку. Меня до сих пор трясло от негодования. Моя любовь к магам увеличивалась прямо пропорционально жизненному опыту и полученной информации.

— Мать не понимала в чем дело, — услышала я, чувствуя, как у меня волосы шевелятся от ужаса. — Я объяснял, что мне больно. Она удивлялась и обижалась. Когда она умерла, мне было десять. Я сидел и терпел боль, когда она в последний раз гладила мою руку. Для нее это было важно.

Я свернулась клубочком и рыдала.

— Все... Прекращай плакать... Зря я это сделал. Но другого выхода у меня не было,

— меня прижимали к себе и гладили. — Я узнал об этом случайно. На четвертом курсе. В тот день у отца такие неприятности, которые он запомнил на всю оставшуюся короткую жизнь. Он клялся, что не делал этого, говорил, что не помнит, потом оправдывался, что если бы мама хоть немного соображала в магии, то сняла бы заклинание. Да и я сам виноват. Почему я не сказал? Почему столько лет молчал? А я пятнадцать лет считал, что так и должно быть. Пятнадцать лет я был уверен, что поцелуи и объятия причиняют людям боль. А когда я видел влюбленную пару, я смотрел на них, как на ненормальных. На следующее утро я бросил Академию и ушел в инквизицию.

«Подвезли еще нежность и любовь!» — орал демон, командуя разгрузочными работами и прижимая к себе рыдающего «поставщика». — «Куда разгружаем? Куда вываливаем? Так! Смотрите, чтоб никого не завалило насмерть нежностью и любовью! Быстро расписались в журнале производственных инструктажей, что знаете, как с ней обращаться! Это — очень опасная штука! Ею можно задушить неподготовленного человека!». Ангел всхлипнула,

прижимаясь к демону. «Я сколько заказывал нежности и любви? А ты сколько привез... ла? Куда я теперь ее всю дену? Тут ее Ане на всю жизнь хватит!» — закатил глаза демон, цепляя на себя каску. «Просто не надо ее жалеть...» — тихо сказала ангел. — «И экономить тоже не надо! Ее нужно просто дарить». "Хорошая идея!" — согласился демон. — "Заслужите любовь, получите море нежности в подарок! Время действия акции неограниченно!"

— А теперь я хочу услышать то, ради чего мне пришлось вспоминать свое детство. Ты замужем? — голос Альберта стал приобретать профессиональные нотки «следователя».

— Уже — нет, — честно ответила я.

— Ты была замужем? Муж умер? — спросил Альберт, не дожидаясь, пока я сама ему все расскажу. «Мне нравится его подход! Сразу: «умер!»» — обрадовалась ангел. — «Не просто разбежались, а умер! И главное с такой надеждой в голосе спросил...». «Альберт предположил, что муж повесился на радостях!» — усмехнулся демон. — «Хорошо, что Альберт уже в курсе, на что подписывается!»

— Была. Не знаю. Детей нет. Вышла замуж, потому что так захотели мои родители. Муж меня игнорировал. Развелась, когда изменил. После этого родственники со мной не разговаривали, — отрапортовала я, словно диктую для протокола.

— Достаточно. Больше информации не надо. Значит, ты была замужем... — задумчиво заметил Альберт. «А ты как думал?» — ехидно заметил демон, — «Что тебе девочка шестнадцати лет досталась? Наивная и неискушенная? Девственно чистая и неопытная?»

— Это как-то влияет на наши отношения сейчас? — поинтересовалась я, понимая, что в биографии мисс Совершенство неудачных браков быть не должно.

— Я даже почему-то не думал о таком, — услышала я ответ, который заставил меня напрячься.

Я лежала и мысленно пыталась представить, что сейчас творится в чужой голове. «Как будто сам всю жизнь прожил святошей!» — гаденько заметил демон, доставая протоколы ночных заседаний. — «Мне проще в деда мороза поверить!»

— Брак по требованию родителей, — задумчиво продолжил Альберт, снова опустив голову мне на грудь. — Допустим.

«Допустили!» — выдохнула ангел, заламывая ручки. — «Нас допустили!». «Допустили? Нет, это мы прорвались! Ух!» — утер пот со лба демон, выдыхая с облегчением.

Я понимаю и чувствую, что у Альберта до меня уже были отношения, но спрашивать не стала. Не хочу знать. Просто не хочу. Зачем? Ревновать его к прошлому? Копаться в его душе на предмет: «а может, ты там кого-то все еще любишь?», мне было противно. Есть здесь и сейчас.

В обед Альберт меня разбудил, заявив, что мы спускаемся в канализацию на поиски тела Винсента Чейза. По документам он действительно пропал пять лет назад. Дело о пропаже не раскрыто до сих пор. Я быстренько оделась, взяла планшет, ручку и вспомнила, что про обвал я ничего не написала. Курсовой Винсента и моих заметок на столе не было.

«Боже! Он пригласил нас на совместную прогулку!» — восхитился ангел. «В самое романтическое место. В канализацию!» — хмуро буркнул демон, странно поглядывая на ангела. — «В программе. Поцелуй под луной... тьфу ты! Под трубой... А если мы будем хорошо себя вести, нам дадут подержаться за краник... И даже покрутить его!». «Ну чего ты?» — надулась ангел. — «Какая разница? Главное, что вместе!». «Ага, любимая, я могу бесконечно смотреть и слушать на то, как течет вода... по трубам, унося все волшебные помои...» — демон собрал губы трубочкой, словно для поцелуя. — «А вдруг это — самое

романтическое место в городе? Кто его знает?»

В Академии нас ждал хмурый Освальд со свитой. Глядя на нас тяжелым и уставшим взглядом он поздоровался и протянул документы на подпись вместе с ручкой.

— Только не говори мне, что это смета на ремонт канализации с учетом потолка, — подозрительно поинтересовался Альберт.

— Нет, у нас через пять дней День Магии. Ежегодный праздник, берущий свое начало еще... — начал Освальд закатывая глаза. — Чего я тебе объясняю? Ты и так прекрасно все знаешь.

— Я каждый год говорю вам, что праздника вы не заслужили. Я просто думаю ввести День Инквизиции, когда инквизиция будет демонстрировать свои умения. Два раза проведем — уже традиция. Вы полюбите этот праздник, как люблю ваш я. Это будет очень увлекательно. Многие из вас будут ждать его с ужасом и нетерпением, — Альберт взял ручку, а потом вернул ее Освальду. — Я подумаю. Ты идешь с нами. Свиту оставляй здесь. Я беру троих. Этого будет достаточно.

— Мы порылись в архивах, и нашли карту, — заявил кто-то из магов, показывая какой-то невнятный обрывок.

— Если мы потеряемся, — ответил Альберт, отмахиваясь, — пришлите ее по трубам. Я вот не знаю, напомнить ли вам про лишний этаж Академии, вписанный в смету на ремонт, которую вы подсовывали мне два года назад? Нет, не буду напоминать. Это будет некрасиво с моей стороны.

Мы спустились вниз. Завал был разобран почти полностью. Стены и потолок были кое-как укреплены.

— Веди, — кивнул мне Альберт. — Сейчас узнаем, почему канализация под Академией ремонтируется три раза в год. У меня на этот счет уже есть подозрения, однако, пока не увижу своими глазами, выводы делать не буду.

Освальд создал огромный шар света, который завис над нашими головами. Мы прошли мимо булыжника, под которым нашли лоскут моей одежды. Я рассказала, как выковыряла два кристалла с потолка, а потом повела свою экскурсию по туннелю. «Я знал, что ты умеешь заводить мужчин, проказница!» — воодушевил демон, поглядывая в сторону смущенного ангела. Ангел действительно стала часто смущаться.

— Теперь куда? — спросил Альберт, глядя на два туннеля.

— Направо! — ответила я, жалея, что не отмечала свой путь. Мимо нас пронеслась стая разноцветных крыс.

— Освальд, тебе какая больше нравится? — поинтересовался Альберт, провожая взглядом крыс, боящихся яркого света.

— Никакая, — мрачно заметил Освальд.

— Тогда что они здесь делают? — холодно осведомился мой инквизитор.

Инквизиция из сопровождения осветила себе туннель, куда нырнула крысиная делегация. Через пару минут раздался писк, визг и темноту осветило несколько вспышек заклинаний.

— Идем дальше. Здесь куда? Направо или налево? Хотя я уже вижу, что вы продолжаете сливать свои помои в канализацию, несмотря на мой строжайший запрет. И что из этого вытекает? А вот что вытекает! — процедил Альберт, глядя на голубые подтеки на стене из разъеденной трубы. — Кто защищал диссертацию по «не протекающим трубам на примере канализации» три года назад? Завтра мне фамилию на стол. И список тех, кто сливает дрянь.

Хотя, не надо. Полный список преподавателей и учеников Академии у меня есть.

В одном месте, я, очевидно, завела всех не туда. «Не туда» тоже понравилось, потому, что там сидела какая-то слепая тварь, размером с аллигатора. Длинная, чешуйчатая и зубастая. На шее у твари был металлический ошейник, а между передних лап болталась цепь. Мысли о том, что мы с ней могли встретиться днем ранее, заставили меня сглотнуть. Тварь занервничала и стала принюхиваться.

— Какая прелесть, — вздохнул Альберт, глядя, как гадина в ошейнике щелкает зубастой пастью. — Выяснить, кто ее выпустил и откуда она здесь. Допрашивать необязательно. Можно просто убить. Я имею в виду тварь. Владелец мне нужен живым.

Приказ был выполнен незамедлительно. Наконец-то я привела экспедицию к труп. Безголовый труп сидел точно в той же позе, в которой я его оставила. Альберт спокойно присел на корточки, разглядывая тело.

— Ваша Милость... Я его знал... — со вздохом ответил один из инквизиторов. — Он учился на два года старше меня. — Нам сказали, что его отчислили.

— Мне нравится, как отчисляются в Академии. Полагаю, что мне еще повезло, — заметил Альберт, рассматривая одежду студента. — А теперь, Освальд, посмотри на это. Я из-за этого не спал все утро. И не усну, пока не проверю.

Курсовая и мои записи перекочевали из рук в руки.

— Это — бред. Курсовая — еще куда ни шло. А записи — полный бред, — покачал головой Освальд. — Это — абсолютно нелогично! Здесь нужно делить, а не умножать! И откуда значение «С»? С каких это пор значение «синергии» — целое число? Почему два? Откуда вообще эта двойка взялась? Какой дурак это писал?

— Характеристику умственных способностей держи при себе. Это расчеты Анабель. Я сегодня специально сел пересчитывать. Достал все книги по телепортации. И самое интересное, что даже по ее формуле я получил совсем другой ответ! Десять раз один и тот же «другой» ответ, — усмехнулся Альберт, положив руку на мою «просветленную» гуманитарную голову. — Вот мой ответ. Внизу. Подчеркнутый. Два раза. И обведенный в кружок.

— У меня тоже получается твой ответ, — задумчиво заметил Освальд, отбирая мою ручку и делая расчеты. — Я не знаю, как она получила свой ответ, но... я уже сказал. Не в обиду будет сказано. Я считаю, что те, кто не понимают в магии, пусть лучше ею вообще не пользуются.

— То же самое касается тех, кто в ней понимает. По этому «бреду» она смогла нарушить закон телепортации и перенестись из-за города в город. Правда, посадка была не очень мягкой, но ей удалось это сделать, — заметил Альберт. — Я привел тебя сюда, чтобы мы разобрались с этим вопросом.

— Альберт! Я же сказал, что это... полная...эм... ерунда, — возмутился Освальд, перелистывая курсовую. — Вот, уже вижу ошибку в формуле. Он не учел значение... Так, здесь тоже непонятно, откуда он взял эти числа? Ладно, попробую еще раз пересчитать... Альберт, ты решил верно. У меня ответ сходится с твоим.

— Давайте сюда! Не умеете считать, учитесь! — возмутилась я, доставая ручку и выхватывая листок. Я перевернула писанину Альберта и начала выводить свое решение.

— Да что ты творишь! — взмолился Освальд, глядя мне через плечо. — Это же не умножение! Этот знак означает коэффициент....

— Будете вредничать, ничего показывать не буду! — возмутилась я, дописывая ответ.

«Скоро мы гастролировать с лекциями будем!» — хмыкнул демон. — «А теперь, смертельный номер. Гуманитарий решает магическую задачу! Слабонервным магам просьба отвернуться и не смотреть! По окончанию расчетов, поседуют даже самые стойкие теоретики!»

— Вот! — я отдала ответ, который сошелся с моим предыдущим. Бедолага Чейз смотрел на меня с пола пустыми глазницами.

— Кто проверит? Давай, Освальд. Ты или я. Или у тебя есть кандидатуры, которых не жалко? Сам понимаешь, насколько это важно. Учти, приземление было на крышу.

— Давайте я попробую, — произнес один инквизитор, беря в руки мои расчеты и переписанную из курсовой формулу. — Если что, позаботьтесь о моей семье.

— Давай сюда! — хмуро заметил Освальд, вырывая из рук инквизитора расчеты. — Просто я уверен, что ничего не получится. Разницы нет, что из-за города, что отсюда. Ты, Альберт, за это подпишешь документы?

Альберт кивнул. Освальд произнес мою формулу и... исчез. Обратно мы шли молча. Я молчала, потому, что была обижена до глубины гуманитарной души, Альберт был просто озадачен, а инквизиция молчала по долгу службы. Молчал и Винсент Чейз, который, сам того не ведая, заложил основы «гуманитарной» магии. Посмертно.

— Зачистить всю канализацию. Чтобы ни одной крысы не было. Академии — штраф за то, что сливает свои помои. В размере сметы на ремонт канализации. Пусть ремонтируют за свой счет, а не за счет города. Больше меня этот вопрос не волнует, — вздохнул Альберт на выходе. — Пусть не подлезают со своими бумажками.

— Альберт! А если формула работает, что мне за это будет? — поинтересовалась я, заглядывая в глаза.

— Я тебя повешу... — вздохнул Альберт, улыбаясь.

— На доску почета? — обрадовалась я, представляя свой портрет на стенде «Ими гордится магия!»

— Нет, на доску «их разыскивает инквизиция»! — с улыбкой ответил Альберт, проходя в холл. — А потом возьму тебя под домашний арест, на собственные поруки.

В холле нас ждал Освальд. Глаз у него методично подергивался, темные кустистые брови по привычке хмурились, образуя на лбу поперечную морщину. В руках он сжимал курсовую и мои записи.

— Освальд, расчеты верни, пожалуйста, — вздохнул Альберт, протягивая руку. — И давай сюда документы на проведение мероприятия. Не смотри на меня так, Освальд. Я тоже в печали.

Мы в сопровождении инквизиции возвращались домой по освещенной фонарями площади. Родственникам Винсента Чейза уже сообщили. Его отец, бывший преподаватель Академии, был чрезвычайно польщен тем, что его покойный сын так ответственно отнесся к защите курсовой. Мать рыдала и не могла остановиться.

— Альберт! А мне что-то за это полагается? — оживилась я, глядя на молчаливого Альберта.

— Сто, — задумчиво бросил Альберт.

— Сто тысяч эрлингов? — уточнила я, представляя себе такую сумму.

— Нет, сто лет тюрьмы, — задумчиво ответил Альберт, тяжело вздохнув. «Не переживай. Отсиди, сколько сможешь!» — успокоил демон.

— А за то, что я раскрыла преступление? И нашла тело? — удивилась я, цепляясь за

руку правосудию.

— Девяносто девять, — ответил мой личный «прокурор».

«О! Совсем другое дело!» — ехидно восхитился демон. — «Девяносто девять лет — это не так страшно!»

— Считай, что я внес за тебя залог. Так что ты — моя заложница, — шумно вздохнул Альберт, открывая передо мной дверь.

Весь вечер я наблюдала одну и ту же картину. Половина книг из библиотеки была разложена на столе и на полу. Шел четвертый час научных изысканий. Альберт, снимал — надевал очки, листал какие-то книги, ставил их на место, доставал другие. Мне хотелось уйти, но меня усадили рядом, терзая меня математикой.

— Давай еще раз. Мне просто интересно. Откуда ты взяла это значение... Только не говори, что из головы... — Альберт посмотрел на меня сквозь очки. Он сам только что ответил на свой вопрос. Я вздохнула и посмотрела на него.

— Я вообще не понимаю твоей логики. Ты понимаешь, какой это был риск? Ты вообще осознаешь, что чуть не погибла? Как можно просто взять из головы понравившееся число и подставить его в формулу? Как? Объясни мне? Есть же инструкция! — я впервые увидела легкий оттенок страдания в глазах. О чем ты в этот момент думала?

— О тебе! — надулась я, глядя на разложенные книги на столе и диване книги, — И вообще! Теория без практики — мертва. Инструкции придумали трусы и перестраховщики! А все великие открытия делаются по ошибке! Смирись...

Прошел еще час, я уже пыталась заснуть, но мне не спалось. Ужасаясь времени на часах, я просочилась в приоткрытую дверь комнаты, в которой горел свет. «Мужик фигней страдает!» — постановил демон, глядя на то, как Альберт увлеченно сотый раз пытается пересчитать формулу. — «Его надо отвлечь от этого гиблого дела. Давай!»

— Альберт, ты собираешься спать? — спросила я, глядя на исчерканные его рукой листы.

— Да, попозже... — услышала я глухой ответ, сопровождаемый усиленным листанием книги. — А если это за основу взят закон распределения? Ведь может же такое быть? Частный случай...

Я осторожно подлезла и села рядом, за что получила отрывистый поцелуй. «Тебя люблю, но истина дороже!» — демон достал справочник по «поцелуям». Выждав пять минут, я стала осторожно перелазить ему на колени, нахально оседлав их. Альберту пришлось вместе с книгой откинуться на спинку дивана, чтобы дать мне плацдарм для маневра. Он смотрел в книгу, почти не отрываясь. Я тоже заглянула в книгу. Гуманитарий во мне, виновник этого научного переполоха, вздрогнул и поседел при виде расчетов на две страницы. Я деликатно потянула книгу из чужих пальцев. Мне удалось ее вытащить и аккуратно положить на стол. Мне на талию легли руки, но глаза устремлялись в сторону раскрытой книги на столе. Я аккуратно сняла с моего ученого очки, положив их на стол рядом с книгой. Меня прижали к себе, нежно поглаживая и целуя в плечо и шею. Я уже расслабилась. Поцелуи продолжались, я почувствовала, что таю...

— ...коэффициент синергии, превышающий значение... — едва слышно прошептал Альберт мне на ухо.

Я обернулась и увидела, как в воздухе не уровне глаз Альберта парит и листается книга. Ах так? «Он — натура утонченная. По ночам страдает жестким сопроматом!» — пропел демон, щелкая пальцами и вызывая у меня смешок.

Я стала нежно целовать щеку моего теоретика, слушая, как позади меня шуршат страницы, и скрипит парящая в воздухе ручка, что-то активно выписывая. Хотя бы хны... Мне его что? За руку оттаскивать и глаза ему завязывать?

Я положила руки широкие на плечи, стараясь придать своему лицу суровое выражение, а тону, несвойственную мне официальность.

— Ты — арестован! За нарушение распорядка дня! За невнимание к своему здоровью! — сурово произнесла я. — Что ты можешь сказать в свое оправдание? Я внимательно слушаю. Помни, каждое слово может быть использовано против тебя в... в, будущем.

Альберт отвлекся и посмотрел на меня.

— Статья очень серьезная. Сомневаюсь, что правосудие будет снисходительно! — продолжила я официально-бюрократическим тоном, стараясь подавить улыбку.

Я почувствовала, как рука на моей талии сжалась, причем достаточно ощутимо. Вторая рука откинула мою голову.

— И как ты думаешь, какой закон ты сейчас нарушила? — спросил Альберт таким голосом, от которого мне стало слегка волнительно.

— Закон подлости, — ответила я, чувствуя, как хватка слегка ослабла, чтобы снова окрепнуть.

— И что тебе светит? — поинтересовался Альберт, а я краем уха слышала, как на стол легла книга.

— Солнышко! — выпалила я, со вздохом, добивая страдальца от моей логики. Либо он наконец-то осознал, что занимается заведомо гиблым делом, либо мне действительно удалось отвлечь его, но сейчас у нас проходит конкурс, кто быстрее расстегнет чужие пуговицы. Пока что я проигрываю.

Ангел вздрогнула: «Нас хотят убить?». «Не смотри! Рано тебе еще!» — заметил демон, прижимая к себе ангела и закрывая ей глаза рукой. — «Я скажу, когда мо... Да что он творит! Там же книги, кружка, очки, в конце концов!». Демон посмотрел на взволнованного ангела: «Любовь Всей Жизни... Хм... Звучит!»

Глава двадцать вторая... люди всегда удивляются событиям, которых ждали

— Что ты делаешь... — услышала я вздох, чувствуя, как он подается вперед и выгибает спину с глухим стоном. — Так нельзя делать... Я запрещаю тебе... Прекрати, я кому говорю... Прекрати... Я прошу тебя... Не... надо...

Я даже заглянула ему в лицо, увидев закрытые глаза и полуоткрытые губы, которые мне безумно захотелось поцеловать. Ничего, поцелуем. Не сейчас. Позже, когда усыпим бдительность.

Не смотря на свои глубокие познания в различных областях магии, было одно заклинание, которого Альберт не знал. «Массаж».

«Ну а сейчас наш женский экипаж, будет делать вам массаж!» — обрадовался демон, глядя как мои ручки наминают широкую спину. «Делать массаж любимому мужчине — одно удовольствие!» — вздохнула ангел, млея от наслаждения. «Легким движением руки массаж превращается в шантаж!» — завредничал демон, глядя на ангела странным взглядом. «Ему нравится!» — расцвела ангел, складывая ручки. «Кто бы мне массаж сделал!» — прозрачно намекнул демон, но ангел его не слышала, умирая от каждого моего прикосновения.

Это заклинание повергло Альберта в шок, не меньше, чем мой прорыв в магической науке, пошатнувший не только устои магии, но и нервную систему двух не самых глупых мужчин. Пятьдесят листов совместных предположений было разложено на столе. За эти пять дней Освальд, почти стал членом нашей семьи. С покрасневшими то ли от пролитых слез, то ли от бессонных ночей глазами, он садился рядом с Альбертом, и они часа два сидели и обсуждали решение. Как я узнала из случайного разговора, эти двое вместе учились, пока Альберт добровольно не сошел с дистанции. Насколько я поняла, за одной партой они не сидели и даже одно время друг друга на дух не переваривали. Зато в тот момент, когда они поднимали на меня глаза, они были единомышленны. А я чувствовала себя, как в белом платье под шелковицей.

И тогда, отчаявшись, меня требовали на «бис». Я с тяжелым вздохом садилась между ними и начинала писать в сотый раз свою формулу, сопровождая ее комментариями, дабы можно было отследить мою логику. Надо отдать должное, Альберт сопел не так громко и не так усердно, как Освальд. Лев Бонифаций в моем лице в очередной раз показывал чудеса аборигенам. От чудес Освальду становилось плохо. Он стонал, как при родах, корчась в муках, как при диарее. И только присутствие Альберта заставляло его воздерживаться в выражениях и высказываниях.

В разгар моих объяснений и стонов с двух сторон, в комнату вошла миссис Бэнгз, неся в руках поднос с тремя чашками.

— А потом я подумала, что вот это «хэ» нигде нет. Ну не нашла нигде ничего похожего. Ну, думаю, не страшно! Пусть будет знаком «умножить». И у меня стал вырисовываться ответ. Здесь я тоже решила не делить, а умножить, — рассказывала я, слушая, как Освальд стонет, закусив губу. «Довела мужика!» — закатил глаза демон. Альберт сидел рядом, закрыв себе рот рукой.

— А почему умножить? — задала я риторический вопрос, на который тут же ответила. — Потому, то деление в столбик я помню плохо, зато умножение помню хорошо...

«Ну чем не аргумент?» — согласился демон, целуя свой калькулятор. — «Так, направо не смотри. Там у Освальду плохо... А Альберт — крепкий. Молодец. Умеет страдать молча!»

— Я так не могу! — простонал Освальд, обхватывая голову руками. — Это — ужас!

— Ты ей даже дал диплом... Я отчетливо видел твою подпись, — заметил Альберт, с тяжелым вздохом размешивая чай и звеня ложкой.

— Альберт, я больше не могу... Я подаю в отставку... — покачал головой Освальд. — Я не хочу. Пусть кто угодно занимается этим... Я лучше и дальше буду писать свои научные работы по стихийной магии. Меня это вполне устроит.

«Бедный мужик. У него явно нет семьи. Я вас лю... Да что ты будешь делать! Да за что мне это! Извини, дорогая, не сегодня!» — съехидничал демон. Ангел посмотрела на него с возмущением.

— Букву «С» я сначала хотела заменить скобочкой, но потом попробовала и ничего не получилось, — добивала я страдальцев от науки. — Но потом подумала, что «С» — это сектораль. Мне идея понравилась...

Освальд подавился чаем, кашляя надрывно и страшно.

— Я подумала, а на какой секторали находится Академия? Правильно. На второй. Вот так вот и появилась эта двоечка! — вздохнула я, глядя как Альберт размешивает чай уже шестой раз.

Альберт даже кушал по вечерам, не отрывая взгляда от криминального, как он выразился, для меня чтива. Иногда он жевал, а потом резко останавливался, подозрительно глядя на мою формулу, которую переписал уже раз сто. Я молчала. Мое дело — показать. Их дело — доказать.

А теперь, впиваясь пальцами сквозь одежду пальцами в плечи моего «прокурора», на которых он со свойственным всем трудоголикам мазохизмом, тащил все, я поняла, что я — не просто дипломированный маг-инноватор, а — волшебница. Мне это сказали пять минут назад. И повторили, но уже в других выражениях, две минуты в сопровождении блаженного стона и вращения головой. Я с улыбкой поправила рубашку мятую рубашку и поцеловала макушку. Все.

— Это все? — раздался голос с такими интонациями, от которых сердце сделало подъем-переворот на перекладине под дружные аплодисменты остальных внутренних органов.

— Мне просто так неудобно, — вздохнула я, чувствуя себя маленькой притворщицей.

— Обычно это делается без рубашки...

Его рука расстегнула верхнюю пуговицу и замерла на пару мгновений, боясь спугнуть. Я поджала губы, гипнотизируя его руку и воодушевляя ее не останавливаться на достигнутом. Видя колебания, я еще раз расправила его плечи, с наслаждением впиваясь в них пальцами и вдыхая запах его волос.

«Возьмите пробничек!» — сладенько улыбнулся демон, протягивая невидимым прохожим какой-то флакончик. — «У нас сегодня акция. Возьмите пробничек! Если понравится, обращайтесь!».

Я победила! Через пять минут рубашка была снята, сложена уголок к уголку и нашла свое пристанище на ручке дивана. Я знаю, кто с утра собирает по полу мои вещи, а потом складывает их уголок к уголку, ни разу не упрекнув меня в том, что я разбрасываю свои вещи.

«Ты? Разбрасываешь вещи?» — возмутился демон. — «Расскажи! Сам снимает, сам бросает куда придется, а потом с утра сам же и собирает!». «А как же мисс Совершенство?» — спросила ангел, снова смущаясь под взглядом демона. «Мисс Совершенство? Да она нам в подметки не годится!» — отмахнулся демон, осторожно приобнимая ангела и украдкой глядя на ее реакцию. — «Идея была моя. Воплощение — твое! Дивиденды пополам!»

Пока Альберт блаженствовал, пытаясь осознать, как всю свою жизнь жил без этого чуда, я украдкой целовала его шею, наслаждаясь каждым прикосновением. Разве можно так любить кого-то? Определенно нельзя.

Через полчаса у меня устали руки, а точнее пальцы. Все. Теперь точно конец.

— У меня руки устали... — тихо произнесла я, осторожно целуя его в основание шеи.

— Одевайся.

Взгляд, брошенный на меня, не поддавался расшифровке, но судя по выражению лица, Альберт только что нежданно-негаданно обрел смысл жизни. Он взял мои руки в свою и поцеловал, заставив меня смутиться. Да, у меня теперь есть оружие личного поражения, которым я буду бессовестно пользоваться, для смягчения приговоров и давления на правосудие.

— Ладно, — вздохнул Альберт, откладывая расчеты. — Как я не хочу «завтра»...

— Ты имеешь в виду то мероприятие? — спросила я, будучи не в курсе местных обычаев.

— В этот день, все маги хвастаются своими достижениями, а инквизиция мысленно считает количество пока еще свободных камер. Лично я так и делаю, — заметил Альберт, застегивая рубашку. — Результаты меня огорчают. Десять человек на одну камеру в прошлом году. Двенадцать с половиной в позапрошлом.

— Это мы с тобой разговаривали в тот день, когда я впервые попала сюда? — неожиданно спросила я, вспоминая свой первый день в этом мире, когда я еще ничего не знала ни о магии, ни об инквизиции.

— Да, — я почувствовала, как меня обнимают и усаживают рядом. — Как ни странно, это был я, мисс Я Не Знаю, Кому Вру, Но Делаю Это С Умным Видом, как будто так и надо. И при этом ты смотрела на меня такими честными глазами...

— И скажи еще, что ты любя ошибся нулями, чтобы я пришла к тебе в надежде докопаться до истины! — возмутилась я, чувствуя, как его губы приближаются для поцелуя.

— Не без этого, — услышала я. И почувствовала, что меня наказывают за неизгладимое впечатление от первой встречи. Когда он меня так целует, мне сразу тянет на подвиги, чтобы получить добавки. Ладно, сейчас я ему объясню, что я почувствовала, когда увидела сумму штрафа. Я напряглась и взяла инициативу в свои губы.

— Знаешь, Альберт, я иногда думаю... — вздохнула я, сжав губы. — Я, как журналист, постоянно сталкиваюсь с чем-то нехорошим, с какой-то несправедливостью. Мне кажется, что весь мир, прости, оставшийся мир состоит целиком и полностью из неприятностей и моральных уродов. А вот посмотришь в окно и видишь обычных людей.

— Ты это мне рассказываешь? Последней инстанции? — усмехнулся Альберт, поднимая на меня глаза. — Я каждый день об этом думаю. Я каждый день повторяю себе, что мир состоит не только из безответственных магов, убийц, грабителей и мошенников. Я утешаю себя мыслью, что есть нормальные люди. Даже среди магов. Просто они не имеют проблем с законом, вот и все. Кстати, завтра ты остаешься дома.

— То есть так, да? — обиделась я. Журналист во мне сразу же придумал статью про

домашний арест. — Завтра День Магии, и ты думаешь, я его пропущу? А кто за меня работать будет?

— Я не настолько беден, чтобы тебе приходилось зарабатывать на жизнь тяжким трудом, — с издевкой произнес Альберт. Помню-помню. Вот — секретер. Вот — ключ. Вот — ящик. Вот-деньги. Бери, сколько надо. Отчет не нужен. Между прочим, я оттуда ни эрлинга не взяла. Зато с наслаждением ссыпала туда свое богатство. А зачем? У меня и так все есть.

После часа уговоров, включая массаж, Альберт сдался.

— Хорошо. Только ты будешь находиться рядом со мной. И если я протяну руку, а тебя рядом не окажется, у тебя будут большие неприятности. Я предупредил, — вздохнуло правосудие, снимая очки и с тоской глядя на мои каракули.

Рядом с Академией на огромной площади была установлена трибуна. Зеваки со всего города собрались, чтобы увидеть чудеса магии и ее передовые достижения. Освальд, заложив руки за спину, расхаживал по импровизированной арене, отдавая какие-то распоряжения перед началом мероприятия. Вокруг арены были разложены кристаллы, которые призваны были защитить зрителей в случае, если что-то пойдет не так. Помимо кристаллов вокруг стояло оцепление инквизиции. Черные, молчаливые, спокойные, они терпеливо ждали начала мероприятия и с нетерпением — конца. Инквизиция стояла между рядами и по периметру площади. Мы сидели в первом ряду. На коленях у меня лежал планшет, ручка и тяжелая рука. Я осторожно, боясь, что ее вот-вот отдернут, поглаживала ее пальцем, изредка бросая нежные взгляды на ее обладателя. В небе уже сверкали первые звезды, а первые маги уже рассказывали о том, чего им удалось достичь в этом году. В данный момент шла демонстрация какого-то приспособления в виде бегающей за хозяином табуретки, предназначение которого владелец затруднялся объяснить.

— Табуретка для гостей! — заметила я. — Для незваных. Приса-а-живайтесь гости дорогие, не стойте...

«Тренажер для футболистов!» — икнул демон, глядя на то, как табуретка разгонялась и поддавал владельца под коленку с таким усердием, что я еще и удивилась, как под конец своей презентации маг не остался инвалидом и ушел на своих двоих.

— Альберт, это каждый год такое происходит? — напряглась я, неотрывно и с ужасом глядя на достижения магической науки. В ответ я слышала тяжелый вздох.

На сцену вышел маг, таща за собой огромный ящик, в который начал складывать какие-то вещи, рассказывая про закон экономии пространства. Именно этот ящик призван освободить дом от всякого хлама, а владельца от забот по хранению. В ящик поместилось все. С трибуны раздалось заинтересованное:

— А обратно? Вдруг надо что-то взять оттуда?

Судя по всему механизм «выдачи» вещей обратно был недоработан, в связи с чем «обратно» покажут в следующем году. Вздох разочарования прокатился среди публики, которая уже представила себе универсальное место для хранения всякой всячины.

— Отличная урна! И мусор выбрасывать не надо! — оживилась я, поглядывая на Альберта. Он скептически посмотрел на меня и сощурил глаза, глядя на изобретателя.

— Дамы и господа! Магия не стоит на месте! Я хочу показать новый клей! Этот магический клей клеит намертво! Его уже не отдерешь ничем! Вся Академия им пользуется! — гордо продемонстрировал свои «научные достижения» какой-то маг в синем сюртуке. — Главное — не пролить его случайно!

Наверное, на мою душу попала капелька этого клея, намертво приклеив ее к душе того, кто сидит рядом и чья большая рука покоится на моих коленях. Моя рука казалась такой маленькой по сравнению с его рукой, и меня это почему — то умиляло. Альберта, очевидно, тоже, потому что он обращался с ней так, словно, одно неверное движение и мне обеспечен перелом в трех местах.

После изобретателей шли преподаватели Академии. Некоторые нервничали, ошибались, вызывая рокот негодования у всех присутствующих. Два раза удалось подавить миазм, вызванный излишним волнением и старческим склерозом. Мою руку перетаскивали к себе на колени и сжали в своей, осторожно поглаживая большим пальцем. Вокруг нас стоял целый отряд инквизиции.

— Итоги года неутешительные. Двадцать человек на одну камеру, — простонал Альберт, не сводя глаз со старичка, который уже в третий раз пытался создать что-то в воздухе, но при этом терпел эпический фэйл, под дружный смех всех присутствующих. Особенно потешались его студенты.

Томас выступил слабо. Я видела отсюда, как у него трясутся руки и как по виску стекает пот. Народ разочарованно вздохнул. Они ожидали чего-то большего. Где-то позади нас ныл ребенок, настойчиво требуя у родителей «домой». Группа студентов-магов сидела и закатывала глаза, глядя с усмешками на своих профессоров. По лицу Освальда было件件но, что магия не стоит на месте. Она катится в направлении, за упоминание которого в приличном обществе можно получить перчаткой по мордасам.

Внезапно все притихли. На сцену вышел молодой человек, одетый очень дорого и красиво. Он вздохнул и посмотрел на всех присутствующих.

— Меня зовут Марко. Я — не изобретатель. Сомневаюсь, что я сделаю что-то полезное своими руками. Я — не преподаватель. Я — просто сын ректора Академии. Вот моя... — он вздохнул и усмехнулся, — единственная заслуга...

Все притихли, глядя на него с осуждением. Свеж был еще в памяти инцидент с пятью трупами. Я почувствовала, как мои пальцы слегка сжали. Я украдкой взглянула на Альберта.

— Я не собираюсь показывать фокусы. Один мой фокус уже стоил жизни пятерым, — голос Марко дрогнул. — Среди которых, был мой лучший друг и его невеста. Пусть в этом не только моя вина, но и вина того, кто делал за меня эти расчеты, но то, что я не убедился сам в их правильности, делает меня еще более виновным.

Народ заволновался. Такого развития событий никто не ожидал. Раздался чей-то голос, но его заглушила толпа.

— Я прошу дать мне шанс, — Марко снова усмехнулся и разорвал какие-то листочки, бросив их на землю. — Я вот смотрю сейчас на все происходящее и понимаю, что магия — это, прежде всего, ответственность, о которой многие из нас забывают. К сожалению, мне понадобилось увидеть смерть, чтобы это понять.

Голос Марко дрогнул. «Уберите его!» — кричал чей-то голос. — «Уведите его, живо! Освальд!»

— Я знаю, что в инквизиции сейчас не хватает магов. Я в курсе, что мои письма не доходили до канцлера от инквизиции по воле моего отца. Так вот. Пользуясь случаем, я добровольно хочу вступить в инквизицию, чтобы искупить то, что произошло по моей вине. Я обещаю, что отнесусь к своей работе со всей ответственностью. Я согласен учиться. Я согласен патрулировать улицы. Я согласен погибнуть, выполняя свой долг. Я согласен в случае чего ответить по всей строгости закона без оглядки на мое происхождение... Вот мое

заявление на прием в инквизицию.

В воздухе появился листок бумаги.

И тут рядом с Марко появился разъяренный и запыхавшийся ректор. Телепортация была отключена, поэтому старику пришлось проделать весь этот путь пешком. Он решительными шагами дошел до сына, а потом в звенящей тишине отвесил сыну пощечину. Лист — заявление мгновенно загорелся и осыпался пеплом на землю.

— Не обращайтесь внимания! Марко не в себе! — орал отец-ректор. Публика кричала что-то в ответ. Марко сделал шаг вперед, не сводя глаз с Альберта. Подлетел Освальд, пытаясь поговорить с ректором. Освальд оглядывался по сторонам, что-то вещая на ухо ректору и пытаясь его увести. Альберт молчал. Я чувствовала, как мои пальцы сжимают все сильнее. Отец что-то крикнул. Марко ответил. И тут внезапно из руки ректора Академии вырвалось черное пламя. Я видела, как его лицо искривилось в гримасе ненависти.

— Проклинаю! Проклинаю! — заорал отец, глядя на черное пламя, которое вырывалось из обеих трясущихся от гнева рук. Марко отшатнулся, пытаясь прикрыться щитом. Освальд схватил его и потащил прочь.

— Увести ее подальше! — услышала я голос Альберта, чувствуя, как мои пальцы разжали. Меня кто-то держал на руках. Я вырывалась, пытаясь понять, что вообще происходит. Огромный столп черного пламени, поднялся над «сценой». Я видела, как зрители бросились врассыпную.

— Включите перемещение! — услышала голос Альберта, который тонул в криках. — Убрать всех подальше. Быстро! Еще дальше! Маги сюда! Остальные — отводите людей! Освальд! Живо сюда!

Черное пламя было уже высотой с дом, вызывая у меня животный ужас. Оно, словно лизало своими языками темно-синее вечернее небо. Я видела, как одни инквизиторы оттесняли людей подальше, пока другие ставили щиты, чтобы выиграть время для эвакуации.

— Отходите дальше! — услышала я голос Освальда. — Еще дальше! Никому не подходить. Альберт! Отхо...

— Это смерть! — крикнул кто-то. — Смертельное проклятие!

Меня волокли подальше, а я всеми силами пыталась найти глазами Альберта. Сердце в груди колотилось так, словно в последний раз. Ноги отказывались слушаться. И тут мне удалось увидеть знакомую фигуру стоящую прямо перед черным пламенем. Что-то внутри меня сжалось, вызывая дрожь по всему телу.

— Дальше! — заорал Альберт, сплевывая растрепанные волосы и тяжело дыша. — Еще дальше! Быстрее!

Альберт повернулся в нашу сторону, рассек рукой воздух, и светлая вспышка отбросила нас всех, сбивая с ног.

— Ничего себе! — прокашлялся голос неподалеку. — Че нас такому не учат? Все, подаю заявление в инквизицию!

— Тебя не возьмут, потому, что ты... — слова тонули в шуме.

Я видела, как в эпицентре пламени мелькают черные плащи инквизиции.

— Отходите дальше! Еще дальше! Я что повторять должен! — услышала я знакомый голос. — Не подходить! Щиты не помогут!

Паника, суматоха, крики, люди. Все перемешивалось перед глазами. Я не могла понять, стою я или лежу на земле. В голове нарастал звенящий гул, от которого начались приступы тошноты. Почему-то на лбу у меня была кровь. Я не знаю чья, моя, наверное. Пальцы, на

которые я смотрела, плыли перед глазами.

Еще одна вспышка, отметающая людей подальше. Я искала глазами Альберта, сплевывая на землю. Все было вокруг, как в замедленном кино.

Я попыталась встать, чувствуя, что тело не слушается. Гул в ушах, кровь на руках и одна мысль: «Альберт!». Я сделала несколько шагов, чувствуя, как меня оттаскивают еще дальше. Третья вспышка и я почувствовала пальцами стену. Нет, это — не стена. Это брусчатка.

— Отойди! Не лезь туда! — кричал голос, похожий на голос Освальда. — Мы попробуем... Не убивай...

— Уже попробовали! — слышала я голос Альберта.

Я снова встала, чтобы увидеть, как черное пламя гаснет, становится все меньше и меньше. Я попыталась выкрикнуть имя, но голос утонул в шуме. Кто-то совсем близко кричал и звал на помощь. Я еще раз попыталась встать с места и сделать несколько неуверенных шагов в звенящей тишине. Я видела знакомую фигуру, которая отдавал приказы, прижав руку ко рту. По руке текла кровь. Пламя медленно исчезало. Я бросилась обратно, падая и снова поднимаясь. Альберт кашлял кровью, отдавая распоряжения. Кровь текла у него по подбородку.

Один инквизитор, стоявший рядом с Альбертом, снял маску, давясь кровью. Молодая женщина, на руках у какого-то мужчины, кашляла кровью, с ужасом глядя на свои окровавленные пальцы. Чей-то ребенок громко орал: «Мама-мама! У меня кровь... Кхе... Кхе...». Я прорвалась, чтобы увидеть опустевшую сцену, где лежало размазанное по арене тело ректора.

— Альберт, — крикнула я, подлетая к нему и обнимая его, что есть силы. Альберт покачнулся, положив руку мне на голову. Жив.... Жив... Он жив... Господи, я так счастлива... Он жив... Я не устану это повторять... И тут я почувствовала, что он стоит из последних сил. Я напряглась, пытаюсь удержать его изо всех сил, чувствуя, как кровь на моей щеке смешивается со слезами.

— Обопрись на меня... Альберт... — шептала я, понимая, что сама еле стою на ногах. Я стиснула зубы, пытаюсь удержать его. Подоспел кто-то из инквизиции, закинув руку Альберта себе на плечо. Освальд стоял в десяти шагах от нас и смотрел на всю эту картину стеклянными глазами. Марко согнулся в три погибели и смотрел с ужасом на нас.

— Освальд! — бросилась я к канцлеру от магии. — Освальд, что случилось? Что произошло?

Я увидела, как взгляд Освальда скользнул по мне и остановился. Он просто стоял и молчал, глядя сквозь меня.

— Да скажи, наконец! Что случилось! Что произошло? Что с Альбертом? — задыхалась я, цепляясь за его одежду.

Освальд чуть склонил голову, отцепил мои руки, глядя на меня все тем же стеклянным взглядом, а потом развернулся и пошел прочь.

Глава двадцать третья... когда надо, никого не соберешь, зато когда не надо соберутся все!

Альберта положили на кровать, я сняла с него залитую кровью одежду, с радостью обнаруживая, что на нем ни царапинки. Один из инквизиции, снял маску тяжело вздохнул, обнажая усталое и небритое лицо со шрамом на левой скуле, сел рядом с Альбертом и взял его за руку. Его рука засветилась странным светом.

— Ваша Милость, — позвал целитель.

— Альберт, — прошептала я, забираясь на кровать и глядя на бледное лицо любимого. Я убирала волосы с его лица, гладила его щеки, кусая себе губы, чтобы не расплакаться и не запаниковать.

Альберт прокашлялся кровью, которую я тут же вытерла с его подбородка, и открыл глаза, вызывая у меня чувство невероятного облегчения. Он положил руку мне на щеку и скользнул по ней, пытаясь вытереть мою засохшую кровь.

— Миссис Краммер, принесите воды. Будьте так любезны, — произнес целитель.

Воды? Да? Сейчас! Одну секунду! Где вода! Какую надо? Я бросилась за стаканом, потом вспомнила, что в моей комнате стоит целый графин! Я метнулась в свою комнату, принесла графин и стакан, чувствуя, как у меня трясутся руки. Когда я осторожно, чтобы не расплескать воду, внесла ее в комнату я услышала голоса. Альберт сидел на кровати, глядя на подчиненных, которые сняли маски. Непривычно видеть лица инквизиторов. Раньше для меня они были все безликими. Я даже не задумывалась, чье лицо скрывает маска, а теперь я вижу, что это — обычные люди.

— Они дадут разрешение... По нашим данным пострадало более сорока человек. Маги после случившегося не захотят усугубить свое и без того шаткое на данный момент положение... Я немного облегчу боль... Я даже останусь здесь, если вам станет плохо...

— Вы можете воспользоваться моей комнатой, — предложила я, — Второй этаж, третья дверь. Там есть все необходимое. Если что я позову вас.

— Вы не переживайте. Такое уже было шесть лет назад, — мне на плечо легла рука целителя. — Мы уже подали прошение. Его должны рассмотреть в кратчайшие сроки.

— Какое прошение? — спросила я, набирая воды из графина в миску и вытирая лицо Альберта. — Я спрашиваю, какое прошение?

— Не волнуйтесь, все хорошо... — ответил целитель. — Я сейчас лично узнаю, рассмотрели его маги или нет.

Нас с Альбертом оставили вдвоем. Я стирала кровь с его шеи и груди, чувствуя, как от волнения у меня трясутся руки. Без паники... Альберт жив...

— Все будет хорошо, — услышала я, чувствуя, как теплая рука скользнула по моей щеке. — Ты вся в крови... Тебя ранило? Сильно?

— Нет, нет, нет... Просто царапина, — успокоила я, стирая с лица свою кровь и выжимая тряпку.

Я чувствовала в горле ком, вытирая кровь с плеча Альберта. Он поймал мою руку и поцеловал ее, вызывая в моей душе приступы теплоты и мучительного страдания от неизвестности.

— Полежи рядом, — услышала я, когда отставила миску на стол. Я свернулась в клубочек и положила голову ему на грудь, вслушиваясь в биение его сердца. На выдохе у

меня из груди вырвался непроизвольный стон. Дайте мне машину времени, я вернусь в прошлое и голыми руками задушу ректора. «Здравствуйте, я подписать диплом. К вам можно?». А потом выйду, вытирая об себя окровавленные руки, прикрывая за собой дверь. "Ректор попросил его не беспокоить!"

Ангел рыдала на плече у демона, который обнимал ее, осторожно, словно боясь повредить ее белоснежные крылья вдохновения. «Тише!» — шептал демон, успокаивая ее и меня. — «Тебе сказали, что все будет хорошо. Думаешь, тебе бы стали врать? Потерпи немного. Сейчас они получают какое-то разрешение. А потом все будет хорошо!»

Я начала понемногу успокаиваться, разглаживая одеяло на груди Альберта. Он положил руку мне на плечо, осторожно проводя пальцами по разорванному рукаву платья.

— Переоденься и умойся. Приличные девушки в таком виде не ходят... — услышала я голос, от которого рассмеялась. Мой смех был похож на плач.

Дверь открылась, я резко оторвала голову от Альберта, глядя на инквизитора, который вошел в комнату и снял маску.

— Сорок шесть человек, Ваша Милость. Маги медлят. Сказали, что постараются дать ответ, как можно быстрее, — вздохнул он, снимая маску. — Приказ выполнен. Я попытался связаться с Освальдом, но он не хочет никого принимать. Он сейчас в Академии. Вы как себя чувствуете?

— Хорошо. Сейчас немного полежу, и все пройдет... — рука скользнула по моим волосам. — Принеси мне воды, Анна. Только холодной...

Я посмотрела на графин, стоящий на столе, посмотрела на Альберта и на целителя, потом нехотя встала, понимая, что меня просто просят выйти. Я вышла за дверь и затаилась.

— Ничего ей не говорить, — услышала я голос Альберта, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Говорите, что все будет хорошо. Если будет спрашивать и настаивать на ответе, отвечайте, что я скоро поправлюсь. Вы меня поняли? Не надо ничего ей рассказывать и объяснять. Я не хочу, чтобы она нервничала. Понятно?

— Да. Мы ждем ответа. Если ответ будет положительный, то врать не придется. Тут обычная магия бессильна. Пиала Арадала поможет. Я уверен в этом. Как шесть лет назад. Правда, тогда этот вредный старикашка Блэквуд упирался до победного, но и его дожали, — ответил целитель, вздыхая.

Я молча набрала воды, а потом принесла ее, подавая стакан Альберту дрожащей рукой. Он сделал глоток, а потом попросил поставить стакан на стол. Через минуту он закашлял. Целитель тут же дал ему платок, чтобы утереть кровь, текущую по подбородку.

Время шло. «Ну чего ты, маленькая?» — шептал демон, обнимая дрожащего ангела.

— «Если надо мы вместе сходим к Освальду!». «Я — не маленькая!» — всхлипнула ангел, прижимаясь к демону плечом. — «Я уже большая... Я большая Любовь». «Этс хорошо, чтобы ты уже большая!» — усмехнулся демон. — «Я тоже немаленький. Я тут с каждым днем, проведенном в этом мире, расту, как на дрожжах!». Он осторожно наклонился к ангелу и поцеловал ее. Ангел подняла на него заплаканные глаза и доверчиво прижалась, сложив крылья.

Я лежала рядом с Альбертом, вслушиваясь в его дыхание. В моих глазах стояли слезы. Иногда я поднимала его руку и целовала ее, пытаясь проглотить ком в горле. Два часа ночи. Ответа от магов нет. Сколько можно, а? Неужели сложно дать эту пиалу? Почему они так долго думают! Мне удалось немного вздремнуть. Пять часов утра.

— Пойдите, искупайтесь, — тихо произнесла миссис Бэнгз. — Я посижу здесь. Если

что, я позову вас.

Так быстро я еще никогда не мылась и не переодевалась. С мокрыми волосами, я влетела в комнату, напугав миссис Бэнгз до полусмерти.

— Простите, мне показалось, что меня звали... — прошептала я, глядя на спящего Альберта и понимая, что мне уже начинает казаться.

Время шло. Новостей не было никаких. Я смотрела на книги, лежащие аккуратной стопкой на столе, смотрела на записи, понимая, какая же это ерунда, по сравнению с тем, что происходит сейчас. Сжимая кулаки от бессилия, тяжело дыша, чтобы не дать слезам сорваться, я смотрела в окно. Я готова была сорваться и бежать в Академию, чтобы лично поговорить с Освальдом.

Альберт проснулся. Я встрепелась.

— Ты как себя чувствуешь? — нежно спросила я, убирая волосы с его лица и целуя его щеку. — Кушать хочешь? Давай ты немного покушаешь? А? Ну чего ты?

Не дожидаясь ответа, я потребовала принести тарелку с едой и ложку. Я села рядом, осторожно набрала ложку, чувствуя, как у меня перед глазами все плывет.

— Ты решила мне отомстить? — со вздохом спросил Альберт, усмехаясь и глядя, как я осторожно подношу ложку к его рту.

— Ага. Спала и видела, как отомстить. Думала дождаться старости, чтобы делать это дрожащей рукой, расплескав все на тебя, но потом решила, что надо потренироваться сейчас, — вымученно улыбнулась я, глядя как он берет у меня ложку и ест сам.

— Я тебе такого удовольствия не доставлю, — усмехнулся Альберт, закашлявшись. Поел он совсем немного, а потом вернул мне тарелку.

Я отнесла ее на столик и тут же села рядом, глядя его руку и прижимая ее к своим губам, словно пытаюсь согреть ее своим дыханием.

— Как ты себя чувствуешь? У тебя что-то болит? — спросила я, пытаюсь успокоиться. Раз разговаривает и шутит, значит, не все так плохо. Это тебе не придурок с тридцать семь и один, который корчится в предсмертных муках, крича, чтобы я срочно звонила его маме, в скорую и ритуальное бюро.

— Я просто немного устал, — со вздохом ответил Альберт, глядя на меня. Во взгляде я ничего не могла прочесть, зато рука, которая осторожно убирает мои влажные волосы с моего лица, говорила о многом. У меня из груди непроизвольно вырвался глухой стон.

Пять часов вечера. Я лежала у Альберта на груди, чувствуя, как он гладит мою голову.

— Поцелуй меня... — услышала я тихий голос.

Я приподнялась на локте, изумляясь услышанному. Я посмотрела на его лицо, а потом осторожно прикоснулась губами к его губам, задышавшись, от душивших меня рыданий. Альберт прижал меня к своей груди, глядя мои вздрагивающие плечи.

Шесть часов вечера. Время ползло, как ленивая черепаха. На пороге комнаты появился отряд инквизиции.

— Мы взяли дом в оцепление. Возле Академии беспорядки. Освальд отказался давать пиалу. Люди требуют возродить Белую Инквизицию и взять Академию штурмом, — отрапортовал один из вошедших. — Пока что это только лозунги. Но неизвестно, чем дело кончится. Мы пытались прорваться в Академию, потеряли двоих. Маги сражаются не на жизнь, а на смерть.

— Белую Инквизицию? — переспросила я, вставая и вытирая слезы. — Что значит Белую Инквизицию?

— Это значит, что все маги должны умереть. Все до единого. Мы поставили оцепление возле дома. Мало ли, — ответил инквизитор. — Вы как себя чувствуете?

Альберт попытался встать, но я его удержала. Я-то знаю, что он встанет. Я даже догадываюсь, что не одна я ходила на работу с температурой тридцать восемь с половиной.

— Я сама пойду к Освальду, — ответила я, укладывая Альберта на кровать и ложась сверху. — Я найду его и потребую объяснений.

— Никуда ты не пойдешь! Проследить, чтобы она не выходила из дома, — приказал Альберт. — Приказ понятен? Выполнять!

«Наивный!» — усмехнулся демон. — «Мы тут будем сидеть и плакать? Ага, сейчас!»

Инквизиция удалилась, прикрывая за собой дверь. Альберт посмотрел на меня и произнес.

— Подойди сюда. Присядь, пожалуйста, — он протянул руку, которую я поймала и поцеловала. — Анна, помнишь, я говорил тебе о темноте... Помнишь, я говорил тебе о том, что есть черта, дальше которой я ничего не вижу...

Все! Все! Не надо! Замолчи! Ничерта там нет! Не надо меня расстраивать!

— Нет никакой черты! — выпалила я, сжимая его руку. — Нет! Нет! Нет!

— Подойди к секретеру. Третий ящик сверху. Достань оттуда бумаги, — произнес Альберт, не сводя с меня глаз.

На ватных ногах я подошла, выдвинула ящик и увидела свой альбом, поверх которого лежало... Нет... Нет... Я посмотрела на Альберта, слегка наклонив голову.

— Ты что? Умирать собрался? — усмехнулась я, чувствуя, как руки мои дрожат. — Завещание написал? На мое имя? Отлично!

Мне плохо... Мне сейчас действительно плохо...

— Достань кольца. Обручальные, — произнес Альберт, глядя на меня и убирая волосы с лица. Приступ кашля не дал его договорить.

— Нет. Ничего я доставать не буду. Я планирую нормальную свадьбу. Я уже платье себе придумала, — соврала я, глядя на него. — И список гостей составила. Учти, там будет два мага.

Я снова легла рядом, как верная собака, прижимаясь к своему хозяину. Есть жены — кошечки. Есть жены — собачки. Так вот, я по уверению моего бывшего супруга — редкостная собачка женского пола.

— Анна, — услышала я тихий вздох, вызывающий у меня тупую боль в груди- Достань документы... Я прошу тебя...

— Еще чего! — ответила я, кусая губы, чтобы не дать пролиться слезам. Я лежала у него на груди и смотрела в стену, чувствуя, как он обнимает меня. Я не знаю, кому сейчас было тяжелее. Отчаяние постепенно растекалось по моей душе, вытесняя все чувства. Остаться здесь, чтобы быть с ним рядом до конца. Или уйти, чтобы сделать все возможное, чтобы этот конец не наступил. Любая ошибка будет стоить мне сердца. Если я просто возьму и останусь, то я прокляну себя за то, что не сделала ничего ради спасения. А если я уйду и не успею, то я всю жизнь буду проклипать себя за то, что меня не было рядом в тот момент, когда я была ему нужна. Как поступить?

«Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей!» — тихо-тихо наизусть прочитала ангел, закусывая губы и сжимая маленькие кулачки. «У всех золотых знамен, у всех мечей, я ключи закину и псов прогоню с крыльца — оттого что в земной ночи я вернее пса!» — прошептала я одними губами, смахивая слезы. Решено.

Альберт уснул, обнимая меня. Я стиснула зубы, тяжело дыша, приподнялась на локте и поцеловала его губы, пытаюсь заглушить стон, который рвется у меня из груди. Я целовала его, глядя его по лицу.

— Ты не против, если я нарушу парочку законов? Ладно, парочку — это я приуменьшила. Ты же меня не просто поругаешь, не так ли? Держись, любимый. Не бросай меня, — я снова поцеловала его, шмыгая носом и вскидывая голову. — Если умрешь до моего возвращения, я тебя вызову, как призрака! Будешь мне на мозги капать!

На стуле лежал его черный плащ и маска. Я глотала слезы, глядя на разорванный плащ и стирая кровь с маски.

«Всех впускать, никого не выпускать!» — усмехнулся демон, глядя, как я надеваю капюшон, и цепляют маску. Я сгребла из секретера деньги, на случай, если придется давать взятку. «Если не берут взятку, придется давать по морде!» — усмехнулся демон.

Я спокойно спустилась вниз, чувствуя, как слезы под маской сохнут.

— Все в порядке? — спросил меня кто-то из инквизиции. Я кивнула.

— Часть наших перешла на сторону Белой Инквизиции. Они сейчас формируют отряды. Мне так сказали, — вздохнул инквизитор. — Новые приказы для нас были?

— Охранять Альберта! Любой ценой! — крикнула, отходя на приличное расстояние. Я быстрым шагом, не смотря на крики за спиной, прошла три секторали, чтобы увидеть, как инквизиция в белом вытаскивает из дома знакомого агромага.

— Вы не имеете права! Отпустите меня! — орал агромаг, швыряясь заклинаниями и хватаясь за медальон телепортации. На его ноге был только один тапок, халат был распахнут, обнажая клетчатые штаны. Из разбитых окон его дома вырывалось пламя.

— Да что же вы творите! Там же Сикус! Там же Носокус! — верещал старик, пытаясь зацепить заклинанием хоть кого-то из инквизиции. Я затаилась, чтобы не попадаться на глаза.

«Почему — то плакать мне не хочется!» — отозвался демон. — «Зато рука сама поднимается помахать напоследок!». «Альберт!» — зарыдала ангел, уткнув лицо в маленькие ручки. «Тише, большая моя Любовь, тише!» — усмехнулся демон, целуя маленького ангела. — «Все будет хорошо! Это я тебе, как Опыт говорю!».

Я миновала четвертую сектораль, где было относительно тихо. На третьей секторали толпа поджигала дом, ликуя и радуясь. Из окна летели заклинания, и валил густой дым.

— Простите, — услышала я голос из подворотни, где как побитая собака, обняв колени сидел грязный Марко. Я его и не узнала.

— Не прощаю, — усмехнулась я, оглядываясь по сторонам. — Ты что здесь делаешь?

— А куда мне еще пойти? Спасите меня, умоляю... Я ведь ничего плохого не сделал!

— взмолился Марко, глядя на меня полубезумными глазами. — А что, в инквизицию берут даже девушек? Я об этом не слышал... Я умоляю... мой дом горит... Я еле выбрался... там осталась наша служанка... Она тоже маг.... Она сказала мне бежать.... Я... не...

Я сняла маску, оглядываясь по сторонам. «Мы же не бросим его в беде?» — взмолилась ангел. «Маги всякие важны, маги всякие нужны!» — согласился демон, критично осматривая Марко, так словно выбирает корову на ярмарке. — «Пока его будут убивать, мы успеем убежать!».

— Вставай! Хватит сопли размазывать! — прошипела я, стягивая с себя плащ и маску и протягивая ему. Тон и интонации были уже отрепетированы в первом браке и действовали на «паникующее чмо», как на «сидеть» на дрессированную собаку.

— Что смотришь, волшебник-недоучка. Одевай! Мечтал померять? Давай! Не меня же разыскивают? — возмутилась я, швыряя ему одежду. — Раз.... Два...

Дом полыхал, а толпа двинулась по следующему адресу. У белой инквизиции сегодня очень плотный график.

«Аутодафе с доставкой на дом!» — усмехнулся демон, обнимая и целуя в лоб напуганного ангела. — «Да вот, пригласили на шашлыки. Я-то против, но белая инквизиция — за!»

Марко дрожащими руками цеплял плащ и маску, глядя на меня.

— Я видел вас... вы сидели рядом с канцлером... Вы... его супруга? — спросил он, накидывая капюшон. — Как он? Я просто видел, как он вместо того, чтобы отступить, как остальные...

— Заткнись, — огрызнулась я, выглядывая из-за угла. — Мне нужно в Академию! Мне нужен Освальд!

— Телепортация не работает, — шмыгнул носом Марко. Голос его дрожал. — Придется идти пешком! Ненавижу ходить пешком... Это так утомительно...

— А я ненавижу мужиков, которые нюют, как бабы. Это так утомительно! — огрызнулась я, таща за собой сына того, кто попытался отнять у меня то, что я не хочу отдавать. Ни при каких обстоятельствах.

«Был — мажор, стал — минор!» — заметил демон. — «Что ты хочешь от представителя золотой молодежи?»

Мы дошли до площади возле Академии, где собралась целая толпа. Стены Академии хранили тишину. Отряды «белой инквизиции», разрабатывали план по наступлению, держа Академию в оцеплении. На брусчатке лежало два тела инквизитора в черном. Мне стоило взглянуть налево, где из земли торчал шест, оставшийся после праздника, возле которого были свалены доски с разбитых трибун, как по спине пробежал табун мурашек. К шесту привязывали знакомого агромага, под улюлюканье толпы. «Абдулла! Поджигай!» — прокашлялся демон. Марко смотрел на все это и дрожал, как осиновый лист.

— Ищи люк! Мы попробуем пройти сквозь канализацию! Ты сможешь открыть замок? — я дернула Марко за плащ и потащила за собой.

— Я не хочу в канализацию... Там грязно... Может, просто подойти и попросить нас впустить... Сказать, что мы просто хотим поговорить... Я уверен, что Освальд меня впустит... — предложил Марко, поправляя маску.

«Кого он мне напоминает?» — осведомился демон. — «Как я мог забыть! Нашего бывшего мужа!». «Ты не говори так, иначе, я его сейчас голыми руками задушу!» — рывкнула я, лихорадочно ища под ногами люки. Где-то я видела их! Надо отойти подальше!

Я затащила Марко в переулок и увидела крышку люка с большим замком.

— Открывай! — приказала я, оглядываясь по сторонам.

— У меня ключа нет! — возмутился Марко, приседая рядом с люком.

«Давайте его убьем, чтобы не мучился!» — предложил демон. — «Гуманно! Сорок ножевых ранений и контрольный выстрел в голову!»

— Давай, магией! — заорала я, кусая губы. Крики с площади становились громче. Я занервничала.

— Ну если магией... Сейчас я подумаю! — Марко поднес руку к замку и... и ничего! Марко попробовал еще раз, а потом посмотрел на меня сквозь маску.

— Таких не берут в инквизицию! — усмехнулась я, вспоминая Альберта. Из груди

вырвался стон. «Я тебя отвоюю...» — повторила я себе строчки стихотворения Марины Цветаевой.

Через десять минут замок треснул. Я закатила глаза, глядя на перепуганного до смерти Марко, который дико извинялся за свою неудачу, тряся рукой. Пришлось взять какую-то палку и сломать треснувший замок пополам. Я присела и отодвинула тяжеленую крышку люка.

— Давай, волшебник — недоучка! — скомандовала я, пихая его в люк.

— Там грязно! — возмутился Марко, заглядывая вниз. — Я туда не полезу!

«Раз... два... три...» — начал отсчет демон. — «Пни!». Ангел охнула, закрывая лицо руками. Марко упал в люк. Через секунду оттуда раздались стоны и нытье. Я молча слезла вниз, задвигая крышку. В темноте Марко корчился на земле, прижимая к груди ногу.

— Мне кажется, я ее сломал... — ныл он. Я посмотрела на съехавшую маску и искривленное болью лицо.

«Бросай это гиблое тело!» — скривился демон. — «Хотя нет, нам еще одну дверь открывать!»

— Подъем, подъем, кто скулит, того убьем! Вставай, парниша, нам предстоит открыть еще одну дверь. Откроешь мне еще одну дверь и свободен. Лежи, ори, корчись, сколько душе угодно! — рявкнула я, вслушиваясь в эхо. Примерно таким образом мне удавалось заставить своего бывшего мужа прибить полочку для специй на кухне.

— Мне больно... Я не смогу идти! — взмолился Марко, кусая губы.

— Мне что? — сладеньким голосом, но сквозь зубы заметила я. — Подуть на вавочку! Вставай! В Академии по любому есть целитель! Ладно, как хочешь. Ползи за мной, если хочешь жить.

Я схватила его за капюшон, пытаюсь понять, где я нахожусь, и потянула его, прикасаясь рукой к отсыревшей стене.

Марко встал на ноги и поковылял следом, прихрамывая на левую ногу и потирая ушибленный локоть.

— Свет включи! — потребовала я, чувствуя, что курсы диктаторов я закончила экстерном.

Дрожащими руками Марко сотворил какой-то шарик света, смахивающий на перегорающую лампочку-пятиватку. Свет осветил большую крысу красного цвета, уцелевшую после рейда инквизиции.

— Я крыс боюсь! — простонал Марко, цепляясь за меня.

— Детка, — остановилась я, сурово глядя на сына ректора. — Тебе сколько лет?

— Пя...пятнадцать! — выпалил Марко, повергая меня в шок. — Просто отец сказал, что чем раньше я начну учиться, тем большего достигну.... Поэтому меня отдали в Академию, когда мне было одиннадцать! Всем было пятнадцать, а мне одиннадцать...

Мне так многое хотелось ему сказать, но я вздохнула, понимая, что передо мной большой ребенок. Половина слов, которые уже готовы были втоптать в грязь его мужскую самооценку, моментально слились в одно.

— Заюшка, — прокашлялась я. — Не бойся, тетя рядом! Тетя тебя в обиду не даст! Закрыв носик и иди рядом. Можешь дать тете ручку, если страшно!

«Наш клиент!» — кивнул демон. — «Маменькин сынок! Ха! Еще и в инквизицию просился! Да его с первого же рейда Альберт на плече обратно бы нес!» А я-то думаю, почему Альберт молчал на трибуне. «А что ему сказать? Ты подрасти немного, согласны

подождать?» — закатил глаза демон, не выпуская из объятий ангела.

Услышав мое сюсюканье, Марко вздохнул и поплелся рядом, с ужасом глядя на трубы, залитый водой пол и страшные потолки.

Мы дошли до двери, ведущей в Академию.

— Давай, малыш, открывай! — вздохнула я, закатив глаза. — Вспоминай, чему тебя учили и открывай тете дверь! Тете очень надо к канцлеру от магии. Если тетя попадет к канцлеру от магии, то у тебя есть шанс в будущем стать инквизитором! Тетя замолвит за тебя словечко!

— Почему вы так со мной разговариваете? Как будто мне семь лет! — возмутился Марко, разглядывая дверь.

«Все выросло, кроме ума!» — сардонически заметил демон, глядя на дите с внешностью мужика. «Я все не проверяла!» — отозвалась я, нервничая. — "И проверять не собираюсь!"

— Давай, заюшка, открывай, заюшка, дверь, заюшка! — я шумно втянула в себя воздух. Именно так я ругаюсь с чужими детьми, когда они становятся невыносимыми. Между слов просились очень некультурные слова, но чтобы не травмировать родительскую психику и не пополнять словарный запас любознательных чад, я всегда заменяю плохие слова одним хорошим, не меняя при этом интонации.

Через двадцать минут Марко открыл дверь. Он с изумлением глядел на свои руки и удивлялся больше моего.

— Поднимайся! — скомандовала я. — Быстрее, заюшка! Да что ты медленный — то такой? Вперед! Шевели ножками!

Мы поднялись в холл, где была баррикада. Мутная пелена стелилась по стенам. По холлу шел знакомый усатый маг, который завидев меня и инквизитора, тут же приготовил заклинание.

— Стоять! — рывкнула я, заслоня собой деточку. — Это — Марко. Где Освальд? Освальд где, я спрашиваю!

— Я тебя не пущу! — заорал маг. Его рука вспыхнула.

— А я тебя не прощу! — рывкнула я в ответ. — Марко, давай, води меня! Я тут плохо ориентируюсь.

— Куда! Стоять! — заорал маг, пуская заклинание у нас над головами. Я медленно повернулась.

— Вы тут сдохните. Они собираются штурмовать Академию. И если я сейчас вас отсюда не выведу, то мир станет лучше! Намного лучше, но не таким интересным! Так что рот закрой и смотри, чтобы из подвала ничто не вылезло. Там дверь открыта!

Через две минуты я стояла перед закрытыми дверьми кабинета Освальда. Я постучала в них, что есть силы. Марко, с маской в руках посмотрел на меня, нервно оглядываясь по сторонам.

— Освальд, открывай дверь! Ты что? Повесился? Если повесился, пеняй на себя! — заорала я, толкая дверь, что есть силы. Не поддается.

— Уходите, — услышала я хриплый голос.

Я вздохнула и поняла, что от Освальда пользы никакой.

— Где пиала? — заорала я, пиная дверь. — Отвечай, Освальд!

— Уходите... — голос был тихим.

— Ты в курсе, что вас тут всех сейчас казнят? — заорала я.

— Уходите... — услышала я в ответ.

Я постояла у двери, а потом увидела, как из кабинетов выползают перепуганные маги. Студенты и преподаватели.

— Сколько вас здесь человек? — спросила я, глядя в побледневшие лица. — Сколько?

— Не знаем. Человек сто... — икнула какая-то мадам, теребя медальоны. — В основном студенты... Мы собрали, кого успели! До того, как отключили телепортацию.

— Жить хотите? — поинтересовалась я, понимая, что не могу бросить сто человек умирать. — Давайте, собирайте всех! Мы выходим отсюда за город. На крики прибежал Томас.

— Анабель! — закричал он. — Как ты...

— Всем молчать! — приказала я, чувствуя себя Моисеем. — Томас! Собирай студентов. Сейчас я выведу вас отсюда в безопасное место! Вот-вот начнется штурм Академии. У вас есть пять минут на сборы! Если вашему канцлеру плевать на вас, то вам не должно быть плевать на студентов! Всем собратся вниз! Проверить все аудитории, чтобы никого не забыли.

Дверь в кабинет Освальда открылась. На пороге стоял Освальд, глядя на нас стеклянными глазами.

— Прячься обратно, Освальд. Залезай в свою норку и смотри в свою стенку, — злобно заметила я. — Быстро! Чего встали? Освальд, раз ты вылез, где пиала? Пиала, спрашиваю, где?

Ответить Освальд не успел. Снизу раздались крики: «Они пошли на штурм! Защита пока держится!»

— Быстро! Собирайте всех по этажам! Вниз! — кричала я. — Марко, заюшка, давай, помогай, чего стоишь?

«В неизвестной стороне, на чужой планете, предстоит погибнуть мне в университете, до чего ж очкую я, не сказать словами, плачьте ж милые друзья, горькими слезами!» — пропел демон, глядя на перепуганные лица. «На прощание пожмем мы друг другу руки, и торжественно умрем. Все из-за науки!» — мысленно допела я, чувствуя, как начинаю нервничать. Не за тем я сюда пришла, чтобы вытаскивать из неприятностей виновников неприятностей! «Ох, нелегкая это работа, из болота тащить обормотов!» — вздохнул демон, пока все собирались.

Через пять минут я вела всех подземным ходом. "Давай, Моисей, води свой народ!" — усмехнулся демон.

— Завалить проход! — приказала я. — Устроить обвал! Мы должны выиграть время!

— А вдруг там кто-то остался? — спросил кто-то из студентов.

— Кто не успел — очистит генофонд! — отозвалась я, подавляя кашель. В горле першило и жутко хотелось пить.

— А как мы потом вернемся? — поинтересовался кто-то из студентов.

— Я оставлю инструкции! — закатила глаза я. — Быстрее! Делайте то, что у вас получается лучше всего!

"Косячьте на здоровье!" — закатил глаза демон. Я тяжело дышала, чувствуя, что мой командный голос уже садится. Я увидела знакомый люк. Было бы глупо заваливать проход возле двери, зная, что придется вернуться. Мы прошли люк, по которому мы с Марко сумели проникнуть в Академию. Господи! Дожили! Я это канализацию, знаю лучше, чем крысы!

По закону подлости, в нужном месте потолок обрушиваться не хотел. Это когда не надо он мигом, а когда надо — фигу! Наконец, совместными усилиями он рухнул. Кто-то зажег

свет. Я пробивалась локтями к Томасу. Стариков не было. Были молодые преподаватели и студенты. Напуганные, изумленные и обескураженные они послушно шли за мной. Я тяжело дышала. Вместо того, чтобы искать пиалу, я занимаюсь спасением магов. Отлично! Освальд и еще несколько магов остались в Академии, прикрывать наш отход.

— Направо! — скомандовала я, чуть не оступившись. — Теперь налево.

— Канцлер жив? — спросил Томас, осторожно беря меня за руку.

— Молчи, не говори мне сейчас об этом, иначе я все брошу и вернусь в Академию за пиалой! — простила я. Нас нагнал Джеральд.

— Прости, — тихо отозвался Том, сжимая мою руку. — Понимаешь, в чем дело... Мы пытались открыть хранилище, но ректор его запечатал так, что даже Освальд ничего не смог поделать. Мы бились над ним все это время... Мы не отдали пиалу не потому, что не хотели... Мы просто не смогли ее достать... Мы всю ночь пытались взломать хранилище артефактов! Всю ночь... Мы пытались объяснить это людям, но нас неправильно поняли...

— Я вас вывожу, а потом возвращаюсь в Академию! — ответила я. — Налево!

Если Мойсей водил свой народ по пустыне сорок лет, в ожидании, пока умрет поколение, помнившее рабство, то мне понадобилось сорок минут. И как ни странно, обошлось без жертв.

— Итак, — вздохнула я, вдыхая морской воздух. — Идете в ту сторону. Там есть еда и вода. В море не купаться. У кого-нибудь есть ручка и бумага? Сейчас я покажу вам заклинание, которым вы сможете воспользоваться, чтобы вернуться. Посадка будет на крышу, но это — единственный способ. Пока не возвращайтесь! Здесь вас не достанут.

Я быстро на коленке написала свою формулу.

— Мне плевать, что вы о ней думаете, но она работает! Даже при отключенной телепортации! — предупредила я, передавая листок какой-то мадам. — Все! Я возвращаюсь. Мне нужен кристалл телепортации! Я возвращаюсь в Академию.

— Спасибо... — произнес кто-то из учеников, протягивая мне свой кристалл телепортации. — Спасибо, миссис Краммер...

Глава двадцать четвертая... те, кто всю жизнь жили в очередях, умирают без очереди

— Рукописи не горят!

— Но ведь можно сжечь автора?

«Вместо того, чтобы отпустить студентов на шашлыки, мы вывезли их на картошку!» — заметил демон, а потом широко улыбнулся. — «Видишь, какое идеологически верное поколение! Предпочли поля, мангалу!»

— Я пойду с тобой, — вздохнул Томас. — Джеральд остается тут. Давай листок. О, Ардал, это же бред! Такой формулы...

— ... не существует! Я это уже неделю слушаю! И я хочу это послушать еще лет сто!

— возмутилась я, произнося ее и чувствуя, как скатываюсь с крыши на землю. На этот раз я сильно ушибла правую руку. От боли я чуть не взвыла. Рука висела, словно веревка. Я стискивала зубы, чтобы не разрыдаться.

Следом, но уже более грациозно и изящно спустился Томас, левитируя в воздухе. Я попыталась взять себя в руки и не думать о боли, но попробуй о ней не думать, когда кроме нее ничего не чувствуешь.

И тут сверху на Тома упал Джеральд.

— Приветик! — шмыгнул носом Джеральд, потирая ушибленную ногу. — Не ждали? Думали, что я вас оставлю? Не дождетесь! Ой! Что с тобой? Давай сюда, я посмотрю... Сломала...

Я плотала слезы, стараясь не шевелить рукой. Томас стонал, потирая спину, по которой Джеральд заехал ногой.

— Ладно, рискну! Если что — я не целитель, — заметил Джеральд, положив свои руки поверх моего плеча. Я почувствовала тепло и тут же поняла, что боль отступает. Мои пальцы снова шевелятся.

— Знал, что без меня пропадете! Эх, почему я не пошел на целителя? Послушал родителей, называется! — проворчал Джеральд, помогая мне встать. И тут с крыши скатился Марко.

— Я пойду с вами! Я могу помочь! — прокашлялся он, поглядывая вверх, откуда только что упал. — Я попробую открыть хранилище!

Академия еще держалась. Костер на площади полыхал вовсю, унося жизнь какого-то мага под радостные крики разъяренной и надо сказать многочисленной толпы. «О, как у народа наболело!» — вздохнул демон. — «Понятное дело, столько лет терпеть! Надо же, как быстро сориентировались! Это когда надо, тогда можно годами людей собирать, а когда не надо за пять минут соберутся и самоорганизуются!»

— Томас, ты слышал когда-нибудь про белую инквизицию? — спросила я.

— Еще бы! После катастрофы столетней давности, появилась белая инквизиция, уничтожающая всех магов. Катастрофа, как ни крути, произошла по вине магов. Мой дед застал это время. Он мне рассказывал, что худшего и представить себе не мог. Двадцать лет миром правила белая инквизиция. И двадцать лет магам приходилось скрывать то, что они — маги, передавать знания своим детям, надеясь, что когда-нибудь они пригодятся. Потом, со временем люди поняли, что без магии не выжить. И стали, так сказать, более лояльными, что ли... Но идеи остались. И люди помнят. Просто о белой инквизиции не принято

говорить. За такие вещи можно сесть в тюрьму. Точно так же, как и за призывы к ее возрождению, — вздохнул Томас, сглатывая и растирая грязь по щеке.

— Интересно, с чего бы это? Мне всегда было интересно, магия вообще может обходиться без жертв? — вспыхнула я, думая про Альберта. Во мне говорила бессильная ненависть. — Просто у меня складывается впечатление, что нет! Это все потому, что большинство из магов — безответственные кретины, верящие в свою исключительность! Это все потому, что такие преподаватели, как ты, Томас, рассказывают студентам о том, что магия — это здорово! Весь мир держится на магии! Гордитесь! Делайте что хотите! И вам за это ничего не будет! Потому, что маги нужны этому миру, как воздух!

— А как же поля, которые приносят урожай круглый год! Опреснители воды! Переработка мусора! И многое другое! Даже ручки! Обычные ручки! Все это дала вам магия. В каждой вещи есть капля магии! — вспыхнул Томас, краснея и сжимая кулаки. — Вы, немаги, просто паразитируете на магах! Пользуетесь магическими вещами, а сами возмущаетесь! Да если бы не целители, вы бы тут все сдохли от эпидемий, как сдыхали при белой инквизиции!

И тут между нами встал Джеральд.

— Все, успокойтесь. Хватит! Томас! Успокойся! У тебя на лекциях все равно студенты спят, потому что ты рассказываешь так нудно, что глаза сами слипаются! Так что ты здесь не при чем! Поверь моему опыту...

Томас сделал глубокий вдох, а потом посмотрел на меня.

— Прости, если вспыхнул. Знаешь, я скажу тебе так. Я добровольно стану немагом, когда пойму, что уже не могу себя контролировать — вздохнул Томас, обнимая меня.

— Не обижайся... Я просто сам на нервах... Не думал, что до этого дойдет.

— Мы вообще — то куда — то собирались! — возмутился Джеральд.

Сердце просилось домой. Ангел молил меня вернуться и узнать, как там Альберт, но демон требовал, чтобы я ковала железо, пока горячо. А горячо уже было, но пока еще не мне. В небо устремлялся черный столб дыма.

Я показала, в какой подворотне прячется открытый нами люк, Марко стал спускаться, с опаской глядя на меня.

— Давай, заюшка, давай... — нетерпеливо подбадривала его я. — Шустрее, малыш. Прыгай...

Мы бежали по знакомой дороге, правда, наш путь освещал не унылый шарик Марко, а приличный светильник Тома. Дверь была открыта. Я взбежала по лестнице, чтобы увидеть, как Освальд и шестеро других магов мигом направили на нас заклинания. Освальд пришел в себя, но выглядел плохо. Он стоял, опираясь рукой на стену, пытаясь отдышаться. Один маг был ранен.

— Показывайте, где хранилище! — я потянула Тома за рукав.

— Это бесполезно. Мы перепробовали все способы! — прошептал Освальд. — Думаешь, с чего все началось?

— Все началось с твоей безалаберности, Освальд, — процедила я. — Тебе плевать на все. Ты начинаешь бегать, как раненый только в том случае, если уже все... выхода нет.

— Каждый раз, одно и то же... — негромко простонал какой-то маг-преподаватель в черной мантии. — Как только что-то случается с канцлером от инквизиции, так сразу начинаются разговоры про Белую Инквизицию! Девять лет назад, когда погиб канцлер от инквизиции Эспер, начались возмущения!

— Пока Краммер не захватил власть... — заметил другой преподаватель, сползая по стене от усталости. — Интересно, кто будет новым канцлером от инквизиции?

Я не выдержала, подлетела к магу и от души влепила ему звонкую пощечину, чувствуя, как по щекам текут слезы. Меня оттащил Джеральд, требуя, чтобы я успокоилась.

Хранилище было под землей, красивая дверь с какими-то заумными надписями хранила следы взлома. Помимо копоти и вмятин, на ней красовался отпечаток чьей-то ноги сорок шестого размера. «Вот теперь точно понятно, что перепробовали все способы!» — усмехнулся демон, глядя по голове ангела. — «Не бойся, я свою Большую Любовь в обиду не дам!»

— Марко! — позвала я. — Иди сюда, заюшка... Давай, рассказывай все, что знаешь...

— Отец однажды обмолвился, что... — Марко смутился, покраснел, глядя на дверь, а потом на нас, — что он запечатал ее своей кровью... Он был очень напуган. Несколько ночей подряд не спал.

— Я знаю заклинаний двадцать, связанных с кровавой печатью... — вздохнул Освальд. — Раз уж здесь Марко, почему бы не попробовать... Печати отцов часто открывают кровью сыновей.

«Нам это нужно кровь из носу!» — занервничала ангел. «А парнишка — донор точно переживет?» — осведомился демон. — «Не придется нам тут всем кровушкой скидываться для последующего переливания?»

Через двадцать минут дверь удалось открыть. Освальд простонал, оседая по стене и хватаясь за сердце. Отлегло...

Мы вошли в хранилище, увешанное портретами и витринами. На алтаре стояла небольшая серебряная чаша. «Какое счастье!» — заплакала ангел, задыхаясь. Освальд шагнул к чаше, взял ее в руки, а потом повернулся к нам.

— Это — не она. Это — копия! — прошептал Освальд. Внутри меня все оборвалось. Я села на пол, задыхаясь и упершись руками в пол. Томас попытался меня поднять и успокоить, но я чувствовала, как перед глазами все плывет.

— Тише, Анабель, тише... — шептал Томас, прижимая меня к себе. — Тише... Такое бывает. Просто иногда на время экскурсий для студентов особо ценные артефакты заменяют дубликатами... Просто был уже случай, когда один паренек решил опробовать медальон разрушения... Шутки ради... Поспорил с друзьями на сто эрлингов... Еле успели отобрать...

— Быстро проверьте все артефакты! — заорал Освальд, швыряя подделку на пол. — Осмотреть всё хранилище! Вытаскивайте все! Быстро... Времени мало!

Я задыхалась, пытаюсь справиться со слезами... Не может быть, чтобы все это было напрасно!

— А чаша быстро действует? — с надеждой спросила я, чувствуя, как Том дышит мне в макушку.

— Быстро... Очень быстро... Это — воистину великая вещь, которую чудом удалось спасти. Маги успели перенести ее и несколько сокровищ в Последний Город перед тем, как столицу поглотила пучина. Они знали, что она будет очень нужна... — шептал Томас, тяжело вздыхая. — Она спасла столько жизней, что ты себе просто не представляешь... Все... Успокойся... Мы найдем чашу... Никуда она не денется из Последнего Города...

Я хватала воздух ртом, пытаюсь успокоиться, чувствуя, как меня прижимают к себе и гладят по голове.

— Мы понимаем, что без Краммера нас тут всех сметут... — шептал Том. — Я тоже

очень не хочу, чтобы он умирал...

Как только я стала приходить в себя, как послышался голос Освальда.

— Ее здесь нет. Пропало еще несколько артефактов. Медальон Эрвилла, кольцо Глаттисента и перстень Эйзера. Где они? Их не могли отсюда вынести!

Я чуть не потеряла сознание. И если бы меня не держали, то я бы упала. Все напрасно...

— Марко, скажи, твой отец не говорил тебе, что брал артефакты из хранилища? — Освальд схватил бедного и перепуганного Марко, на которого и так свалилось столько несчастий.

— Я не знаю... Он был расстроен, когда говорил про хранилище. Он сидел несколько дней подряд у себя в кабинете, дома. И у него даже ночью горел свет... — закашлялся Марко, с ужасом глядя на Освальда. — Он постоянно бормотал, что это

— невозможно... Простите, я не спрашивал у него, что он имеет в виду...

— Давайте вызовем сюда его призрак! — предложил кто-то из магов.

— Еще чего не хватало! Тем более, что перстня Эйзера нет! Так, списки тех, кто посещал хранилище! Журнал, срочно! — заорал Освальд, понимая, чем дело пахнет. А дело пахло маринадом, костром и шашлыками.

«Да они молиться на Альберта должны были! Если бы не он, им бы тут давно бы устроили зажигательную вечеринку!» — возмутился демон.

— Вот журнал... Экскурсии и посещения! Все изъятия артефактов фиксировались! — усатый маг протянул пыльный опус. — Здесь все пофамильно... Ничего не изымалось. Нет ни одного артефакта «на руках».

Я смотрела на портреты, висящие на стенах. На шее одного мага висел амулет с синим камнем. Он показался мне знакомым... Нет, не маг, а камень.

— А что это за штука на шее у бородатого? — спросила я у Томаса, показывая рукой на портрет.

— Это почтенный Фрэнк Эрвилл и его защитный медальон. Фрэнк Эрвилл использовал его, чтобы опробовать на себе заклинания стихий! Это — отличная защита для любого мага. Им пользовались, чтобы защититься от стихий! И не только... Это очень мощный артефакт, особенно, когда имеешь дело с магией, которую знаешь плохо... — начал Томас, но я тут же его перебила:

— А много еще таких медальонов? — спросила я, приглядываясь. Слезы на щеках просыхали. Мне ответили отрицательно.

— Вот, его копия! — протянул мне медальон какой-то маг. — Просто обычное украшение... С витрины.

Я поймала медальон рукой и посмотрела на него внимательно.

«Копия медальона Эрвилла! Берите, не пожалеете! С виду — один в один! Модно, стильно, недорого! Защищает владельца от порчи, сглаза и всякой заразы!» — кричал демон над раскладушкой. Под ногами у него стоял ящик с такими же медальонами. — «У нас есть еще кольца, похожие на великие артефакты!»

— У нас есть кольца, похожие на великие артефакты... — прошептала я, оглядываясь по сторонам.

Я бросилась к Освальду.

— Ищи фамилию Эрланс! — прокашлялась я. — Ищи Анабель Эрланс.

— Ты что, не помнишь, была ли здесь или нет? — усмехнулся кто-то из магов, доставая какой-то кристалл. — Нет здесь такой фамилии! Я уже весь журнал пересмотрел!

Коричневое платье, так подозрительно похожее на форму Академии и которое меня уже несколько раз выручало... Тайник под половицей... Магические записи... Призрак на кухне...

Демон достал трубку, закурил, надевая на голову ангела клечатую кепи. «И что вы думаете, Ватман... Да что ты будешь делать!.. Ватсон! Мне кажется, что все элементарно! Анабель, возможно, была магом. Без диплома. Скрытым магом, если можно так сказать! И очень любила свою бабушку, ради которой ограбила Академию, узнав, что бабке захорошело настолько, что ад вздрогнул, прикидывая, с луком и морковкой или лучше с картошкой и грибами...». «Но, Холмс, откуда вы все это узнали?» — спросила ангел, поправляя на голове свою кепи. «Методом, редукции. От сложного к простому. Кто его знает, возможно, многие немагические семьи живут и не догадываются о том, что во времена Белой Инквизиции, их предок прокачал искусство маскировки до уровня «эксперт»», — усмехнулся демон, закусывая трубку. Я прокашлялась, глядя на «сыщиков». «Да-да, миссис Хадсон? Вы что-то хотели?» — спросил меня демон, пуская кольцо дыма. — «Вам пора домой, миссис Хадсон!»

— Я знаю, где лежит похожий медальон... И два кольца... Я нашла их у себя дома, под половицей. Там были записи по поводу смерти и духа умершего! — дернулась я, чувствуя, как ангел внутри меня расправляет крылья.

— Ты точно уверена? — тихо спросил Томас.

— Да. У Анабель лежали странные записи... Мне нужно срочно попасть домой... Том, — сглотнула я, дергаясь к выходу из хранилища. — Если это и есть те артефакты, то значит, есть шанс, что пиала тоже там... Пусть маги остаются здесь, а мы с тобой, Марко и Джеральдом отправимся ко мне домой...

Я выбежала наверх. Освальд, отдал распоряжения оставаться в Академии. Джеральд сидел на корточках и пытался исцелить какого-то мага. Его руки тряслись, по лбу градом валил пот.

— И отлично за семестр, пожалуйста... — шмыгал окровавленным носом Джеральд, глядя на раненого преподавателя. Тот дернулся, а потом затих. Через минуту «пациент» смог встать, пошатываясь и присесть возле стены. — Можно и за год... И в аттестат. Я, конечно, не настаиваю...

Завидев нас, он бросился к нам, сообщив, что защиту один раз сумели пробить. Маги стояли из последних сил.

— Нам нужно выйти отсюда! — я дернула Освальда за рукав. — Мы пойдем через канализацию... Попытаемся выбра...

Я почувствовала, как меня сносит ударная волна. Освальд заслонил меня собой, выставя навстречу волне руку. Томаса отмело к стене, а Джеральд упал ничком на пол, закрывая голову руками.

— Уходите... — заорал Освальд, делая какие-то странные пассы руками. — Мы продержимся, сколько сможем, а потом сами будем уходить...

«Уходя, проверьте воду, газ, утюг и выверните пробки!» — заметил демон, почесав ж... жизненный опыт.

И снова пеший тур по канализации, будь она неладна! Мы выбрались из люка, бросились по направлению к шестой секторали. Магические порталы не работали. Марко отставал. Непривычно было ему бегать пешком. Он схватился за бок, скривившись от боли.

— Я... не... могу... так... быстро... — простонал он, страдальчески глядя на нас.

— Заюшка, а ты еще в инквизиции хотел работать? — возмутилась я, хватая его за руку и таща за собой. Рядом с домом Альберта инквизиции уже не было. Я смотрела на стены, на которых сохранились следы заклинаний, смотрела на камни, которые валялись под ногами. Дверь была закрыта, зато на земле лежало несколько тел в черных плащах.

Я вспомнила, что у меня нет ключа от собственной недвижимости, и полезла наверх привычным способом. Марко посмотрел на меня:

— А вы всегда так в дом заходите, миссис Краммер? — спросил он, удивляясь.

«Молчи! Ребенок в первый раз жизнь увидел и порошу понюхал!» — успокоил меня демон. Через минуту я открыла дверь изнутри, запуская «гостей». Половица была сорвана, на ладони Томаса лежал медальон.

— Это он. Точно он. Я его два раза выписывал. На полчаса и на час. Надо было кое-что проверить, — сглотнул Том, глядя на меня.

Джеральд смотрел на кольца и записи.

— Невероятно... Я бы никогда и не подумал, что она способна провести ритуал такой силы... — маги уткнулись в листочек. Марко осматривал мою спальню.

— А здесь у вас живут слуги, миссис Краммер? — спросил он, глядя на выцветшие и цвелые обои.

— Да, слуги народа! — отмахнулась я, нервничая и заламывая руки. — И? И что? Там есть упоминание пиалы?

— Есть! — заметил Томас, показывая мне на какой-то символ. — Вот. Пиалу взяла Анабель...

— А теперь хороший вопрос. Где она могла ее спрятать? — вздохнул Джеральд. — А мы ее даже домой к себе приглашали... Том, у нас ложки не пропали? Семейные ложки?

— А теперь — конкурс! — объявила я, оглядываясь по сторонам. — Кто быстрее найдет тайник — получит индульгенцию!

— А что такое... — начал Марко, глядя на торчащий гвоздь, — Индуль...

— Ищи, давай, умник! — вздохнул Джеральд. — Дом громить можно?

Я кивнула. Громите. Марко и Джеральд вышли из комнаты. Через минуту раздался грохот.

— Только на кухню не заходите! Там бабка! Призрак! — вспомнила я, нервничая и разрывая матрас. Я попробовала простучать стены.

— Давай попробуем вызвать Анабель... — предложил Том, расправляя записи. — Впервые такое вижу... Она пыталась кого-то воскресить... Невероятно... Сомневаюсь, что ей удалось, но...

«Анабель была гуманитарием!» — кивнул демон.

— Интересный ход решения... — заметил Том. — Единственное, что меня смущает, что быстрый ритуал вызова делается на крови родственника. А вы с Ана... Анабель, ты куда?

— Вниз! За кровью наследника! У меня на двери кухни засохшая кровь наследника! — вспомнила я, таща Тома за руку вниз. Бух! В соседней комнате что-то упало и разбилось. Мальчики вошли во вкус! Ба-бах! «Эй! Полегче!» — раздался голос Марко. Бабка орала так, что хотелось заложить уши...

«Демон...тажников вызывали?» — усмехнулся демон, вслушиваясь в грохот. Ангел нервничала, глядя на него и доверчиво уткнувшись ему в плечо и сжав маленькие кулачки.

Том быстро чертил круг, поглядывая с испугом на дверь с печатью, пока я стояла и смотрела, как на полу появляются символы. В дверь нагло постучали, заставив меня

вздрыгнуть. Я бросилась на второй этаж, глядя, как у дома собралась толпа. Белые плащи мелькали среди толпы озлобленных горожан. В окно влетело несколько камней, заставив меня пригнуться. Опыт уже есть...

— Эрланс! Именем Белой Инквизиции! Ты арестована, как маг! — орал кто-то, пытаясь перекрыть остальных.

Я? Маг? Да с каких пор?

— Да немаг она... — возразил кто-то.

— Ее имя и фамилия в журнале выпускников этого года! — орал кто-то. — Выходи, тварь!

«Прикинемся, что никого нет дома?» — поинтересовался демон. — «Если не прокатит, прикидываемся, что у нас не все дома!»

Народ негодовал, обсуждая, что маг, который прикидывается немагом — еще хуже, чем просто маг.

«Ммм... Мсье знает толк в магии!» — аристократично заметил демон, поправляя волшебной палочкой монокль. — «У нас столько столовых приборов не хватит!». «А ты что их кормить собрался?» — спросила ангел, удивляясь. «Нож — это столовый прибор?» — усмехнулся демон.

— Есть! — раздалось снизу. Кричал Том. — О! Арадал!

— Твари! Паскуды! Ненавижу! — визг бабки не умолкал ни на минуту.

— Я туда не пойду! Там привидение! Лучше просто поджечь дом! — возмущался кто-то на улице. Пока искали желающих увидеть призрака бесплатно, без смс и регистрации, Том положил руки на круг, и тут же перед глазами возникла Анабель с окровавленным лицом.

— Анабель, скажи, где пиала? — взмолилась я, глядя на призрак той, чье имя я ношу.

Анабель молчала и смотрела на меня, а потом на дверь, с кровавым отпечатком руки Альберта.

— Анабель, я умоляю... Скажи, где ты спрятала пиалу. Никто не узнает, что ты ее взяла, клянусь... Просто покажи, где ее искать... Я прошу тебя... — я смотрела на полупрозрачную фигурку. — Она нужна городу... Она нужна мне...

Анабель отрицательно покачала головой.

— Анабель, я понимаю, что ты не можешь говорить, но хотя бы покажи рукой направление! Я прошу тебя! Умоляю! — я тяжело дышала и смотрела на нее. — Я понимаю, что тебе уже все равно, но у меня умирает любимый человек! Она мне нужна...

Анабель подняла голову, а потом склонила ее, глядя своим обезображенным лицом на меня. И тут позади нее появился еще один призрак. Призрак женщины. Она словно вырывалась откуда-то, пытаясь прорваться в наш мир. Через мгновение передо мной стояла мать Альберта. Красивая женщина в очках, с тем же самым холодным взглядом — визиткой, который до сих пор остается для меня загадкой. Она схватила Анабель за горло и что-то беззвучно кричала. Я не могла понять, что происходит. Анабель сумела высвободить руку и показать в сторону кухни. Мать Альберта отпустила ее, а потом подошла ко мне и кивнула. Она смотрела на меня знакомыми глазами, а я стояла и плакала, как ребенок. Мама Альберта, положила мне на голову свою руку, прикосновения которой я не почувствовала. А потом улыбнулась, сверкнув очками.

«Мама таки «за»!» — обрадовался демон, глядя как два призрака растворяются в воздухе.

Я посмотрела на кровавую печать, вслушиваясь в крики бабки по ту сторону двери и

грохот посуды. Откуда-то понесло дымом. Я сначала не поняла, что может гореть, а потом, вслушиваясь в улюлюканье толпы на улице, я поняла, горит мой дом.

— Все сюда! Она где-то на кухне! — заорала я, чувствуя, что запах гари становится невыносимым.

Собравшись с духом, кашляя и задыхаясь, я открыла дверь, глядя как оттуда вылетает бабка с ножом в руках. Томасу удалось увернуться, Джеральд бросился по коридору. А Марко просто сполз по стене, прикрывая лицо руками. Бабка, злобно осмотрелась, а потом, завидев меня, бросилась ко мне, оцарапав мне руку. Том пустил в нее заклинание, и бабка устремилась в его сторону.

— Слышь ты, старая карга! — раздался голос Джеральда в конце коридора. — Я тут хочу пожить семейными ценностями! Показывай, старушенция, где они? Грабить будем тебя! Ха-ха!

Бабка замерла от негодования и бросилась за Джеральдом, который быстро взбежал по лестнице.

Я забежала на кухню, увидев сброшенную со стола посуду и чувствуя невыносимый запах гнилья.

— Ищи, Том! Ищи! — шептала я, раскрывая шкафы и вываливая посуду, пока Том, кашляя от дыма, срывал обшивку со стен, а Марко шарил полу в поисках тайника. Наверху раздался ужасный крик нечеловеческой боли, от которого я вздрогнула, а Том побледнел.

— Сдохни, вор! — орала бабка сверху. — Сдохни! Решил ограбить семью Эрланс? Получай! Думаешь, мы не можем за себя постоять?

И снова крик боли. Руки Марко дрожали, когда он пытался сорвать доски с пола. На кухне тоже был тайник, где лежала внушительная сумма денег.

«Сэкономила! На старость себе собирала!» — усмехнулся демон. — «Похоронные!»

Марко шарил в деньгах, вытаскивая их из тайника. Помимо денег там были какие-то украшения, но пиалы не было. Я била старый сервиз, приговаривая, что это — на счастье...

Все пространство заполнил едкий дым. Я разбила огромную супницу, из которой вылетела пиала... Я бросилась к ней, подняла ее, слушая страшные крики на втором этаже.

Том посмотрел на пиалу и бросился наверх, спасать Джеральда. Я не стала его удерживать, понимая, что Джеральду помощь нужна сейчас, как никогда.

— Марко... Послушай меня внимательно, заюшка... Я прошу тебя... Отнеси эту пиалу в соседний дом... Я умоляю тебя... У тебя получится... Отдай ее Альберту... Я прошу тебя... — шептала я, кашляя от дыма и приглаживая его волосы. Окно на кухне разбил камень. — Марко... От этого зависит все... У тебя все получится... Спаси Альберта...

Марко встал, схватил пиалу, прижав ее к груди. Мы с ним выбежали в коридор. Из стены появилась бабка с ножом в руках. С ножа стекала кровь. Я заслонила собой Марко, который боялся призрака до судорог.

— Марко, дальше по коридору есть окно. Оно забито досками... Давай... Я в тебя верю... Я попробую выиграть тебе время... — прошептала я, понимая, что бросить мальчишку наедине со спятившим призраком, я не смогу. — Давай, Марко... Давай... Скажи Альберту, что я люблю его...

Марко бросился по коридору, унося пиалу.

— Тварь... Позор семьи... — шептала бабка, двигаясь на меня. — Беспутная девка...

— Пощади меня! — ответила я, пятясь к входной двери и слушая, как кто-то выламывает доски. На втором этаже, отрезанном от меня огнем, я слышала стоны.

— Я готова просить прощения на коленях... Я раскаюсь.... Да, бабушка, я была не права... И я сожалею...

Бабка опустила нож, посмотрела на меня.

— Сожалеешь? Это хорошо... Но я тебя всегда учила, Анабель, что позор семьи смывается кровью... — произнесла бабка. — Я же тебя предупреждала... Сколько раз я тебе говорила... Все твое детство тебе твердила... Как твои непутевые родители умерли, так я тебе каждый день повторяла...

Я направила ручку двери и в тот момент, когда нож устремился ко мне в грудь, я успела открыть дверь и вывалиться на улицу. Я почувствовала, как меня хватают, заламывают руки. Я пыталась откашляться от дыма, глядя, как мой дом начинает обрушиваться. Огонь плясал на крыше, вырывался из разбитых окон второго этажа. Я переживала за Тома, Джеральда и Марко. Но сердце болело за Альберта... Я посмотрела на его молчаливый дом — крепость, которая судя по следам боя, не сдалась. Кто-то из дома Альберта выбежал на улицу. Несколько инквизиторов в черном попытались отбить меня у горожан, бросая в толпу заклинания. Но огромная толпа, поглотила меня, словно хтоническое чудовище. Мой дом рухнул окончательно, поднимая вверх сноп искр.

Я не видела, чем закончился бой, молясь, чтобы Марко успел... Меня волокли по земле, пиная ногами. Иногда я успевала прикрывать лицо, от ударов. Кто-то больно дернул меня за волосы, ставя на ноги. Я попыталась вырваться, но вырваться было некуда. Вокруг меня были искривленные ненавистью лица. Белые плащи, белые маски, снова лица... Кто-то выкрутил мне руку, мне в лицо плюнула какая-то женщина, а на моих запястьях сомкнулись наручники.

— Смерть магам! — крикнул кто-то мне на ухо. А я почувствовала болезненный толчок в плечо, от которого покачнулась и упала под ноги какому-то инквизитору в белом.

Меня тащили сквозь весь город. Потом к нам присоединилась еще одна немногочисленная группа, волоча по земле окровавленного подростка. Он был без сознания. Крики вокруг сливались в единый протяжный вой. Перед глазами все плыло. Из носа что-то текло. Я вытерла нос рукавом, и увидела кровь размазанную по манжете и руке.

«Группа крови на рукаве... Мой порядковый номер на рукаве... Пожелай мне удачи в бою...» — прошептал демон, сжимая ангела так крепко, словно боялся потерять. Ангел обнимала его, прижимаясь к нему. «Мне остаться в этом дерьме...!» — прошептала я, разбитыми губами, так и не вспомнив, что там было дальше.

Мне хотелось упасть на землю, закрыть глаза и уши, убеждая себя, что это — не со мной, что это — сон... Недалеко от меня тащили девушку, которая сопротивлялась так, что даже мне стало страшно. Она обожгла заклинанием ближайшего инквизитора, глядя на него, как затравленный зверь. За это ее схватили за волосы, и ударили в лицо так, что она обмякла, падая, как подкошенная на брусчатку.

Нас притащили на площадь перед полыхающей Академией.

Я стояла из последних сил, глядя, как из Академии вытаскивают мебель, ломают ее и бросают в кучу.

«Откуда дровишки?» — спросил демон, глядя с ужасом. — «С пожара, вестимо...». Ангел рыдала, задыхалась, пытаясь справиться с ужасом.

Вместо одного шеста было целых три. Два из них были заняты. Один только разгорался, обрисовывая сквозь пламя человеческий силуэт, второй уже догорал. Не хочу туда смотреть...

«Свободная касса!» — сглотнула я, глядя как к пустому столбу стаскивают доски, оставшиеся от шкафов и парт, как бросают туда ворох каких-то бумаг и папок.

Нас, исполняющих обязанности шашлыка, поставили в очередь мариноваться и взяли под охрану.

— Она! — заорал кто-то тыкая в меня пальцем. Закон подлости, однако. Почему в госучереждениях очередь до меня не доходит, а как на костер, так сразу без очереди?

Меня вытянули из толпы. Демон посмотрел на аутодафе. Каждый мой неуверенный шаг, каждое биение сердца, каждый вздох — сопровождалось животным, липким страхом перед смертью.

Демон закрыл глаза, а потом медленно упал на колени перед ангелом.

«Прости меня, прости... Я ничего не могу сделать... Я... я... я в первый раз чувствую себя бесполезным... Прости меня, любимая... Я хотя бы смог защитить тебя... Я умру, а ты останешься жить... Я так хочу, чтобы ты жила... Не умирай, пожалуйста... Живи...» — прошептал он, цепляясь за ее белоснежные одежды. Ангел присела рядом, обняла его, поцеловала в губы, а потом обернула своими белыми крыльями, прижав его голову к своей груди. «Я тебя не брошу, любимый... Я буду с тобой до конца...» — прошептала она.

Я вскинула голову, чувствуя, как по щекам текут слезы. Меня втащили по перевернутой парте на самый верх кучи, отстегнули наручник. Я попыталась вывернуться, пнуть инквизицию, но мои руки сжимали до боли. Наручник снова застегнулся, приковывая меня к шесту. Какой-то мужчина, лицо которого показалось мне отдаленно знакомым и напоминало лицо продавца из магазина, в котором я постоянно отоваривалась печеньем, свалил из какого-то ящика разбитого стола стопку мятых газет мне под ноги. «Горькая правда». А правильной назвать «Ирония судьбы или с легким дымом»!

Одну газету он поднес к соседнему костру, глядя как пламя начинает пожирать бумагу. Правильно. От вашего костра к нашему...

— Вас погубит не магия! — крикнула я. — Вас погубит ненависть!

Нет, ну пафосную речь я заготовить не успела, извините. Я понимаю, что по отдельности все это — милейшие люди, у них есть свои семьи, есть дети, есть хобби. Все они читают газеты, ходят на работу, ведут себя законопослушно, трепеща перед наказанием. Они осуждают преступников, боятся выходить на улицу в темное время суток и даже бросают бумажки в урну, чтобы избежать штрафа. Но стоит им собраться в толпу, как они становятся частью страшного чудовища. «Это был не я! Это сделал тот, кто стоял рядом! Я просто смотрел!». И так скажет каждый.

Огонь подо мной разгорался. Демон прижимался к груди ангела, которая пыталась накрыть его своими огромными белыми крыльями, целуя его и утешая.

«Знаешь», — вздохнул Опыт, поднимая глаза. — «Скажу честно... Я рад, что нашел тебя... Я рад, что ты стала смыслом моей жизни... Ты — самое дорогое, что у меня есть... Ты — то, ради чего стоило прожить эту жизнь... И мне уже не страшно... Совсем не страшно...».

«Я же сказала, что не брошу тебя!» — прошептала Любовь. — «Я никогда тебя не оставлю... Я умру вместе с тобой! Ведь именно благодаря тебе, я поняла, что я — настоящая...»

Глава двадцать пятая...если вы хотите тепла, достаточно просто попасть под горячую руку

"Сразу видно, дерьмовый человек.

В воде не тонет, в огне не горит..."

Разочарованная толпа

Можно бесконечно долго смотреть на то, как горит огонь только в том случае, если он горит не под твоими ногами! В данный момент я предпочла бы посмотреть, как течет вода! И желательно не по ногам... Огонь подбирался ко мне, вызывая у меня инстинктивное желание залезть повыше. Я дергала руки, пытаюсь освободиться. Едкий дым забивался в легкие. Огонь поднялся настолько, что я реально трухнула, стараясь не смотреть вниз.

Я зажмурилась, молясь всем богам, чтобы задохнуться раньше, чем сгореть. Сейчас должно быть очень больно... Я мысленно сосредоточилась на предстоящей боли...

«Альберт будет жить... Альберт будет жить...» — повторяла я, чувствуя, как из носа, по губам, подбородку и шее течет кровь. Я слизнула ее. Соленая...

Огромная кровожадная, многоголовая гидра, чудовище, рожденное ненавистью и страхом, обвивала костры, упиваясь страданиями тех, кто на них горит. Сейчас она сильна. Сейчас она кровжадна и жестока. Сейчас она вдыхает дым пожарища, а в ее многочисленных глазах отражается фанатичный отблеск костров. Скоро она распадется. Ее головы разойдутся по домам, вспоминая пьянящее чувство, когда сопричасность и безнаказанность сливались воедино. Они про себя назовут это чувство "свободой", а утром, с похмелья, они будут бояться смотреть друг-другу в глаза, но, как однажды сказал Альберт «пока еще сегодня». «Все пошли, и я пошел! Какие ко мне претензии?», «Все жгли, и жег! Я ни в чем не виноват!».

Я ждала и боялась мучительной боли, но ее все не было. Приоткрыв слезящиеся глаза, я смотрела, как огонь пляшет вокруг меня, как языки пламени обнимают меня, не причиняя никакой боли. Не горела даже моя одежда... Я смотрела с изумлением на то, как почернели под моими ногами доски, как поднимаются вверх черные куски горячей бумаги. Огненное кольцо сжималось, но боли не было. Дым набивался в легкие, но пламя гладило меня, ласкало, осторожно прикасаясь ко мне, вызывая лишь легкое покалывание.

«Анна-а-а, Святая Анна! И вот священный огонь пылает, и диво дивное видят люди, огонь преступницу обнимает, ласкает плечи, целует губы!» — пронеслась у меня в голове дворовая песня, которую когда-то мне бросили в соцсети на день рождения, глубокомысленно заметив, что «про Аню!». Возможно, это был намек на то, что меня давно пора сжечь на костре. Я так и не поняла.

Опыт поднял голову, изумленно глядя на Любовь. Любовь сама смотрела на Опыт с удивлением.

«Это что-то новенькое!» — удивился Опыт, оглядываясь по сторонам. — «Что-то я такого даже представить себе не мог!» «А я верила в чудо!» — возликовала Любовь, расправляя прекрасные крылья.

«Нет, в это чудо по имени Аня, я тоже верил, но это как-то выше моего понимания!»

— озадачился Опыт. — «Теперь главная цель — не задохнуться от дыма! Огнетушитель и противогаз! Срочно!»

И я попыталась дышать через раз, чувствуя, как слезятся глаза. Огонь под ногами стал

постепенно угасать. Доброжелатели посмотрели на меня слегка озадаченно, с легким оттенком сомнения. «А не ведьма ли она?» — читалось в подозрительных прищурах. «Ага, а сжигают нас для профилактики! Мы тебя сожжем, а ты больше не колдуй!» — пригрозил пальцем крайне озадаченный Опыт. «А вдруг они решат, что Аня — святая?» — спросила Любовь. — «Вдруг нас канонизируют?». «Ну да, есть такая народная забава, сначала бить камнями, а потом челом!» — усмехнулся Опыт.

— «Почти во всех религиях есть товарищи, которых сначала зверски замордовали свои же, а потом «ниспошли нам благодать, денежек побольше, здоровьица, счастьяца в личной жизни и всех-всех благ! Пожа-а-алуйста!»»

Я посмотрела на зрителей, взглядом далеким от святости. Если вдруг канонизируют, то у них здоровьица не хватит себе блага вымаливать. В толпе нарастал ропот. Народ перешептывался, чувствуя себя явно неуютно. Еще бы! Наверное, таким взглядом смотрела на меня престарелая резиновая маринованная курица из духовки, когда я ее тыкала вилочкой, пытаясь определить степень готовности.

— Тащите еще доски! — заорал какой-то неугомонный мужик. — Больше досок! Все, которые есть!

«Анна Д'Арк! Ремейк на «Жанну Д'Арк». Дубль второй, сцена последняя. Сожжение!» — заметил Опыт. Любовь скептически посмотрела на людей, а потом на головешки под моими ногами. «А мне казалось, что второй раз не казнят!» — удивилась она, глядя не бессовестных зрителей. «Расскажи об этом декабристам!» — усмехнулся Опыт, закатив глаза.

«Обидно, что завтра они будут спокойно сидеть дома, пить чай, играть со своими детьми, свято веря в то, что ни в чем не виноваты!» — вздохнул демон. — «Чем больше народу, тем меньше процент вины!». «Всех не передушишь, всех не пересадишь!» — отозвалась я.

Мне под ноги кинули все доски, которые смогли найти, бросили какие-то книги по магии для растопки, и опять подожгли. И снова я пыталась не вдыхать дым, чувствуя, что огонь не причиняет мне ни малейшего вреда. Я надышалась дыма на несколько лет вперед, чувствуя, что меня мутит и тошнит. «Пока не прижмешься к Альберту, не вздумай терять сознание!» — прошептала Любовь.

— Да что это такое! — возмутилась какая-то садистская непосредственность. — Давайте ее просто камнями забьем! Или свернем шею и дело с концом! Че зря дрова палить? У нас еще пять магов!

«Кто без греха, пусть первый бросит в меня камень!» — произнес Опыт, понимая, что только за такие слова можно сразу получить булыжником по голове.

Это был первый и единственный раз, когда мне хотелось, чтобы огонь горел чуточку дольше... Как только костер прогорел, меня стащили вниз, швыряя на землю. «Пока не обнимешь Альберта...» — напомнила Любовь. Меня несколько раз ощутимо пнули. Я попыталась встать, чувствуя, что на правую ногу я наступлю не скоро. У меня из кармана выпал... медальон Эрвилла. Вот оно — чудо, которое я не глядя, на автомате сунула в карман, когда мы рассматривали содержимое тайника.

Я схватила медальон, понимая, что от камней он меня вряд ли спасет. Я попыталась сжаться, прикрыв голову руками, пока народ разбивал брусчатку, окружив меня со всех сторон... «Пока не обниму Альберта....» — шептала я, как молитву, не чувствуя боли. — «Пока не обниму Альберта...»

И тут я почувствовала, как моих гонителей сметает и сбивает с ног светлая волна.

Что-то огромное и черное пронеслось перед моими глазами. Это было так неожиданно и жутко, что я сама задержалась.

Вторая волна отмела оставшуюся часть толпы, и швырнула их на землю. Белая инквизиция пыталась поставить щиты, но огромная черная тварь бросилась на них, с легкостью повалив на землю одного из них. Белая одежда обагрилась кровью. Тварь принялась за второго, расправляясь с ним в считанные секунды. Третий не стал испытывать судьбу и показывать доблесть, поэтому попятился... Остальные бежали, смешиваясь с толпой.

«Кто не успел, тот опоздал!» — вздохнул Опыт, доставая блокнот и ручку. «Что ты делаешь?» — спросила Любовь. «Учусь, как разгонять несанкционированные митинги!» — прокашлялся Опыт. — «Мало ли. Вдруг пригодиться?».

С лица белого инквизитора, пытающегося увернуться от прыгнувшей ему на грудь твари, слетела маска, обнажая молодое и до смерти перепуганное лицо. Из его руки выпал увесистый камень...

— Шаг назад! — услышала я громкий голос, понимая, что мне не чудиться. — Вот черта. Заступите за нее — сдохните! Тварь! Не пересекать черту! Если кто-то пересечет ее — убить!

Между мной и толпой пробежала огненная змея, оставляя за собой пылающую черту. Люди в ужасе отшатнулись от нее. Несколько камней полетело в меня. Правильно, не пропадать же добру? Что? Зря брусчатку разбивали? Я инстинктивно сжалась, чувствуя, как один камень все-таки попал мне по руке. В Альберта, который двигался в мою сторону, полетело заклинание, которое тут же отразили десяток черных инквизиторов, стоящих по обе стороны от канцлера. Один из них бросился ко мне, заслоняя меня полупрозрачным щитом от летящих камней. «Пока не обниму Альберта!» — возликовала Любовь.

— Еще один камень или заклинание — вы все сдохните прямо здесь в полном составе! Пощады не будет! Тварь, слушай приказ. Переступят черту — убивай!

Я увидела, как ко мне приближается Альберт в сопровождении десятка черных инквизиторов. Недоеденный Воней представитель белой инквизиции был еще жив и валялся на брусчатке.

— Назад, тварь. Охранять черту! — приказал Альберт. — Выполнять приказ.

Инквизитор-самоучка не мог встать на ноги, поэтому полз... Альберт подошел к нему, наклонился и сорвал с пострадавшего маску. Под маской прятался дрожащий парень лет шестнадцати...

— Не убивайте меня... — простонал доморощенный инквизитор, пытаясь отползти. — Не убивайте... Пощадите... Я не хотел... Мама! Мамочка! Помогите!

В толпе взвизгнула какая-то женщина, пробиваясь вперед.

— Не убивайте его! Это — мой сын! Он же еще ребенок! — орала она, падая на колени возле черты. — Молю вас! Не убивайте его! Накажите, но не убивайте! Я прошу... Как мать...

«Кто-то на утреннике — зайчик, кто-то — волк, а я у мамы — белый инквизитор!» — простонал Опыт. — «Мама! Держи простыню! Пошей мне плащ, пока я буду маску из папье-маше делать!»

Альберт посмотрел на мальчишку. Одно движение и доморощенный инквизитор упал на землю со сломанной шеей. Нечеловеческий визг матери заглушил даже возглас

шокированной толпы. Альберт переступил через труп.

— Я же сказал десять лет назад. Только посмейте, — произнес Альберт, глядя на мать, которая билась в истерике. — Как воспитала, так и похоронишь.

Я попыталась встать, но стоило мне шевельнуться, Боня молниеносно бросился в мою сторону.

— Тварь! Нельзя! — заорал Альберт, моментально делая еще одну черту между Боней и мной. — За черту не заступать!

Боня успокоился на полпути, наткнувшись на светящееся препятствие в виде черты, зато мое сердце еще убегало куда-то без оглядки... Воспользовавшись заминкой, несколько белых инквизиторов попытались пойти в атаку, но Боня настиг их в три прыжка и растерзал прямо в своей «буферной зоне». Я заметила, что пока Альберт говорил, две огненных змеи поползли наперегонки дальше, беря в кольцо и плотно сжимая толпу. Судя по лицам, пока сжималось кольцо, у людей тоже что-то сжалось... Явно не сердце. Получилось два кольца. Внутреннее и внешнее. Во внутреннем стояли люди, по внешнему шел Боня.

Толпа чувствовала себя, как селетки в бочке, тесно прижавшись друг к другу, боясь переступить черту. Раньше я думала, что их тут человек триста, а после того, как кольцо плотно сжалось, стало казаться, что сотня, не больше.

«В нашем общежитии — внеплановое уплотнение!» — икнул Опыт. Я прокашлялась.

Как-то непривычно видеть Боню таким послушным... «Представляешь, что будет, если сказать Альберту про битого зайца и гипотетическое умение зажигать спички? Готов поспорить, он с интересом посмотрит на спички, на зайца и загадочно промолчит. А через месяц под его чутким руководством заяц будет профессионально тушить пожары!» — усмехнулся Опыт, обнимая свою Любовь.

— Тварь! Патрулируй! — заорал Альберт, давая знак какому-то инквизитору. Тот поднял меня на руки и завернул в свой плащ, и встал рядом с Альбертом. Перед нами встал еще один инквизитор, готовый в любой момент заслонить меня от угрозы. Боня стал наворачивать круги вокруг своих «подопечных».

— А теперь все встали на колени и заложили руки за голову. Кто не сделает это — сдохнет на месте! — приказал Альберт. Толпа выдохнула. Боня оскалился, капая кровавой слюной на брусчатку.

На фоне полыхающей Академии Альберт был страшен. Черная фигура в плаще спокойно стояла перед толпой. Точнее, тут все было наоборот. Толпа стояла на коленях перед черной фигурой. Я бы в жизни не поверила, что человек час назад встал со смертного одра. Несколько гордецов долго колебались, но потом передумали героически умирать.

«Почему он не обнимет нас!» — всхлипнула Любовь, страдая неимоверно. «Потому, что малейшая слабость сейчас будет стоить ему жизни!» — ответил Опыт. — «Думаешь, народ будет, как в фильмах, утирать слезки, глядя на ваши обнимашки?»

— Опыт десятилетней давности вас ничему не научил? Полсотни трупов вас ничему не научили? Давайте повторим урок. Обещаю. Его вы запомните надолго. А некоторые навсегда. Считаю до трех. Всю белую инквизицию сюда! — я слышала голос, от которого мне самой было не по себе. Я хотела что-то сказать, но чувствовала, что от дыма потеряла голос. Я надрывно кашляла и глотала воздух. «Пока не обниму Альберта!» — напомнила я себе, чувствуя, как подплывает мое сознание, как мутнеет перед глазами.

«Игра со зрителями!» — записывал в блокнотик Опыт. — «Отличный конкурс! Для конкурса надо.... Первое... Боня.... Второе... зрители... Третье... Альберт. А можно вопрос

конкурсы на свадьбу будем делать? Или обойдемся? Это первый раз, когда я предпочту обойтись!»

— Не сдадите — сдохните все! Раз! — услышала я голос, от которого даже у меня побежали мурашки по коже. В горле нещадно першило.

— Два!

Боня уже был размером с коня. Он шел вдоль черты, заглядывая в побледневшие лица. На руке Альберта блестел браслет, а в руке была зажата маленькая чайная ложечка.

Толпа бесцеремонно вытолкнула белую инквизицию за черту.

— Это все? Если я узнаю, что вы кого-то скрываете, умрут все! Найду хоть одну сорванную маску — пеняйте на себя! — спокойно произнес Альберт, глядя на коленопреклоненную толпу. Боня остановил взгляд на каком-то белом инквизиторе, который пытался бежать.

— Три! Тварь, убить белых! — я не узнавала человека, с которым живу. Позади толпы стоял Освальд и несколько магов, перекрывая путь к отступлению.

— Поща...

Боня бросился на белые плащи. Жуткое зрелище...

«Мятеж не может кончиться удачей, покуда власть давать умеет сдачи!» — прошептал демон, глядя на меня.

— Помните, от смерти вас спасает только эта черта, — произнес Альберт, глядя на Боню, который наворачивал круги вокруг перепуганных, коленопреклоненных «селедок».

— Или мне сделать кольцо еще плотнее? — поинтересовался Альберт, вскидывая голову. Одно движение руки и появился маленький проход.

— Выходи по одному. Освальд, следи, чтобы с той стороны не прорвались... Если дернуться — убивай на месте. Называем фамилию, имя, адрес. Быстро! — произнес Альберт. В руках одного из сопровождающих Альберта появилась бумага и ручка. Одно движение руки и первый лист взлетел в воздух вместе с ручкой.

— Маргарет Флетчер, — тихо произнесла прилично одетая, но растрепанная женщина, пряча глаза... Третья сектораль, дом два... Я случайно... Я никого не убивала... Не наказывайте меня... Я просто брата своего искала... Думала он здесь... Френк! Фре-е-енк!

— Заткнись. Следующий! Громко и четко! — скомандовал Альберт, заложив руки за спину.

— Д...Дэниэль Кросс... — прокашлялся парень. — Двенадцатая сектораль, дом пятнадцать...

Ручка парила в воздухе, записывая фамилии и адреса.

— Виктор Ленготт, — произнес какой-то старик, теребя в руках пуговицу и с ужасом глядя на перо. — Первая сектораль, дом шесть... Простите, я просто случайно здесь оказался... Я никого не уби...

— Заткнись! — процедил Альберт, сверкая глазами. Он сам еле стоял на ногах. Я отчетливо видела, как он едва заметно покачивается. — Следующий! Те, кто назвал фамилии, могут идти домой. Завтра утром собираетесь в том же составе. Будете своими руками восстанавливать то, что разрушили. Без скидки на пол, возраст и состояние здоровья.

— Уилма Смитт, — прошептала какая-то молодая женщина, теребя дрожащими руками платок. — Восьмая сектораль, дом десять. Я здесь случайно... Вы не подумайте... Я не.... У меня двое детей... Мне не на кого их оставить.... Я не смогу завтра...

— Не на кого оставить? — осведомился Альберт. При мысли, что ему тяжело стоять, у

меня чуть не разорвалось сердце. — Нашла на кого оставить сегодня — найдешь и завтра. Никаких отговорок. Мне плевать на ваши проблемы. В том числе и на те, которые будут у вас в случае неявки. Никаких поблажек!

— Дамиэн Вилленгтон... — молодой мужчина задыхался от ужаса, глядя, как мимо него прошел Боня, охраняя, вверенный ему объект. — Пятая сектораль... Дом... дом... восемь... У меня жена умирает... кровью кашляет... ей совсем плохо... Я не...

— В Лечебницу ее! — произнес Альберт, сглатывая и делая над собой усилие — Я как закончу с вами, отдам распоряжение об оказании помощи пострадавшим.

— А можно быстрее! — взмолился Дамиэн. — Пожалуйста! Ей очень плохо! У нас пятеро детей...

— Быстрее? — переспросил Альберт, поднимая брови. Ему бы еще немного полежать... Да что это за мучение смотреть на него, понимая, что ему самому нехорошо. — Вас ведь так много. Пока всех не перепишем, помощи не будет. Пиала у меня! Дальше! Родственники пострадавших — выходят из круга в первую очередь. Называют не только свое имя, но и имя пострадавшего. Составляйте второй список. Продолжайте!

Альберт прокашлялся, а я с ужасом ждала, что сейчас по его подбородку побежит кровь. Но крови не было. Это все едкий дым горящей Академии...

— Осмотри жертв! — кивнул он одному из своей свиты. — Анабель в пер...

— Нет... — просипела я, пытаюсь протянуть к нему больную руку. — Там девушке — магу очень плохо... Меня потом... Я еще могу немного потерпеть, а она умрет, если ей не помогут...

У кого-то парня из толпы не выдержали нервы, и он попытался бежать. В два прыжка его настиг Боня и просто растерзал его на глазах испуганной толпы.

— Я предупреждал! — произнес Альберт, глядя на растерзанное тело.

Девушка — маг, которую я видела, когда меня тащили сюда, лежала пластом, вся в крови, едва шевеля пальцами руки... Не дотащили до костра... Не успели... Целитель водил светящейся рукой по ее ногам, а потом по разбитому лицу.

Перепись населения продолжалась. Альберт вздохнул и протянул руки в мою сторону. Инквизитор, державший меня на руках, передал меня. Я была бы рада обнять Альберта, но левая рука не поднималась. Закон подлости... Я скривилась, пытаюсь сделать над собой усилие и поднять левую руку, а вместо этого застонала.

— Бросай мага. Не умрет... Быстро займись Анабель... Быстро снимите боль... Я не могу видеть, как она страдает... — приказал Альберт, глядя, как девушка маг, смогла подняться на ноги. Ее забрал кто-то из магов.

Целитель подошел ко нам.

— Все, все... Все закончилась... Прости... Прости... — рука Альберта осторожно скользнула по моему плечу, а губы прижались к моему лбу. — Прости, что так поздно... Прости... Не переживай, сейчас боль снимут... Быстрее!

— Ай... — всхлипнула я, пытаюсь обнять его. Левая рука распухла и не поднималась.

— Альберт... Тебе же самому тяжело... Давай, я посижу на земле...

— Тише, тише, тише..., - я почувствовала, как его губы прикоснулись к моему лбу. Не отрывая губ от моего лба, Альберт прошептал, — Все, все... Тише... Потерпи... Я тебя больше с рук не спущу...

— И на работу будешь с собой носить? И в патруль? — всхлипнула я, глядя на целителя, который даже не знал с чего начать. — Руку... Левую... Чтобы я просто смогла обнять...

Пока мне больше ничего не надо...

Целитель положил руки на мое левое плечо. По моему телу поползло приятное тепло... Боль уходила, уступая место приятной усталости...

— Там еще нога, ребра... Да на ней почти живого места нет... Все тело синяки, ссадины и ушибы... - произнес целитель. Альберт сглотнул и простонал.

— Не переживай, — лепетала я, положив голову ему на плечо, чувствуя, что не могу остановиться. — Я уже сегодня один раз ломала руку... Ничего. Исцелили... Ножом пырнули. Но не переживай. Просто царапина. Успела увернуться... На костре меня жгли два раза... Одного раза оказалось недостаточно... Представь себе! Жгут, жгут, а я не горю... Из-за медальона Эрвилла... А нет! Три раза... Если считать горящий дом, то три раза...

— Еще немного не шевелитесь.... - произнес целитель, снова положив руку мне на плечо.

— Рэй Паркер! Первая сектораль, дом сорок три...

Из круга выходили один за другим люди, прятали глаза, мялись и называли своим имена-фамилии. Они старались не смотреть на горящую Академию, старались не смотреть на чье-то обгоревшее тело, привязанное к шесту.

— Джон Тейлор... Одиннадцатая сектораль, дом пять...

Они старались не смотреть на груды сломанной мебели, которую выволокли из Академии, на разбитые парты, разорванные учебники.

— Уолтер Уэсли... Вторая сектораль, дом двадцать. Просто двадцать.

Они опускали глаза при виде немногочисленных магов. Уставший, как собака, Освальд поднял на руки обгоревшее тело студента, распростертого на брусчатке, посмотрел на него, а потом осторожно сложил к другим телам, среди которых было несколько черных инквизиторов, преподавателей и обгоревшее тело какого-то маленького ребенка. Сомнительно было, что пятилетний мальчик практиковал магию, но он тоже лежал на земле, обгоревший и скрюченный. Недалеко от него лежала обгоревшая женщина.

— Мэри Паркер! Шестая сектораль, дом сорок три... Джонатан Паркер. Шестая сектораль. Дом тоже... сорок три...

Я подняла глаза и увидела продавца, у которого я покупала самое вкусное в городе печенье. Того, который поджигал мой костер. О его магазинчике все знали. Дети со всех секторалей его просто обожали и постоянно тянули взрослых за руку, требуя купить сладости. В магазине всегда была огромная очередь, которую стоило выстоять, чтобы побаловать себя вкусняшкой. Мальчик, которому он еще вчера отвешивал печенье и заворачивал его в бумажный пакетик, погладив по голове: "Кушай на здоровье и расти большой!", лежал среди мертвых тел. Он уже никогда не вырастет.

— Льюис Флинт! Третья сектораль, дом тридцать восемь... Простите, моей дочери плохо... Запишите ее имя... Элиза Флинт...

Толпа не знает слов «стыд», «совесть», «жалость». Ей так же не знакомо такое понятие, как здравый смысл. Она знает два слова «страх» и «смерть». И Альберт разговаривал с ними на их языке.

— Винсент Клэй... Вторая... Простите, пятая сектораль, дом девятнадцать... Я просто недавно переехал...

Я шевельнула пальцами левой руки, слегка приподняла ее, чувствуя, что рука больше не болит. Я обняла Альберта за шею, вдыхая запах его волос и целуя его щеку. Потершись носом о его щеку, тяжело вздыхая, я почувствовала, что силы меня покидают... Я положила голову

ему на плечо и провалилась в темноту, не разжимая рук. Я боюсь, что если вдруг разожму их, то Альберт исчезнет. Не исчезай, пожалуйста... Я прошу тебя... Не исчезай...

Глава двадцать шестая... когда речь заходит о любви, закон бессилён

«У меня ж опыта больше!»

Фразы, которые нужно говорить членораздельно. Том 1.

Меня подлатали так, что я с нескрываемым удивлением рассматривала исцелённые конечности. Ни синяка, ни ссадины, ни царапины... Я не знаю, сколько целителей работало над тем, чтобы вернуть мне прежний товарный вид, но постарались они на славу, как кузовщики, умеющие собирать из двух битых машин одну небитую, да так, что ни одно СТО не догадается. Я лежала в чистой и новой ночной рубашечке, под белоснежным, теплым одеяльцем, обнимая мягкую и неимоверно притягательную подушечку, и млела от восторга. По мне моей спине осторожно скользнули чьи-то пальцы. Я простонала от наслаждения, жмурясь, как кошка на солнышке, и развернулась. Часы показывали пять часов утра. А Опыт показывал им язык. Альберт запустил руку сразу ко мне под одеяло, проверяя целостность того самого места, от которого у меня отлегло совсем недавно, но, судя по всем, ненадолго.

— Ну? Кто первый кого наказывать будет? — с улыбкой спросила я, запуская руку в длинные волосы, а потом поправляя его расстегнутую и перекрученную рубашку.

— То есть ты думаешь, что я буду тебя наказывать? — спросил он, подлезая поближе. Моя рука скользнула между рубашкой и телом

— Не думаю. Так, надеюсь... — вздохнула я, изучая пальцами изумительно нежный прогиб любимой спины. — Думаю, что заслужила ма-а-аленькое, но очень приятное наказание...

Альберт смотрел на меня, положив руку мне на бедро.

— Или не заслужила? — я подняла брови. — Или мое страшное... Да что там страшное! Ужасное преступление сойдет мне с рук? Неужели канцлер от инквизиции решил помиловать преступницу? Неужели мне светит не только солнышко, но и амнистия?

— О чем ты говоришь? — прошептал Альберт, приподнимаясь на руке. — Никакой амнистии... Как ты можешь говорить такое правосудию... Каждое твое слово будет использовано против тебя...

— Многоуважаемое правосудие, — коварно заметила я, чувствуя, как меня осторожно укладывают на спину и стягивают с меня одеяло. — Каждое ваше слово будет использовано против вас в статье... Поцелуйте меня...

Меня с наслаждением наказывали поцелуем, а я чувствовала, как по моему лицу скользят волосы. Через десять минут я вошла во вкус и стала настоящей преступницей, за что понесла заслуженное наказание. С законом у меня проблем нет. Это у закона со мной проблемы... Потом я отважилась на рецидив, прослав злостной рецидивисткой, заработав себе еще один допрос с пристрастием.

— А теперь чистосердечное признание. Я люблю тебя... — вздохнула я, прижимая его голову к своей груди и нащупав рукой на подушке смятую рубашку. Его или моя, я еще не выяснила, и до восьми утра выяснять не хочу.

— А теперь выслушай приговор, — услышала я вздох. — Я люблю тебя. И никакой амнистии! У тебя пожизненное заключение. Приговор вступит в окончательную силу, как только в городе будет наведен порядок. И теперь у меня вопрос. Как лучше его огласить? По традиции немагов или по традиции магов? Я все-таки склоняюсь к традициям магов.

— В качестве акции устрашения? — улыбнулась я, пряча улыбку в его волосы. — Или рассчитываешь, что тебе все-таки дадут твой заслуженный диплом в качестве свадебного подарка?

И тут же я погрузилась, вспоминая все, что произошло не только на моих глазах, но и с моим непосредственным участием.

— Альберт... Как мне теперь смотреть на людей? — спросила я, перебирая длинные волосы и красиво раскладывая их у него на спине.

— Смотри, как обычно. Как я смотрю на них десять лет подряд, — ответил Альберт, проводя пальцами по моей коленке. Когда Альберт лично раздел меня дома, ему стало плохо. Он покачнулся, глядя на запекшуюся кровь, ссадины и многочисленные огромные синяки, гематомы и припухлости ушибов. Ничего. Магия умеет творить настоящие чудеса, если хочет...

— Что случилось десять лет назад? — спросила я, обнимая его голову.

— Ничего интересного, — проворчал Альберт. — Началась эпидемия. От нее слег и благополучно умер старый припадочный канцлер. Люди заподозрили магию. Нас, штрафной патруль из двадцати человек, не угодивших поведением и происхождением, бросили на защиту Академии. Толпа собралась на штурм, старый канцлер от магии трясся в своем кабинете, напуганные студенты и преподаватели тряслись в аудиториях, боясь усугубить ситуацию, которую усугублять было бессмысленно. Погромы, грабежи, убийства. Толпа подошла вплотную к Академии. Наше начальство решило, что можно все решить мирно. Бернса просто растерзали, даже не дослушав, хотя начинал он очень интересно и познавательно. Не знаю, как других, но меня ситуация возмутила. Учитывая ошибки начальства, я вспомнил, чему меня учили и начал свои переговоры. Меня поддержали. В тот день мы навели порядки на улицах. К нам присоединились другие инквизиторы. Вот так и получилось... С утра вышел из инквизиционного корпуса — обычным патрульным-штрафником, вечером вернулся новым канцлером от инквизиции с полусотней трупов на совести и списками тех, кто будет восстанавливать город.

— А пиала? — спросила я, представляя такое «боевое крещение».

— Маги не любят делиться артефактами. А поскольку я учился в Академии, я знал о ней. На правах канцлера я пришел в кабинет к канцлеру от магии и выставил свои требования. Им пришлось пойти на встречу.... Так! Повернись на живот. Где твоя особая примета?

— Откуда ты знал про нее раньше? — спросила я, вспоминая все виденные мною рисунки и переворачиваясь. Что-то я не видела на них «особой приметы»!

— Я и не знал. Это был сарказм. Я просто в тот момент был немного зол на мисс Чтс Ни День, То Неприятности. И мне нужно было указать в графе «особые приметы» хоть какую-нибудь правдоподобную информацию, которой на тот момент я не располагал, — услышала я, закусывая губу от возмущения. — Графа обязательна для заполнения.

— Бюрократ, — фыркнула я в подушку.

— И вот теперь я лежу и думаю... А ведь я был очень близок к истине... — услышала я голос, сопровождаемый поглаживанием «особой приметы».

Мы оделись, позавтракали. Альберт собирался на работу, а мне предстояло сидеть дома. Я наказана. И тут в дверь постучали.

На пороге стоял Марко. На нем была знакомая рубашка. Я прищурилась.

— Извините, миссис Бэнгз сообщила, что вы уже проснулись. Миссис Краммер, я

выполнил поручение. А теперь решил зайти и сказать, что я ухожу, — вздохнул Марко, разглаживая на себе рубашку Альберта. Мою любимую рубашку. — Я подумал, что мне лучше уйти сейчас. На первой секторали живут родственники моего отца. Я не знаю, согласятся они меня приютить или нет, но...

— Стоять. Ты хочешь сказать, — Альберт посмотрел на Марко таким взглядом, от которого бедняга вообще смутился, — что мы не найдем для тебя тарелку супа и свободную комнату? Только учти. Здесь действуют особые правила. Никакой телепортации, никакой магии без разрешения. А теперь бери ручку, бумагу и садись писать список вещей, которые тебе необходимы. Четко по пунктам. Первое, второе и третье. Когда я вернусь — список должен быть готов.

Я вздохнула, скрывая улыбку. «Заюшке» еще многое придется пережить в этом доме. Но выбрасывать «зайку» на улицу после того, что он сделал, я категорически не согласна.

«Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка...» — язвительно заметил Опыт, прижимая к себе смущенную Любовь. — «У нас намечается пополнение!»

Любовь показала округлившийся животик.

«Кого ждем?» — спросила я, удивляясь.

«Маленькое Счастье...» — вздохнула Любовь, расправляя крылья и целуя Опыт, который положил руку ей на живот. — «Не переживай. Оно будет расти с каждым днем...»

— К вам пришли! — сообщила миссис Бэнгз, приоткрывая дверь в комнату. — Они представились, как Томас Линдер и Джеральд Двейн. Они очень хотят вас видеть. Я предложила им зайти, но они сказали, что ненадолго. Они хотят, чтобы вы вышли к ним. Давайте, я помогу вам с платьем.

Через пять минут я спустилась вниз. Миссис Бэнгз открыла дверь, выпуская меня на улицу. Сделав несколько шагов, я увидела Томаса и Джеральда, облюбовавших скамейку под деревом. Томас был одет дорого и очень солидно. На нем был темно-синий редингот с красивой вышивкой на манжетах и воротнике. Джеральд был в коричневом свитере, из ворота которого торчал почему-то один уголок воротника. Второй стыдливо прятался. В руках Тома был красивый букет, который он нервно поправлял.

— Анабель! Ты жива! — крикнул Джеральд, маша мне рукой. — Ну и бабка! Кому расскажи — никто не верит, что меня чуть на тот свет не отправила старушка! Я знал, что не нравлюсь бабушкам, но чтобы настолько!

Томас подошел ко мне и заявил, что теперь он — проректор. Победил, при умопомрачительном конкурсе один человек на одно место. Работы — очень много. Академию постепенно восстанавливают. В отремонтированных аудиториях уже прошли первые занятия. И ему, Томасу, на правах проректора, дали право читать напутственное слово для первокурсников. Вместо того, чтобы рассказывать о возможностях магии, он, Томас, час рассказывал про ответственность. Том попытался мне вкратце пересказать смысл своей речи. Я пыталась подавить зевок, делая вид, что слушаю очень внимательно.

— А вот на этом месте даже я уснул, — заметил Джеральд, зевая и морща веснушчатый нос. Бедный Джеральд ходит на все «выступления» Тома, в качестве моральной поддержки. — Я держался до последнего... Вокруг все уже спали, а я стойко слушал... Не даром студенты за глаза называют Томаса — Нудотик.

— Ка-а-ак? — возмутился Том, прокашлявшись. — Почему ты мне раньше не говорил?

— Я думал, ты знаешь и уже давно смирился... — вздохнул Джеральд, усмехаясь. — Да ладно! Это еще нормальная кличка! Это намного лучше Соплемета, Мозгожуя и Книгогрыза.

— А Соплемет — это Финч, что ли? — поинтересовался Томас, заметно утешаясь «милосердием» благодарных студентов. — Это когда он начинает злиться, у него слюни во все стороны летят? И то, что он сморкается постоянно, когда нервничает?

— Угадал! — оживился Джеральд. — Ладно, мы пошли... Там еще разбирать и разбирать завалы. Помнится, когда учился, думал, как здорово, было бы, если бы Академия сгорела... Занятия бы отменили...

По просьбе Альберта я уже неделю сидела дома и откровенно скучала. От шила отлегло, поэтому душа просила работы. Письма от редактора не приходили, поэтому я решила, что уволена «задним числом». С одной стороны меня это огорчило, а с другой стороны я понимаю, что сейчас не до свежей прессы.

Альберт вошел в комнату так, словно шел убивать. Он снял маску и плащ. Я напряглась. Альберт посмотрел на меня, а потом попросил встать. Я пожала плечами и встала с кресла.

— Расставь руки, — сплотнул Альберт. Господи, что могло взволновать и возмутить моего любимого «прокурора»?

— Зачем? — удивилась я. — Ладно, расставила. Я бы тебя и так обняла. Или это моя вина? Вот такой ширины? Или ты решил мне что-то подарить?

Судя по тому, как мне приходится держать руки, мне хотят подарить шкаф. С подарками у нас тяжело... Не в плане, что мне их не дарят. Альберт потребовал написать список подарков, которые я хотела бы получить. Ему, видите ли, так проще делать сюрпризы. Я принципиально ничего писать не стала, но пообещала радоваться любому подарку, как ребенок. И вот уже радуюсь криминальному кодексу, административному кодексу, трем одинаковым золотым брошкам, подаренным в один заход и дорогой, красивой, но абсолютно неудобной ручке. Подарочная логика Альберта способна убить кого угодно. Но в отличие от других мужчин, он подходит к выбору подарка со всей серьезностью, что меня веселит неимоверно. Однажды я спросила Альберта, почему он не дарит цветы? На меня посмотрели таким взглядом, словно я случайно кого-то убила, а следы замести не успела. «Лезть под покровом ночи на клумбу и рвать цветы?» — услышала я в ответ. «А как же магазины? Там же продают цветы!» — возразила я. «То есть я должен заплатить за то, что кто-то ночью вместо меня полез на городскую клумбу и совершил административное правонарушение? Я шесть лет с этим воюю!» — услышала я ответ, понимая, что за руку пока еще никого не поймали, но идентичность букета на витрине и растительности ближайшей клумбы давно уже смущает моего «прокурора». «А я думала, они сами выращивают...» — вздохнула я. Правда, позавчера мне Альберт принес мне цветок. В горшке. Что-то мелкое и непонятное из серии «вырастет, само определиться». Зато к цветку прилагались детальные и дотошные инструкции по уходу. Обеспечить уход цветка из жизни — для меня плевое дело!

— Шире, пожалуйста, — вздохнул Альберт, закусывая губу и выводя меня из состояния приятной задумчивости. На груди у Альберта под одеждой, застегнутой на все пуговицы, висит моя золотая цепочка с буквой «А». Об этом никто не знает. И я млею от мысли о нашем маленьком секрете.

— Ну? Расставила? — я, если честно, немного не понимаю, что он имеет в виду. — И долго мне еще так стоять?

«Поставьте ноги на ширину плеч, расставьте руки! Начинаем утреннюю зарядку для тех, кто нас смотрит вечером!» — вздохнул Опыт Всей Жизни, нежно поглаживая живот Любви Всей Жизни.

— Ладно, опускай. Одевайся и иди за мной, — вздохнул Альберт, ведя меня за руку на

улицу. Если честно, то у меня не было горячего желания выходить на улицу лишний раз. Мне не хотелось смотреть на лица тех, кто еще недавно пригласил меня на шашлыки. Я шла в сопровождении инквизиции, оглядываясь по сторонам. Магазин сладостей был закрыт. Неподалеку от витрины стояла женщина в черном и несколько человек, снимающих вывеску. Мы поравнялись с ними, а я взглянула на лицо женщины. Жена продавца. При виде меня она опустила голову, делая вид, что очень занята рассматриванием пыли на подоконнике витрины... Я вопросительно посмотрела на Альберта. Он ответил мне холодным взглядом. Альберт не умеет не только выбирать подарки, но и прощать.

Миновав несколько секторалей, мы вышли к Академии, все еще сохранившей на стенах следы пожара. Я сглотнула, глядя на новую брусчатку и на ухоженные клумбы, засаженные цветами, на месте костров. Шаг замедлялся, я стала отставать, чувствуя приступ дурноты... Вот на этом самом месте я лежала, закрывая голову руками, а вот здесь лежала девушка-маг... А здесь стоял Альберт... А вот тут валялась окровавленная маска... Я точно помню...

— Остановиться! — приказал Альберт патрулю, подходя ко мне и осторожно проводя рукой по моему лицу. А вот здесь лежало тело белого инквизитора...

— Посмотри на меня... — услышала я голос. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Я с усилием оторвалась от пейзажей, навевающих целый сонм воспоминаний, которые я вряд ли бы занесла в альбомчик «Избранное».

— Посмотри на меня, — вздохнул Альберт, беря меня за подбородок и поднимая мою голову — Смотри мне в глаза и слушай... Я не хочу, чтобы ты навсегда осталась в том дне. Не отводи глаза. Смотри на меня внимательно. Анна! Я кому говорю! Тот день прошел. Мы его пережили. Мы живем дальше. И не надо каждый раз думать о нем. Не прячь глаза. Смотри людям в глаза. Смотри пристально. И жди, когда они сами отведут взгляд. Я десять лет так делаю.

Я вздохнула и простонала, глядя в светло-карие, почти желтые глаза. «Привычка свыше нам дана. Замена счастию она!». А я-то гадала, почему он так на всех смотрит. Еще бы!.. Ой! А что это стоит перед Академией? Статуя? Это что еще за...

Прямо перед входом в Академию стояла статуя, от которой мне стало слегка дурно...

«Кхе-е-е-е!» — подавился Опыт. «Мамочки!» — простонала Любовь, закрывая глаза. «Это все ты!» — вздохнул Опыт. — «Народная Любовь!». «Что? Я — Народная? С каких это пор? Ты не путай! Я Любовь Всей Жизни!» — возмутилась Любовь.

Перед нами стояла я. В камне и в мой полный рост. С широко раздвинутыми... нет, слава богу, не ногами... Руками. Ноги были просто расставлены. «Удар! Поймала!»

— заорал Опыт, прыгая на диване в протертых штанах. Рядом стояла округлившаяся Любовь, в домашнем халате, сложив крылья с тарелкой и ложечкой. — «Ты видела, Любимая! Видела! Ничего себе! Думал, что выше ворот пройдет! Вратарь — вообще молодец!». «Включи сериал! Или мелодраму какую-нибудь!» — вздохнула Любовь, доедая содержимое тарелки.

— А...А...Альберт... — я повернула голову и так и эдак, чтобы понять, за что меня так изувечили...тьфу ты, простите, увековечили! Мой взгляд был решителен и суров, лицо было преисполнено отваги и мужества.

«Посторонним «В»!» — икнул Опыт, ведя свою Любовь на выставку современного искусства. — «Решили сэкономить на вахтерше! Слабонервным вход воспрещен! Враг не пройдет!». «Обнимашки?» — предположила Любовь, разглядывая экспонат.

— «Милости просим, ждем вас с распростертыми объятиями!». «Приходите к нам

учиться, только, чур, не материться!» — предположил Опыт. «А очень хочется!» — всхлипнула я.

Я сглотнула... Ладно, этот момент мы выясним. Смутило меня платье! Одета я была по последней магической моде. Причем, настолько последней, что моя оголенная и почему-то кривая нога торчала из выреза, доходившего аж до выпирающей бедренной косточки. Декольте доходило аж до пупка, обнажая соблазнительные формы. Сверившись взглядом с оригиналом, я немного загордилась.

На всякий случай я рискнула обойти статую. Оголенная спина и... простите, трусов и панталон скульптор не предусмотрел, в целях экономии материала. Вырез на спине доходил до того, места, где у меня гипотетически торчит шило, слегка приоткрывая завесу между двумя округлыми тайнами. Безвестный, очень отважный... я взглянула на Альберта... и бессмертный скульптор воплотил все свои эротические фантазии. Я даже заглянула себе под юбку.

— Ты что делаешь! — простонал Альберт, оглядываясь по сторонам.

— Проверяю, все ли там не месте! — простонала я. — Альберт... За что?

— Внизу написано, — произнес Альберт. Это было сказано таким голосом, что мне вдруг стало понятно, что в списках пострадавших специально оставят местечко для еще одной фамилии. У творца этого монумента есть все шансы заскочить в последний вагон репрессий.

Я наклонилась к постаменту, на котором был установлен памятник, и прочитала меленькую надпись: «Миссис Краммер (Анабель Эрланс), защищающая Академию. Статуя установлена за особые заслуги перед Академией и магией в целом». Короче. Помним, любим, бдим!

Опыт и Любовь переглянулись. «А судя по платью — за особые услуги!» — простонал Опыт, глядя на мой прикид. Альберт смотрел на памятник, а потом переводил взгляд на «натурщицу», которая не настолько отважная, чтобы позировать в такой одежде.

— А можно его как-нибудь убрать? — с надеждой спросила я. Альберт посмотрел на меня так, словно мысленно оторвал руки скульптору и теперь прикидывает, выбросить их или оставить в качестве вещественного доказательства преступления.

«Оторвал от тела — приложил к делу! Портрет на память! На фоне статуи!» — прокашлялся Опыт, прикидывая полагаются ли нам дивиденды от народной любви.

Мы немного отошли. Сначала просто отошли от памятника, а потом и от впечатления. Патруль стоял чуть дальше, внимательно следя за студентами, которые спешили на занятия. Пусть Академия еще до конца не восстановлена, но это же не повод устраивать каникулы?

— Что они делают? — захлебнулась слюной я, глядя, как каждый студент считает своим долгом либо поздороваться со мной за руку, либо обнять меня. Молодые люди, воровато оглядываясь, натирали мне до блеска грудь, с явным восторгом и наслаждением.

— Сейчас спустится Освальд. Заходить в Академию я не буду и тебе не позволю, пока не будет уверенности в том, что потолки не рухнут, а стены не сложаются, — вздохнул Альберт, глядя, как очередной студент, положил руку на мою левую грудь, перед тем как зайти в стены родной альма-матер.

— Ты расстроился, что тебе памятник не поставили? — спросила я, глядя, как бессовестные студенты тискают меня и снова натирают мне грудь, пожимая мою бронзовую руку в качестве приветствия. — Понимаешь, ты — большой... На тебя много материала надо... Из двух зол они выбрали меньшее. Меня... И на белье сэкономили... А давай так! Я

отвлекаю внимание, а ты тихонечко меня заклинанием «тынь» и все! Как тебе идея? А потом мы с тобой делаем вид, что совершенно не при чем! Если что — вали все на меня!

— Ты предлагаешь, чтобы я направил заклинание в отвратительно сделанную статую любимой женщины? — спросил Альберт. — Это раз. Второе. Вот до этой клумбы...

Я еще раз взглянула на клумбу, быстро воздвигнутую на месте колумбария.

— ...территория Академии. По градостроительной документации они имеют право устанавливать на ней все, что хотят, — закончил свою мысль Альберт, глядя как очередной студент мужского пола потерялся о мою грудь, а потом зашел в Академию, преисполненный счастья. Студенты женского пола просто жали мне руку и целовали в щеку, перед тем, как скрыться в величественном, но не до конца отреставрированном здании.

Я нетерпеливо перекатывалась с носочков на пяточки, повиснув на руке Альберта и жалобно глядя на него.

— А можно запретить им прикасаться к статуе? — поинтересовалась я, стараясь не смотреть на свои кривые и... почему-то босые ноги. На обувь тоже материала не хватило? «Получила по заслугам за недавние заслуги!» — сардонически улыбнулся Опыт.

Освальд вышел в сопровождении свиты. Завидев нас, он вздохнул и подошел. Альберт стоял, заложил руки за спину. Судя по тому, как он держал их, правая рука хотела дать кому-то в морду-лица, а левая ее удерживала от «увековечивания» чужой физиономии.

— Объяснения, — произнес Альберт, снова глядя, как мою грудь полирует до блеска какой-то щуплый маг. — Я требую объяснений.

Какая-то девушка поцеловала меня в щеку и зашла в Академию.

— На территории Академии мы имеем право устанавливать все, что захотим. Вот и все объяснения. По просьбам студентов и преподавателей, спасенных миссис Краммер, мы установили ей памятник из редчайшего камня. Заметьте, ни один маг не удостоен чести быть увековеченным, а ваша супруга, или будущая супруга, не важно, за доблесть и мужество, была удостоена этой чести... — спокойно ответил Освальд, глядя на меня. — Поскольку миссис Краммер по восстановленным документам, закончила Академию в этом году с отличием...

Я подавилась свежеполученной информацией. Левая рука Альберта удерживала правую изо всех сил.

мы просим ее подняться наверх и получить диплом, который ей вручат в торжественной обстановке. Вы тоже можете поприсутствовать при вручении.

Никогда еще Освальд не был так близок к тому, чтобы его памятник был установлен рядом с моим. Только с одной разницей. Ему — посмертно.

— Мы так же просим поприсутствовать на открытии стенда в ее честь. Мы взяли портрет с листовки... — начала женщина маг, поправляя медальоны на груди. — Нам он очень понравился. У нас просто текста много, а картинок пока мало. И мы хотели бы уточнить у инквизиции имя художника, чтобы заказать портрет побольше. Если вы его увидите, то передайте, что мы хорошо заплатим.

«Заплатят... За все заплатят!» — согласился Опыт, глядя, как Альберт шумно вдыхает, а потом медленно выдыхает.

Я стояла, прислонившись к колонне, и сжимала планшет. За круглым столом Зала Совета сидел Альберт, который потом вечером отдаст мне свои «вопросы» и Освальд, который отдаст мне свои «вопросы» на выходе, потому, что в противном случае у него не будет выхода.

«Горькая правда» снова заработала. И теперь нужно что-то написать про Совет, а у меня нет вдохновения. Раньше я писала для людей, надеялась, что им будет интересно, а теперь понимаю, что развлекать и информировать тех, кто месяц назад хотел моей смерти, мне не хочется. Нет, я, конечно, напишу статью... Перепишу из протоколов.

Казалось бы, если нет вдохновения, зачем переводить чернила? Но дома я чувствую, как кисну и плесневею. Не тот я человек, которого устроит поход в магазин и обратно. Свадебная церемония прошла скромно. В узком кругу близких людей. На ней присутствовали Томас, Джеральд, Марко, миссис Бэнгз, Освальд и десять инквизиторов, которые защищали Альберта до конца. Без масок. Я долго смотрела на одно лицо, которое мне показалось знакомым.

— Я видела вас раньше, — заметила я, подозрительно глядя на молодого человека.

— Миссис Краммер, — вздохнул парень, подходя ко мне. — Это я держал вас на руках в тот день...

— Нет, раньше! — покачала головой я. — Я не помню где... Просто лицо знакомое...

— Может быть, встречали в городе? Я недавно работаю в инквизиции! — ответил парень.

— А... Ну может быть... — протянула я, с сожалением думая о своей дырявой, как дуршлаг памяти.

— Просто до этого я лежал в Лечебнице... — вздохнул парень. — Мне так сказали...

И пока кто-то нежданно — негаданно устраивается на работу в инквизиции в состоянии овоща, меня не берут ни под каким соусом. Я даже ходила на собеседование к непосредственному руководителю. Попасть на работу через постель у меня, как ни странно, не получилось. Даже массаж не склонил моего потенциального работодателя в сторону «да», не смотря на все мои усилия. Под конец собеседования мне сообщили следующее: «Дома поговорим». Зато попила чая с печеньем. Не таким вкусным, как раньше. Другим. Но оно, по крайней мере, не отдавало горелым.

Неподалеку от меня зевала разодетая журналистка «Магического Вестника», а недалеко от нее разглядывал потолок унылый журналист «Справедливости и закона». Они поглядывали на меня с завистью. К концу заседания у меня будет сразу два протокола, а у них по одному.

Единственное, что предложил мне мой «потенциальный работодатель», после массажа, так это работу в «Справедливости и законе». Я фыркнула. Вне зависимости от результатов собеседования, свою порцию любви и обожания мой несостоявшийся работодатель получил с лихвой и от чистого сердца. Если бы меня взяли на работу, то это был бы первый случай в моей жизни, когда я любила бы свое начальство нежной, чистой и искренней любовью...

Делегация магов помолодела. Стариков среди них не было. Среди «делегатов» стоял Томас Линдер, в красивом сюртуке, украшенный медальонами и амулетами на все случаи жизни. Он выглядел солидно, держался уверенно, иногда бросая на меня короткие взгляды.

— И последний вопрос, — вздохнул Освальд, обводя страдальческим взглядом всех присутствующих. — Отчитываюсь. Академия восстановлена. Работа налажена. Учебный процесс продолжается. Я сделал все, что мог... А теперь я поднимаю вопрос об отставке... Я хочу заняться научной работой, до которой у меня уже три года руки не доходят! И вообще, я просто устал. Это — не мое. Что бы ты ни говорил, Альберт, это — не мое. В связи с чем, я требую перевыборов канцлера от магии в присутствии инквизиции. Право голоса имеют только члены совета. Ваши предложения?

— Адам Флинч? — спросила какая-то мадам, поигрывая медальоном и глазами указывая на лысеющего мага в зеленом.

— Да вы что! — позеленел в тон костюма «самозадвиженец». — У меня семья. Я не могу! Я предлагаю... Я предлагаю... Чарльза Коэна! О! Он у нас холост, молод... здоров... Пока что... Вот, пусть он и будет! Кто «за»? Я «за»!

— А что сразу Коэн? Что сразу я? — возмутился молодой светловолосый маг. — У меня что? На лбу написано: «Хочу быть канцлером!». Тем более, я неопытный, у меня нет...хм... рекомендаций... Кхе... Даже заслуг особых нет... Так что... эм... Может, Эльма Тетчер?

— Нет, нет, нет, — произнесла молодая мадам в красном платье с очень волнующим разрезом. — У меня здоровье слабое. Я до сих пор не отошла от того, что всем нам пришлось пережить... Я все воспринимаю близко к сердцу!

Пока «самозадвиженцы» переводили стрелки, Освальд смотрел на них с такой мольбой. Альберт откинулся на спинку кресла, снял очки и украдкой зевнул. Я тоже зевнула в ответ, прижимая планшет к груди.

— Да напишем мы вам рекомендации! Хоть сейчас! — раздавались крики. — Несите ручку и бумагу!.. Хватит меня выставлять крайним!.. Ты не переживай, мы тебе будем помогать! Поддерживать, так сказать... Понимаю, придется вставать среди ночи, а что поделаешь? Работа такая! Я, например, среди ночи раза три встаю!.. Нет! Не смотрите на меня так! Я же сказал «нет»!.. Хватит... а как на счет прежних заслуг... больше всех заслужил... Да прекратите вы наконец! Хватит орать мне на ухо! Я скоро оглохну!.. Попробуйте только!.. Краммер меня просто испепелит... Ты что? За меня голосуешь? А ну быстро опустил руку!

Я снова зевнула, глядя на Альберта, который скрестил руки и терпеливо ждал, чем закончатся «выборы». Судя по взгляду, он уже прикидывал, кого он будет будить среди ночи.

— ... Слушайте, а точно... — зашевелилась магическая делегация, понизив тон. нигде же не написано... В уставе тоже не упоминается... И заслуги... Точно! И далеко ходить не надо... Слу-у-ушайте! Это просто... А вы представляете... Ой-ой- ой! Не представляю... А ремонт! Вы представляете... Да!

Маги внезапно притихли, а потом повернулись к инквизиции.

— Мы определились с кандидатурой. Единогласно, — покачнулся на носках маг в зеленом, потирая вспотевшую лысину. Рожи у магов были довольные, словно они только что получили деньги на ремонт своей многострадальной канализации и несуществующего этажа. — Мы голосуем за Анабель Эрланс! Или за миссис Краммер! Она — дипломированный маг. Закончила с отличием. Есть научная работа... Так сказать, прорыв в науке... Заклинание телепортации в нарушении всех законов. Считайте, это — новая страница в магии! Мы еще подумаем, как его назвать. Эрланс-Краммер, или Краммер-Эрланс. Есть так же не магические, но очень веские заслуги... Кто за?

Все дружно подняли руки вверх. Освальд закашлялся и обернулся. Альберт перевел свой взгляд с довольных магов в мою сторону. Я посмотрела на магов, все еще единогласно голосующих за мою кандидатуру, потом перевела взгляд на Альберта, который буквально час назад сообщил мне, что на работу он меня таки не берет, не смотря на мое хотение, стремление и умения.

Альберт отрицательно качал головой, не сводя с меня глаз. Я вздохнула и закусил губу. Такой шанс выпадает раз в жизни... Мммм... А в Лечебнице поставим ящик для жалоб... Отличная мысль. Можно так же попробовать сделать информационный стенд для

пациентов, чтобы они знали свои права. И в Академии вместо стендов со стишками про «быть магом — это круто!», установить стенды «сила — это ответственность!»

— Хорошо. Я согласна, — ответила я, разворачиваясь и направляясь к выходу. — Завтра я приступаю к работе.

— Хвала Арадалу! — выдохнули маги. — Заседание окончено! Фух...

— Стоять! — услышала я голос Альберта. Ага, сейчас любовь моя побежит мне предлагать все вакансии инквизиции в ассортименте. — Анна! Стоять!

— Дома поговорим! — ответила я, разворачиваясь и улыбаясь. А что? Инквизицию возглавляет маг. Что мешает немагу возглавить магию?

Понимаю, что в семье одного канцлера было бы вполне достаточно, но что поделаешь... Разложив все по полочкам, взвесив все «за» и «против», Альберт вздохнул и закрыл лицо руками.

— Что скажешь? — поинтересовалась я, глядя, как он повел плечами. Еще раз повел... Понятно. Мне тут на что-то намекают... Я с удовольствием стала гладить и расправлять любимую спину, иногда прислоняясь к нему и вдыхая запах его волос.

— Я к тебе три раза на собеседование ходила! И упрашивала, и умоляла. Возьми меня, любовь моя, на работу! И что ты мне сказал? Хотел, чтобы я сидела дома и вышивала, вместо того, чтобы вышивать по городу!

— Ладно, — вздохнул Альберт, выгибаясь вперед, пока я впивалась пальцами в его плечи и скользила кулачком по позвоночнику. — Могло быть и хуже...

— Знаешь, я хочу с тобой посоветоваться... — вздохнула я, обнимая его сзади. — По поводу работы... У меня есть предложения по улучшению качества обслуживания пациентов Лечебницы.

«Я говорил, про хитрющее шило в попе?» — закусил губу Опыт.

— Иди ко мне... — прошептал Альберт, соглашаясь со всеми моими предложениями и находя их очень интересными. Я присела к нему на колени, щедро делясь планами на будущее...

Через полчаса тяжелый вздох — поцелуй с его стороны, довольная улыбка стали подтверждением, что мужскому коварству нет предела. Меня целовали, обнимали и прижимали к себе.

— Я просто не хочу, чтобы ты рисковала... — слышала я шепот, изумляясь, тем, что меня обвели вокруг пальца. — Ко мне недавно пришел патруль и сообщил, что моей супруге сломали руку! До того момента, пока до меня дошло, что имели в виду памятник...

— Я тут вот что подумала, — перебрила я, прижимаясь к коварному любимому. — Хорошо отлаженная система будет работать годами! И девять месяцев — работе не помеха! И скажу тебе, любовь моя, еще не факт! Так что завтра я приступаю к своим обязанностям.

Альберт простонал, уткнувшись лицом в мою грудь.

— Кстати, Джеральд рассказал про то, что когда памятник установили, кто-то пустил слух, что если пожать мне руку перед входом в Академию — преподаватель его не спросит! — заметила я, скребя пальчиками раскрытую исключительно для этих целей, ладонь любимого. — Говорят, что работает. А если поцеловать в щеку — удастся списать. Но если приложиться к левой груди... Альберт, что ты делаешь? Хватит, прекрати! Так... Я не... Ну что ты со мной делаешь? У тебя совесть есть? А если я тебя так поцелую? Ну... не надо... пожа-а-алуйста... Я требую...ам... ам. амнистии...

«Зачем учить теорию вероятности», — усмехнулся Опыт, целуя Любовь. — «если есть

закон подлости?»

— Я с тобой не разговариваю! — из комнаты слышался строгий голос Альберта. Я стояла возле приоткрытой двери, не решаясь войти. — Я тебе где сказал стоять? На безопасном расстоянии! Почему ты полез туда? Ты хочешь, чтобы я нес твой труп домой? Чтобы я потом рассказывал, как ты решил героически прикрыть всех щитом и самолично обезвредить тварь? Я в последний раз беру тебя в патруль! В последний раз!

— Мистер Краммер! — услышала я голос Марко. Говорил он спокойно, с достоинством. Для него каждый раз, как в «последний раз». Он уже привык- Я решил, что будет лучше, если возьму удар на себя. Отвлеку ее! Поверьте, если бы опасность была, я бы телепортировался. Я вообще удивлен, откуда там это чудовище! Мы же недавно патрулировали канализацию. Все было чисто! Я знаю эту канализацию, как свои пять пальцев. Не было там никого! Даже крыс! Ума ни приложу, как оно там очутилось?

— Это ты не у меня спрашивай. Сейчас придет наша канцлер от магии, вот мы у нее и поинтересуемся, откуда в канализации появилась эта тварь! Раз канцлер от магии, не смотря на наши протесты, ходит на работу, значит, мы у нее спросим! Так! Ты решил задачу? Показывай решение! — услышала я голос Альберта, который сменил гнев на милость. У меня появились шансы, что мне просто погрозят пальчиком и слегка поругают.

Заходить в комнату мне немного перехотелось. Меня там ждали два инквизитора и....

За это время мы стали воспринимать Марко, как своего. Он стал полноценным членом семьи. «Тут главное — не перехвалить!» — однажды заметил Альберт. Он гордился Марко. А Марко восхищался Альбертом. Со временем я заметила одну странную деталь, которая не ускользнула от моего женского взгляда, Марко одевался точно так же как Альберт, и даже отрастил волосы. Он перенял почти все привычки Альберта, вызывая у меня сначала скрытое раздражение, а потом умиление. Я стала присматриваться внимательней. Мне самой было интересно, чем дело кончится. Со временем я поняла, что он уже не подражает. Умение держаться, манера разговора, привычка стоять, заложив руки за спину — все это стало частью личности Марко. Seriously, однажды, я увидела Альберта, стоящего у окна в кабинете канцлера от инквизиции в своей любимой позе, а это оказался Марко. «Мистер Краммер сейчас вернется!».

Единственное, что огорчало Марко — это то, что у него нет проблем со зрением. Он с вожделением смотрел на очки Альберта и вздыхал. Зато желания учиться, было хоть отбавляй. Упорства Марко было не занимать. Я даже не знаю, кто был еще более упрямым он или его наставник, но в лице Марко Альберт получил группу поддержки. И пусть говорят, что двое против одной — это нечестно, не сомневайтесь, я просто дала моим инквизиторам фору, поигрывая ключиками к сердцу каждого. Однажды я попросила мастера сделать Марко очки с обычными стеклами. Точно такие же, как у Альберта, а потом презентовала в качестве подарка. Счастью Марко не было предела.

Альберт постоянно возмущался из-за того, что Марко всегда лез на передовую и был готов спасать всех и каждого ценой своей жизни. Привычка это делать сильно огорчала Альберта, который вынужден был его оттаскивать, ругать, отчитывать, устранять от дежурств. Не помогало. При первой же возможности рискнуть, Марко таки рисковал. На семейном совете встал вопрос об увольнении Марко из инквизиции, что для Марко было трагедией. В итоге я решила поговорить с виновником скандала. В процессе разговора

выяснилось, что дело в... фамилии и в том, что совершил его отец. Марко всеми силами пытался доказать, что он больше не сын ректора. Он — инквизитор! И его магия служит на благо! Как вы не понимаете?

Правительство обсудило этот вопрос, неоднократно обмениваясь поцелуями в знак согласия. Альберт заметил, что уже неоднократно слышал от своих подчиненных «сын ректора». Конечно, это пресекалось, наказывалось, но... Людская память очень избирательна. Она помнит только зло. Чтобы оправдать себя в своих же глазах, они свалили все на бедного Марко, вспомнив с чего все началось. Марко держался, тренируя презрительный взгляд и несвойственную для столь юного возраста выдержку. Его пытались травить в патрулях, зная, что Марко слишком горд, чтобы побежать жаловаться, и слишком дисциплинирован, чтобы ответить на провокацию. Прошное действительно тяготило его и не давало ему спокойно жить. Он чувствовал свою вину за случившееся, часто вспоминал тот злополучный день и переживал.

В итоге Альберт не выдержал. Он заявил о том, что Марко — его сын. И точка. И с этого момента носит фамилию Краммер. Но в отличие от «папы-ректора», «отец-инквизитор» гонял Марко и в хвост и в гриву, не давая спуска и поблажек. Все, что другим инквизиторам сходило с рук, Марко не прощалось никогда.

Первое время на Марко было страшно смотреть. Работа-учеба, работа-учеба. Я не выдержала и заметила, что поговорю с Альбертом. Нельзя же так издеваться над человеком! Марко возмутился, отрываясь от учебника: «Я не хочу опозорить фамилию Краммер!». И снова обложился книгами. А однажды, лежа у меня на груди, Альберт заметил, что глядя на Марко он видит себя в юности. И если бы не «отойдите, я сам справлюсь!» все было бы вообще замечательно.

Я вошла в комнату, понимая, что сейчас ко мне будет много вопросов... И пощады мне не будет. Разве что потом пожалеют. Накажут, а потом снова пожалеют... Как обычно.

Альберт сидел в кресле, разглядывая решение Марко. Марко уже получил новое задание и сидел за столом, напряженно думая и сосредоточенно что-то выписывая из книг.

Раздался звонкий голосок и топот ног. Из смежной комнаты вырвалось маленькое чудо, спасая маму от неминуемой расправы. Теория вероятности и закон подлости работают в паре. Это — трогательная попытка Альберта низвергнуть свежееизбранного канцлера от магии в декрет. «Мама! Папа! Малко! Я плюснулась!». Мисс Сто Движений в Секунду тут же схватило свою любимую игрушку — мамин старый планшет, стянуло у Марко со стола ручку, заглянуло в книги, поморщило носик, встряхнуло русыми волосами и нарисовало «каляку-маляку» на своем листочке. Критично осмотрев свою работу, мисс Я Пишу Статью Не Мешайте, добавила к «каляке-маляке» еще что-то, высунув язык от усердия.

Через пару секунд оно бросилось ко мне показывать «лаботу». Я вздохнула, глядя на планшет и корявые буквы, хаотично собранные со всего алфавита, похвалила и только хотела поцеловать... Все. Не успела! Маленькое чудо бросилось к Марко, брат «интел व्यо».

— Малко! Ты любишь папу? — поинтересовался маленький «урналистик», положив планшет на стол. Это я случайно оговорила, и теперь мы называем наше маленькое чудо «урналистиком» из-за того, что каждая бумажка превращается в «статью», а потом отправляется в корзину для бумаг. Из всех игрушек, которые у нее были, а поверьте, их было столько, что хватило бы целому детскому саду, ибо раскрутить папу на новую игрушку для нас — плевое дело, мамин старый планшет и ручка были самыми любимыми.

— Я безмерно уважаю Мистера Краммера, — начал Марко со вздохом, листая книгу и

краем глаза заглядывая в «записи» мисс Не Смотри, Я Пишу. — Я ему очень благодарен. Он стал для меня настоящим отцом. Я хочу во всем походить на него и буду стараться!

— Говоли медленней. Та-а-ак! Малко, а маму любишь? — наседа на него четырехлетний «урналистик» по имени Элизабет, названный единодушно в честь бабушки. — Малко! Отвечай!

— Да, я очень люблю Мистера и Миссис Краммер! — ответил Марко, откладывая учебник и беря на колени маленькую егозу. Но фирменная заноза, переходящая по наследству по женской линии, не дала ей усидеть на месте. Поправляя задравшуюся юбку, демонстрируя всем окружающим кружевные панталоны, Мисс Наследница Особой Приметь решила, что без внимания остался папа, в связи с чем, нужно срочно исправлять несправедливость. Вы не подумайте, что папу она любит меньше нас. Папу она любит больше всех. Она считает своим долгом оставить любимого папу на десерт.

Маленький «урналистик» бросился к папе, споткнулся о ковер и упал. Бух! Быстрее всех среагировал папа, подлетая к ней и беря ее на руки.

— Больно? — в голосе папы была вся мировая скорбь. Папа прижимал к себе свою маленькую радость и наказание по совместительству, целуя ее в висок. В этот момент в голосе папы звучали такие нотки, от которых мне становилось завидно. — Я же тебе говорил. Не нужно бегать. Я кому говорил? Кто меня не послушал и упал? Сильно больно?

— Нет! — чихнул «урналистик», обнимая папу. Все. Теперь Мисс Точная Копия Мамы пожинает плоды маминой работы над папиной психикой. Папины волосы наматываются на детские пальчики, детские губы звонко целуют папу в щеку, маленькие ручки отрывают папе пуговку, гладят его, а маленький нос тыкается в его грудь...

А лапа тает и млеет. Папа в неописуемом восторге, одергивая на Мисс Мне Щекотно платье. Только у папы на руках «урналистик» может посидеть дольше пяти минут, болтая в воздухе непоседливыми ножками в красивых туфельках. Папа вдруг вспомнил, что нам нужно тренировать букву «р». «Урналистик» порычал, глядя на папу. Все. А что вы хотели?

— Я закончил! — внезапно произнес Марко, вставая и протягивая Альберту листок. Альберт пробежал глазами решение, придерживая сползающую егозу одной рукой.

— Неправильно. Проверь. В книги не заглядывай. Ты должен знать наизусть.

Марко вздохнул, взял лист и сел проверять. «Урналистик» все-таки сполз с папиных колен, а потом подошел к Марко, дернув его за рукав. Марко наклонился. Мисс Конспирация встала на цыпочки и заявила, ничуть не понижая голос:

— Я отвлекаю папу, а ты смотлишь в книгу! Договор-р-рились?

Мама, выдыхай... Еще выдыхай... Папа уже выдыхает, теперь моя очередь.

— Як миссис! — заявил «урналистик», вылетая пулей за дверь. Ну да. Мы тут какие-то скучные... Топот детских ног по коридору закончился эпичным «Бух!». Я дернулась к двери, а потом услышала звонкое: «Все нолмально!». «Приличные девушки не бегают по коридорам!» — раздалось в ответ. — "Осторожней, я несу посуду! Скоро будем ужинать!"

— Итак, — улыбнулся Альберт, подзывая меня к себе и усаживая на свои колени. — А теперь наш маленький канцлер от магии расскажет мне, кто живет в канализации? Я так понимаю, мой хитрый канцлер от магии уже в курсе? Пусть не стесняется... А мы подскажем...

— Большой? — спросила я, чувствуя, как меня целуют в шею.

— Большой... — услышала я вздох. Эм... Большой... Хм...

— Чешуйчатый? — поинтересовалась я, перебирая в голове возможных авторов

«канализационного шедевра».

— Больше да, чем нет, — сузил Альберт круг моих «подозреваемых». Вот заразы, слили в канализацию головастика! Ничего, завтра их ждет разбор полетов.

— Но есть и хорошая новость. Инквизиция довольна вашей работой. Магических помоев обнаружено не было, — произнес Альберт, глядя меня по плечу. Я сидела и вдыхала запах его волос. Любимый запах... Внезапно раздался крик! Кричала миссис Бэнгз!

Мы втроем, чуть не поседели! Альберт поставил меня на землю. Марко метнулся к двери. Через минуту мы открыли дверь столовой, откуда доносились пронзительные вопли.

В углу сидела миссис Бэнгз и орала, рядом с ней валялись разбитые тарелки. Но это была ерунда. Посреди комнаты стояла «урналистка» а перед ней стоял Боня. Даже у меня сердце, чуть не встало.

— Альберт... — простонала я, с ужасом глядя на картину.

— Плохой! — услышала я голосок. «Урналистка» сжимала в руках папин браслет и ложку. Боня смотрел на ложку с ужасом. — Папулилуй!

«Тумс!» — Боня получил ложкой по морде. Судя по команде, просто так. Для профилактики.

— Папулилуй! — рассержено сопела «урналистка», выставив вперед ложку. — Папулилуй! Я кому говор-р-рю! Ходи туда-сюда! Папулилуй!

Альберт осторожно подошел к Мисс Что Ни День, То Что-то Новенькое, осторожно вынул у нее из рук браслет и ложку, не сводя глаз с загнанного в физический и моральный угол Бони. Через секунду Боня под дружный выдох исчез. Фу-у-ух!

— Ты где это взяла? — строго спросил папа, присаживаясь на корточки рядом с юной дрессировщицей и укротительницей крупной зубастой живности.

— У тебя в комнате! — созналась дрессировщица, ковыряя носком туфелек ковер.

— Она меня отвлекла, сказав, что кто-то пришел... Простите... Я не разрешала ей заходить в комнату... Я забыла закрыть дверь... — всхлипывала миссис Бэнгз, собирая дрожащими руками осколки тарелки.

«Урналистка» поняла всю неизбежность наказания, поэтому сложила ручки в жесте «арестуй меня» и протянула их папе. Папа арестовал «урналистку» и понес ее обратно в комнату под замок. Все, теперь она заключенная в объятия. И никуда с папиных колен не денется. Еще минут пятнадцать точно!

— На счет твари я разберусь. Я уже вычислила кто это, — вздохнула я, присаживаясь на ручку кресла и положив руку на плечи Альберта, заодно погладив по голове «урналистика», у которого тут же отлегло от особой приметы. — А, забыла сказать, у меня для тебя есть подарок!

Я достала из кармана «Диплом с отличием», где красивым почерком было выведено «Альберт Краммер». Лучше поздно, чем никогда! Альберт в свою очередь достал аккуратно сложенный листок. Я взяла его, развернула и увидела рисунок. С того самого дня, когда мы втроем, стали одной семьей, с того самого дня, когда мы чуть не потеряли друг друга, я не видела новых рисунков.

На рисунке был изображен знакомый кабинет, в котором сидел... я присмотрелась... Альберт? А рядом стояла я и целовала его. Старый рисунок.

— Нашел свой старый рисунок? — спросила я, глядя на то, с какой любовью мы смотрим друг на друга. Такое чувство, что еще немного и меня усадят себе на колени...

— Нет, — покачал головой Альберт и вздохнул. Я присмотрелась. Нет, это не Альберт.

Похож, но не он. Это... Я бросила взгляд на Марко, который сосредоточенно писал решение. Марко станет канцлером от инквизиции. Это здорово... Я очень рада. А потом я посмотрела на девушку, чтобы тут же перевести взгляд на маленького «урналистика», которая пыталась совершить побег с папиных колен.

— А ничего, что у них шестнадцать лет разницы? — спросила я шепотом, глядя на красивую пару. Разница в возрасте меня слегка смущала... Хотя, Марко — единственный, кому бы я доверила «урналистика». Ну все, укротительница, попадешь ты в лапы к правосудию. Пойдешь по стопам мамы. Воспитает тебе папа

мужа...

— Я не знаю... — вздохнул Альберт, глядя на будущего зятя. — Пусть сами решают. Но это еще не все.

Мне в руки переключался следующий рисунок.

— А это кто? — удивленно спросила я, глядя на то, как за столом сидит красивый мужчина лет тридцати. Я присмотрелась. Взгляд... Теперь понятно... Я вздохнула. Я подозревала, а тут и на узи не ходи... Кабинет был знакомый, поэтому сомнений уже не было.

Ректор Академии... Отлично, — вздохнула я, понимая, что за будущее Академии можно не волноваться. Альберт положил руку на временное убежище ректора. — А мы хоть доживем до этого дня?

— Доживем, — вздохнул Альберт, убирая волосы с моей шеи и целуя ее, и снова поглаживая будущего ректора.

«Урналистка», воспользовавшись моментом, когда папина рука решила уделить внимание маме, сползла с колен, подбежала к Марко. Она полезла к нему на колени, бодаясь головой и заглядывая в его писанину.

— Чай будете? Ужин скоро будет готов! — спросила миссис Бэнгз, заглядывая в комнату с подносом. Будем! Конечно, будем! Кружки переключались в руки. Я посмотрела на ложечку и тяжело вздохнула. Да-а-а.... Держись, Марко... Судьба тебе приготовила большой сюрприз...

— Покажи светлячка! — потребовала Мисс Непоседа, обнимая Марко и вытирая об него нос, пока он размешивал свой чай.

— Можно, Мистер Краммер? — спросил Марко, откладывая ложечку. Альберт кивнул. На ладони Марко появился светлячок, вызывая бурный детский восторг. Мисс Покажи Еще Разочек готова была расцеловать Марко, повиснув у него на шее.

— Я вот думаю, кто будет следующим канцлером от магии, — вздохнула я, поднося кружку ко рту.

— Не знаю, — отозвался Альберт, делая глоток. — Меня одно утешает, что маленькая мисс Непоседа — немаг. Я проверял. У нее нет магических способностей...

— Я тоже так могу! — шмыгнул носом «урналистик», уворачиваясь от платка, в который Марко хотел ее высморкать и слезая с его колен.

Она долго сосредоточенно смотрела на свою ладонь, морща лобик и сопя. Ничего не получалось. Марко взял кружку, украдкой любуясь маленькой непоседой.

— Получайся! — приказывала непоседа, еще сильнее хмурия лобик. — Ну! Получайся!

Она даже топнула ножкой. Мы умильно смотрели на эту картинку. Ладонка тряслась, личико было умильно-сосредоточенное.

— Получилось! Смотрите! — раздался детский возглас, а вокруг нее порхал

сорвавшийся с ее ладони светлячок.

Мама плюется чаем дальше всех. Даже дальше папы. Зато папа громче всех кашляет. Он не только кашляет, а еще и постанывает.

— Так, ложись спать! Я кому говорю! — я накрыла «урналистика» одеялом, которое она тут же скинула. — Иначе ничего рассказывать не буду!

Для нас уложить спать эту маленькую непоседу — целый ритуал. Мы с папой по очереди развлекаем ее перед сном, чтобы мисс Ну Можно Я Еще Немного Поиграю уснула. Сегодня моя очередь рассказывать сказку на ночь.

Сказки, которые мне рассказывали в детстве, тяжело вспоминались и воспринимались, потому что были далеки от ее реальности. Половину сказки мне приходилось объяснять, что такое «медведь» или «курочка». В итоге меня внимательно выслушали, все поняли и нарисовали мне хтоническое чудовище, от которого даже у Бони шерсть встала бы дыбом. Так, сказка про курочку Рябу, стала пахнуть полноценным триллером, а сказка про медведей — фильмом ужасов. Я решила не травмировать детскую психику и перекладывать знакомые сказки на понятный для ребенка лад. Но больше всего мисс Я Не Хочу Спать любила, когда я рассказывала ей о похождениях магов, которых я в свое время удачно вывела за город. Когда мне впервые рассказали эту «сказку», я чуть сама не поседела, узнав, что они сожрали и случайно сожгли половину поля, а потом долго маялись желудками и совестью. Трое магов, вопреки моему запрету, решили искупаться. Трое нырнуло, двое выплыло, третий благополучно освободил генофонд... Мораль сказки простая. Маму надо слушать! Ладно, сегодня попробуем про репку. Для разнообразия.

— Жила-была семья агромагов. И вывел агромаг новое растение и назвал его «репка», — начала я, укрывая непоседу одеялом. — Выросла репка большая — пребольшая....

— А потом плишли папа и Малко и отлафовали за лепку, — зевнул мой картавый и прагматичный не по годам «урналистик».

— Ладно, давай расскажу другую сказку. Два мага создали при помощи заклинания золотой шар. Чудесный, золотой шар... Они были уверены, что его нельзя сломать. Один маг бил его — не разбил. Второй маг бил его — не разбил....

— А потом плишли папа и Малко и лазбили, — мечтательно вздохнула мисс Я Люблю Мамины Сказки.

Но мама не сдавалась. У мамы был еще в запасе «Колобок»! Мама уселась поудобней и начала рассказывать:

— Жили-были, старенький маг и его жена. И не было у них деток... — загадочным голосом начала я. «Урналистик» внимательно слушал.

— И вот однажды они колдовали-колдовали и создали Колобка!

— Пять лет тюльмы... — грустно сообщила «урналистик», глядя на меня светлыми глазами. — Но ты пр-р-р-одолжай...

У мамы в горле ком стоял. Мама нервничала. Сейчас мама наговорит на статью. Как ни крути, получалось, что все сказки мамы пахнут уголовщиной.

— Положили они Колобка на подоконник. А он «прыг!» и ускакал. Катится колобок по первой секторали. Катится и песенку поет! — я погладила мисс Никак Не Усну по голове.

«Урналистик» смотрит на меня внимательно, но пока молчит.

— Так вот, а навстречу ему... — нараспев продолжила я.

— Патлуль! — не выдержал «урналистик», обрадовавшись тому, что колобку не

придется кататься и собирать собой мусор по всем секторалиям. Административку он себе и так заработал. Но мама — хитрая.

— Да, патруль инквизиции, — вздохнула я. — Колобок-колобок. Ты арестован! А Колобок им отвечает: «А давайте, я вам песенку спою?».

— Он дулак? — ужаснулся «урналистик», глядя на меня. — Это же тюр-р-р-рма! Штр-р-р-раф! А это было утр-р-ром или вечер-р-ром?

Мама, выдыхай... Тут дело нечисто. Я чувствую...

— А какие сказки тебе папа рассказывает? — сладенько спросила я. Ничего, сейчас все выясним! — Может, ты сама маме сказку расскажешь?

Мама легла рядом и обняла Мисс Сдадим Папу с Потрохами. Сказка про то, как мама пыталась дать папе взятку. Любимая. Сказка про то, как мама прилипла к стулу и клеила папе папки. Сказка про то, как папа посадил маму в тюрьму и кормил с ложечки. Сказка про то, как папа отмывал маму после торта. И многие другие, вызывающие у меня горячее желание поговорить с глазу на глаз с этим Оле Лукойле. Потом была сказка про двух магов, но ее я не дослушала....

Я задремала, а потом чувствую рукой, нет ребенка. Я занервничала.

— Тише! Мама устала и спит! Я маму потом заберу! — услышала я голос Альберта, набросившего на меня одеяло.

— Я люблю маму... Вот только сказки у нее не интер-р-р-ресные! — вздохнул «урналистик», целуя меня в щеку. Мама лежит, как шпион, прикинувшись бревном и ждет «интересные» папины сказки. Я чуть приоткрыла глаза и увидела, как Альберт усаживает мисс Люблю Папины Сказки себе на колени.

— Итак, что у нас тут? — загадочным голосом спрашивает Альберт, доставая бумагу.

— Лаполт! — обрадовалась наша маленькая радость и захлопала в ладоши от восторга.

— Рапорт! Ра-порт. Повтори! — услышала я голос Альберта. Я услышала раскатистое «р-р-р-р». «Р-р-рапор-р-рт!». Порычала. Молодец. — А что у нас в рапорте? Маг, живущий на третьей секторали, вместе со своим другом решили улучшить заклинание расширения пространства. В качестве подходящего места они выбрали собственный дом. Им видите — ли мало места показалось! Раздался взрыв!

— Постр-р-р-радавшие есть? — оживился и заурчал «урналистик». — Если нет, то админислативка! Ад-ми-ни-стр-р-ратив-ка! Штр-р-раф!

— Да, моя маленькая. Административная ответственность и штраф за нарушение общественного порядка. В сумме, покрывающей ущерб, причиненный городу. А теперь еще один рапорт. Один гражданин, под покровом ночи, выждав, когда пройдет патруль инквизиции, решил нарвать с городской клумбы цветы для своей супруги. Он знал, что так делать нельзя, но ему очень не хотелось покупать то, что уже было сорвано профессионалами. Гражданин залез на клумбу, стал рвать цветы. А тут идет еще один патруль...

Я сама напряглась. Сказочный подход Альберта меня только что размазал по стенке. Он просто ищет на работе интересные рапорты, несет их домой и рассказывает вместо сказок!

— Пятьсот эр-р-рлингов! — возликовала мисс Мой Папа Инквизитор. — Камер-р-ра до утр-р-р-ра! Ур-р-ра!

«А про кого ему еще рассказывать?» — удивился Опыт, играя с Счастьем, пока Любовь сидела рядом и любовалась семейной идиллией. — «Подход целиком одобряю! Кто еще ребенку про мир расскажет? Энциклопедия «Я познаю законы» работает отлично. Это у

тебя, мама, сказки — фантастические. А у папы — жизненные и поучительные! В десять лет ваша дочь сможет защитить научную степень по праву!»

Я смотрела на Опыт с тоской. Мои сказки не нужны. Я — плохая мама... Я пыталась рассказать «урналистику» сказки про магов, но на каждый волшебный чих и шмыг, у неблагодарного слушателя находилась статья и штраф.

— Тише, маму разбудишь! Анна... Ты что, не спишь? Мы тебя разбудили? — шепотом спросил Альберт, глядя, как я приоткрываю глаза. «Урналистик» перелез ко мне. В итоге мы с ней вдвоем сидели и слушали рапорты. Меня клонило в сон, но мисс Административка и Штраф Всем, успокаиваться не собиралась. Время было позднее. На часах было двенадцать ночи, мы с Альбертом просто засыпали, зато мисс Море Энергии была бодра, весела и полна сил!

— Мистер Краммер! — раздался шепот за дверью. — Я решил. У меня получился ответ как вы и говорили.

Через пять минут мы сидели вчетвером и дружно зевали. «Урналистик» быстро переключилась на Марко.

— Сейчас отправлю спать маму, а то она уже зевает, и вернусь... — вздохнул папа. Мы вышли из комнаты, потом нас отвлекла миссис Бэнгз, засыпав вопросами, что готовить на завтрак. И тут мы прислушались. Тишина. Подозрительная тишина.

Осторожно проскользнув в комнату, мы увидели, как эти двое спокойно лежат в обнимку на детской кровати. Марко спал на краю, разметав волосы по подушке и поджав под себя ноги. Это мне кровать почти по росту, а им — нет. «Урналистик» встрепенулся, поднял на нас сонные глазки и прошептал:

— Мар-р-рко спит. Тс!

А потом накрыла его одеялом, и спряталась рядом.

— А потом два мага были ошлафованы... — шептала мисс Не Видите Я Тут Сказку Рассказываю. Она зевнула. — Завтр-р-ра пр-р-родолжение...

Через минуту наши дети вместе сопели, обнимая друг друга. Я молчала. Альберт молчал. Но мы друг друга поняли.

Я почему-то вспомнила бабуку, которой тут же стало бы плохо при виде такой картинки. Кстати о бабушке. На месте моего старого дома раскинулся красивый сквер, с клумбами и скамейками. Так вот, некоторые соседи поговаривают, что ночью на лавочке видят призрачную бабушку — божий одуванчик, которая сидит и жалуется всем прохожим на свою судьбу. Сидит она всегда на одной и той же деревянной скамейке и рассказывает о том, как ей плохо, как ей одиноко, как все ее покинули. Жалуется на неблагодарных родственников. Существует легенда, что для одной из скамеек использовали уцелевшие доски моего старого дома. Странно, но за эти годы я ни разу не видела призрака. Альберт — тоже. Мы даже однажды специально ночью вышли прогуляться. Мы гуляли долго, но на скамейке так никто и не появился. Может быть, это — городская легенда, а, может, и правда. Я не знаю.

Закон подлости, который раньше казался мне карой свыше, как выяснилось — всегда работал на меня. Моя семья — тому подтверждение. Если бы не этот закон, то я никогда бы не встретила Альберта, не спасла бы ему жизнь, у нас бы не родился маленький «урналистик», к нашей семье не примкнул бы на правах полноценного члена семьи Марко. Я просто сидела бы дома за ноутбуком, писала бы унылые статьи, качалась на стуле, собирала бы магниты на холодильник и мечтала о других странах, в которых никогда не побываю. Может, было бы что-то другое, но не это. Нет, это был — не Закон Подлости. Это была

судьба, которой я премного благодарна. И как человек, и как бывший журналист.

Больше книг на сайте — Knigolub.net